Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

GRVER-01280
ΔΗΜΟΣΙΑ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ ΒΕΡΟΙΑΣ
31880

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Ν. ΔΙΑΜΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ
1951

Русскіе клады.

Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода.

Н. КОНДАКОВА,

Заслуженнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Томъ первый.

Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

На ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ
Археологической Коммиссіи.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Незабвенной памяти

Государя Императора

Александра III,

Державнаго Покровителя

русскаго искусства и науки родной старины.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ
ΥΠΟΥΡΓΕΙΟΝ ΠΟΛΙΤ. & ΕΠΙΣΤ.
ΚΕΝΤΡ. ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ ΒΕΡΟΙΑΣ

ΔΩΡΕΑ
ΝΙΚ. ΔΙΑΜΑΝΤΟΠΟΥΛΟΥ
1977

Αριθμ. εἰσαγ. _____
ἔτος _____

ΔΗΜΟΣΙΑ ΚΕΝΤΡΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ ΒΕΡΟΙΑΣ
Αριθμός Εἰσαγωγῆς: 31880
Ἡμερομηνία Εἰσαγωγῆς: 10-5-78
Ταξινομικός Ἀριθμός: 094 (λογοτεχνία)

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 1. Миніатюра изъ рукописи Іоанна Куропалата въ Національной библіотекѣ Мадрида.
Пріемъ Ольги во дворцѣ византійскаго императора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметные клады русскихъ древностей домонгольскаго періода и ихъ значеніе для русской археологіи. Необходимость изслѣдованія древностей этого періода на основаніи господствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи художественныхъ стилей. «Арабскій стиль». Орнаментика турьихъ роговъ Черниговскаго кургана. Вопросъ объ источникахъ «звѣринаго стиля». Связи древней Руси съ культурою передне-азіатскаго Востока. Арабскій стиль въ древностяхъ скандинавскихъ и отношеніе ихъ къ русскимъ. Греко-восточный стиль IX — X стол., извѣстный издревле подъ именемъ К о р с у н с к а г о. Памятники Корсунскаго дѣла въ южной Россіи. Русско-византійскія древности XI—XII столѣтія. Техника древне-русской перегородчатой эмали. Сканное дѣло въ XI и XII вѣкахъ. Сканное мастерство Мономаховой шапки и вопросъ о ея древности и происхожденіи. Необходимость изученія русско-византійскихъ древностей на основѣ древностей Византіи, какъ источника важнѣйшихъ формъ личнаго церемоніальнаго убора и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній.

Подъ именемъ *кладовъ* издавна принято разумѣть тѣ предметы матеріальной цѣнности, которые, будучи нѣкогда сокрыты въ нѣдра земли, наскоро сложенными, или тщательно спрятанными, ради сохранности, и въ надеждѣ собственника ими воспользоваться, по минованіи опасности, уцѣлѣли равно отъ расхищенія и своевременнаго вскрытія, для того, чтобы составить историческую или археологическую находку. Кладъ всегда, но для опредѣленнаго времени и мѣста, составляетъ своего рода сокровище въ собственномъ и переносномъ смыслѣ,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

но его цѣнность можетъ или быть исключительно матеріальною, если кладъ заключается въ слиткахъ и массѣ одинаковыхъ монетъ, или составить важный памятникъ древности. Именно, въ сферѣ русской древности домонгольскаго періода клады, состоящіе почти исключительно изъ предметовъ бытовыхъ и художественныхъ уборовъ и украшеній всякаго рода, являются съ такимъ особо важнымъ значеніемъ. И если извѣстная исключительность такого рода находокъ, или даже единичность по мѣстамъ (одинъ кладъ Орловской губ., одинъ—Курской, одинъ—Владимірской, одинъ—Смоленской и т. д.) останавливала доселѣ изслѣдователей русской археологіи отъ всякой попытки общаго обозрѣнія вещевыхъ кладовъ, то замѣчательные трактаты, посвященные знатоками археологіи: В. В. Стасовымъ, Д. И. Прозоровскимъ, графомъ А. С. Уваровымъ отдѣльнымъ кладамъ, казалось, достаточно обрисовали историческое значеніе каждаго клада въ отдѣльности. Однако, и теперь изученіе русскихъ кладовъ не можетъ еще считаться начатымъ, и доселѣ держится отрицательный взглядъ на самостоятельное значеніе всей группы кладовъ по отношенію къ такъ называемой доисторической древности, или, какъ въ русской археологіи уже установилось, къ древностямъ курганнымъ, точнѣе—погребальнымъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, изслѣдователи курганныхъ древностей сторонятся отъ кладовъ, отказываясь даже понимать ихъ отдѣльные предметы, относя ихъ безусловно къ позднѣйшей эпохѣ, почти отрицая связь вещей и формъ въ кладахъ и курганныхъ древностяхъ. Главный недостатокъ кладовъ, какъ памятника, полагаютъ въ случайности ихъ состава и подбора предметовъ: клады зарываются наскоро, въ суетѣ, въ страхѣ передъ нашествіемъ, пожаромъ, истребленіемъ дома и семьи, состоятъ изъ вещей, случайно попавшихъ подъ руку, разрозненныхъ, разбросанныхъ, нерѣдко лишнихъ вещей и уборовъ, не бывшихъ въ обиходѣ, не на себѣ бывшихъ, а хранившихся въ ларцѣ, часто изъ лому и браку, лежавшаго тамъ въ кучѣ. Многіе отказываются понимать неполный подборъ предметовъ, оторванныхъ отъ ихъ назначенія, насильственно рознятыхъ, лишенныхъ паръ, крючковъ, прикрѣпленій, иногда прямо брошенныхъ въ кладъ частями. Находятъ мало интереса въ предметахъ кладовъ по ихъ большей или меньшей (что, однако, не было установлено точно) одновременности — предполагается, что клады въ большинствѣ (особенно кіевскіе) зарыты наканунѣ монгольскаго раззоренія. Наконецъ обычно жалуются на дурное состояніе предметовъ, вслѣдствіе самихъ условій сокрытія вещей въ грубомъ горшкѣ, ящикѣ, въ муссорѣ двора, среди развалинъ и пр., и на дурныя условія случайной находки, при землекопныхъ и пахотныхъ работахъ, и т. д.

Но всѣ эти детальныя возраженія противъ исторической важности кладовъ, какъ бы ни были сами по себѣ вѣрны и точны, уступаютъ мѣсто тому общепризнанному факту, что клады образуютъ въ Россіи какъ бы продолженіе курганныхъ древностей, точнѣе говоря, являются со времени распространенія христіанства и исчезновенія языческихъ погребальныхъ обычаевъ, оставившихъ намъ курганы, единственными (впредь до изслѣдованія христіанскихъ могильниковъ) вещественными древностями, мѣстами уже въ эпоху XI столѣтія, мѣстами для XII и XIII вѣковъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Но такъ какъ курганная археологія, выросшая лишь въ самое послѣднее время, восприняла свой предметъ и пріемы отъ такъ называемой «доисторической археологіи» или громко именуемой «науки первобытной древности», то и естественно, что, съ трудомъ одолѣвая массу прихлынувшаго сыраго матеріала въ видѣ результатовъ повсемѣстныхъ курганныхъ раскопокъ, въ большинствѣ не научныхъ, а безпорядочныхъ, эта наука съ нѣкоторымъ упорствомъ останавливается на курганномъ матеріалѣ и не ищетъ даже въ кладахъ пособія къ его изученію. Тому препятствуютъ и всесильные, теоретическіе взгляды. Изслѣдователь кургановъ, исходя изъ основнаго принципа первобытной археологіи, ищетъ однороднаго, или хотя бы племеннаго матеріала и стремится работать на пользу этнографіи, антропологіи. Единственный и слѣпо принятый статистическій методъ понуждаетъ изслѣдователя сосредоточивать свое вниманіе прежде всего на погребальныхъ обрядахъ, хотя бы и отличающихся однообразіемъ, далѣе, на находкахъ предметовъ домашняго производства (ткацкаго, горшечнаго и т. д.) и издѣліяхъ ремесла, и только послѣ нихъ на предметахъ художественной индустріи, и то, главнымъ образомъ, со стороны ихъ типовъ, распространенія, мѣстныхъ группъ и пр. Какъ было нѣкогда заведено въ первобытной археологіи, каждая область изслѣдуется сама по себѣ, по руководству однихъ и тѣхъ же теоретическихъ и предвзятыхъ взглядовъ: всюду предполагается натуральный послѣдовательный ростъ культуры, собственный ходъ совершенствованія и размноженія издѣлій, и доселѣ, видимо, еще господствуетъ заблужденіе, основанное на пониманіи варварскаго міра, какъ первобытной среды. Изслѣдователь не самостоятеленъ, работаетъ или для историка, которому чаще всего нѣтъ возможности воспользоваться археологическимъ матеріаломъ, или для этнографа, который является и самъ пока безпомощнымъ въ дѣлѣ разбора нагроможденныхъ имъ наблюденій.

Главнымъ послѣдствіемъ принятаго этимъ отдѣломъ положенія является то, что древностями вещественными занимаются естествоиспытатели, этнографы, антропологи, историки, словомъ, всѣ тѣ, кто наименѣе приготовленъ къ ихъ изученію, и на оборотъ, благодаря установившимся отношеніямъ, курганныхъ древностей чуждается историкъ искусства. Иначе говоря, когда производится раскопка кургана, изслѣдователь обязанъ наблюдать всѣ могущія оказаться свойства и особенности: геологическія въ насыпи, антропологическія въ костякахъ, этнографическія—въ обстановкѣ могилы и пр., и обо всемъ этомъ составляются подробнѣйшіе дневники, но когда добытъ уже самый матеріалъ, т. е. вещественныя древности, онъ перестаетъ самъ по себѣ занимать кого бы то ни было, кромѣ составителя каталога или, наконецъ, единичнаго изслѣдователя, заинтересовавшагося формами фибулъ, браслетовъ и пр. Въ противномъ случаѣ эти вещи существуютъ, какъ нумера дневниковъ, ихъ наглядное подтвержденіе. Наоборотъ, всякій разъ, какъ эта же археологія выставитъ вопросъ о формѣ, о типахъ, словомъ, обратится къ исторіи искусства и перейдетъ къ историческому изслѣдованію формъ, стиля, бытоваго назначенія, торговыхъ отношеній, религіозныхъ связей, когда появляются группировки предметовъ древности или со стороны бытовой, напр. формы уборовъ, или техники — напр. филиграни, эмали, инкрустацій, или же стиля,—напр. по вопросу объ орнаментѣ геометри-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ческомъ, растительномъ и звѣриномъ, оказывается, что вся эта масса доселѣ мертваго матеріала оживаетъ, освѣщается внутреннимъ свѣтомъ. Видимо, исторія искусства есть общая наука древности и для этого отдѣла, и только ея принципы и методы могутъ ему придать научный характеръ, а слѣдовательно сдѣлать изъ этого предмета любопытства—предметъ знанія.

Съ другой стороны, какія непреодолимыя трудности встаютъ передъ изслѣдователемъ, если онъ пытается поставить весь матеріалъ мѣстнаго археологическаго отдѣла на почву изслѣдованія художественно-историческаго. Здѣсь, прежде всего, почувствуется полная рознь во мнѣніяхъ, толчея взглядовъ и враждебность, стремящаяся къ первенству, одиночеству и преобладанію; здѣсь доселѣ полная невозможность выработать себѣ общій взглядъ, руководящіе методы и найти точки опоры.

Сколько толкуютъ о прогрессѣ, но какъ только надо его понять по существу, какъ непрерывную историческую связь явленій, его нить разомъ перерывается во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть нація, на памяти исторіи выработавшаяся изъ варварскаго племени, а разъ нить эта порвана, каждый уже тянетъ свой конецъ въ свою сторону. Ученые при этомъ процессѣ слѣдуютъ, конечно, внушеніямъ неодолимаго еще для науки узкаго патріотизма, которымъ они пытаются сдабривать свои обзоры національныхъ древностей, взамѣнъ научнаго анализа, но источникъ этого непониманія кроется, отчасти, въ томъ мракѣ, который окутываетъ еще древности Византіи и Востока. Дѣйствительно, когда скандинавскій археологъ дробитъ исторію европейской орнаментики на историческіе отдѣлы, онъ слѣдуетъ, необходимо, руководству того круга фактовъ, который ему наиболѣе доступенъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ, понятно, не римскій міръ, съ необъятнымъ разнообразіемъ его художественныхъ формъ, какъ извѣстно, отовсюду унаслѣдованныхъ, но узкую среду германо-римской орнаментики, т. е. того художественнаго рынка или базара, какой былъ открытъ римскими фабриками и мастерскими въ разныхъ пунктахъ Германіи для ея варваровъ. Если и можно толковать здѣсь о художественномъ «направленіи», которое во время Имперіи будто-бы потянулось на сѣверъ, то развѣ о Галліи, никакъ не о Германіи или Британіи, а масса распространившихся всюду римскихъ издѣлій свидѣтельствуетъ всего менѣе въ пользу существованія самостоятельной Германо-римской орнаментики. Тѣмъ менѣе, стало быть, можно принимать въ серьезную сторону подобный заголовокъ «германо-римской» орнаментики, что тѣже изслѣдователи ищутъ съ особеннымъ вниманіемъ фактовъ самостоятельнаго творчества на сѣверѣ Европы, или даже и находятъ ихъ то въ филиграни, то въ звѣриныхъ формахъ орнамента, въ отличіе отъ римскаго образца.

Съ той поры, какъ стала извѣстна масса оригинальныхъ древностей сѣвернаго Кавказа, береговъ Дона и Венгріи, въ которыхъ столь же поразительны, какъ сторона техническая въ гранатовыхъ инкрустаціяхъ, такъ и художественныя формы въ видѣ птичьихъ и лошадиныхъ головъ, уже невозможно стало поддерживать скороспѣлое заключеніе скандинавскихъ археологовъ, пытавшихся въ скудномъ подражаніи этимъ формамъ на сѣверѣ видѣть совершенно новыя, еще несовершенныя созданія скандинавскаго народнаго воображенія. Извиненіемъ въ этой

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

прежней ошибкѣ можетъ еще служить относительная неизвѣстность до семидесятыхъ годовъ древностей Кавказа и Венгріи, но нынѣ подобныя заблужденія казались бы неумѣстными въ наукѣ. Великое переселеніе народовъ было окончательнымъ перенесеніемъ этого новаго «готскаго» стиля, вѣрнѣе восточно-варварскаго, на римскій западъ, и одною изъ интереснѣйшихъ задачъ будущаго археологическаго изслѣдованія со временемъ явится вопросъ объ источникахъ этого стиля, охватившаго индустрію Европы отъ Кавказа до Испаніи и Англіи включительно. Прежняя форма разсматриванія готѳскаго стиля, начинавшая съ его формъ въ древностяхъ Англо-саксовъ, и отъ нихъ переходившая къ Франкамъ, Алеманнамъ, Бургундамъ, Лонгобардамъ (въ сѣверной и средней Италіи), опять таки стала нынѣ невозможна, уже по самой силѣ вещей, не потому, чтобы ученые Швеціи, Даніи, Германіи и Англіи убѣдились доводами своихъ противниковъ, а по той простой причинѣ, что масса вещей, добытая раскопками и находками 70-хъ и 80-хъ годовъ въ Южной Россіи и Венгріи, сама болѣе или менѣе убѣдила иныхъ въ необходимости признать за югомъ Европы первенство владѣнія этимъ орнаментальнымъ стилемъ. Отсюда всѣ попытки досужаго остроумія археологовъ, объяснявшаго формы звѣринаго орнамента послѣдовательною выработкою изъ линейнаго, или напр. путемъ сокращенія будто бы цѣлой лошадиной фигуры въ одну голову, стали теперь излишни, какъ и всякаго рода разсудочныя объясненія миѳовъ, языка и художественныхъ формъ, тогда какъ истинно научный методъ заключается въ анализѣ историческаго развитія звѣриной формы, отъ цѣлой фигуры до позднѣйшаго вырожденія въ безсмысленный орнаментальный придатокъ.

Но въ послѣднее время замѣчается уже коренной поворотъ въ пріемахъ изслѣдованія варварскихъ древностей: признано, что переселеніе народовъ было переносомъ съ одного конца Европы на другой своеобразной культуры, а потому наступило время и для историческаго, сравнительнаго изученія варварскихъ древностей, начиная съ источниковъ въ искусствѣ восточномъ и греко-римскомъ, идя затѣмъ по пути самыхъ народовъ черезъ южную Россію и по теченію Дуная до краевъ Европы и кончая изученіемъ всѣхъ встрѣченныхъ на этомъ пути вліяній, перемѣнъ и историческаго развитія въ періодъ съ III по VI столѣтіе включительно. Очевидно, при такой постановкѣ, на первый планъ выступаютъ отношенія стиля, формы предметовъ, ихъ орнаментація, и взамѣнъ прежней разобщенности, мы получаемъ связь историческихъ явленій, открываемъ въ вещахъ не одни лишь нумера дневниковъ, но оживляемыхъ историческою идеею свидѣтелей народной жизни и общенія племенъ, указателей тѣхъ стоянокъ варварской культуры у береговъ Кубани, Днѣпра и Дуная до отдаленной Испаніи и береговъ сѣверной Африки. Конечно, этотъ анализъ стиля и формы не составляетъ еще археологіи искусства, но онъ ставитъ «древности» на свои ноги, дѣлаетъ предметъ наукою и въ будущемъ поведетъ къ созданію историческаго періода тамъ, гдѣ имѣемъ лишь ходячія и книжныя легенды, отрывочные факты, переданные безъ пониманія лѣтописцемъ и сочиненныя по рефлексу построенія примитивнаго быта.

Такой поворотъ явился самъ по себѣ результатомъ продолжительныхъ работъ надъ древностями варварской Германіи, Франціи и Венгріи, съ опредѣленною задачею открыть и

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

установить главные типы вещей, мотивы и формы ихъ орнаментики, указать источники всякаго рода предметовъ утвари и убранства въ потребностяхъ и издѣліяхъ собственной же страны, или въ заимствованіяхъ сосѣдней культуры. Образцовый трудъ Линденшмита по «древностямъ меровингской эпохи» [1]) не только освободилъ предметъ отъ пустыхъ схемъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, но и устранилъ нужду въ сомнительныхъ устояхъ хронологіи могильныхъ древностей въ видѣ ли теоріи типовъ могилъ, кургановъ и погребальныхъ обрядовъ, но и создалъ твердую историческую почву въ ясно опредѣляемыхъ памятникахъ конечнаго языческаго и начальнаго христіанскаго періода. Линденшмитъ избираетъ первою частью своего общаго обозрѣнія германской древности эпоху разрушенія и возстановленія Римской Имперіи, какъ наиболѣе блестящій отдѣлъ этой древности и «многосторонне важнѣйшій», но который былъ затемненъ прежде ложнымъ представленіемъ грубаго варварства и дикости. Между тѣмъ, именно здѣсь разнообразныя вооруженія, своеобразные уборы изъ золота и серебра, сосуды изъ стекла и металла, многочисленная утварь на всякую потребу проливаютъ свѣтъ на привлекательную картину жизни этого отдаленнаго прошедшаго, и потому исправляютъ сами историческое заблужденіе, установившее фактъ будто бы полнаго уничтоженія римской культуры.

Въ русскихъ древностяхъ періода великокняжескаго господствуетъ подобное же историческое заблужденіе: періодъ этотъ считается темнымъ не по одному лишь отсутствію историческихъ свидѣтельствъ, но и по господствовавшему будто бы въ немъ примитивному варварству; историки заранѣе отказываются изучать бытъ этой темной, безличной, однообразной среды земледѣльческаго быта и первобытнаго состоянія звѣролововъ и кочевниковъ. Между тѣмъ, нельзя принимать, безъ критики и даже рѣшительнаго отпора, тѣхъ заключеній о примитивности древней Руси, которыя сдѣланы нашими историками, только на основаніи буквально понятой морали начальнаго лѣтописца. Нельзя отождествлять добрые нравы, чистые христіанскіе обычаи съ культурою племени, которая напр. могла стоять въ языческомъ періодѣ для извѣстной мѣстности выше, чѣмъ въ періодъ христіанскій, по разнымъ причинамъ. Еще менѣе можно характеристику промысловъ древней Руси начинать съ звѣриныхъ лововъ, рыболовства, бортничества, скотоводства и иныхъ формъ хищническаго пользованія природными богатствами, тогда какъ, очевидно, основнымъ занятіемъ Славянскихъ племенъ было земледѣліе, а рядомъ съ нимъ издревле уживались и развивались по мѣстностямъ, подъ условіемъ торговли, всевозможные промыслы и ремесла. Не было заводовъ, фабрикъ, но тѣмъ больше было мастерскихъ, и такъ какъ, кромѣ Кіева, Новгорода, Чернигова и Смоленска, торговыхъ городовъ было мало, то тѣмъ шире распространялась кустарная промышленность, стоявшая въ домонгольскій періодъ даже выше, чѣмъ въ московское время, въ періодъ стѣсненія торговыхъ сношеній, съуженія страны, обособленія ряда областей на западѣ, югѣ и востокѣ, подъ гнетомъ страшныхъ нашествій.

Русь домонгольскаго періода была, въ народной жизни, богаче, развитѣе, выше ближайшаго послѣдующаго періода, потому, что эта жизнь разливалась шире, во всѣ стороны, и была

[1]) Составляетъ первую часть его соч. *Handbuch der deutschen Alterthumskunde* in 3 Theilen, 1880—9.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

разнообразна, благодаря небывалому въ исторіи иныхъ народовъ соединенію разнообразныхъ племенъ въ одной странѣ, какъ бы подъ однимъ гостепріимнымъ кровомъ. Въ этомъ соединеніи, взаимномъ ознакомленіи, а затѣмъ и сліяніи былъ неизсякаемый источникъ и вѣрный залогъ всякаго преуспѣянія, жизненныхъ силъ и дарованій націи.

Взаимное ознакомленіе славянскихъ племенъ, быстро разселявшихся по рѣкамъ, съ финнскими и туранскими племенами сѣвера и востока, кочевыми ордами юга, греко-византійскими колоніями, государствами Кавказа, составляетъ важнѣйшій фактъ, нами познаваемый въ русскихъ курганныхъ древностяхъ IX—XI столѣтій. Такъ, древности береговъ Западной Двины указываютъ намъ зачастую своими формами и орнаментикою на древности города Великихъ Болгаръ, а находки Люцинскаго могильника Витебской губ. на Тамбовскія. Древности западныхъ губерній связаны съ южными, а кіевскія и полтавскія съ черниговскими; затѣмъ сѣверская земля черезъ посредство Оки съ центральными губерніями, а Новгородская область черезъ промежуточную Тверь съ областью Ростовскою и Владиміро-Суздальской.

Быть можетъ, еще важнѣе указанной связи характерное обособленіе всей степной полосы, въ частности земли Войска Донскаго, юго-восточной Россіи и Кавказа. При этомъ обособленіи вся остальная «осѣдлая» Россія образуетъ въ періодъ IX—XI столѣтій одно цѣлое, открываемое намъ общностью ея древностей, какъ результатомъ живаго обмѣна разнообразныхъ культуръ, существовавшихъ одновременно, но сложившихся въ весьма различныя эпохи и обособившихся подъ вліяніемъ предъидущихъ тяжелыхъ условій для страны.

Несомнѣнно, что конечною цѣлью исторической науки должно быть изученіе этихъ разнообразныхъ культуръ, на основѣ широкаго изслѣдованія памятниковъ вещественныхъ, данныхъ этнографіи, народной словесности, наконецъ языка и т. п., но пока это все будетъ, археологія должна озаботиться тѣмъ, чтобы извлечь возможно больше изъ своего собственнаго матеріала, т. е. вещественныхъ древностей или матеріаловъ, полученныхъ изъ раскопокъ кургановъ, могильниковъ, гробницъ, случайныхъ находокъ, наконецъ кладовъ и т. д. А такъ какъ археологія сама есть только область знанія, черпающая свои пріемы изъ науки исторіи искусства, которая ставитъ въ основаніе изслѣдованіе формъ въ ихъ художественномъ образованіи и развитіи или изслѣдованіи стиля, то и здѣсь мы должны принять своимъ средоточіемъ, своею главною задачею, изученіе курганныхъ древностей, кладовъ и пр., прежде всего со стороны ихъ стиля, типической формы предметовъ, ея историческихъ измѣненій. При этомъ, однако, мы должны имѣть непрестанно въ виду, что подъ формою мы не должны разумѣть только орнаментацію, или даже весь внѣшній видъ предмета, но и самый предметъ, такъ какъ не только внѣшній видъ предмета есть форма, но, точнѣе говоря, и самъ предметъ есть только извѣстная форма матеріи, обязанная своимъ происхожденіемъ: во 1-хъ потребности, которую мы должны себѣ объяснить, и во 2-хъ техническимъ и матеріальнымъ условіямъ, создавшимъ и самую форму и ея орнаментацію, и вызвавшимъ ея дальнѣйшее развитіе. Далѣе, если мы находимъ, что извѣстный предметъ, положимъ, изъ разряда древнихъ уборовъ, заимствованъ изъ Византіи, то мы должны представлять себѣ это перениманіе въ связи съ обычаемъ, обря-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

домъ, назначеніемъ предмета, которое и должно быть выяснено, прежде чѣмъ мы будемъ обсуждать перемѣны въ его формѣ, такъ какъ онѣ также могутъ происходить или отъ забвенія основнаго обычая, или отъ перемѣны въ немъ. Очевидно, что понятіе стиля должно быть принимаемо въ болѣе широкомъ, чѣмъ доселѣ оно принималось, смыслѣ, но это будетъ только плодотворно для самой исторіи искусства, вдавшейся ранѣе въ узкій, формальный схематизмъ, поддерживавшій разрывъ со многими областями археологіи и въ особенности народнаго искусства, богатаго содержаніемъ, за то бѣднаго движеніемъ формы. Но самое значеніе стилей въ русскихъ древностяхъ станетъ намъ непосредственно понятно, когда мы представимъ себѣ, что этою постановкою ихъ мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросами о разнообразныхъ культурныхъ и художественныхъ вліяніяхъ на племена древней Россіи въ ея начальную эпоху: изслѣдованіе формъ восточнаго стиля поведетъ науку къ разсмотрѣнію о томъ, какое именно вліяніе шло съ Волги, изъ Персіи, Сиріи, Средней Азіи; изученіе русско-византійскаго стиля должно въ будущемъ дать точныя указанія всего того культурнаго запаса, который русскіе вынесли изъ Византіи и своихъ съ нею связей. Понятно, однако, какъ обширна и трудна подобная археологическая задача, которая составитъ, вѣроятно, трудъ не одного поколѣнія и даже не исключительно ученыхъ отечественныхъ: для нашей же цѣли достаточно будетъ лишь намѣтить выяснившіяся стороны этихъ задачъ, чтобы остановиться, въ заключеніе, на собственной темѣ даннаго сочиненія.

Если славяне появились въ предѣлахъ Россіи не задолго до VI столѣтія, когда о нихъ появляются первыя извѣстія, то около этого времени они уже распространились значительно внутрь страны, по рѣкамъ, на сѣверъ и югъ, слѣдовательно должны были найти на Западной Двинѣ и на Днѣпрѣ, куда, вѣроятно, они даже только вернулись, а не вновь прибыли, вѣковую и богатую формами культуру въ поселенцахъ, тамъ удержавшихся еще со временъ Геродота. Въ самомъ дѣлѣ, если мы находимъ, напр., извѣстный типъ кіевскихъ серегъ съ эмальированными фигурами птицъ, отъ XI—XII столѣтій, идущимъ, черезъ посредство гото-аланскихъ оригиналовъ IV—V столѣтій, отъ древне-восточнаго оригинала, повтореннаго также Византіею, то естественно предположить, что эта форма уже существовала напр. въ Кіевѣ, на Дону и на Волгѣ, гдѣ есть и древнѣйшіе образцы серьги, задолго до того времени, когда въ новой формѣ, съ византійскими украшеніями, она становится оригинальнымъ русскимъ типомъ, подобнаго которому уже нигдѣ не находимъ. Такъ съ Востока (изъ Персіи и Средней Азіи, также Сибири) пошли наши витыя гривны, которыхъ обильныя находки принадлежатъ Вятской области и Полоцкой, и равно первая форма ихъ орнаментаціи, какую встрѣчаемъ въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, оказывается арабскою, а также находитъ себѣ подобную въ Венгріи. Извѣстная орнаментація наглавниковъ въ цѣпяхъ конскою головою съ заложенными ушами принадлежитъ Средней Азіи, а змѣиная голова браслетовъ греческому антику. Такъ называемыя височныя кольца доселѣ существуютъ въ Индіи, а свой прототипъ имѣютъ въ большихъ кольцахъ съ ромбоидальнымъ расширеніемъ и подвѣшенною филигранною бусою въ Кестели въ Венгріи. Всякаго рода поясныя украшенія и подвѣски къ поясамъ, погремушки и колокольцы испоконъ прина-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

длежали именно кочевникамъ, составляли особенность ихъ одеждъ, приспособленныхъ къ жизни на лошади, а потому, вмѣстѣ съ ихъ кафтанами, разукрашенными поясами и портупеями, перешли къ конскимъ дружинамъ многочисленныхъ варварскихъ племенъ.

Напротивъ того, весьма важное обстоятельство представляется яснымъ фактомъ отсутствія въ русскихъ древностяхъ (за исключеніемъ Пермской области или края, съ древностями близкими къ кавказскимъ) прямаго вліянія характерной орнаментаціи, нынѣ называемой «Готѳскою»: мы не находимъ ни самихъ инкрустацій, ни ихъ подобія, ни клюковъ и птичьихъ головъ по концамъ, ни тѣмъ болѣе фризовъ изъ ползущихъ хищныхъ животныхъ, грифоновъ гризущихся хищниковъ и пр., которыхъ мы встрѣчаемъ на массѣ поясныхъ бляхъ Венгріи, а также въ древностяхъ Ломбардіи, напр. въ извѣстной находкѣ Кьюзи въ Тосканѣ. Знаменитыя золотыя бляхи изъ сибирскихъ находокъ, кавказскія древности и находки земли Войска Донскаго получаютъ себѣ непосредственное продолженіе черезъ Венгрію въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Скандинавіи, какъ первая форма «звѣринаго» стиля, но не въ русскихъ древностяхъ: какъ будто вся эта характерная орнаментація была пронесена мимо и не дала отпрысковъ на сѣверъ отъ Кіева. Значитъ ли это, что славянское населеніе стало приходить и разселяться уже послѣ окончательнаго ухода съ Днѣпра Готѳовъ и другихъ союзившихъ съ ними племенъ, и притомъ приходить съ сѣверо-запада, а не съ юга, не съ Дуная въ частности, или есть также и другая тому причина, при теперешней бѣдности данныхъ—врядъ ли рѣшить.

Но, спрашивается, какое именно восточное вліяніе было дѣйствующимъ въ періодъ VI—VIII столѣтій въ предѣлахъ современной Россіи? На это мы не можемъ дать пока отвѣта болѣе точнаго, чѣмъ тѣ указанія, которыя мы дѣлаемъ ниже, на основаніи анализа клада изъ Тарса и сравненія его съ находками Венгріи, при чемъ и кладъ и эти находки оказываются отмѣченными приблизительною датою въ найденныхъ монетахъ или бляшкахъ съ монетными штампами Византійской Имперіи; сравненіе клада съ находкою въ Кьюзи представитъ намъ, какъ малоазійскій образецъ измѣнился въ варварской передѣлкѣ. Наши указанія сводятся на роль Сиріи въ ея посредничествѣ между Египтомъ и византійскимъ Востокомъ: эта роль такъ мало пока опредѣлена, такъ слабо напечатлѣна въ собственныхъ памятникахъ Сиріи, что о ней можно говорить условно. Сошлемся кратко на капитальную важность коллекціи ампуллъ Монцы (начало VI стол.), происходящихъ изъ Святой Земли, на характеръ орнаментовъ и изображеній величайшаго изъ варварскихъ кладовъ—Неди С. Миклошъ въ Венгріи или такъ наз. клада Аттилы, относящагося къ VIII или самому началу IX столѣтія. Какъ бы то ни было, но осетинскіе некрополи на Кавказѣ открыли намъ и сирійскія стекла, даже съ арамейскими надписями, въ пещерныхъ гробницахъ по берегамъ притоковъ Кубани и Терека, и золотыя издѣлія съ характерными украшеніями изъ крупной зерни, толстыхъ виноградныхъ вѣтокъ, и особенно сухой манеры въ рѣзьбѣ, съ античнымъ характеромъ растительныхъ орнаментовъ, а главное мы находимъ здѣсь весь общій типъ сирійскаго пошиба рѣзьбы, который знаемъ напр. въ стѣнныхъ украшеніяхъ дворцовъ Раббатъ-Аммана, Машита, Сіаха и Сафа въ Сиріи. Аналогіи между скульптурами этихъ сирійскихъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

развалинъ и рельефами Ломбардіи уже намѣчены у Каттанео въ его извѣстномъ трудѣ по исторіи итальянской пластики.

Положеніе общей науки исторіи искусства за громадный періодъ IV—X столѣтій можетъ назваться крайне смутнымъ: общее обозрѣніе разбивается на отдѣлы искусства византійскаго, арабскаго, средневѣковой Италіи, Германіи, Франціи и пр., и если требуется свести важнѣйшія данныя искусства въ одно цѣлое, оказываются большіе пробѣлы, непримиримая рознь во взглядахъ и ненаучность хронологическихъ опредѣленій. Не мудрено, если сторонняго зрителя удивляетъ необходимость вновь пересматривать каждый вопросъ, сызнова анализировать всякій важный памятникъ. Въ самихъ отдѣлахъ иная бѣда: здѣсь не достаетъ основанія въ собственной археологіи, или общей науки «древностей» византійскихъ, арабскихъ и пр. Отчасти по причинамъ новизны предмета, а также особыхъ условій и трудностей арабскаго языка, доселѣ не существуетъ того, что бы можно было назвать «реаліями», служащими для пониманія арабскихъ писателей, и существующіе могутъ считаться только началомъ будущей сложной науки. Вотъ почему исторія арабскаго искусства ограничивается нынѣ памятниками архитектуры и тщетными опытами отыскать въ мечетяхъ Амру въ Фостатѣ, Куббетъ-ес-Сахра въ Іерусалимѣ, Тулунъ въ Каирѣ—оригиналы арабскаго происхожденія. Когда же изслѣдованіе переходитъ къ преданіямъ о сказочной роскоши дворцовъ Багдада, Каира и Дамаска, то ея памятниками, единственно уцѣлѣвшими, являются только куски алебастровыхъ фризовъ да нѣсколько образчиковъ рѣзьбы въ камнѣ и деревѣ. Конечно, существо вопроса объ источникахъ арабскаго искусства сводится къ отысканію той среды, въ которой сложился «арабескъ», или вообще говоря, новая восточно-арабская орнаментика, но, вмѣсто непосредственнаго изслѣдованія тѣхъ вещей, которыя были этою средою хотя отчасти, мы встрѣчаемъ теоретическія разсужденія о *философіи* и *принципахъ* арабскаго искусства, о роли фигурныхъ изображеній и т. д., словомъ, изслѣдованія того, что дается лишь въ концѣ исторіи, предлагаются въ ея началѣ, и потому не на основаніи памятниковъ, но по общимъ заключеніямъ религіознаго характера Правда, въ послѣднее время уже (Gayet) указано, что господство растительныхъ и геометрическихъ формъ въ орнаментѣ Арабовъ скорѣе имѣетъ свой источникъ въ принципахъ коптскаго искусства, чѣмъ въ предписаніяхъ или даже коментаріяхъ Магометова ученія. Однако, коптскій орнаментъ настолько изобилуетъ животными формами, что не можетъ быть принятъ источникомъ арабеска, или мы впадемъ въ обычную ошибку изслѣдователей орнаментальнаго стиля, разбивающихъ синтаксисъ орнамента на элементы и находящихъ потомъ эти элементы (аканѳъ, побѣгъ, завитокъ и пр.) вездѣ, гдѣ требуется. Также врядъ ли научно видѣть въ грубости коптскихъ фигуръ человѣческихъ и звѣриныхъ, напр. льва, выраженіе орнаментальнаго принципа, стремящагося будто бы низвести фигуру до орнамента: когда такъ дурно рисуютъ, какъ копты, то не изъ принципа, а вслѣдствіе упадка искусства, перешедшаго въ грубыя кустарныя производства тканей, посуды и пр.

Напротивъ того, арабескъ, гдѣ бы мы его ни видѣли въ арабскомъ искусствѣ, отличается удивительною красотою и тонкостью характернаго исполненія всѣхъ фигуръ, и геометрическихъ,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и животныхъ (плафоны Палатинской капеллы), если только эти послѣдніе допущены въ среду изображеній. Но именно фигуры животнаго и человѣческаго міра какъ бы заканчиваются въ X стол. и появляются только въ исходѣ XII вѣка, съ общимъ возобновленіемъ звѣринаго стиля (о чемъ скажемъ ниже). За это время, основные принципы арабеска, т. е. геометрическая и растительная декорація, примѣняются на громадномъ пространствѣ въ народномъ искусствѣ всей южной Европы: именно въ этой средѣ мы встрѣчаемъ своеобразные арабески вмѣсто античной фигуры, и рисунокъ, исполненный сканью или филигранью и рѣзьбою въ металлѣ, или же подражаніе этой скани въ фонахъ лиственныхъ разводовъ.

Но если извѣстные фоны, съ тоненькими завитками, подражаютъ сканному дѣлу на золотѣ и серебрѣ, то разработка геометрическихъ арабесковъ должна была совершиться въ «накладныхъ работахъ», «штучныхъ наборахъ», damasquinerie и т. п., точно также, какъ самая форма аканѳа, постоянно подставляющаго свой профиль, обусловлена чеканнымъ мастерствомъ. Конечно, рѣзьба и чеканъ, т. е. высѣканіе фоновъ, или углубленныхъ промежутковъ, между рельефными полосами, рѣшетками, зигзагами и т. д., были первою причиною распространенія рѣшетчатаго орнамента, съ «буколами» или пуговицами, гнѣздами камней въ перекрестьяхъ и т. д. Всѣмъ извѣстно, какъ всякаго рода штучные наборы подражаются въ мозаикѣ, фаянсахъ и иныхъ облицовкахъ стѣны, но также металлическія «насѣчки», чернь и прочія соединенія разноцвѣтныхъ металловъ перенесены въ подражательныхъ рисункахъ въ декорацію мечетей и дворцовъ. Когда станетъ возможнымъ направить изслѣдованіе въ эту среду разнообразныхъ художественно-техническихъ процессовъ, которыми издавна славились Персія и Индія и которыя древній міръ передалъ въ наслѣдіе Востоку, тогда и все изслѣдованіе арабскаго искусства будетъ поставлено на научную почву, и намъ уяснятся смѣны художественныхъ формъ и украшеній въ народныхъ древностяхъ средневѣковой Европы. Вотъ въ какомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ можно говорить о значеніи русскихъ древностей для западной средневѣковой археологіи, и если такое заключеніе вызываетъ пока полный скептицизмъ ея представителей, то лишь потому, что никто изъ нихъ еще не задавался важнѣйшимъ вопросомъ о происхожденіи художественныхъ формъ, кромѣ скандинавскихъ археологовъ, поспѣшившихъ разрѣшить этотъ вопросъ слишкомъ своеобразно. Вотъ почему также для изученія русскихъ древностей нужно изучать памятники арабскаго искусства, какъ на Востокѣ, такъ и на крайнемъ Западѣ, въ частности, какъ увидимъ, въ Испаніи.

Еще недавно въ исторіи искусства почти совершенно отсутствовала какая бы то ни было серьезная и систематическая обработка матеріаловъ искусства арабовъ, слишкомъ недавно, для того, чтобы мы могли быть требовательны въ нашихъ сужденіяхъ о роли этого искусства. Археологія арабскаго искусства ограничивалась великолѣпнымъ изданіемъ памятниковъ Каира (Prisse d'Avennes, Coste, Bourgoing), и блестящими изслѣдованіями монетъ и исторіи мусульманскаго міра (въ особенности въ трудахъ русскихъ ученыхъ). Но теперь мы имѣемъ уже два опыта систематическаго обзора памятниковъ искусства арабовъ на ихъ родинѣ, въ Сиріи и Египтѣ, и эти обзоры сдѣланы первокласными знатоками его: въ Англіи

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Станлеемъ Лень-Пулемъ и Гайе во Франціи [1]). Послѣдній, надписывая, съ сожалѣніемъ, свою книгу заглавіемъ: «арабское искусство», находитъ, что никогда терминъ не былъ болѣе лишенъ смысла, никогда не стоялъ въ большемъ противорѣчіи съ предметомъ изслѣдованія, какъ въ этомъ случаѣ. Копты, Ливійцы, Персы, Греки, Сирійцы, словомъ всѣ народы, покоренные исламомъ, принесли свою часть въ сокровищницу искусства, которое напрасно пробовали называть то мусульманскимъ, то сарацинскимъ, то—всего неправильнѣе—мавританскимъ. Весьма возможно, что роль Сиріи въ выработкѣ основнаго монументальнаго и декоративнаго типа арабскаго искусства была незначительна, и что главною родиною его должно признать, какъ хотятъ въ послѣднее время, Египетъ. И древняя Финикія была всегда болѣе фабричнымъ, нежели художественнымъ центромъ, и какъ въ политическомъ отношеніи играла второстепенную роль области, смѣнявшей своихъ завоевателей, такъ и въ культурномъ была по существу лишь посредницею, передаточнымъ пунктомъ, мѣстомъ всемірныхъ ярмарокъ и родиною оптовой торговли. Если мы теперь въ Сиріи находимъ памятники всѣхъ важнѣйшихъ художественныхъ школъ: отъ древне-египетской, греческой, персидской, до римскихъ монументовъ, древне-византійскихъ церквей, первыхъ мечетей и пр., то напрасно ищемъ богатствъ сирійскихъ мануфактуръ, забывая, что торговля разнесла ихъ съ самаго начала по всему древнему міру, въ видѣ крашеныхъ полотняныхъ и шелковыхъ тканей, затканныхъ разноцвѣтною шерстью серебромъ и золотомъ, издѣлій стеклянныхъ, всѣхъ возможныхъ видовъ утвари и украшеній, драгоцѣнностей ювелирнаго и золотыхъ дѣлъ мастерства. Конечно, и въ этомъ послѣднемъ родѣ декоративнаго искусства средневѣковая Сирія не была самостоятельна, какъ и древняя Финикія, воспроизводившая типы, изобрѣтенные Египтомъ, Грецією, Месопотаміею, и въ эпоху появленія арабовъ, богатые центры побережья: Антіохія, Дамаскъ, Газа работали въ разныхъ отрасляхъ художественной промышленности и совмѣщая различные стили, отъ византійскаго и коптскаго до персидскаго включительно. Но наше предположеніе сирійскаго происхожденія металлическихъ украшеній, ввозившихся арабскими купцами, вмѣстѣ съ тканями, бусами, ароматами, стеклянными вещами и драгоцѣнными камнями, указано намъ отчасти самыми типами этихъ древностей. Ближайшее изученіе предметовъ древности IX — X столѣтій показываетъ, что ихъ прототипы и образцы выработались, быть можетъ, именно въ мастерскихъ Сиріи и отсюда, черезъ посредство арабовъ, распространились на востокъ и по сѣверовосточной Европѣ.

Сирійское происхожденіе многихъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій средневѣковой Европы въ эпоху съ VI по VIII столѣтіе подтверждается и тѣмъ доселѣ смутнымъ обстоятельствомъ смѣны такъ называемыхъ «сассанидскихъ» сосудовъ за указанный періодъ «арабскими» въ IX и X стол. Очевидно, что слово «сассанидскій», хотя и опирается на художественный характеръ извѣстныхъ блюдъ, представляющихъ охоты царей изъ династіи Сассанидовъ, вѣрнѣе указываетъ на время происхожденія, чѣмъ на мѣсто. Какъ сказано, слово «арабскій» уже давно считаютъ лишь условнымъ терминомъ, которымъ приходится

[1]) Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt*, 1886. Gayet, Al. *L'art Arabe.* 1893.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

называть вообще восточныя издѣлія въ періодъ распространенія ислама, но который уже пробовали замѣнять разновременно терминами: *стиль мусульманскій*, *сарацинскій*; какъ говорено выше, Гайе въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Арабское искусство», высказывается такъ противъ этого титула: «если когда нибудь бывало заглавіе пустое и лишенное смысла, то именно это: «арабское искусство», которое, къ моему крайнему сожалѣнію, я долженъ былъ поставить на своей книгѣ. Арабъ никогда не былъ артистомъ» и проч. И, дѣйствительно, говоря объ арабскихъ серебряныхъ сосудахъ, легко признать, что арабскаго въ нихъ самое большее—надпись на арабскомъ языкѣ, а мы знаемъ, что латинская надпись не дѣлаетъ вещь римскою. Съ другой стороны, это нами указанное сочиненіе знаетъ въ арабскомъ промышленномъ искусствѣ и стекла, и ковры, и бронзы, и оружіе, но не знаетъ вовсе издѣлій золотыхъ и серебряныхъ и не поминаетъ ни одного памятника этого мастерства или рѣзьбы въ слоновой кости. Между тѣмъ, достаточно сказать, что мы имѣемъ уже цѣлый рядъ подобнаго рода памятниковъ въ испанскихъ собраніяхъ, въ ризницѣ ц. Св. Марка, въ Кенсингтонскомъ и Британскомъ музеяхъ Лондона, въ коллекціи Базилевскаго—нынѣ въ Эрмитажѣ С.-Петербурга, тамъ же нѣсколько чашъ съ Кавказа и т. д., но для насъ важнѣе фактъ нахожденія въ Пермской губ. въ Соликамскомъ уѣздѣ (въ 1895 году) серебрянаго сосуда съ арабскою надписью, по изображеніямъ, ихъ стилю и техникѣ чрезвычайно близкаго къ сассанидскимъ сосудамъ и вмѣстѣ къ серебрянымъ издѣліямъ X—XII столѣтій, находимымъ въ Россіи.

Въ другомъ выпускѣ нашего труда, гдѣ намъ прійдется разбирать клады Воронежской губерніи, находки приволжскія и прикамскія, мы еще будемъ имѣть случай подробно говорить о томъ греко-восточномъ стилѣ, который представляется намъ древностями сѣвернаго Кавказа, береговъ Дона, а также вѣтвями этой юго-восточной культуры, достигшими Великихъ Болгаръ и Перми, и который, на нашъ взглядъ, тѣсно связанъ съ древностями кочевыхъ ордъ, господствовавшихъ, послѣ переселенія народовъ, отъ Каспійскаго моря до Карпатъ. Начала этого стиля могутъ быть изучаемы въ древностяхъ Сибири [1]), а конечныя формы—въ древностяхъ Венгріи [2]): эти послѣднія и по множеству данныхъ стиля и также по византійскимъ монетамъ, сопровождающимъ находки, настолько близки по времени къ начальному періоду древностей восточныхъ славянъ, въ частности «русскихъ» или кіевскихъ, что уже простое сопоставленіе главнѣйшихъ художественныхъ признаковъ можетъ подтвердить нашу мысль. Дѣйствительно, въ древностяхъ русскихъ VIII—X стол. мы не находимъ золота, а почти исключительно серебро, ни гранатовыхъ инкрустацій и вообще всякихъ цвѣтныхъ накладокъ, ни украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней, оникса и пр.; вмѣсто прежней рѣзьбы въ золотѣ, бронзѣ, рѣзьбы, напоминающей работу въ деревѣ [3]), съ накладною басменнаго дѣла, мы находимъ почти исключительно украшенія филиграневыя, сканныя, наколомъ, пунктиромъ, рѣже чеканомъ. Что самое главное — это бѣдность въ древностяхъ Кіевской Руси, на первое время, всякой

[1]) *Русскія Древности въ памятникахъ искусства*, вып. III.
[2]) Hampel Jozsef, A Regibb Középkor (IV—X század) emlekei Magyarhonban. I, Budapest, 1894.
[3]) Ibid., табл. 64—5, 72—3, 90—4; 128, 131.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

орнаментаціи изъ міра животныхъ, тогда какъ въ древностяхъ Венгріи преобладаетъ своего рода «звѣриный стиль» [1]). Въ этомъ преобладаніи геометрическихъ формъ и растительнаго типа украшеній въ русскихъ древностяхъ всего естественнѣе видѣть общій примитивный типъ уборовъ племени, покинувшаго давно насиженныя мѣста и еще разселяющагося на новыхъ.

Возьмемъ для примѣра всѣмъ извѣстную пару турьихъ роговъ, оправленныхъ въ серебро и найденныхъ Д. Я. Самоквасовымъ въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила» съ византійскими монетами, судя по которымъ, самые рога не могутъ быть позднѣе 960-хъ годовъ. Серебряная оправа украшена на одномъ орнаментами, повторенными въ каирскихъ мечетяхъ и на прилѣпахъ церкви Юрьева Польскаго, на другомъ рогѣ представлена охота варваровъ съ луками на птицъ и два сплетенія изъ пары грифоновъ и драконовъ, весьма близкаго рисунка и техники съ серебряными бляшками Гнѣздовскаго могильника. Извѣстно, что по первому наблюденію, сохраняющему и доселѣ свою силу, эти бляшки были сочтены арабскими привозными издѣліями, тогда какъ было и другое мнѣніе, видѣвшее въ нихъ, какъ затѣмъ и во всемъ могильникѣ, древности варяжскія, т. е. скандинавскаго происхожденія. Утверждать послѣднее значитъ ничего не утверждать, такъ какъ именно въ средѣ художественныхъ издѣлій скандинавской древности даже ея отечественные археологи многое относятъ къ привознымъ арабскимъ издѣліямъ. Но если мы еще рѣшаемся, согласно съ здравымъ смысломъ, считать возможнымъ ввозъ арабскими торговцами мелкихъ орнаментированныхъ бляшекъ, то, очевидно, при первомъ взглядѣ на громадные турьи рога, что это произведеніе мѣстное, кіевское, а эта гипотеза сразу объясняетъ намъ многое не только въ сферѣ русскихъ древностей, но и въ общемъ движеніи искусства и культуры въ X вѣкѣ.

Пара турьихъ роговъ Черниговскаго кургана была оправлена въ серебро, вѣроятно, съ обоихъ концовъ, но изъ этой оправы уцѣлѣла только кайма на широкихъ концахъ и обрывокъ перехвата на срединѣ одного рога; куда дѣвалась остальная оправа, неизвѣстно. Но и эти остатки оправы, по своему орнаменту и по своей древности составляютъ замѣчательный памятникъ, относящійся къ X столѣтію. Извѣстно, что съ этою парою турьихъ роговъ, въ «Черной могилѣ» было найдено двѣ золотыя монеты императоровъ Василія I и Константина IX (изд. у Сабатье, таб. 44, фиг. 22, по опредѣленію А. В. Орѣшникова), отца съ бородою и сына безбородаго, и половинный обрубокъ золотой же монеты братьевъ Константина X и Романа II (948 — 959 гг.). Но такъ какъ этотъ обрубокъ представляетъ замѣчательную сохранность, доказывающую, что цѣлая монета вовсе не была въ обращеніи, а первыя двѣ монеты уже потерты и относятся къ 869—870 году, то можно полагать, что устройство «Черной могилы» относится ко второй половинѣ X столѣтія, тѣмъ болѣе, что уже въ 992 году въ Черниговѣ былъ поставленъ митрополитъ Неофитъ, и, конечно, приведены къ крещенію всѣ его жители, такъ что устройство подобнаго языческаго кургана, по мнѣнію его изслѣдователя, было бы невозможно позднѣе [2]).

[1]) Ibid. табл. 35, 64—5, 73—4, 78, 82, 92—3.

[2]) Древній образецъ рога, съ серебряною оправою, описанный въ отчетѣ И. Арх. Комм. за 1891 г., стр. 76—9 и здѣсь издаваемый въ рисункахъ 5 и 6, представляетъ знаменательное сходство съ Черниговскими рогами: оправа

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

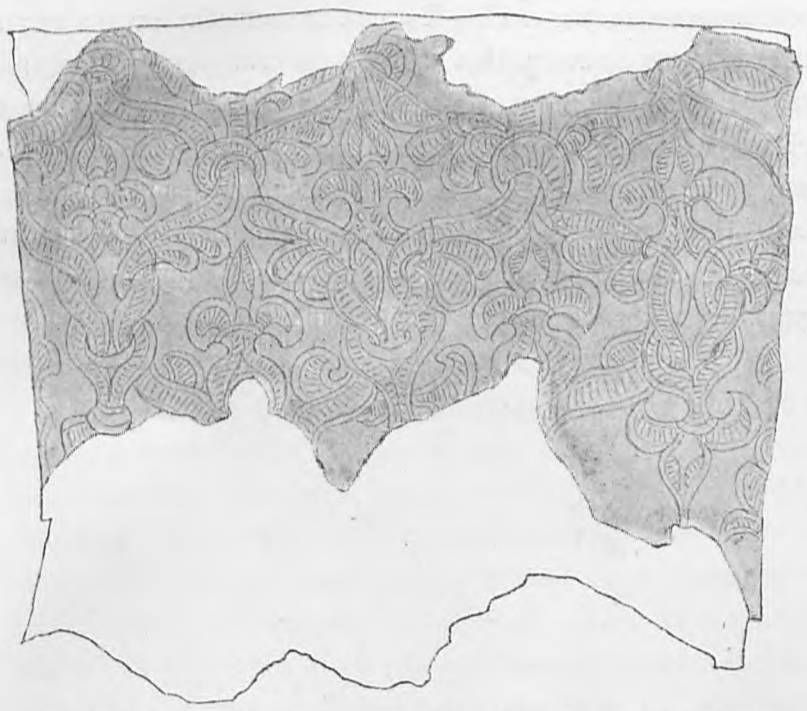

Рис. 2. Серебряная оправа турьяго рога, найденнаго въ Черниговскомъ курганѣ «Черная могила». Моск. Истор. музей.

Рис. 3. Часть оправы Черниговскаго рога.

Рис. 4. Развернутый рисунокъ фриза на серебряной оправѣ другаго турьяго рога, найденнаго въ Черниговскомъ курганѣ.

Рисунки наши не вполнѣ (рис. 2, 3, 4) представляютъ оправу съ технической стороны фонъ ея сплошь покрытъ кружками наколомъ, выполненными также точно, какъ на серебряныхъ сосудахъ изъ Перми, позднѣйшаго характера; помянутая серебряная фляжка, найден-

имѣетъ, однако, ширину не болѣе 1 вершка; серебряная пластинка на мѣстѣ укрѣпленія ножки была вызолочена, но оказалась раздавленною. Рогъ найденъ въ курганѣ, въ 7 верстахъ отъ Симферополя. При прахѣ были желѣзные дротики, топоръ, котораго деревянная рукоять была обвита золотою лентою; у пояса точильный брусокъ, съ рукоятью въ золотой оправѣ; на шеѣ была золотая гривна съ наглавниками въ видѣ львиныхъ головокъ; на правой рукѣ золотое кольцо змѣйкою, на лѣвой—серебряное съ печатью; въ гробницѣ найдена вазочка чернаго лаку, глиняный кувшинъ и амфора. Древности относятся къ эпохѣ до Р. Х.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ная въ 1895 г., съ арабскою молитвенною надписью IX—X стол., чрезвычайно сходна также по рисунку копьеобразныхъ лилій, образующихъ побѣги и разводы вокругъ горельефовъ, изображающихъ уточекъ, головы верблюдовъ, птицъ, съ одной стороны, съ запонами изъ земли Войска Донскаго (ср. вып. III Русскихъ Древностей, рис. 179), съ другой—съ Черниговскими рогами. Рельефъ или чеканъ оправы низкій, небрежнаго рисунка, съ крайне грубыми, почти дѣтскими изображеніями людей и отличными фигурами животныхъ, какъ и обычно въ восточномъ искусствѣ; но въ рельефѣ, послѣ чекана, мастеръ все проходилъ рѣзцомъ и, какъ говорится у художниковъ, засушилъ до крайности все изображеніе; впрочемъ, такою су-

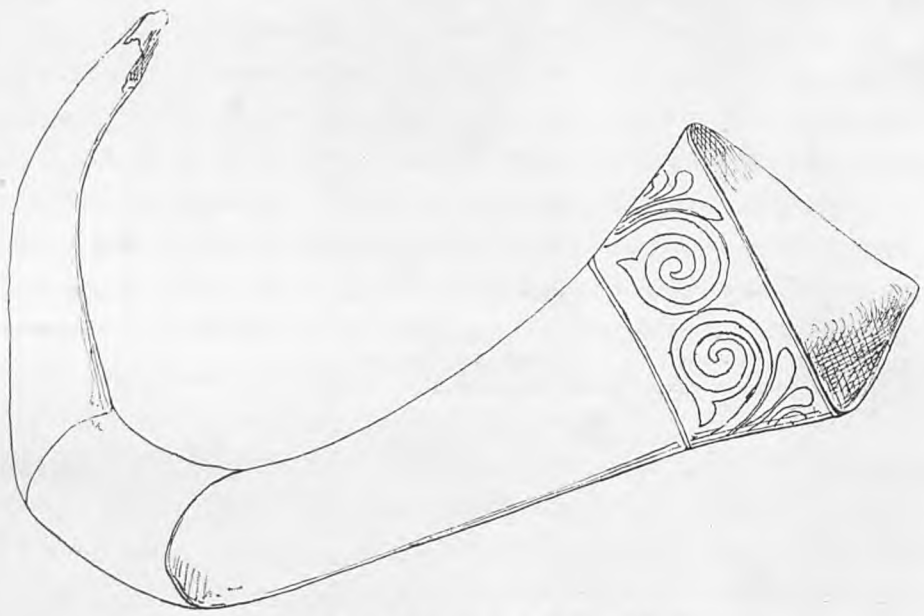

Рис. 5. Рогъ, найденный въ курганѣ близъ г. Симферополя.

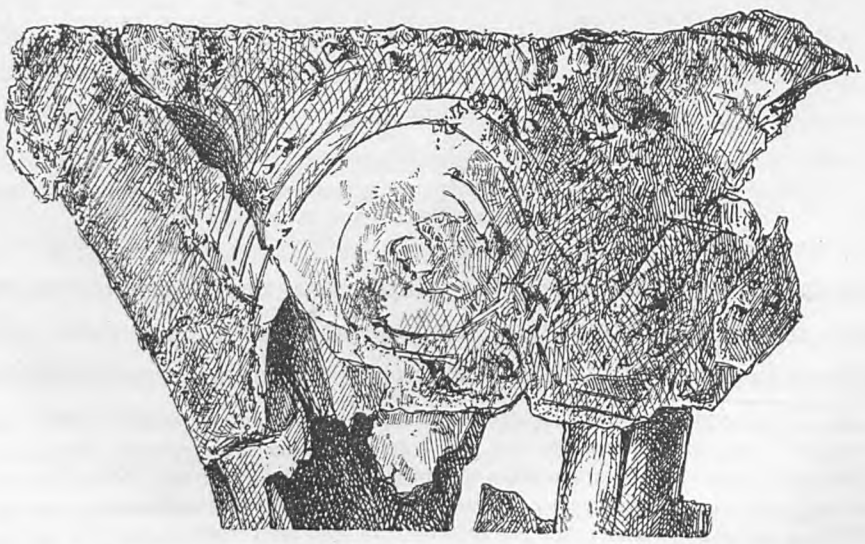

Рис. 6. Деталь рога, найденнаго въ курганѣ близъ г. Симферополя.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

хостью, ремесленною рѣзкостью контуровъ, геометрическою правильностью фигуръ, схематизмомъ растеній и животныхъ, выработкою деталей, въ ущербъ цѣлаго, и отсутствіемъ пластичности отличаются всѣ рѣзныя издѣлія на металлѣ и мраморѣ въ періодъ VIII—X столѣтій. По нижнему бордюру Черниговскихъ роговъ имѣется какъ разъ побѣгъ, протянутый вдоль, съ лилейными концами и аканѳовыми; побѣгъ насѣченъ также, какъ на фляжкѣ, косыми зубчиками; затѣмъ нижній бордюръ нарѣзанъ щитками въ видѣ цвѣтка, тогда какъ верхній сдѣланъ изъ такихъ же цвѣтковъ, вырѣзанныхъ и набитыхъ поверхъ оправы; эти щитки украшены вѣточкою съ плющевыми листками, подобнаго рисунка, что на вещахъ Воронежскаго (Бирючинскаго) клада VIII вѣка.

Развернутый фризъ (рис. 4) представляетъ восточный сюжетъ—охоту, но какъ ни грубо переданы человѣческія фигуры съ ихъ непомѣрно большими луками и колчанами, все же, по ихъ льнянымъ панцырямъ, видно, что это сѣверные варвары, охотящіеся на большихъ птицъ съ собаками; одна птица падаетъ раненая, у другой перебито крыло; виденъ большой пѣтухъ съ фантастическими крыльями, имѣющими форму лилій на верху. Но затѣмъ посреди охоты представлены двѣ группы сплетшихся драконовъ и грифоновъ, образующихъ своими переплетеніями орнаментальное подобіе буквы М, извѣстное намъ еще въ византійскихъ мозаикахъ какъ декоративная форма для бордюровъ (такъ наз. *промежуточная волна*); хвосты драконовъ и грифоновъ, переплетаясь, образуютъ пальметту. На другомъ рогѣ ободъ украшенъ орнаментальнымъ плетеніемъ изъ лилій, тождественнымъ по рисунку съ рѣзьбою въ одной изъ мечетей Каира, а также и съ рельефнымъ орнаментомъ на наличникѣ двери сѣвернаго входа Георгіевскаго собора въ Юрьевѣ Польскомъ. Кромѣ формъ или рисунка лилейныхъ побѣговъ, ихъ разводовъ, здѣсь интересенъ и пріемъ нарубокъ или насѣчекъ, идущихъ вкось и обозначающихъ рельефность выпуклыхъ листьевъ по указанному особому, условному способу, принадлежащему IX—XII столѣтіямъ.

Но Черниговскіе рога способствуютъ намъ разрѣшить общій вопросъ объ источникахъ звѣриной орнаментики или, какъ у насъ издавна принято говорить, *звѣринаго стиля*: мы имѣемъ здѣсь наиболѣе раннее проявленіе этого стиля въ средѣ русскихъ древностей, и очевидно, единичность такого памятника въ X стол. происходитъ только отъ недостаточной ихъ извѣстности, отъ ихъ малаго числа. Извѣстно, что звѣриный стиль царитъ въ нашихъ рукописяхъ, украшеніяхъ и иниціалахъ въ періодъ XIII—XIV стол. и носитъ на себѣ спеціальный сѣверный или, точнѣе, сѣверо-западный типъ, который долженъ быть, конечно, поставленъ въ нѣкоторую связь со скандинавскими плетеніями и чудищами. Но эти отношенія составляютъ особый фактъ, подлежащій разсмотрѣнію всѣхъ орнаментальныхъ типовъ и группъ позднѣйшаго звѣринаго стиля, и между тѣмъ какъ для русскихъ курганныхъ древностей этотъ стиль не имѣетъ даже рѣшающаго значенія, онъ игралъ, вмѣстѣ съ чашечными фибулами, важнѣйшую роль въ гипотезѣ такъ наз. скандинавскаго или варяжскаго вліянія. Здѣсь пока не мѣсто разсматривать эту гипотезу, причины ея возникновенія, основное заблужденіе, выводящее Готѳовъ и ихъ культуру, по указанію Іорнанда, изъ Скандіи, ошибочныя наблюденія надъ древностями

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Финновъ, Славянъ и Шведовъ, хронологическую теорію Скандинавовъ, построенную на ихъ періодахъ или вѣкахъ, и пр. Для нашей задачи достаточно выяснить нашу собственную точку зрѣнія, по которой Скандинавы, а съ ними и наши Варяги, конечно, весьма многое заимствовали съ юга, и если не отъ однихъ Славянъ, то черезъ Славянъ, при ихъ посредствѣ. Сюда относятся и тѣ зачатки звѣринаго стиля, связаннаго съ плетеніемъ, и относящагося къ періоду IX—XII вѣковъ, которые, и по предметамъ и по формамъ, имѣютъ много общаго съ русскими древностями [1]), но не стоятъ собственно въ прямой связи съ звѣриными формами готѳской орнаментаціи. Было время, и сравнительно недавно [2]), когда были извѣстны только византійскія рукописи XI—XII вѣка съ фигурными иниціалами, и когда для скандинавскихъ археологовъ было возможно отрицать руководящее вліяніе византійскаго искусства и иногда даже (теперь странно сказать!) было возможно предполагать, что, наоборотъ, оно заимствовало изъ Скандинавіи свои изящные фигурные иниціалы изъ звѣрей, монстровъ и переплетеній. Руководясь принятымъ взглядомъ, приходилось видѣть въ звѣриной орнаментикѣ самобытный плодъ сѣверной фантазіи, воспитанный на миѳахъ и сагахъ, словомъ, уходить отъ науки и торной дороги въ дебри миѳологіи и символики. Крайній, мало понятный европейской наукѣ, фанатизмъ понуждалъ отдѣлить сѣверное искусство, какъ нѣкій очагъ творчества и художественной фантазіи: въ сравненіи съ нимъ, византійское искусство, арабское, также персидское, оказывались мертвымъ повтореніемъ все однѣхъ формъ. Для того, чтобы доказать эту удивительную косность, стоило только выполнить надъ каждымъ искусствомъ одинъ несложный и нехитрый процессъ. анализа основныхъ элементовъ, начиная съ архитектуры, кончая миніатюрою. Понятно, вездѣ такими элементарными формами оказывались типы и формы, уже извѣстныя въ антикѣ, напр. листъ плюща, лоза, аканѳъ, въ мірѣ животномъ—левъ, грифъ, орелъ, дельфинъ, или эмблемы христіанскія: голубь, рыба, павлинъ, олень [3]). За то, этотъ способъ вовсе не примѣняется къ скандинавскимъ древностямъ, и мы, желая быть справедливыми, также этого не желаемъ, признавая за ними свой особливый типъ, который, правда, скандинавамъ не удалось пока опредѣлить и обособить отъ другихъ родственныхъ. Ясное дѣло, что задача изслѣдованія арабскаго стиля заключается не въ одномъ только анализѣ основныхъ элементовъ или формъ, но въ характеристикѣ того оригинальнаго «синтаксиса», декоративной системы, которая и составляетъ душу арабесокъ, арабскаго стиля во всѣхъ его пошибахъ. Затѣмъ, мы въ настоящее время знаемъ уже цѣлый рядъ греческихъ рукописей, съ звѣриными иниціалами, оленями, слонами, зайцами, птицами, сфинксами, грифами и драконами, чудищами, въ родѣ одноногихъ людей и пр., и эти рукописи относятся къ X столѣтію, по записямъ [4]); въ нихъ плетеніе

---

[1]) Въ изд. О. Монтеліуса, *Antiquités Suédoises*, 1875, рис. 516, 522, 524, 552, 553, 567, 596, 607.

[2]) Sophus Müller, *Thier-Ornamentik im Norden*. 1881, p. 163 sq.

[3]) На томъ же пріемѣ основанъ анализъ отдѣльныхъ стилей въ недавнемъ трудѣ г. Алоиса Ригля, *Stilfragen. Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik*, 1893, сочиненіи прекрасномъ въ частностяхъ и чрезвычайно полезномъ, но погрѣшающемъ въ этихъ анализахъ см. гл. IV, стр. 272—346.

[4]) См. наше *Путешествіе на Синай* въ 1881 г., Одесса, 1882, стр. 125—9, атласъ, листы 79—85. Ср. также В. В. Стасова, *Слав. и восточ. орнаментъ*, атласъ, таб. 121—125.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

заставокъ переходитъ мѣстами въ плетеніе змѣй, на концахъ ремней и лентъ появляются головы драконовъ, или голова и руки проглоченнаго чудищемъ человѣка, буквы принимаютъ видъ грифовъ, несущихъ человѣка (Александра Македонскаго), двухъ драконовъ, извивающихся вокругъ руки. Но еще пышнѣе и богаче, и разнообразнѣе является звѣриный орнаментъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ сирійскихъ, коптскихъ и армянскихъ, оригинальные инициалы которыхъ собраны и факсимилированы въ драгоцѣнномъ изданіи В. В. Стасова, все ожидающемъ отъ автора своей разработки [1]). Нечего и прибавлять также, что византійское искусство гораздо богаче формами, чѣмъ тѣ, которыя мы перечислили, и что инициалы XI вѣка поражаютъ насъ своимъ разнообразіемъ и изяществомъ, что затѣмъ это же искусство разработало орнаментальную форму лиліи, пальмы, лавра, аканѳоваго развода, всякаго рода драгоцѣнныхъ камней и пестрыхъ облицовокъ, инкрустацій, разнообразныхъ коймъ и бордюровъ, и за послѣднюю четверть нашего вѣка возстановлено въ своемъ высокомъ художественномъ достоинствѣ. Нечего повторять, наконецъ, что именно оно ввело въ декоративный обиходъ міръ звѣрей, и коней, и рыбъ, и птицъ, и заморскихъ обезьянъ, и монстровъ далекой Индіи, также какъ именно греко-византійская письменность передала на сѣверъ сказанія Александріи и Физіолога. Именно въ этой византійской передачѣ узнавала варварская Европа сириновъ и кентавровъ, Горгону и жену исполинскую, обвитую змѣемъ, кинокефаловъ, быковъ о пяти ногахъ (ассирійскихъ демоновъ хранителей), людей объ одномъ глазѣ, одной ногѣ. Сказанія объ Индійскомъ царствѣ, вошедшія въ составъ Александріи, передавали о сатирахъ, гигантахъ, тиграхъ и львахъ, бѣлыхъ медвѣдяхъ, метаголынаріяхъ (methagallinarii)—кочетахъ, на нихъ же ѣздятъ люди (повидимому, такой кочетъ изображенъ на Черниговскомъ рогѣ и на плафонѣ Палатинской капеллы), саламандрѣ, ипотамахъ, птицѣ гигантской ногоѣ, фениксѣ, затѣмъ о разнообразныхъ монстрахъ: людяхъ съ 4 и 6 руками, съ звѣриными ногами, на половину съ тѣломъ птицы, или о птицахъ съ человѣческимъ лицомъ, людяхъ крылатыхъ, со многими головами и пр. Ближайшимъ доказательствомъ ранняго распространенія на югѣ Европы звѣринаго стиля именно въ видѣ этихъ сказочныхъ монстровъ представляютъ, какъ извѣстно, капители атріума церкви Св. Амвросія въ Миланѣ: тамъ уже есть и драконы, выпускающіе изъ пастей тесьму, и пегасъ съ химерою, и кентавръ съ копьемъ (повторенный потомъ рельефами многихъ бронзовыхъ дверей XII—XIII в.), крылатые грифы, тигры, бараны о двухъ туловищахъ, звѣри, перевитыя хвостами и затѣмъ различные звѣри въ византійскихъ завиткахъ; въ томъ же соборѣ каѳедра, помѣщающаяся надъ саркофагомъ, и относящаяся къ началу XI вѣка, и порталъ покрыты плетеніями и монстрами весьма характернаго грековосточнаго типа. Что этотъ типъ звѣриныхъ эмблемъ наиболѣе нравился сѣвернымъ варварамъ, можетъ быть потому, что былъ въ ихъ исконныхъ вкусахъ, воспитанныхъ Востокомъ, мы находимъ напр. доказательство на тѣхъ византійскихъ свинцовыхъ печатяхъ префектовъ ἐπὶ τῶν βαρβάρων и чиновниковъ, завѣдывавшихъ пріемомъ варваровъ въ Византіи, которыя представляютъ намъ волковъ, львовъ, орловъ, грифоновъ

[1]) *Славянскій и восточный орнаментъ*, *Сирійскія рукописи* на таб. 126 и 129; коптскія V—VIII вѣковъ на 132 таб., VIII—X на 133-й; армянскія X—XII на 141-й и т. д., грузинскія на таб. 149.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

(Варяги и гвардія носила это прозвище), крылатыхъ драконовъ, орла, душащаго змѣю и пр. [1]). Не даромъ драгоцѣнные кубки, рѣзные изъ горнаго хрусталя, украшаются въ это время тяжелыми геральдическими львами, химерами, глотающими побѣги винограда [2]). Затѣмъ, по самой техникѣ и манерѣ изображенія мы можемъ сравнить именно только съ такъ называемыми восточными издѣліями, появляющимися въ VIII — IX стол. въ Перми и на Югѣ Россіи, напр. изданною недавно [3]) парою золотыхъ аграфовъ изъ земли Войска Донскаго, или же арабскими вещами, какъ напр. рѣзьбою на слоновой кости на ящичкѣ 961—976 гг. въ Кенсингтонскомъ музеѣ [4]). Иное дѣло украшенія звѣринаго стиля съ ременнымъ плетеніемъ на черенкѣ меча, найденнаго въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губ. [5]): здѣсь скандинавскаго типа и мечъ, и самыя украшенія. Но «книга путей» Ибнъ-Хордадбе (ок. 870 г.) обстоятельно говоритъ, что «русскіе купцы» (изъ земли Новгородскихъ Славянъ)—они же суть племя изъ славянъ—вывозятъ (на Волгу, въ Итиль) мѣха выдры (бобра?), черныхъ лисицъ и *мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи* къ румскому морю (Средиземному), и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. Широкіе, волнообразные (по ковкѣ) клинки франкской работы видѣлъ Ибнъ-Фодланъ около 920 годовъ у русскихъ купцовъ въ Итилѣ.

Впрочемъ, всякій непредубѣжденный взглядъ легко откроетъ разницу между сѣвернымъ «звѣринымъ» орнаментомъ и нашими двумя парами сплетшихся драконовъ и грифовъ. Мы уже указывали на декоративную роль этихъ фигурныхъ сплетеній: онѣ раздѣляютъ фризъ на части. И дѣйствительно, мы находимъ эти сплетенія нерѣдко въ замкахъ свода, въ центрѣ фриза, окаймляющаго арку, на капителяхъ. На аркѣ крипты Св. Зенона въ Веронѣ (около 1139 г.) можно видѣть двухъ аспидовъ, сплетшихся длинными шеями, въ рѣзномъ фризѣ; на современномъ барельефѣ въ Museo Civico Вероны изображены два сплетшіеся аиста. На Pala d'oro одинъ эмалевый медальонъ (XI вѣка) представляетъ двухъ драконовъ, свившихся хвостами вокругъ райскаго древа съ птицами и павлинами. На фризахъ и капителяхъ атріума ц. С. Амвросія въ Миланѣ можно видѣть рядъ декоративныхъ фигуръ: львовъ объ одной головѣ, пару грифовъ, сплетшихся хвостами, съ пальметкою на концѣ хвостовъ, тигра, барана съ двумя туловищами, людей съ разводами того же крина и такія же лиственныя плетенія, какъ на Черниговскомъ рогѣ, но, должно оговориться, мы не считаемъ возможнымъ относить всѣ эти капители къ IX вѣку, какъ это принято дѣлать, полагая, что отъ первоначальнаго атріума (IX столѣтія или точнѣе временъ Людовика Благочестиваго) уцѣлѣло ко времени передѣлки собора въ XII вѣкѣ весьма немногое. Пару переплетающихся драконовъ

---

[1]) Schlumberger, G. *Sigillographie Byzantine*, p. 447—8, 451—2, 454—5.

[2]) Подобные кубки и чаши въ ризницѣ ц. Св. Марка въ Венеціи: Ongania, *Il Tesoro di San Marco:* tav. 51, 52; на древней оправѣ послѣдняго рубчатая форма листвы, вѣтокъ и фигуръ тождественна съ Черниговскимъ рогомъ, и чаша, по надписи, съ именемъ имама 975—996 г., см. Pasini, текстъ, стр. 93.

[3]) *Русскія древности въ памятникахъ искусства*, вып. III, рис. 179.

[4]) *The South Kensington Museum, examples ot the works of art*, 1881, I, pl. 61, 94.

[5]) Нынѣ въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Имп. Эрмитажа. Изд. В. Г. Тизенгаузеномъ въ «*Древностяхъ*». *Труды Московскаго Арх. Общ.* III, таб. XIV.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

находимъ на крыжѣ церемоніальнаго меча (épée du sacre) королей Франціи (въ Музеѣ Лувра, конца XII вѣка). На крестѣ Фердинанда I короля Испаніи, съ надписью: Ferdinandus rex et Sancta regina († 1067 г., въ Археологическомъ Музеѣ Мадрида), по оригинальной каймѣ вокругъ горельефнаго Распятія, изъ слоновой кости, и по всему кресту на оборотной сторонѣ, изображены человѣческія фигуры, въ самыхъ причудливыхъ положеніяхъ, чаще всего скрюченныя, ползущія, раздираемыя звѣрями и монстрами, изъ композиціи Страшнаго Суда и ада, а также всевозможныя чудища въ плетеніяхъ, грифоны, химеры, охотящіеся кентавры и пр.

Впослѣдствіи мы еще вернемся къ подробному анализу этихъ звѣриныхъ орнаментовъ въ русскихъ древностяхъ, въ частности, въ находкахъ Гнѣздовскаго могильника (и клада) Смоленской губерніи, которыя представляютъ также для X-го вѣка рядъ изображеній, относимыхъ къ сѣверному, спеціально скандинавскому типу. И тамъ, наряду съ геометрическими рисунками, растительными побѣгами и завитками, бисерными нитями и наборами, сканными и филигранными украшеніями, лунницами и бусами, обычно принимаемыми за арабскій стиль, мы находимъ ожерелья изъ костяныхъ лебедей, медальоны или бляшки съ переплетающимися драконами, двуглавыми орлами, чудищами внутри ременныхъ плетеній, баранами и козерогами и пр. и пр., словомъ, типическими деталями, которыя уже принято считать сѣвернымъ, для иныхъ — прямо скандинавскимъ орнаментомъ. Чтобы въ одномъ кладѣ было возможно сочетаніе двухъ стилей, тоже принято считать иныя вещи (менѣе характерныя) привозными, арабскими, или подражательными, другія, болѣе оригинальныя — скандинавскими.

Но мы намѣренно подобрали рядъ подобныхъ памятниковъ XI—XII вѣка южнаго происхожденія, и хотя на сѣверѣ есть современныя имъ вещи, однако, врядъ ли кто рѣшится сказать, что Италія и Испанія брали свои орнаментальные типы съ сѣвера: это не мыслимо, и всѣ знаютъ, что эти южныя страны такъ мало еще изслѣдованы въ сферѣ народныхъ древностей. Въ частности Испанія была нѣкогда наиболѣе богата ими, но ея народъ былъ дурнымъ, расточительнымъ наслѣдникомъ: онъ поспѣшилъ истребить ненавистную ему, иновѣрную культуру, разорить богатые города, разрушить или обезобразить дивныя мечети, уничтожить невѣжественною реставраціею чудные дворцы, сплавить драгоцѣнности и сжечь книги (библіотека Толедо въ нынѣшнемъ вѣкѣ). Такимъ образомъ, хотя на родинѣ Ислама и въ ближайшихъ его насажденіяхъ едва теперь начинаютъ открывать и замѣчать памятники арабскаго искусства, но все же знаютъ цѣлую ихъ серію, тогда какъ Испанія довольствуется немногими уцѣлѣвшими кусками, и Музей Мадрида не имѣетъ даже порядочной поливной посуды мавританскаго происхожденія. Поэтому, доселѣ только современные народные уборы Арабовъ и Сиріи [1]) доказываютъ, какъ увидимъ, тождествомъ формъ и пріемовъ техническихъ

---

[1]) Собранные въ Вѣнскомъ Восточномъ Музеѣ. Двѣ страницы, посвященныя Stanley Lane Poole, *The Art of the Saracens in Egypt* 1886, 202—204, ювелирному искусству, составлены по современнымъ издѣліямъ Каира.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и художественныхъ свое древнее родство съ русскими древностями. Мы находимъ у Арабовъ тѣ же цѣпи и цѣпочки; фибулы изъ Дамаска имѣютъ форму кольца съ утолщенными концами и иглою, подвѣски ожерелій и тамъ въ видѣ бляхъ, или также въ формѣ летящихъ птичекъ, двуглавыхъ птицъ, въ видѣ крина; тамъ находимъ пары плечевыхъ фибулъ съ подвѣсками въ типѣ мерянскихъ, обручи громадныхъ размѣровъ съ наглавниками и насѣчкою и пр.

Когда появится въ свѣтъ изданіе серебряныхъ сосудовъ такъ называемой сассанидской эпохи изъ Пермскаго края, предпринятое, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, нашимъ молодымъ ученымъ Я. И. Смирновымъ, тогда пополнится и серія документовъ, необходимыхъ для научнаго построенія исторіи арабскаго искусства, а между ними будутъ и памятники, исполненные въ томъ родѣ техники и съ тѣмъ характеромъ орнамента, которые мы изслѣдуемъ. Пока мы укажемъ только на серебряный сосудъ изъ Соликамска (находки 1895 г.) и серебряный сосудъ въ собраніи Е. И. В. В. К. Алексѣя Александровича: тотъ и другой относятся къ X вѣку. Что касается многочисленныхъ издѣлій мѣдной посуды, украшенной серебряною и черневою инкрустаціею (таушировкою, all'agemina) и рѣзьбою, то сама эта техника началась только въ XIII вѣкѣ, къ которому и относится большинство лучшихъ образцовъ, начиная съ такъ называемой чаши св. Людовика въ Луврѣ и кончая многочисленными собраніями Кенсингтонскаго Музея, Императорскаго Эрмитажа и пр. [1]); предположеніе, что эта техника происходитъ еще изъ древней Ассиріи и существовала постоянно, пока ничѣмъ реальнымъ не подтверждается, и потому въ искомомъ подборѣ памятниковъ получается странный рѣзкій перерывъ въ два вѣка.

Въ самой Испаніи мы встрѣтили для исторіи варварскаго искусства между IV—X столѣтіями нѣсколько вещей, случайно добытыхъ изъ земли: въ Мадридѣ, въ Археологич. Музеѣ, двѣ бронзовыя пряжки [2]), неизвѣстнаго происхожденія, орнаментированныя птичьими головами, на подобіе готскихъ древностей. Въ Гигеруела (Higueruela), провинціи Альбасеты, въ 1867 г. найденъ былъ рядъ *золотыхъ вещей* (намъ извѣстныхъ только по фотографическому снимку, оказавшемуся въ Музеѣ Кордовы): колье изъ десяти золотыхъ бусъ, украшенныхъ сканью, въ видѣ полосокъ и кружковъ (кіевскаго типа), а также пупырчатыхъ и продолговатой формы, четырехъ квадратныхъ пластинокъ побольше, орнаментированныхъ съ лица сканью, и 4 поменьше съ гнѣздами для камней, пары круглыхъ съ гнѣздами, и одной бляшки въ видѣ звѣзды о 6 лучахъ съ гнѣздомъ для жемчуга; вещи относятся къ IX—X стол. Подобной же техники большой *крестъ* въ соборѣ Obiedo, такъ называемый крестъ Пелагія, короля Леона († 737). Ко всѣмъ этимъ предметамъ мы еще обратимся ниже, какъ къ пособію для характеристики русскихъ древностей X—XI столѣтій. Между тѣмъ, за весь періодъ X—XI вѣковъ изъ металли-

---

[1]) Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt.* 1886, Глава VII, о металлическихъ издѣліяхъ, стр. 151—158, 170—200, съ описаніемъ 27 вещей.

[2]) Залъ арабскаго иск., № 908 и 1014.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ческихъ вещей мы знаемъ въ Испаніи только чашу или потиръ въ церкви св. Исидора въ Леонѣ, изъ яшмы, въ золотой сканной оправѣ, съ именемъ короля Фердинанда I, выложеннымъ сканью на ножкѣ,—вещь замѣчательную и для насъ чрезвычайной важности по техническому тождеству съ нашими древностями, но не знаемъ вовсе металлическихъ издѣлій арабскаго происхожденія. Инаго мастерства арабскихъ вещей, напротивъ того, много и въ Европѣ (гдѣ, конечно, всѣ эти вещи отлично извѣстны и вошли въ общія руководства по исторіи арабскаго искусства) и въ Испаніи, гдѣ, однако, эти вещи еще остаются мало извѣстными даже спеціалистамъ. Для нашей задачи эти предметы важны только какъ указаніе проявляющагося въ нихъ «звѣринаго стиля», правда, въ своеобразной восточной формѣ отдѣльныхъ флероновъ съ обычными сюжетами: пирующаго царя, двухъ всадниковъ, воиновъ на слонахъ, охоты, грифовъ, орловъ, павлиновъ, хищника, терзающаго газель и пр. Пару шкатулокъ этого типа можно видѣть въ Мадридѣ, въ Археологическомъ Музеѣ (№ 1015 и 1053); замѣчательной

Рис. 7. Рельефъ на Мавританскомъ водоемѣ, находящемся въ Валенсіи, XII вѣка.

работы, большая шкатулка въ соборѣ Пампелуны, относится къ XI—XII вѣкамъ, какъ вообще всѣ рѣзныя шкатулки изъ слоновой кости, дерева и пр. Все это произведенія ремесленныя, мало вносящія новаго въ исторію. Изъ произведеній скульптуры въ камнѣ любопытны водоемы мечетей или чаши омовеній (pila de abluciones). Таковъ извѣстный водоемъ въ Альгамбрѣ съ грубыми барельефами, представляющими львовъ, терзающихъ четыре газели, и колоссальную птицу, уносящую на своихъ крыльяхъ и въ когтяхъ разныхъ звѣрей. Другой водоемъ, происходящій изъ Севильи, по мнѣнію Испанцевъ, изъ бывшаго когда то волшебнаго дворца Medinat az Zahira, близь Кордовы, построеннаго Аль-Манзоромъ, намѣстникомъ халифа, украшенъ только орнаментальными аркадами и въ нихъ растеніями. Третій водоемъ изъ Валенсіи (Jatira), относящійся къ XII вѣку и нами здѣсь издаваемый въ рисункѣ (рис. 7), кромѣ обычныхъ сценъ битвы всадниковъ и возвращенія съ охоты, представляетъ еще въ медальонахъ сплетшихся павлиновъ, льва, терзающаго животное, и странную фигуру, кормящую младенца. Бросающееся въ глаза сходство фигуръ охотниковъ, ихъ рубашекъ и чресленныхъ препоясаній у рабовъ, съ фигурами Черниговскаго рога побуждаетъ насъ, кромѣ изданія этого любопытнаго памятника, путемъ сближенія указать на отдаленный восточный оригиналъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Итакъ, по техникѣ, пріемамъ украшенія и орнаменту, Черниговскіе рога, дѣйствительно, представляютъ ранній памятникъ того восточнаго искусства, которое, при посредствѣ сирійской промышленности и арабскихъ торговцевъ, было непосредственно передано крайней восточной и крайней западной Европѣ, но котораго формы были, затѣмъ, развиты всею южною Европою и черезъ посредство Германіи перешли на сѣверъ. Это не былъ, и для IX—X вѣковъ не могъ быть, собственно арабскій стиль, но лишь продолженіе сассанидскаго періода, и звѣриный стиль, здѣсь наблюдаемый, есть своего рода старина, которая потомъ, въ передовыхъ мѣстностяхъ и декоративныхъ работахъ исчезаетъ и замѣняется стилемъ растительной орнаментики, точь въ точь, какъ такая же орнаментика въ стилѣ готическомъ, принявъ сначала старый романскій «звѣриный стиль», затѣмъ его покидаетъ. Но старина восточнаго звѣринаго стиля не исчезаетъ, она становится достояніемъ народныхъ художествъ (напр. въ *поливной посудѣ*, о чемъ ниже) и доживаетъ до XII вѣка, когда вновь переходитъ въ орнаментику южной и сѣверозападной Европы, подъ именемъ «стиля романскаго». Понятно, какое значеніе получаетъ кіевская Русь въ исторіи этихъ броженій вкусовъ и стилей, связанныхъ съ передачею вѣковой культуры Востока европейскому Западу.

Тѣсныя преемственныя связи древней Руси съ современною культурою древняго Востока вспоминаются по преимуществу нашими былинами. Когда былина описываетъ городъ, то что̀ бы она ни разумѣла подъ «Индіею богатою», воспѣвая то ея «бѣлокаменныя палаты» съ «точеными» колоннами, «золочеными крышами», то «самоцвѣтныя маковки» церквей и «сорочинскія сукна», «разостланныя» «на мостовыхъ», но пѣвецъ въ своемъ воображеніи рисуетъ такую же восточную картину, старинное начертаніе былаго, какъ Гомеръ, когда, представляя себѣ древнефиникійскія издѣлія, описываетъ щитъ Ахиллеса. Въ «крѣпкой городской стѣнѣ» ворота желѣзные, «крюки-засовы все мѣдные, стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ, мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти»—повидимому, восточная ажурная рѣзьба, съ выкладкою, работы индо-персидскихъ мастерскихъ. Еще яснѣе детали восточной архитектуры въ воспѣваемыхъ «трехъ теремахъ златоверховыхъ»: «красота поднебесная» тамъ дворъ—на семи верстахъ; около двора—желѣзный тынъ, на всякой тынинкѣ—по маковкѣ, по жемчужинкѣ. Первыя ворота—вальящатыя, другія—хрустальныя, третьи—оловянныя. Подворотенки—серебряныя (или рыбій зубъ). При входѣ блеста́ позолоченая (кольцо). Терема—высокіе, златоверхіе, или съ золотыми маковками: палата—бѣлокаменная: крыльцо—бѣлодубовое: сѣни—рѣшетчатыя или стекольчатыя. Грядки—бѣлодубовыя, покрыты сѣдымъ бобромъ, потолокъ—черныхъ лисицъ; матица вальженая, полъ середа одного серебра, а иногда кирпичный. Крюки да пробои у дверей по булату злачены. Окошки косящетыя, оконницы хрустальныя или стекольчатыя, причалины серебряныя, обиты окошечки лисицами, куницами и соболями. Столбы въ палатѣ—деревянные, точеные, повыше рукъ золоченые. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце, въ теремѣ солнце, на небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды, на небѣ заря и въ теремѣ заря и вся красота поднебесная».

Обиліе драгоцѣнныхъ камней въ конскомъ уборѣ—ясная картина восточнаго варварства:

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

«у коня промежъ глазъ (*начельникъ*) и подъ ушами самоцвѣтное насажено каменье, да не для ради красы да молодецкія, для ради осеннихъ темныхъ ноченекъ» (свѣтящійся амулетъ), и «камни самоцвѣтные, все яхонты втираны» въ стрѣлы Дюка Степановича. Чудный сынъ, приносимый Настасьею Королевичною молодцу Дунаю, представляетъ ребенка, покрытаго серебромъ и золотомъ (идола): по колѣна ножки въ серебрѣ, по локотки ручки въ золотѣ, по головѣ, по косицамъ звѣзды частыя. Изъ восточныхъ рѣдкостей взятъ и тотъ хрустальный ларецъ, въ которомъ Святогоръ богатырь везетъ на плечахъ свою жену богатырскую, когда полякуетъ или кочуетъ. И если пѣвецъ живописуетъ намъ пріѣздъ королевича, или паленицы къ богатырской заставѣ, что «по праву руку молодца летитъ ясенъ соколъ, на рукахъ онъ держитъ третра перо (вабило), сквозь пера не видно лица бѣлаго», то въ основу этой картины должны были лечь тѣ безчисленныя изображенія царя на соколиной охотѣ, съ летящимъ поверхъ его соколомъ, которыя переданы на восточной утвари, ларцахъ, зеркалахъ, и пр. Всѣ былинныя представленія нынѣшнихъ одеждъ, шелковыхъ рубахъ, куньей шубы, ожерелій или воротниковъ, полны восточныхъ деталей: шелкъ, камка, дорогая «струйчатая» (полосатыя, двуцвѣтныя: зеленое съ краснымъ, бирюзовое съ пурпуромъ, бѣлое съ коричневымъ, сирійскія ткани, бывшія въ модѣ въ византійской имперіи съ X вѣка), ткани строчены золотомъ и серебромъ, смурые кафтаны изъ «рудожелтой тафты» («золотная»), и на «цвѣтномъ» платьи Дюковой матушки были подведены луна поднебесная, красное солнышко, свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣздочки. Извѣстно по фантастичности описаніе золотыхъ пуговокъ кафтана у Чурилы Пленковича и Дюка Степановича: въ каждой пуговкѣ было влито по доброму молодцу, въ каждой петелькѣ по красной дѣвушкѣ: какъ застегнутся, такъ и обоймутся, а разстегнутся, такъ поцѣлуются; или въ петли было вплетено по лютой змѣѣ, а въ пуговки влито по лютому звѣрю, и какъ станетъ Дюкъ плеточкой по пуговкамъ поваживать и пуговку о пуговку позванивать, такъ запоютъ птицы пѣвучіе, закричатъ звѣри рыкучіе, засвищутъ змѣи во всю голову; или какъ станетъ Илья тросточкою по пуговкамъ поваживать, лютые львы разревѣлись, а на каждой пуговкѣ по заморскому льву. Но и эта фантастическая картина имѣетъ также свое реальное основаніе въ тѣхъ восточныхъ художественныхъ образцахъ Сиріи, Персіи и Индіи, которые еще въ IX—X столѣтіяхъ положили основаніе въ уборахъ мужскихъ, женскихъ и конскихъ основаніе позднѣйшему такъ наз. звѣриному стилю; уже одно упоминаніе заморскаго льва должно было бы намъ указать на Востокъ, если бы мы не знали происхожденія этого стиля по вещамъ. Конечно, мы пока еще не можемъ съ точностью рѣшить, какого именно рода шапки разумѣются подъ колоколами, надѣваемыми на голову нѣкоторыми богатырями, но если мы поймемъ, почему при словѣ «колоколъ» пѣвецъ уже воображаетъ себѣ мѣдный колоколъ, въ сорокъ пудъ, то также легко представить себѣ, что это будетъ шляпа земли греческой и пр., и что пѣвцу, согласно съ эпическимъ творчествомъ, достаточно было въ реальныхъ предметахъ искусства, непремѣнно чуждаго, а потому таинственнаго, полнаго внутренней жизни, особаго смысла, волшебной силы, имѣть живую, органическую форму, чтобы придать ей самое движеніе жизни. Какъ яркая черта среднеазіатскаго

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Востока, представляются намъ металлическія украшенія, золотые плащи (стар. вмѣсто «бляхи») на шапкахъ, черныхъ мурманкахъ, ушастыхъ, пушистыхъ, завѣсистыхъ, что «спереди сведенъ да то свѣтелъ мѣсяцъ (въ современныхъ головныхъ уборахъ Индіи), а вокругъ то сведены частыя звѣзды, на верху шеломъ (поверхъ шапки, золотой, ср. шапку Мономаха) какъ будто жаръ горитъ». И кажется, излишне прибавлять, что именно изъ восточныхъ обычаевъ взято представленіе о тѣхъ, часто громадныхъ, зонтахъ, подсолнечникахъ (въ смыслѣ зонта, не растенія), которые носятъ надъ знатными особами, чтобы отъ краснаго солнца не запеклось лицо бѣлое». Равно было бы излишне перечислять черты восточнаго происхожденія въ описаніяхъ кованаго сѣдла черкасскаго, панцырей «чиста серебра», кольчугъ «красна золота», куяка (щитковыхъ или наборныхъ латъ изъ бляхъ, нашитыхъ на сукно), литой палицы съ кольцомъ, шелепуги (плети) или шалыги дорожной, или «плеточки шемахинской». Въ общей сложности, можно было бы даже прибавить, что поэмы и пѣсни монгольскихъ и тюркскихъ племенъ представляютъ, по сходству деталей архитектуры, вооруженія, одежды, убранства, какъ бы прототипъ русскихъ былинъ, только болѣе богатый, оригинальный, но эта близость нашихъ былинъ и поэмъ зависитъ отъ того, что онѣ воспроизводятъ одинъ и тотъ же имъ близкій, но равно имъ чуждый образецъ, извѣстный изъ эпическихъ разсказовъ, той высокой культуры мусульманскаго Востока, которая, съ поразительною быстротою, разцвѣла въ Египтѣ, Сиріи, Месопотаміи и Персіи въ IX—X вѣкахъ. Характерно уже и то, что всѣ эти детали восточнаго происхожденія приведены въ русскихъ былинахъ, такъ сказать, въ мѣру, что наиболѣе облегчаетъ пѣвцу композицію, даетъ ей ясность, а движенію его экспрессію, чего именно, за подавляющею массою деталей, часто недостаетъ въ тюркскихъ сказаніяхъ. Правда, изъ этого сходства обстановки, равно какъ тождества деталей нельзя заключать о непосредственной зависимости русскихъ былинъ отъ тюркскихъ пѣсенъ, за то, и здѣсь близость сюжетовъ говоритъ намъ объ основной близости культуръ: древней восточной и новой славянской, также какъ, по обилію львовъ, фантастическихъ и крылатыхъ звѣрей на древнѣйшихъ греческихъ вазахъ археологъ безспорно заключаетъ о той или иной связи, художественной и бытовой, древней Греціи съ передне-азіатскимъ Востокомъ.

И, дѣйствительно, изъ «Книги путей и государствъ» Ибнъ-Хордадбе, арабскаго географа, писавшаго въ 860 годахъ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что во второй половинѣ IX вѣка русскіе купцы ходили съ товарами до Багдада, а этотъ писатель зналъ о восточныхъ Славянахъ и русскихъ, повидимому, по лично-добытымъ извѣстіямъ, такъ какъ ему было легко пріобрѣсти ихъ во время его бытности начальникомъ почтъ въ Персидскомъ Ираке; только этотъ арабскій писатель знаетъ Славянскихъ князей, славянское происхожденіе Русовъ и пр. Полный, но къ сожалѣнію испорченный текстъ этого свидѣтеля гласитъ: «Путь купцовъ Евреевъ, которые говорятъ по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-андалузски, и по-славянски: они путешествуютъ съ Запада на Востокъ и Востока на Западъ моремъ и сушей. Что же касается купцовъ Русскихъ—они же Славянскаго племени—то они вывозятъ мѣха выдры (или бобра), черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Сла-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

вянской земли къ Румскому (греческому—Черному или Средиземному) морю, и царь Рума (Византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину вообще). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по Славянской рѣкѣ (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (Итиль), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (Грузинскому—юговосточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой берегъ. Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Иногда купцы берутъ путь за Арменіею, въ странѣ Славянъ, затѣмъ къ заливу столицы Хазарской, затѣмъ въ море Джурджана, затѣмъ къ Балху и Мавараннагру, потомъ до Сина (Китая)». А такъ какъ арабскій писатель жилъ въ то время, когда Новгородская (и Кіевская) область получила названіе Руси по преимуществу, то полагаютъ, что это были купцы Новгородскихъ Славянъ, которые, объѣхавъ предварительно области западно-русскихъ Славянъ и запасшись западно-европейскими товарами, ходили двумя путями въ Индію и Китай: сѣвернымъ, черезъ Среднюю Азію, и Южнымъ, черезъ Дамаскъ, Багдадъ и Синдъ. Другой безыменный арабскій писатель X вѣка, повторяя всѣ извѣстія Ибнъ-Хордадбе, прибавляетъ только, что Славянскіе купцы пристаютъ на Каспійскомъ морѣ въ Реѣ: «удивительно, что этотъ городъ есть складочное мѣсто всего міра».

Однако, вообще всѣ свидѣтельства арабскихъ писателей о Славянахъ и Руси только тогда могутъ быть принимаемы, безъ оговорокъ, когда будетъ вполнѣ выяснена этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей по этому древнѣйшему историческому періоду, чего далеко нельзя сказать доселѣ, и кромѣ того, именно въ этой части арабскихъ извѣстій даже показанія очевидцевъ нельзя поддерживать съ полнымъ убѣжденіемъ, а тѣмъ болѣе свѣдѣнія, повторяемыя многочисленными компилятивными сочиненіями X—XII столѣтій. Извѣстно, какъ далеко уходятъ отъ реальной дѣйствительности арабскія описанія Константинополя и византійскаго двора, а потому тѣмъ съ большею осторожностью должно относиться къ свѣдѣніямъ о необозримыхъ и мало доступныхъ Слявянскихъ странахъ, ихъ племенахъ и обычаяхъ. Самымъ характернымъ примѣромъ служитъ то явное и грубое смѣшеніе Славянъ, Русовъ—Норманновъ и волжскихъ Булгаръ въ одно племя Славянъ или Русовъ, съ главнымъ городомъ Булгара, въ которомъ живетъ ихъ царь, у наиболѣе извѣстнаго изъ всѣхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана, отправленнаго въ 920 годахъ халифомъ въ посольской свитѣ къ новообращеннымъ въ мусульманство волжскимъ Булгарамъ. Критическій анализъ извѣстій Ибнъ-Фадлана объ этихъ мнимыхъ Славянахъ: ихъ погребальныхъ и религіозныхъ обрядахъ (идолы въ видѣ столбовъ, сожженіе въ лодкѣ, удушеніе любимыхъ наложницъ), о ихъ царѣ, его колоссальномъ тронѣ, его жизни на лошади, 400 воинахъ тѣлохранителяхъ, безотлучныхъ прислужницахъ рабыняхъ, жилищахъ въ видѣ саклей и другихъ мелкихъ данныхъ быта, одеждъ и украшеній, все приводитъ къ окончательному убѣжденію, что въ Русахъ Ибнъ-Фадлана, а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ писателей, не возможно видѣть русскихъ Славянъ въ первую эпоху ихъ исторической жизни. Разсказы эти, по всей видимой реальности, въ высшей степени важны и любопытны для различныхъ финнскихъ и тюркскихъ народовъ с.-восточной Россіи, быть можетъ, именно волжскихъ Бул-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

гаръ. Кромѣ Волжскихъ Булгаръ, посредниками Руси въ ея торговлѣ съ Востокомъ были, видимо, Хазары, если не народъ, то торговыя факторіи ихъ страны. «Книга путей» Ибнъ-Хаукала (976—7 г.) повторяетъ съ особою настойчивостью, что большая часть товаровъ, мѣховъ и пр. привозится купцами изъ страны Русовъ и Булгаръ, частію изъ Куябы (Кіева), и что Русы продавали эти товары въ Булгарѣ, прежде чѣмъ разрушили его въ 358 (969) году (—вѣроятно, завоеваніе Дунайской Булгаріи Святославомъ). «Часть товара, однако, идетъ въ Ховарезмъ, по причинѣ частыхъ путешествій Ховарезмійцевъ въ Булгаръ и Славонію, и по причинѣ ихъ походовъ, набѣговъ на нихъ и взятія ихъ въ плѣнъ. Приливъ же торговли Русовъ былъ въ Хазранѣ (часть города Итиля, Хазарской столицы, Хазранъ или восточная половина Итиля); это не перемѣнилось — говоритъ Ибнъ-Хаукалъ — тамъ находилась большая часть купцовъ мусульманъ и товаровъ». Всего точнѣе говоритъ о волжскихъ Булгарахъ и ихъ торговомъ значеніи для восточной Россіи «Книга драгоцѣнныхъ сокровищъ» Ибнъ-Даста (писавшаго въ началѣ X вѣка): «Булгаръ граничитъ съ страною Буртасъ. Живутъ Булгаре на берегахъ рѣки, которая впадаетъ въ Хазарское море и прозывается Итиль, протекая между странами Хазаръ и Славянъ. Царь Булгаръ, Альмусъ по имени, исповѣдуетъ исламъ. Страна ихъ состоитъ изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ они и живутъ. Хазаре ведутъ торгъ съ Булгарами, равнымъ образомъ и Русы привозятъ къ нимъ свои товары. Всѣ, которые живутъ по обѣимъ берегамъ рѣки, везутъ къ Булгарамъ товары свои, какъ-то мѣха собольи, горностаевы, бѣличьи и другіе... Булгаре народъ земледѣльческій и воздѣлываютъ всякаго рода зерновый хлѣбъ, какъ-то: пшеницу, ячмень, просо и другіе.— Булгары производятъ набѣги на Буртасовъ (Мордву), грабятъ ихъ и въ плѣнъ уводятъ. Они имѣютъ лошадей, кольчуги и полное вооруженіе. Подать царю своему они платятъ лошадьми и другимъ. Отъ всякаго изъ нихъ, кто женится, царь беретъ себѣ по верховой лошади. Когда приходятъ къ нимъ мусульманскія купеческія суда, то берутъ съ нихъ десятину. Одежда ихъ похожа на мусульманскую; равнымъ образомъ и кладбища ихъ какъ у мусульманъ. Главное богатство ихъ составляетъ куній мѣхъ. Чеканеной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха; каждый мѣхъ равняется двумъ диргемамъ съ половиною. Бѣлые, круглые диргемы приходятъ къ нимъ изъ странъ мусульманскихъ путемъ мѣны за ихъ товары». Извѣстно, что Зобейда, жена Гаруна алъ-Рашида, первая ввела въ Багдадѣ въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями и соболями.

Лѣтопись наша подъ 1024 годомъ знаетъ «мятежъ великъ и голодъ по всей странѣ (суздальской), идоша же по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито и тако ожиша». Владиміръ около 1006 г. позволилъ болгарамъ торговать по Окѣ и Волгѣ и далъ имъ для этого печати, но только по городамъ, не по селамъ, и равно русскіе купцы могли свободно ѣздить въ болгарскіе города. Торговыя связи продолжались и въ XIII вѣкѣ, и даже самое татарское нашествіе вызвало оживленіе торговли по Волгѣ. Русскія суда продолжали плавать по Волгѣ и имѣли склады въ Сараѣ, гдѣ была открыта даже особая сарайская епархія; въ то же время по Волгѣ ходили суда татарскія, армянскія, болгарскія, вообще различныхъ «бесерменъ».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Словомъ, Волжская Болгарія была, вѣроятно, центромъ хлѣбной торговли для обширнаго района, и русскіе, въ частыхъ случаяхъ нужды, уже съ XI вѣка получали оттуда хлѣбъ. Но черезъ Болгары, какъ впослѣдствіи черезъ Нижній-Новгородъ, шли въ Россію *пряности, ароматы, шелковыя матеріи, камни, атласъ, шелкъ, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія*, какъ-то: *блюда, цѣпочки, запястья, кольца, булавки, пуговки, бляхи* (восточное вооруженіе принято въ большинствѣ случаевъ отъ татаръ) и пр. Именно въ это время появилось и большинство восточныхъ названій, подъ вліяніемъ установившихся восточныхъ вкусовъ, для предметовъ убранства, костюма, художественной техники и пр.: *аламы* изъ персидскаго языка, *бархатъ* кизылбашскій, *ведро, жемчугъ* бурмицкій, ормужскій, *зарбафъ*—золотная ткань, *зендень, зендалъ, кабатъ*—одежда, *камка* индѣйская, *кафтанъ, кика, клобукъ, кишень*—карманъ, *козырь, канфаритъ*—покрывать точками, мелкою зернью пуговицы и пр., *моржи* — кисти, *объярь* — струйчатая шелковая ткань, *сарафанъ, тафта* (халяпская—изъ Алеппо), *топоръ, трунцалъ* (канитель), *шапка, шуба, шелкъ* (тохатскій изъ Токата) и пр., на что указываютъ и самыя прозвища: блюда *пьднинскія*, жемчугъ *гурмыжскій* или *бурмицкій*, копья *харалужныя* (вороненой стали), сафьянъ *кармазинный* и пр.

Но изъ всѣхъ данныхъ о торговлѣ Руси съ Востокомъ, прежде всего, ясно, что мы лишь условно можемъ говорить объ арабскомъ вліяніи и арабскомъ стилѣ, который будто бы наблюдается въ раннихъ древностяхъ русскихъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ широкимъ азіатскимъ или восточнымъ вліяніемъ, въ которомъ національные элементы или участвуютъ разомъ, по ихъ политической группировкѣ, или въ разные періоды, по условіямъ торговыхъ сношеній, близости и взаимныхъ нуждъ, или же по мѣрѣ преобладанія того или другаго вкуса: то Сирія, то Персія, то Малая и Средняя Азія выступаютъ здѣсь своего рода руководителями русской культуры. Все дѣло, въ концѣ концовъ, въ томъ, чтобы и намъ самимъ, наслѣдникамъ этой культуры, приступающимъ къ ея изученію, стать на истинную точку зрѣнія тѣснѣйшихъ родственныхъ связей древняго населенія Европейской Россіи съ Азіею, едва ли не на всемъ пространствѣ этой части свѣта. Въ свою очередь эта точка зрѣнія можетъ установиться у насъ только въ результатѣ новаго научнаго взгляда на *варварское* населеніе Россіи въ періодъ IX—X стол.: это варварство должно принимать не въ смыслѣ примитивной грубости, начальной, первой ступени цивилизаціи, но въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ принимали греки, называя древнихъ персовъ варварами, т. е. въ смыслѣ особой, отличной отъ Запада культуры восточнаго происхожденія и характера, наиболѣе оригинально выражавшейся въ быту кочевниковъ, но и возвышавшейся до блестящихъ, хотя кратковременныхъ, періодовъ процвѣтанія азіатскихъ царствъ, создавшихся завоеваніемъ и дружинами.

Въ разборѣ древностей эпохи переселенія народовъ мы уже имѣли случай подробно изложить тѣ основанія, по которымъ бытъ кочевниковъ въ извѣстную эпоху шелъ впереди быта земледѣльческаго по усвоенію культурныхъ формъ, хотя бы эти формы касались исключительно среды личныхъ украшеній, уборовъ, того, что называется доселѣ богатствомъ въ на-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

родѣ. Далѣе, анализъ древнѣйшихъ періодовъ русскаго искусства разъяснилъ намъ общій принципъ тѣсной и неразрывной связи типа уборовъ съ ихъ орнаментомъ, иначе говоря, логической необходимости этого послѣдняго, какъ выраженія служебной роли типа въ томъ или другомъ уборѣ. Этотъ принципъ указалъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ типомъ первоначальнымъ, не измѣненнымъ, но воспринятымъ однородною средою, находимъ ясное пониманіе его роли, которой не коснулась перемѣна, а потому еще не покинулъ основной орнаментъ. Не то мы видимъ съ переходомъ типовъ на сѣверо-западъ Европы, а потому и характеръ скандинавскаго орнамента является съ отличительнымъ характеромъ произвола и преувеличенія, какъ орнаментъ Индіи.

Въ русскихъ древностяхъ эпохи переселенія народовъ мы встрѣчаемъ напр. витыя гривны съ насаженными на обручъ металлическими бусинами: таковы большіе обручи изъ Гнѣздовскаго могильника и такія же гривны найдены въ Венгріи. Но эти бусы здѣсь сдѣланы желобчатыми (à goudrons) и, очевидно, воспроизводятъ желобчатыя бусы изъ смальты VII—VIII в., встрѣченныя въ натурѣ въ той же Венгріи, и вошедшія въ обиходъ, очевидно, тамъ, гдѣ эти стеклянныя вещицы были рѣдкостью—въ варварскомъ мірѣ Востока. И вотъ привычное украшеніе, надѣтое варварскою рукою на грубую проволоку, представляетъ потомъ обширное поле для ювелирныхъ типовъ металлической бусы, нанизанной на проволоку и закрѣпленной нитями. Тѣмъ же объясняется и форма большихъ височныхъ колецъ съ бусою внизу въ южной Россіи, Венгріи и современной Индіи. Такое же значеніе играетъ зернь, городки, пирамидки, жгутики, обнизки, ячейки изъ проволоки, самыя подвѣски въ видѣ листиковъ, колокольцовъ, шариковъ, колечекъ и пр. Вотъ почему вся орнаментація «готѳскихъ» древностей перешла цѣликомъ и въ Венгрію, Германію и Францію и въ Скандинавію, со всѣми деталями инкрустацій, головками птичьими и конскими, ползущими хищниками, охотами, миѳическими грифами.

Когда мы разсматриваемъ скандинавскія древности V—IX и X—XII столѣтій, собранныя въ національномъ музеѣ Стокгольма, насъ прямо поражаетъ масса серебряныхъ и отчасти золотыхъ издѣлій всякаго рода: обручей, браслетовъ, спиральныхъ колецъ и пр. Дѣйствительно, скандинавскіе археологи должны были невольно увлекаться этимъ богатствомъ своего музея и, вмѣстѣ съ Іорнандомъ, считавшимъ миѳическую Скандію страною officina gentium, видѣть въ ней officina artium. Но по мѣрѣ того, какъ вы разсматриваете въ деталяхъ эти витрины, набитыя серебромъ, мало по малу вашъ интересъ, съ начала крайне возбужденный, охладѣваетъ: вы вездѣ видите повтореніе, безконечное повтореніе одного и того же типа, нерѣдко варіанта, въ десяткахъ, сотняхъ экземпляровъ; и вездѣ такая бѣдность, скудость и убожество художественной формы, вездѣ такъ мало истиннаго искусства, такъ скупо оно и бѣдно, что всѣ эти безконечные клады начинаютъ казаться кучами ломанаго серебра, имѣющими весьма мало значенія. Выводъ этотъ, конечно, не окончательный, онъ не вѣренъ, и получается отъ подавляющей массы кладовъ съ нарѣзаннымъ, накрошеннымъ, такъ сказать, серебромъ, въ которомъ только впослѣдствіи начинаешь различать интересные типы, чудные художественные экземпляры. Всѣ эти клады, прежде всего, состоятъ изъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, накопленныхъ конунгами

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и викингами, все это на половину военная добыча, жалованье, наемная плата, цѣнный металлъ, только не расплавленный, а нарѣзанный для удобства храненія.

Насъ поражаетъ, затѣмъ, въ этихъ богатыхъ кладахъ, отсутствіе серегъ, бѣдность женскихъ уборовъ и украшеній,—черта, какъ разъ прямо противуположная русскимъ кладамъ, почти исключительно составленнымъ изъ уборовъ церковныхъ и личныхъ. Здѣсь, напротивъ, если и есть браслеты, то очевидно, по самой ихъ грубости, изъ нихъ нѣкоторые вовсе не служили для ношенія на рукахъ, а только имѣли эту форму, привычный типъ, по существу же были денежною цѣнностью опредѣленнаго вѣса, точно также какъ многочисленныя находки обручей, гривенъ въ Пермскомъ и Вятскомъ краѣ съ одной стороны и Витебской губерніи съ другой, не могутъ быть относимы къ господству обруча, какъ украшенія, но къ его употребленію здѣсь въ видѣ денежнаго знака. Вотъ почему напр. браслеты скандинавскіе не только грубы и толсты, но массивны, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ или дутые, или вообще тонкіе или легкіе, и грубые браслеты встрѣчаются здѣсь при 52 брактеатахъ изъ золота. Когда же пытаешься составить себѣ общій типъ скандинавскихъ украшеній V—VIII стол., то, кромѣ постоянныхъ фибулъ, ничего другаго не можешь указать иначе, какъ въ единичныхъ случаяхъ, очевидно, не дѣлающихъ весны.

Не касаясь самыхъ украшеній, изображенныхъ Antiquites Suédoises г. Монтеліуса за №№ 344—5, 356, 366—368, 416—8—9, 456—7, 467 и 471, мы замѣтимъ, что эти сравнительно выдающіеся по техническому совершенству и художественному достоинству предметы сопровождаются въ скандинавскихъ кладахъ и находкахъ массивными браслетами и шейными обручами, весьма грубыми, часто прямо кусками золотой проволоки, иногда массами золотыхъ спиралей изъ проволоки, изрѣдка электровыми; въ одномъ случаѣ дротъ, свитый спиралью, изъ золота 56%, весь былъ увѣшанъ мелкими спиральными кольцами, различной толщины, а рядомъ были найдены клубни спутанной золотой проволоки, куски золота, толстые обрубки электра и пр.; иногда спирали были находимы нанизанными, иногда разрѣзанными мелко въ куски (очевидно, не для того, чтобы удобнѣе было укладывать въ горшки, какъ думаютъ, а для вѣсовыхъ комбинацій).

Въ періодъ IX—X стол. мы встрѣчаемъ напр. большой кладъ изъ Гельсингланда, замѣчательно близкій по вещамъ и ихъ орнаментикѣ (подвѣсныя серебряныя лунницы и ажурныя бляшки) къ Гнѣздовскому кладу Смоленской губерніи, но опять же въ этомъ кладѣ на нѣсколько разнообразныхъ фибулъ приходится: одна серьга филигранная, одинъ обручъ и пара дротовъ, согнутыхъ на подобіе браслета, а затѣмъ уже идутъ простые серебряные дроты и т. д. Другой кладъ, съ англосаксонскими монетами, богатъ слитками, разными обручами, но изъ украшеній въ немъ только два толстыхъ золотыхъ браслета, чрезвычайно грубой работы. Третій подобный кладъ заключаетъ въ себѣ два толстыхъ серебряныхъ обруча съ наглавниками, какъ въ Гнѣздовскомъ кладѣ, даже орнаментированными также чернью и филигранью, поясъ изъ 19 наборныхъ бляхъ съ подвѣсными куфическими монетами и бляшками гнѣздовскаго типа и рисунка, но изъ нихъ средняя бляшка выдѣляется какъ будто особымъ «скандинавскимъ» рисункомъ, тогда какъ всѣ предъидущія скорѣе могутъ быть издѣліемъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Булгаръ, чѣмъ Швеціи; въ томъ же кладѣ оказалась 41 бусина, дутыхъ, изъ серебра, и между ними только восемь одинакихъ, а прочія всѣ сборныя, и нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, сняты съ серегъ. Вотъ напр., далѣе, что̀ представляетъ витрина съ находками и кладами IX—X столѣтій (и гораздо позднѣе): обручи шейные, свитые изъ дротовъ, большіе, серебряные, иногда перевитые серебряными нитями, а иные столь большихъ размѣровъ, что г. Монтеліусъ предпочитаетъ давать имъ названія поясовъ (см. № 618 *Ceinture* en argent); хотя они, конечно, иногда не были поясами, но равно, можетъ быть, и не были шейнымъ украшеніемъ, а денежнымъ знакомъ или, скорѣе металлическою цѣнностью; вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ обручемъ найдено 37 кусковъ спиралей, рѣзанныхъ украшеній и 1333 цѣлыхъ и 128 кусковъ монетъ западно-европейскихъ. Затѣмъ спиральныя кольца (№№ 640—1) изъ Готланда найдены разомъ въ числѣ 36 штукъ, съ ними 2 браслета, двѣ булавки, чашка, куски спиралей и 1923 арабскихъ монеты. Рядомъ видимъ грубые браслеты, орнаментированныя однимъ наколомъ, или же отлитые и битые съ ложбленіемъ (см. №№ 597 и 600), всего 60 экземпляровъ, а также прямо проволоку, свитую и согнутую *въ видѣ браслета*, но очевидно, слишкомъ широкую для какой бы то ни было руки. Наконецъ, масса спиральныхъ колецъ, мелко нарѣзанныхъ, и между ними можно найти явно фальшивыя деньги, а именно обручъ, только обложенный тонкимъ серебрянымъ листомъ по желѣзному дроту, и обнаруженный, когда его разрѣзали. Или напр. находка заключаетъ въ себѣ одну круглую фибулу, куски помятой проволоки, накрошенныхъ спиралей, согнутыхъ рублей, или просто погнутые слитки, и все куски безъ конца, очевидно, для удобства уплаты, также мелко нарѣзанные; ихъ эпоха и не можетъ быть опредѣляема уже IX—X в., но гораздо позднѣйшими. И если изрѣдка среди этихъ кусковъ, встрѣтится вдругъ кусокъ русской серьги—колта съ черневымъ изображеніемъ птицы, клюющей дракона (?), то, издавая этотъ фрагментъ, извлеченный изъ доброй сотни предметовъ, скандинавскіе археологи не воспроизведутъ характера находки, и не представятъ памятника «скандинавской древности» въ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, одновременное появленіе въ Скандинавіи и Западной Россіи предметовъ съ тождественными художественными формами слѣдуетъ приписать, конечно, во-первыхъ, арабскому привозу, а во-вторыхъ, существованію въ приднѣпровской области обширныхъ мастерскихъ.

Арабы своими завоеваніями, а еще болѣе своими торговыми предпріятіями способствовали распространенію издѣлій Сиріи и Египта до береговъ Вислы на Сѣверѣ и предѣловъ Испаніи и Танжера на Югѣ. Вотъ почему мы, какъ было говорено, должны будемъ указывать на аналогіи уборовъ Средней Азіи и Марокко и искать объясненія гнѣздовскимъ и невельскимъ древностямъ въ народныхъ уборахъ Сиріи и Арабовъ Египта. Мы находимъ тамъ и громадные обручи съ наглавниками изъ Дамаска, и цѣпи съ подвѣсными бляшками, амулетами, и фибулы въ видѣ кольца съ иглою, и подвѣски въ видѣ криновъ, ажурныя фигурки двуглавыхъ птицъ, и даже тѣ самыя капторги или коробочки поясныя, которыя видѣлъ Ибнъ-Фадланъ на Волгѣ у «Руссовъ», а мы находимъ въ древностяхъ великихъ Булгаръ, Мерянъ и т. д.

Но какъ черниговскіе рога представляютъ мѣстное издѣліе, такъ, затѣмъ, и пластинчатые

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

серебряные браслеты, съ фигурными изображеніями, издаваемые нами ниже, и характерная рѣзьба съ птицами на черенкахъ изъ клада Есикорскаго и множество другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ вещей, очевидно, были сдѣланы въ Кіевѣ. Прежде мы относили всѣ эти произведенія къ вліянію византійскому, спеціально константинопольскому, но мы будемъ вполнѣ точны, если начнемъ считать это послѣднее вліяніе нѣсколько времени спустя послѣ принятія христіанства, т. е. не ранѣе, какъ съ половины *одиннадцатаго* столѣтія, а здѣсь передъ нами на лицо почти кіевскія издѣлія десятаго вѣка. Намъ, кажется, посильнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ указаніе на существовавшій нѣкогда *корсунскій* стиль или *корсунское* дѣло.

Какое широкое и, пожалуй, особенное значеніе для русской древности игралъ Херсонесъ, свидѣтельствуетъ та масса привозныхъ изъ него и черезъ него предметовъ церковной и свѣтской утвари, которая создала даже въ древности первое названіе стиля или пошиба *корсунскаго*. Съ начала VIII и до половины IX стол., т. е. въ періодъ наиболѣе тревожный для Византіи, въ періодъ иконоборцевъ и торжества ислама, Херсонесъ является своего рода передовымъ постомъ византійской культуры и промышленности, уже отброшенной отчасти съ VIII по X стол. съ востока на сѣверъ. Правда, городъ все еще игралъ роль ссыльнаго, опальнаго пункта: сюда привезли Юстиніана Ринотмета, здѣсь былъ заточенъ св. Іосифъ, но это не мѣшало городу быть исходнымъ пунктомъ распространенія византійской культуры. Здѣсь, по пути къ Хазарамъ, останавливаются свв. Кириллъ и Меѳодій, отсюда ставили епископовъ въ землю Хазарскую въ 920 г., извѣстенъ походъ сюда Владиміра. Роль Херсонеса падаетъ вмѣстѣ съ паденіемъ Южной Руси, подъ напоромъ Монголовъ, и едва ли самое опустошеніе Юга Россіи, а слѣдовательно, прекращеніе торговли не были важнѣйшею причиною паденія Херсонеса, а окончательною—уступка, вѣроятно, невольная всѣхъ торговыхъ дѣлъ генуэзской Кафѣ. Эта роль достаточно разъяснена самимъ Константиномъ Порфиророднымъ въ его соч. «de administrando Imperio», въ главахъ 1—8, гдѣ, между прочимъ, разсказывается и о товарахъ, вывозимыхъ на сѣверъ изъ Херсонеса: пурпурныя одежды (blattia), ткани (prandia), рѣдкія матеріи (chareria), нашивки (sementa), перецъ, кожи пурпурныя барсовыя и иные предметы. Но, очевидно, что до раскопокъ мѣстности Херсонеса, начатыхъ графомъ А. С. Уваровымъ, въ 1870 годахъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, а нынѣ систематически продолжаемыхъ Археологическою Коммиссіею, мы имѣли о древностяхъ византійскаго Херсонеса самыя смутныя понятія.

Начиная съ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ церковной древности и бытовой утвари на мѣстѣ развалинъ города и кончая многочисленными уже находками роскошныхъ погребальныхъ уборовъ, мы за немногіе годы систематическихъ раскопокъ узнали такъ много, что историческій взглядъ русскаго археолога невольно обращается сюда за разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ русской древности и искусства. Уже теперь для каждаго изслѣдователя южно-русской, спеціально кіевской старины, ясна тѣсная связь Кіева съ Херсонесомъ, даже болѣе — ихъ культурная преемственность. Но въ этомъ отдѣлѣ еще не разобрались, и наши научные взгляды не различаютъ, въ исторической дали, общевизантійскаго вліянія отъ его особенныхъ вѣтвей, не отличаютъ Цареграда отъ Херсонеса, иначе говоря,—въ самой Византіи видятъ лишь одинъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

всѣмъ извѣстный константинопольскій шаблонъ. Не такъ было на самомъ дѣлѣ и принципіально всѣ это разумѣютъ, однако, доселѣ еще не представлялось такого поприща, гдѣ бы можно было въ самомъ византійскомъ искусствѣ и бытѣ ясно выдѣлить его составной восточный элементъ. Быть можетъ, для этого будетъ случай болѣе счастливый и полный, но у насъ на «русской» почвѣ, это, конечно, древности Херсонеса.

Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней руси разумѣли все рѣдкое, высокое, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначительно съ «архаическимъ». Произведенія «Корсунскаго дѣла» были часто предметами монументальнаго мастерства и производства, изъ мѣди, желѣза и глины, и лѣтописецъ, говоря о взятіи Корсуня, передаетъ, что Владиміръ «взя же и да мѣдянѣ двѣ капищи и четыре кони мѣдяны иже и нынѣ стоять за святою Богородицею». Предложенныя здѣсь двѣ поправки въ текстѣ: *скапища*, вмѣсто *капища*, отъ скапы—затворы, косяки, *иконы*, вмѣсто *кони*, основаны только на свидѣтельствѣ шведскаго историка, разсказывающаго о вывозѣ двухъ вратъ, и на соображеніяхъ произвольныхъ, и объ неудачны. Во всякомъ случаѣ, изъ Корсуня были вывозимы предметы церковной утвари, сосуды, кресты, и многое, что открывается въ Херсонесѣ новѣйшими раскопками, имѣетъ ближайшую аналогію въ древностяхъ Крыма, Абхазіи, береговъ Дона и Днѣпра. Такъ напр. мы полагаемъ, что всѣ извѣстныя [1]) намъ своимъ грубымъ стилемъ, короткими и архаическими фигурами, высокимъ рельефомъ, массивныя мѣдныя кадила, находимыя на берегу Крыма, въ Ѳеодосіи, Судакѣ, Керчи и вообще по берегамъ Чернаго моря, были корсунскими издѣліями. Замѣчательно, что пара подобныхъ кадилъ, попавшихъ въ Національный Музей Флоренціи, съ шестью обычными сюжетами, также грубыми, но нѣсколько болѣе раздѣланными формами, отнесены къ VII стол. и къ издѣліямъ Сиріи, хотя, всего вѣроятнѣе, принадлежатъ къ X вѣку и происходятъ, быть можетъ, изъ генуезскихъ колоній, но таковъ, дѣйствительно, ихъ общій пошибъ, что, вмѣстѣ съ грузинскими рельефами, онъ наиболѣе напоминаетъ коптскія и сирійскія бронзы, въ послѣднее время уже во множествѣ поступившія въ европейскія собранія.

Мы считаемъ, поэтому, важнымъ указать попутно на замѣчательный (рис. 8) барельефъ, изваянный на известковой плитѣ, вышиною 12 и шириною 11 вершк., которая была въ 1895 г. найдена въ Керчи, въ мѣстности Новаго Карантина, на берегу моря и поступила въ извѣстное мѣстное собраніе А. В. Новикова. Памятникъ столько-же обращаетъ на себя вниманіе тонкою рѣзьбою и прекрасною сохранностью, сколько и стильностью работы. Широкая рама иконы представляетъ подобіе рѣзьбы по дереву, внутри полочекъ багетъ, обвитый лентою, въ характерѣ древнихъ византійскихъ рукописей VI—VII стол.; по широкому бордюру идетъ разводъ виноградной лозы съ чередующимися листьями и гроздями, съ мелкими усиками, а въ углу лилейное сплетеніе; толстая лоза, характеръ листвы, гроздей и вся техника—до такой степени тождественна съ рельефами Сиріи и Палестины, что на первый взглядъ невольно счи-

[1]) «Русскія Древности», вып. IV, рис. 27, 27а, 28, 28а.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

таешь плиту вывозною изъ Сиріи или малой Азіи, Синопа, или Трапезунта. Икона раздѣлена на три пояса: въ верхнемъ посрединѣ изображено Благовѣщеніе, въ такомъ необычномъ

Рис. 8 Рельефъ, открытый въ Керчи въ 1895 г. Собраніе А. В. Новикова.

переводѣ, какого въ древнѣйшемъ періодѣ христіанскаго искусства еще не знаемъ: Богородица стоитъ умиленная, приложивъ руку къ груди, на голову ея сходитъ Св. Духъ въ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

видѣ голубя; ангелъ подаетъ ей лѣвою рукою лилію (откуда идетъ этотъ западный аттрибутъ Благовѣщенія, встрѣчающійся въ XII—XIII стол., еще неизвѣстно), а въ правой—держитъ короткій baculus—пастушескій кривой посохъ. По сторонамъ два Евангелиста, повѣствующіе о Благовѣщеніи, и для заполненія мѣста—два креста на пьедесталахъ, въ типѣ IX вѣка. Ниже, въ среднемъ поясѣ, три отца церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, съ твореніями и благословляющею десницею, на правомъ бедрѣ набедренники; лѣвѣе Петръ и Павелъ поддерживаютъ вдвоемъ между собою церковь Христову. Въ нижнемъ поясѣ два святыхъ воина на коняхъ съ копьями, опустивъ ихъ на землю, и посреди на фигурной канители св. Симеонъ Столпникъ. Если этотъ рельефъ и относится къ генуэзской эпохѣ, что также возможно, то онъ все же сдѣланъ для греческой церкви, греческимъ мастеромъ и именно въ стилѣ корсунскихъ крестовъ и кадилъ IX—XII столѣтій, который еще совсѣмъ не знаетъ совершеннаго византійскаго стиля съ его удлиненными пропорціями и иконописною композиціею.

Конечно, важнѣйшее явленіе восточно-византійской культуры и искусства X—XII столѣтій есть художественная промышленность, сравнительно низкаго уровня, назначенная для варварскаго рынка, поставляющая рядъ всякихъ фальсификацій и мѣстныхъ поддѣлокъ. И если напр. архитектурныя детали и украшенія херсонесскихъ базиликъ, мраморныя капители, амвоны, солеи, карнизы исполнялись изъ проконнескаго мрамора на его родинѣ и привозились готовыми, то лишь немногіе виды завозной промышленности, особенно предметы первой потребности, а не роскоши, доставлялись въ Херсонесъ и Кіевъ изъ мѣста изобрѣтенія производствъ,—большинство же, напротивъ, производилось мѣстными мастерскими, какъ подражаніе завозному иностранному товару. Конечно, стеклянныя издѣлія въ эту эпоху доставлялись исключительно изъ Сиріи, и вотъ главная причина того простаго факта, что днища стеклянныхъ чашекъ и блюдецъ, найденныя въ Херсонесѣ и Кіевѣ, тождественны, а затѣмъ сходны и съ кавказскими находками. Стеклянные браслеты часто встрѣчаютъ въ юго-западныхъ курганахъ и городищахъ, но чтобы имѣть объ этомъ типѣ издѣлій должное понятіе, надо обратиться къ херсонесскимъ погребальнымъ находкамъ: между ними браслеты столь обычное явленіе въ эпоху IX—XII вѣковъ, что уже теперь набрана ихъ обширная и разнообразная коллекція. Всѣ эти браслеты очень близки къ античному оригиналу, также производившемуся въ Сиріи, и отличаются отъ него только меньшею тщательностью отливки: древній браслетъ греко-римской эпохи всегда такъ чисто сплавленъ, что концовъ свареннаго дрота не видно, онъ всегда гладокъ и хорошо отшлифованъ, тогда какъ византійскій браслетъ сдѣланъ грубо, небрежно, и концы часто оставлены не сплавленными. Браслеты же бываютъ разныхъ цвѣтовъ: зеленые, синіе, голубые, почти чернаго стекла, или темно-лиловаго съ глазками, темно-сѣраго цвѣта, и притомъ витые и нарѣзанные тонкою и сухою рѣзьбою, напоминающей нарѣзные шейные обручи Витебской губерніи, иногда витые, съ золотыми спиральными нитями.

Стекла—предметъ привозной промышленности, а горшечныя издѣлія съ поливою—продуктъ мѣстнаго производства, и потому для насъ особенно важно существующее въ этихъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

издѣліяхъ сліяніе элементовъ восточнаго и византійскаго искусства. Посуда эта стала обращать на себя вниманіе лишь въ самое послѣднее время, но открыта или, точнѣе, открыта и сохранена только въ находкахъ Херсонеса (раскопки Археологической Коммиссіи), Ѳеодосіи (раскопки А. Л. Бертье-Делагарда, собраніе въ Одесскомъ Музеѣ), Судака (частныя находки); единичный экземпляръ встрѣченъ также въ Гнѣздовскомъ могильникѣ. Техника поливы весьма простая и несложная: сосудъ, будь то чашка (рис. 9, 10), кувшинчикъ, блюдо или блюдцо, прежде обжога, по сырой глинѣ покрываютъ бѣлымъ составомъ мучнистаго характера или краскою, не выдерживающею ни обжога, ни атмосферическихъ вліяній; покрываютъ сплошь, въ лучшихъ (именно также въ сосудахъ чисто восточнаго характера, слѣдовательно, привозныхъ, но также болѣе древнихъ и т. под.) экземплярахъ и съ наружи, въ большинствѣ только внутренность сосуда, и затѣмъ ножикомъ или инымъ острымъ предметомъ прочерчиваютъ или процарапываютъ на этой покраскѣ рисунокъ до слоя натуральной глины, обнажая, такимъ образомъ, ея болѣе темный фонъ, который и даетъ въ одно и то же время и контуръ, и поле для рисунка, освобожденное отъ бѣлой обмазки. Затѣмъ вновь весь сосудъ, кромѣ тѣхъ частей, которыя не нуждаются въ поливѣ (напр. чаще всего, кромѣ наружной стороны днища или донышка), покрываютъ сплошь, обливая и рисунокъ, и фоны, и нѣсколько уже высохшую бѣлую обмазку

Рис. 9. Чашка изъ Ѳеодосіи. Изъ раскопокъ А. Л. Бертье-Делагарда.

Рис. 10. Внутренній рисунокъ Ѳеодосійской чашки (рис. 9).

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

прозрачною свинцовою глазурью или поливою и подвергаютъ обжогу. Уже въ этой поливѣ, которая всегда въ основаніи должна быть прозрачна, прибавляютъ для цвѣта различныя мѣдныя соли, впускаютъ зеленый цвѣтъ, чаще всего, а также и другіе оттѣнки, которые распускаютъ въ прежнихъ тонахъ и въ бѣлой нижней обмазкѣ, варіируя отъ просто бѣлой краски до коричневой и синей, темныхъ оттѣнковъ и пр. Но, помимо этого, бѣлая обмазка бываетъ въ этотъ періодъ особенно часто свѣтложелтаго, палеваго цвѣта, или даже оттѣнка желтоватаго, блѣднаго хрома, также въ грубой посудѣ цвѣта желтой и красной охры; или же по палевому общему тону вкраплены пятна, полосы, глазки коричневаго, темно-земнозеленаго, желтаго, а иногда разнообразно пестрыхъ цвѣтовъ, подражающихъ пестрому мрамору, слоистой яшмѣ и пр. Также по бѣлому фону дѣлаются иногда пурпуровые разводы съ желтыми бордюрами—явное подражаніе дорогимъ пурпуровымъ тканямъ съ золотомъ, но это случаи рѣдкіе; напротивъ того, весьма многочисленъ рядъ сосудовъ, въ которыхъ, вмѣсто бѣлой покраски, примѣняется обыкновенная (съ нашей точки зрѣнія, въ современной русской народной горшечной промышленности) прозрачная, свинцовая полива, стекловиднаго характера, но съ примѣсью извѣстныхъ солей, получившая зеленый цвѣтъ, то, что называлось цѣнина, свѣтло и темно-зеленаго цвѣта, цвѣта травы, яри, и особенно индиговаго оттѣнка—собственно цѣнины.

Рис. 11. Блюдо изъ Херсонеса. Срв. отд. Эрмитажа.

Въ этихъ сосудахъ и рисунокъ, конечно, грубъ, часто ограничивается рельефными орнаментами, звѣринаго, геометрическаго типа, грубо вытиснутыми и съ трудомъ различимыми, а иногда и вовсе нѣтъ рисунка или же онъ ограничивается какими либо кружечками, пятнами и т. под. Наоборотъ, наибольшею тонкостью рисунка отличаются черепки съ свѣтло-голубою поливою, цвѣта бирюзы, съ черными рисунками, но эти черепки, встрѣчающіеся въ херсонесской посудѣ, рѣдки.

Ко всему этому должно прибавить, что во многихъ сосудахъ Херсонеса и Θео-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

досіи наблюдается и металлическій отблескъ, или извѣстная металлическая бѣлаго цвѣта глазурь, дающая радужные отливы, но все это въ слабой сравнительно степени, и хотя заслуживаетъ высокаго вниманія въ исторіи подобной посуды на Востокѣ и Западѣ, однако, въ данномъ сочиненіи можетъ быть только кратко упомянуто.

Рис. 12. Чашка изъ Ѳеодосіи. Собраніе А. Л. Бертье-Делагарда.

Для нашей же задачи важны не техническія особенности южно-русской поливы, но ея сюжеты и ихъ стиль. Въ силу порученія Имп. Археологической Коммиссіи приготовить къ изданію эти находки, мы могли ознакомиться съ любопытною техникою сосудовъ и самой поливы, то простѣйшихъ, примитивныхъ свойствъ, то съ загадочнымъ доселѣ металлическимъ отблескомъ, и съ разнообразными сюжетами сосудовъ, вводящими насъ не только въ оригинальный міръ, гдѣ существовало и свое преданіе, и свое творчество, и свои вѣковые народные вкусы, и временныя моды. Мы находимъ здѣсь царя на охотѣ и пирующаго (рис. 11), какъ на чашѣ Хозроя и на плафонахъ Палатинской капеллы въ Палермо, и всадника подобнаго Димитрію великомученику, и святаго воина въ латахъ, но главный видъ изображеній относится къ животному міру. Этотъ животный міръ древнеазіатскаго происхожденія: схематическіе типы льва (рис. 12 и 13), хищной птицы, рыбъ, голубя; изъ монстровъ — грифы бьющіеся или грифъ въ схваткѣ со змѣею (рис. 14). Замѣчательны изображенія Сириновъ.

Рис. 13. Рисунокъ внутри чашки (рис. 12) изъ Ѳеодосіи.

Рис. 14. Блюдо изъ Херсонеса. Импер. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Изъ растительнаго міра характерны цвѣты и культурныя формы домашнихъ растеній и цвѣтовъ, идущія изъ Персіи. Но наиболѣе обильны плетенія и геометрическій синтаксисъ всевозможныхъ зигзаговъ, полосъ, разводовъ, волютъ, волнъ, звѣздъ, крестовъ, розетокъ, арабскихъ полигоновъ, арабесокъ всякаго рода. Весь этотъ синтаксисъ въ цѣломъ не принадлежитъ ни сассанидскому искусству, хотя древнѣйшіе его образцы мы имѣемъ въ поливныхъ сосудахъ изъ Рея (въ Британскомъ и Кенсингтонскомъ музеяхъ) [1]) и Решта, ни арабскому, хотя многіе типы повторяются посудою мавританскою, ни также византійскому, хотя мы здѣсь находимъ и монограммы христіанскихъ именъ и имена Святыхъ на днѣ чашекъ. По обычаю и здѣсь производство посуды, въ началѣ привозной, затѣмъ стало мѣстнымъ, хотя, конечно, первое время она исполнялась руками пріѣзжихъ мастеровъ изъ Малой Азіи или Сиріи.

Самое важное для насъ обстоятельство заключается именно въ этомъ сліяніи византійскаго (собственно греческаго, чтобы точнѣе сказать) и восточнаго искусства. Было бы слишкомъ долго входить въ разсмотрѣніе того, какое именно восточное искусство здѣсь участвовало, къ какому воззрѣнію слѣдуетъ нынѣ примкнуть въ вопросѣ о сущности арабскаго стиля: признать ли Персію или Египетъ во главѣ движенія и творцомъ этого стиля, но для нашей задачи это было бы излишне. Достаточно указать на аналогіи херсонесскихъ и ѳеодосійскихъ блюдъ съ персидскими блюдами (разнаго происхожденія) XIII вѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что наши блюда носятъ несравненно болѣе древній восточный характеръ, а что

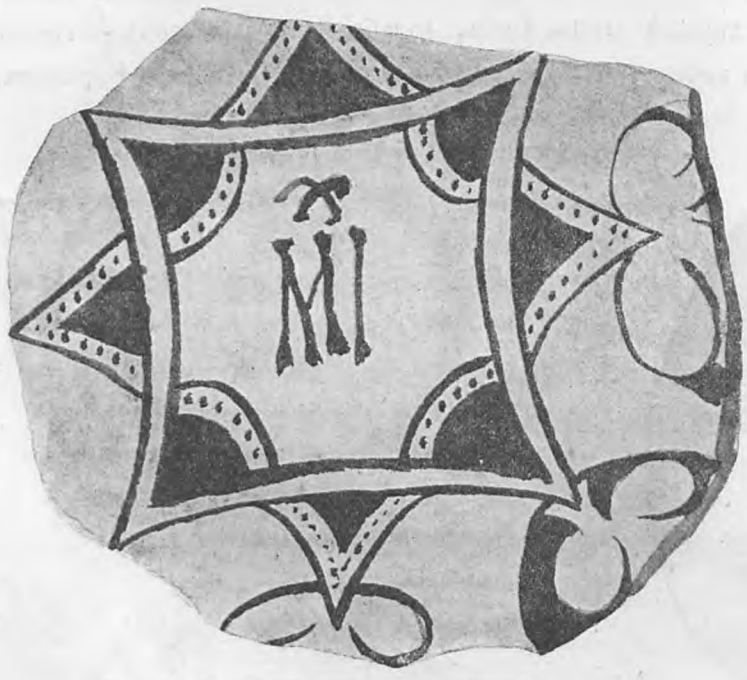

Рис. 15. Фрагментъ тарелки изъ Ѳеодосіи.

Рис. 16. Кусокъ блюдца изъ Ѳеодосіи.

[1]) Припомнимъ арабскаго писателя X вѣка, въ сборникѣ г. Гаркави *Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ* 1870 г., стр. 251, что славянскіе купцы, плавая по Каспійскому морю, когда отправляются съ товарами на Востокъ, пристаютъ въ Реѣ: «удивительно, что этотъ городъ есть складочное мѣсто всего міра».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 17. Кусокъ блюдечка изъ Ѳеодосіи.

касается византійскаго ихъ типа, въ этомъ насъ убѣждаютъ многочисленныя христіанскія (рис. 15, 16, 17) монограммы, кресты и византійская орнаментика. Такимъ образомъ, въ новомъ атласѣ коллекцій Годмена по персидской керамикѣ [1]), издаваемые нынѣ впервые сосуды представляютъ, прежде всего, ту же технику, что и наши херсонесскія и ѳеодосійскія, если только исключить нѣсколько болѣе развитыхъ типовъ, и по времени, пожалуй, болѣе позднихъ. Мы встрѣчаемъ, далѣе, одинаковые или близкіе къ нашимъ сюжеты [2]) и сходный, а иногда и тождественный стиль [3]). Напротивъ того, изданные тамъ же, для сравненія, сосуды (въ черепкахъ) изъ находокъ Эфеса, Аѳинъ, Салоникъ, Мирины отличаются чисто византійскимъ типомъ, орнаментикою поздне-византійскаго стиля; ни звѣрей, ни тѣмъ болѣе—звѣринаго стиля здѣсь нѣтъ и орнаменты изъ лиственныхъ разводовъ, плетеній смѣняются только фигурками зайца, рыбы и пр. Животный міръ возвращается въ находкахъ Фостата близь Каира, вмѣстѣ съ арабесками, и тутъ-же наблюдается видимое родство съ южнорусскими находками. Позволяемъ себѣ, впредь до подробнаго анализа другихъ серій замѣчательныхъ и не изданныхъ памятниковъ, считать пока доказаннымъ, что въ этомъ корсунскомъ дѣлѣ было на половину столько же греческаго, сколько и восточныхъ элементовъ, откуда бы они ни пришли, изъ Египта черезъ Сирію и Кавказъ, или изъ Персіи черезъ Каспійскую торговлю. Такъ, для примѣра изъ того же періода X—XII столѣтій можемъ кратко указать на поразительное стильное сходство нѣкоторыхъ антропоморфическихъ сосудовъ и терракоттовыхъ фигурокъ Ѳеодосіи (находки 1895 г.) съ терракоттами, найденными въ Афросіабѣ близь Самарканда.

Рис. 18. Изъ сирійской рукописи 768 г.

Рис. 19. Изъ сирійской рук. 768 г.

[1]) Wallis, H. *The Godman collection. Persian ceramic Art. The XIII Century lustred vases.* gr. 4. 96 pp. текста и 46 таблицъ, London, 1891.

[2]) Ibid. табл. III, XIII, XVIII, XXI, XXVIII.

[3]) Ibid. табл. III, VI, VII, XIII, XXVIII.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

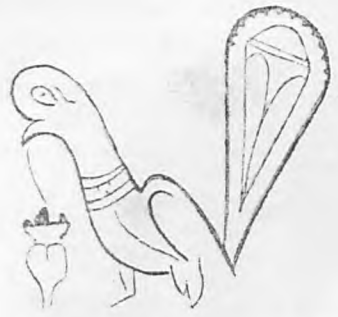

Рис. 20. Изъ коптской рукописи IX в.

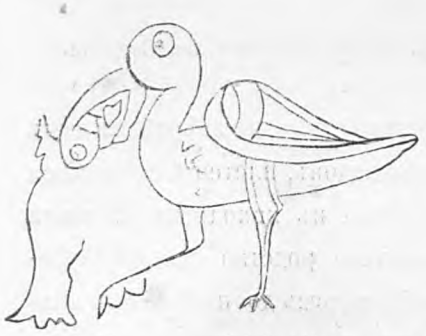

Рис. 21. Изъ коптской рук. IX—X в.

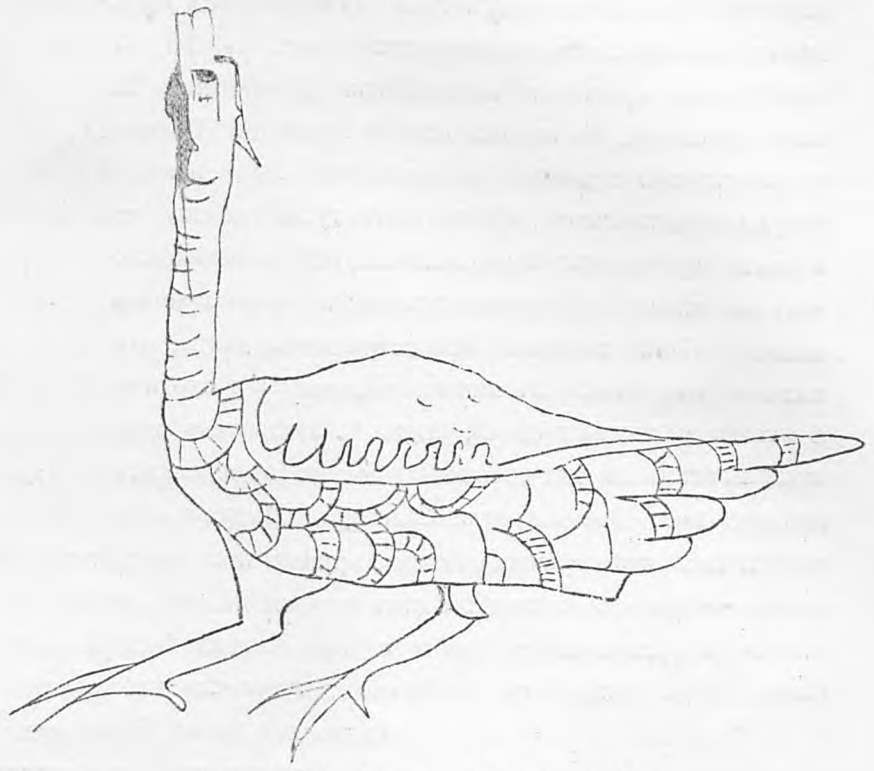

Рис. 22. Изъ коптскаго «Евангелія» VIII в.

Рис. 23. Донышко изъ Херсонеса.

Но еще большей наглядности достигаетъ аналогія въ изображеніяхъ животнаго міра: таковы драконы и грифоны, львы и прочіе хищники, въ ихъ изображеніяхъ въ коптскихъ рукописяхъ и на херсонесскихъ сосудахъ. Приводимъ, по этому, нѣсколько фигуръ птицъ (рис. 18—22) изъ сирійскихъ и коптскихъ рукописей VIII—X стол. [1]): эти фигурки повторены серебряными кувшинами и блюдами съ арабскими надписями и херсонесскими глиняными сосудами (рис. 23).

Мы можемъ, безъ особаго риска, догадываться уже теперь, что и бронзовые рукомойники (aquamanilia) церковнаго употребленія въ видѣ грифоновъ, львовъ, химеръ, всадниковъ, кентавровъ и пр., образцы которыхъ встрѣчены въ кладахъ: Кіева (Житомирская улица, см. ниже) и Гнѣздова, также Кавказа (въ собраніи Г. Д. Филимонова), равно какъ въ древностяхъ Швеціи и Даніи, и которыя за тѣмъ нашли себѣ продолженіе въ издѣліяхъ Аугсбурга и Нюренберга,—

[1]) Благодаря ученой проницательности В. В. Стасова, всѣ эти детали, столь важныя для исторіи искусства, находятся исключительно въ его *Славянскомъ и восточномъ орнаментѣ*, 1887, таб. 126, 133.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

что и эти бронзы вывозились на Русь изъ Корсуня, вмѣстѣ съ сосудами, колоколами (упоминаемыми въ лѣтописи подъ 6970 г.) и прочею церковною утварью. Въ Музеѣ Кордовы имѣется бронзовый водолей очень большаго сравнительно размѣра, найденный въ Medina az-Zahirá—мѣстѣ предполагаемыхъ развалинъ дворца.

Всѣмъ извѣстны «корсунскіе» складные кресты—тѣльники, находимые доселѣ въ землѣ въ Херсонесѣ, Ѳеодосіи, Оріандѣ (имѣніе вел. кн. Константина Николаевича близь Ялты), Судакѣ, Керчи и въ Кіевѣ. Дальнѣйшаго ихъ распространенія не знаемъ [1]), а по времени можемъ считать эти кресты издѣліями VIII—XII столѣтій. Извѣстно, что есть древнѣйшій типъ съ инкрустаціями серебромъ и оловомъ, далѣе съ глубокою рѣзьбою (но всегда безъ эмали), съ горельефомъ, и типъ болѣе поздній, съ барельефнымъ Распятіемъ и пр. Множество тѣльныхъ крестиковъ X—XII стол., встрѣчаемыхъ и въ кладахъ, и въ ризницахъ Россіи и собраніяхъ, изъ различныхъ яшмъ, серпентина, халцедона, въ золотой сканной оправѣ, также, навѣрно, происходятъ изъ Корсуня, почему мы и будемъ называть ихъ далѣе «корсунскими тѣльниками».

Вотъ почему, встрѣчая напр. въ курганѣ Кіевской губ. [2]), бронзовое кадило въ видѣ чаши съ грубыми рельефными фигурами четырехъ евангелистовъ по ея гранямъ, мы объясняемъ себѣ это странное явленіе въ VIII—IX вѣкѣ корсунскимъ привозомъ. Конечно, пока только клады, какъ увидимъ ниже, даютъ намъ подобные предметы, и за отсутствіемъ раскопокъ на мѣстѣ пепелищъ и древнихъ церквей (кромѣ Рязани и Владиміра Волынскаго), мы должны довольствоваться догадками.

Мы избираемъ изъ херсонесскихъ крестовъ складней четыре характерныхъ образца, найденные въ 1890-хъ годахъ. На одномъ (рис. 24) изъ нихъ, заслуживающемъ болѣе подробнаго изслѣдованія, сохранившемся только въ обратной половинѣ, тончайшею рѣзьбою и неизвѣстною намъ инкрустаціею выполнены: сверху *Вознесеніе* на рукахъ 4 ангеловъ, въ миндалевидномъ ореолѣ,

Рис. 24. Крестъ—половина складня изъ Херсонеса. Импер. Эрмитажъ.

---

[1]) Въ изданіи: *Memorie storico—critiche intorno la vita di S. Marco Evangelista* di Leonardo Conte Manin, Venezia, 1835, 4º, стр. 23, таблица V, рис. 1 передаетъ, что при вскрытіи мощей евангелиста въ 1811 году, былъ найденъ бронзовый крестъ складень, тождественной формы, наполненный святыми мощами, и что въ Венеціи, въ церкви S. Cancіano, сохраняется бронзовый же складень крестъ, съ обѣихъ сторонъ покрытый изображеніями, и найденный на тѣлѣ св. Максима, когда его мощи были перенесены изъ Истріи въ Венецію; изъ двухъ случаевъ: этого въ Венеціанской церкви св. Марка и другаго въ ц. Цельса въ Миланѣ, можно заключить, что кресты были положены участвовавшими въ перенесеніи мощей епископами и отдѣльно присоединены къ мощамъ въ мраморномъ ящикѣ.

[2]) В. Б. Антоновичъ, *Карта Кіев. губ.*, стр. 130: въ окрестности Тальке Уманьскаго уѣзда, въ курганѣ; при скелетахъ были найдены: потиновыя зеркала, золотое кольцо, бронзовая серьга; желѣзные: топоръ, ножики, стремена, удила, огнива, ножницы. У ногъ: мѣдные кувшины и въ одномъ случаѣ мѣдная кадильница византійскаго издѣлія съ изображеніемъ 4 евангелистовъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 25. Складень изъ Херсонеса. Об.

Рис. 26. Складень изъ Херсонеса.

Господа I. Христа; въ срединѣ Божія Матерь на престолѣ, держащая Младенца (престола не видно), по сторонамъ надпись IANAΛHΨ,—Вознесеніе. По сторонамъ, на рукавахъ, 12 апостоловъ, какъ бы идущихъ къ Богоматери. Замѣчательное сочетаніе Богородицы — Церкви въ «Вознесеніи» съ Богоматерью, держащею Младенца. Внизу МЭТМРСФ—Μεταμορφωσις и сцена Преображенія въ миндалинѣ съ Петромъ и Павломъ и три фигурки Апостоловъ внизу по грудь.

Второй крестъ представляетъ рельефное изображеніе: Распятаго въ колобіи, маленькихъ фигуръ, по сторонамъ, Іоанна и Маріи, наверху солнца и луны; на оборотѣ (рис. 25) Богородицы оранты и въ медальонахъ четырехъ Евангелистовъ. Кто знаетъ сколько нибудь стиль сирійскихъ и коптскихъ бронзъ и рѣзныхъ издѣлій изъ слоновой кости, тотъ легко откроетъ родство съ ними нашего херсонесскаго креста.

Третій образецъ корсунскаго складня (рис. 26) соединяетъ рельефъ съ византійскою черневою выкладкою по глубокой рѣзьбѣ: на оборотѣ креста изображена Богоматерь «Одигитрія», съ Младенцемъ, стоящая, и три Евангелиста въ медальонахъ.

Четвертый корсунскій крестъ выполненъ рѣзьбою и наколомъ, по рѣзьбѣ—чернью, но она вся выкрошилась; представляетъ (рис. 27) Распятаго въ препоясаніи, и погрудь Марію и Іоанна скорбящихъ, съ грубыми надписями ихъ именъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 27. Складень изъ Херсонеса.

Рис. 28. Крестъ—складень изъ Кіева.

Затѣмъ, рисунки 28 и 29 представляютъ корсунскій крестъ, найденный въ Кіевѣ, по Холевой улицѣ, въ 1893 году: рисунокъ выполненъ здѣсь хорошею рѣзьбою, наколомъ, еще въ стилѣ IX—X столѣтій, отличается чрезвычайною характерностью. Корсунское происхожденіе внѣ сомнѣнія.

Затѣмъ, намъ много говорятъ о «Корсунской» святынѣ наши преданія, но, какъ всякое преданіе, данныя ихъ крайне смутны. Намъ перечисляютъ множество корсунскихъ «по преданію» иконъ и древностей въ Новгородѣ: но и Мстиславово Евангеліе, и крестъ Антонія, все это или цареградскія произведенія, или позднѣйшія; корсунскія иконы—просто всякихъ «греческихъ» писемъ, стѣнопись—«цареградская»—даже по словамъ лѣтописи. Знаменитыя *Корсунскія врата* Св. Софіи Новгородской [1]) получили такое названіе или отъ «Корсунской паперти», у которой онѣ стоятъ и которая это имя получила отъ своей иконописи (1350 г.), или отъ своего архаизма, или же по недоразумѣнію и смѣшенію съ другими. Такъ наз. кор-

[1]) Аделунга *Корсунскія врата*; Макарія *Археологическое описаніе церк. древ. въ Новгородѣ* I, 54—5, II, 269 слѣд. *Указатель Историческаго музея въ Москвѣ*, 2-е изд., 1893, стр. 551.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 29. Кіевскій складень. Об.

сунскія врата сдѣланы въ Магдебургѣ, гдѣ былъ еп. Вихманъ († 1192), на нихъ изображенный. Но такъ какъ было преданіе о привозѣ вратъ изъ Корсуня (впрочемъ, позднѣе), и такъ какъ еще Герберштейну сообщали это имя (можетъ быть, именно по ихъ древнему типу), то извѣстный И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что произошло смѣшеніе: подлинно Корсунскими вратами должно считать тѣ врата, которыя нынѣ называютъ Сигтунскими и которыя по характеру, дѣйствительно, тождественной орнаментаціи и техники съ византійскими вратами Равелло, Салерно, Амальфи и пр. въ Италіи. Однако, этому разрѣшенію вопроса препятствуетъ то, что Сигтунскія врата были вывезены изъ шведской столицы Сигтуны при озерѣ Меляри въ Новгородъ уже въ 1187 году, стало быть, онѣ не могли быть корсунскими, а называемыя таковыми могли быть привезены только въ XIII вѣкѣ. И, наконецъ, именно Сигтунскія врата выполнены въ техникѣ X—XI ст., какъ и корсунскіе складные кресты съ рѣзьбою.

Переходя, затѣмъ, въ XI столѣтіе, мы встрѣчаемъ обширнѣйшее и важнѣйшее вліяніе византійскаго искусства и культуры на древнюю Русь и даже, ради точности, должны бы были называть всю вторую половину великокняжескаго или домонгольскаго періода, въ частности XI и XII столѣтія, періодомъ *русско-византійскаго искусства* или, по крайней мѣрѣ, *русско-византійскихъ древностей.* Первый терминъ можетъ быть допущенъ, однако, лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда съ достаточною близостью будутъ извѣстны всѣ особенности, принадлежащія византійскому искусству на его новомъ поприщѣ, въ южной Россіи, въ частности, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Рязанской, Суздальской областяхъ, не только по перемѣнѣ сюжетовъ, типовъ и формъ, но и по свойствамъ техническимъ (объ эмали и филиграни мы говоримъ теперь же). Что касается втораго термина, то онъ находитъ себѣ частное оправданіе въ указаніяхъ, сдѣланныхъ историками, для политической сферы, торговыхъ отношеній, общегражданскаго просвѣщенія и особенно церковнаго, а общее объясненіе такого термина дается въ результатѣ издаваемаго нынѣ изслѣдованія о кладахъ.

Но въ это изслѣдованіе не могутъ войти, по самому его объему и содержанію, важнѣйшія историческія стороны художественнаго вліянія на Русь Византіи въ сферѣ храмовой архитек-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

туры, церковной утвари, въ области религіозныхъ обрядовъ, церемоніаловъ и облаченій, во всѣхъ, наконецъ, отдѣлахъ искусства и стиля монументальнаго, иконописи, декоративныхъ росписей, мраморныхъ колоннъ, капителей и украшеній, облицовокъ, мусійной стѣнописи и пр. и пр. Правда, именно въ этой наиболѣе показной и высшей средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и пока приходится принимать, согласно съ скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведенія монументальнаго искусства выполнялись у насъ Греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями, или подрядчиками изъ Византіи, при чемъ мраморы привозились изъ проконнесскихъ ломокъ уже вполнѣ отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополѣ, о чемъ также есть прямыя свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы.

Напротивъ того, останавливаясь только на мелкихъ предметахъ изъ разряда *бытовыхъ личныхъ уборовъ*, составляющихъ *главное* (хотя далеко не единственное) содержаніе кладовъ домонгольскаго періода, мы, какъ окажется ниже, наиболѣе близко подходимъ къ самому существу взаимныхъ отношеній русской бытовой и художественной почвы и византійскаго на ней посѣва, въ томъ смыслѣ, что черезъ изученіе этихъ мелкихъ уборовъ и украшеній приходимъ къ познанію, въ чемъ именно нуждалась русская земля, что брала отъ византійской культуры, какъ видоизмѣняла принятое, какой смыслъ и значеніе придавала своимъ заимствованіямъ и пр. Путь къ этому изученію долженъ лежать, прежде всего, черезъ отдѣлъ техническихъ пріемовъ и усовершенствованій, принятыхъ отъ Византіи.

Конечно, на первомъ мѣстѣ должна стоять техника *перегородчатой эмали*. Мы уже имѣли поводъ ранѣе разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ эту технику въ особомъ сочиненіи, посвященномъ византійской эмали, съ небывалою роскошью изданномъ главнымъ собирателемъ эмалей А. В. Звенигородскимъ [1]), а потому, изложивъ кратко техническую характеристику эмали въ X—XI столѣтіяхъ, когда она стала извѣстна въ Россіи, перейдемъ прямо къ тѣмъ техническимъ особенностямъ, какія она пріобрѣла на новой русской почвѣ.

Мы знаемъ, что уже съ самымъ началомъ X вѣка эмаль развивается въ Византіи особенно широко, усваиваетъ себѣ почти всѣ существующіе въ перегородчатой эмали пріемы и техническіе процессы, обогащается высшимъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тоновъ, подъ давленіемъ восточныхъ, воспринятыхъ Византіею вкусовъ, искавшихъ многоцвѣтности, пестроты красокъ, и становится особымъ искусствомъ. Прежде ограниченная орнаментальною сферою, эмалевая живопись, отчасти подъ условіемъ иконоборства, вызвавшаго появленіе мелкихъ образковъ, тѣльниковъ, но главное, благодаря тѣмъ-же вкусамъ, вошла въ употребленіе для священныхъ изображеній, хотя, быть можетъ, именно иконоборству она обязана была своею обширною практикою. Весьма важно, что появленіе эмалевой иконописи не съузило, а расширило производство, за которымъ все же осталась его орнаментальная сфера, столь блиста-

[1]) *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго.* 1889—1895.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

тельно представленная киворіемъ и особенно престоломъ Св. Софіи Константинопольской и причина этого расширенія лежала столько же во внутреннихъ условіяхъ самой византійской иконописи, къ этому времени какъ бы поспѣшившей выработать свои шаблоны, сколько въ техническомъ совершенствѣ эмалевой техники. Какъ многочисленны были ἔργα χυμευτὰ или финифти во времена Константина Багрянороднаго, имѣемъ множество указаній въ его сочиненіяхъ: императорская казна и ризницы столичныхъ церквей изобиловали подобными издѣліями, торжественно выставлявшимися на праздникахъ и во время посольскихъ пріемовъ въ золотой Палатѣ. Тѣ же издѣлія находились въ продажѣ у ювелировъ и мѣнялъ, обязательно доставлявшихъ во дворецъ, на случаи особенно торжественнаго убранства его залъ, свои лучшія вещи. Въ это время эмалью украшали и церковную утварь, потиры и дискосы, кресты и оклады, но также и пиршественныя чаши, блюда, оружіе, предметы личнаго мужскаго и женскаго убора и лошадиную сбрую. Многочисленность эмалевыхъ издѣлій, сохранившихся до насъ именно отъ X—XI стол., всего лучше удостовѣряетъ насъ въ томъ, что это не была секретная техника, составлявшая монополію византійскаго двора, такъ какъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства о широкой торговлѣ въ Византіи, быть можетъ именно въ Перѣ (Перамѣ, «Парамшино (?) дѣло») эмалями или финифтями. Это было художественное ремесло, разошедшееся на востокъ и западъ: въ Кіевъ и Грузію, Сѣверную Италію и Южную Германію, а по догадкамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, даже въ Персію и Индію. Эмальеръ былъ въ то время и ювелиръ и золотыхъ дѣлъ мастеръ: онъ самъ приготовлялъ золотой листъ для устройства на немъ перегородчатой эмали. Этотъ листъ могъ быть толще и тоньше, смотря по величинѣ вещи, по составу золота; этотъ листъ загибался съ краевъ, по требуемой формѣ предмета, образка, куска орнамента и пр., и образовывалъ своего рода лоточекъ. Затѣмъ по внутренней его сторонѣ или по дну выполнялся шиломъ рисунокъ въ видѣ пунктира, и затѣмъ, слѣдуя по линіямъ накола, эмальеръ выкладывалъ по нимъ весь контуръ изображеній тонкими золотыми ленточками, нарѣзанными по толщинѣ будущаго слоя эмали, устанавливая ихъ на ребро въ видѣ перегородочекъ для наложенія внутрь ихъ слоевъ эмалеваго порошка разныхъ цвѣтовъ.

Понятно, высшая тщательность и цеховая ловкость требовалась здѣсь отъ мастера, и отсюда легко отличить чисто византійскую работу и константинопольскую эмалевую пластинку отъ русской или напр. грузинской, въ которой ленточки бываютъ порваны, заходятъ концами одна за другую, измяты, грубо вырѣзаны и проч. Толщина эмалеваго слоя и соотвѣтственная вышина перегородочекъ помогаетъ отличать блестящую работу X или XI стол. отъ издѣлій временъ упадка эмалей въ XII и XIII вѣкахъ въ самой Византіи. Вещи особенно тонкія не превышаютъ иногда толщины слоя въ полмиллиметра, вещи погрубѣе бываютъ въ два миллиметра. Главное достоинство византійскихъ эмалей въ гармоніи красокъ, чистотѣ и интенсивности тоновъ, а главный недостатокъ въ отсутствіи рельефа и моделлировки и въ схематизмѣ фигуръ и особенно драпировокъ. Но, затѣмъ, достоинство эмалевыхъ красокъ сосредоточивается въ ихъ плавильной годности: многія краски темнѣютъ, мѣняютъ цвѣта, подвергаясь обжогу вмѣстѣ съ другими столь тугоплавкими, что онѣ еще не расплавились, когда тѣ успѣли сгорѣть. Тоны

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

красокъ отчасти дѣло умѣнья, отчасти случая. Такъ въ византійскихъ эмаляхъ особенно поражаетъ красота, тѣлесность цвѣта тѣла на рукахъ, ликахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистый тѣлесный тонъ, съ легкимъ розоватымъ и оливковымъ оттѣнкомъ, встрѣчается только въ 10-мъ и первой половинѣ 11-го вѣка, а позже составляетъ случайность. Извѣстную особенность древнѣйшихъ эмалей составляютъ также прозрачныя изумрудныя эмали и молочно бѣлая краска для тѣла. Наконецъ, алльяжъ золота также играетъ видную роль въ исполненіи: въ Византіи для большихъ эмалевыхъ работъ употреблялся сильный процентъ примѣси: 20% серебра на 80% золота, и въ русскихъ работахъ (Кіева, Рязани и пр.) также встрѣчаемъ въ эмаляхъ это низкопробное золото, и во Владимірскомъ кладѣ оно доходитъ до 70% золота. Заключительнымъ процессомъ эмалеваго производства представляется шлифовка готовой послѣ обжога эмалевой поверхности. Эта шлифовка или полировка эмалей достигала у византійскихъ мастеровъ высокаго совершенства, подобнаго шлифовкѣ драгоцѣнныхъ камней, и это причина, почему иныя эмалевыя древности, даже вынутыя изъ земли, послѣ тысячелѣтняго въ ней пребыванія, оказываются сохранившими свою зеркальную поверхность, тогда какъ другія, не будучи разрушены, стали уже неразличимы. Такъ, въ русскихъ эмалевыхъ вещахъ, найденныхъ рядомъ съ византійскими въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года, наблюдается, какъ увидимъ, наибольшая степень разрушенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, упадокъ рисунка, грубость орнамента, нечистыя краски и пр. И притомъ, въ томъ же кладѣ нѣкоторыя эмали, хотя и русской работы, лучше другихъ исполнены и соотвѣтственно лучше сохранились, тогда какъ напр. образокъ Богоматери отличается грубостью рисунка, техники и неузнаваемостью красокъ, совершенно утратившихъ свои цвѣта. Точно также мы увидимъ любопытную разницу въ эмалевой техникѣ двухъ кіевскихъ кладовъ отъ 1880 года и 1885 года: даже толщина употребленныхъ слоевъ рѣзко разнится въ обоихъ, а также оттѣнки красокъ и шлифовки, особенно синяго цвѣта, сохранившаго первоначальную чистоту и яркость. Впрочемъ, всѣ многоразличныя особенности русскихъ эмалей мы будемъ описывать на самыхъ памятникахъ ниже.

Второй замѣчательный видъ техники въ древне-русскихъ издѣліяхъ, развившихся подъ вліяніемъ Византіи, составляетъ *скань*, *сканное* дѣло (отъ глагола ськати, сучить), въ простѣйшемъ видѣ существовавшая почти всегда въ народномъ художествѣ, но выработавшая въ XI—XII столѣтіи способы особо утонченные и совершенные. Если Скандинавскіе археологи находятъ господство простой скани въ русскихъ древностяхъ утомительно однообразнымъ, то имъ можно указать на Рязанскій кладъ 1822 года и Мономахову шапку, какъ на произведенія высоко художественныя. Очевидно, дѣло не въ выборѣ способовъ и пріемовъ, но въ ихъ усвоеніи и развитіи, умѣньи примѣнить на дѣлѣ извѣстный рисунокъ и открыть наиболѣе удачную компоновку. Простѣйшая скань въ античныхъ вещахъ кажется весьма изящною, а въ варварскихъ издѣліяхъ прирейнскихъ и особенно Англіи, грубою и неуклюжею, также какъ утонченная филигрань XI и XII вѣка въ Россіи и Южной Германіи даетъ художественныя работы, а современныя закавказскія работы того же типа представляются утрированными.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лабартъ, въ своей «исторіи промышленныхъ искусствъ» [1]) знаетъ особенное развитіе скани или, какъ онъ называетъ по обычному западному термину, филиграни въ Венеціи: а именно, по указаніямъ Занетти и инвентарей, Венеція особенно славилась своею филигранью около XII столѣтія и даже особый видъ ея opus entrecoseum, достигавшій даже изображенія фигуръ, назывался opus veneticum; а драгоцѣнные камни на крестѣ аб. Сугерія были посажены «sur grands fermilletz d'or doubles à jour de façon de Venise». Однако, и въ Германіи этотъ типъ филиграни утвердился также въ XII столѣтіи, и между нѣсколькими замѣчательными образцами мы можемъ указать напр. на три оклада Евангелія въ ризницѣ собора въ Трирѣ именно XII столѣтія; а превосходное, по своей точности, описаніе [2]) говоритъ объ одномъ окладѣ слѣдующее: «ювелирныя пластинки (окладъ состоитъ изъ эмалевыхъ пластинокъ и бордюра, покрытаго сканью и камнями) представляютъ, неизмѣнно, по полю филиграневыхъ разводовъ, которыхъ усики оканчиваются въ видѣ шляпки гвоздика, каждая одно крупное центральное гнѣздо, окруженное восемью малыми». Камни разнообразны: сафиры, рубины, изумруды, яхонты, также стекла и пасты. Какое обиліе камней, можно видѣть изъ того, что на лицевой сторонѣ одного оклада описаніе насчитываетъ ихъ 228; центральныя гнѣзда здѣсь укрѣплены помощью лапокъ, вырѣзанныхъ трилистникомъ; формы камней безразличны: круглыя, овальныя, продолговатыя, треугольныя и пр. встрѣчаются рядомъ. Но здѣсь скань ограничивается одною золотою или серебряною нитью, которая одна своими изгибами образуетъ волюты, стало быть, представлена процессомъ спеціально древнимъ и всегда оставшимся болѣе или менѣе въ употребленіи.

Напротивъ того, вещи Рязанскаго клада 1822 г. (см. ниже) представляютъ совершенно иную технику: а именно ихъ филигрань исполнена посредствомъ свитыхъ, ссученыхъ или скрученныхъ золотыхъ нитей, по двѣ нити въ каждой веревочкѣ, и притомъ скрученныхъ настолько круто, столь тѣсными спиралями, насколько это возможно сдѣлать; это и есть собственно *скань*, во Франціи (въ XIII в.) filigrane cordé [3]); затѣмъ эту веревочку сплющивали молотомъ въ ленточку, и тогда ея верхняя каемка представляла подобіе зерневой нити, или собственно филиграни [4]). Наконецъ, въ медальонахъ клада скань расположена, такъ сказать, ажурно, т. е. припаяна и ко дну и по проложенной уже по дну скани, что́ придаетъ всему рисунку особую красоту и блескъ. Подобная техника блистательно примѣнена на Pala d'oro Венеціанскаго св. Марка и также на нѣкоторыхъ предметахъ древности XI—XII стол. (?), по преданію будто бы принадлежавшихъ Карлу Великому [5]). Начало этой техники, видимо, въ варварскомъ способѣ

---

[1]) *Histoire des arts industriels*, 1864, II p. 276—7.

[2]) *Léon Palustre et X. Barbier de Montault.* Le Trésor de Trèves. 30 pl. en phototypie. Paris. s. a., pl. XI, XIII, XIV.

[3]) Совершенно точное описаніе способа въ словарѣ Виктора Гея, *Glossaire archéologiques* I, P. 1887: filigrane cordé, obtenu par la torsion préalable de deux fils métalliques aplatis au marteau de façon à présenter sur les tranches un grènetis oblique et allongé. Въ древнерусской техникѣ также упоминаются: *веревочки витыя* и *городчатыя*.

[4]) Исправляя попутно описаніе Рязанскаго клада въ изданной нынѣ «Описи Оружейной Палаты», скажемъ, что филигрань его не имѣетъ ничего общаго съ техникою украшеній Мономаховой шапки: тамъ филигрань выполнена тонкими ленточками, нарѣзанными изъ гладкаго листа, подобно перегородчатымъ эмалямъ.

[5]) Lasteyrie, *L'orfévrerie*, 1875 fig. 20, 21; Fontenay, *Les bijoux anciens et modernes.* Paris 1887, p. 185.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

украшать поверхность нарѣзанными изъ золотаго листа лентами, изъ которыхъ набираются цвѣты, листья, затѣмъ перегибаются и припаиваются въ живописномъ и богатомъ рисункѣ: такого рода начало мы находимъ напр. въ знаменитомъ реликваріи зуба и волосъ Св. Іоанна Предтечи въ ризницѣ собора Монцы, который, однакоже, напрасно относятъ ко времени королевы Теодолинды (начало VII вѣка), такъ какъ онъ не можетъ быть ранѣе IX столѣтія [1]).

Мы знаемъ два главныхъ вида *скани* или *филиграни*, употребляя пока эти термины въ условномъ ихъ тождествѣ, принятомъ, однако, почти повсюду. На первомъ мѣстѣ стоитъ работа изъ зернистыхъ нитей, или нитей мелкихъ зеренъ, изгибаемыхъ щипчиками и образующихъ бордюры, коймы, а также украшеніе поверхностей и ажурные разводы: это древнее filum granum, filets grenus, grènetis и пр., для насъ собственно филигрань или, пожалуй, зернь. Второй способъ состоитъ въ употребленіи волоченой или тянутой проволоки или нити золотой и серебряной, которою или обматывается напр. мелкая вещь, или украшается поверхность также выкладкою на ней въ различныхъ орнаментальныхъ формахъ. Эта филигрань также древня, какъ и первая, если не древнѣе, судя по тому, что она испоконъ вѣковъ господствовала на древнемъ Востокѣ, въ Египтѣ, древней Греціи и Этруріи и представила множество блестящихъ произведеній искусства въ издѣліяхъ ювелировъ Сиріи, Малой Азіи, Аѳинъ и Тосканы. Эта форма настолько древня, что употребленіе перваго вида собственной филиграни или зерни въ издѣліяхъ эпохи переселенія народовъ, меровингской и пр. мы должны скорѣе объяснять занесенною къ варварамъ временною модою, т. е. своего рода новостью, римскимъ нововведеніемъ.

Но около IX столѣтія филигрань изъ волоченой нити является господствующимъ видомъ и создаетъ въ искусствѣ работы, по истинѣ, художественныя; при этомъ, въ древностяхъ Россіи IX—XII стол. мы имѣемъ едва ли не лучшіе образцы этого вида. Эта форма всегда существовала въ западной Европѣ, но она какъ бы вновь явилась на смѣну зерни и собственной филиграни, подъ вліяніемъ восточной торговли, и хотя средневѣковыя древности Персіи и Индіи намъ совершенно неизвѣстны, но чудныя филигранныя работы новѣйшей Индіи, Китая, Персіи и Арменіи извѣстны всѣмъ въ различныхъ собраніяхъ Европы.

Путемъ привоза издѣлій на продажу и распространенія самыхъ способовъ, т. е. привоза волоченыхъ нитей, или появленія мѣстнаго мастерства, умѣнья волочить проволоку, филигрань перешла съ Востока на отдаленный Сѣверъ. Сюда относится любопытный вопросъ, поднятый въ 1880 г. въ Берлинскомъ Обществѣ Антропологіи, Этнографіи и Первобытной Исторіи [2]): «стиль филигранныхъ украшеній въ находкахъ ломанаго серебра (Hacksilber) имѣлъ ли вліяніе на украшеніе народныхъ одеждъ позднѣйшаго времени въ тѣхъ же странахъ, и какія существуютъ доказательства, что эта новѣйшая филигрань составляетъ подражаніе привозной IX—X-го сто-

---

[1]) Рисунокъ—очень не точный и поверхностный у Labarte *Hist. des arts ind.* II, p. 118, и описаніе также недостаточное стр. 70—2; рѣзные листы не могутъ быть названы des filets d'or granulés.

[2]) См. переводъ Отчета о засѣданіи по этому вопросу, сдѣланный барономъ В. Г. Тизенгаузеномъ изъ *Archiv für Anthropologie.* Bd. XIII, Verhandlungen, p. 60—65.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

лѣтія?». Богатые клады серебряныхъ вещей, найденные въ Голштиніи, идущіе изъ конца X столѣтія и содержащіе, кромѣ ломаныхъ монетъ, остатки прекрасной филиграни, обратили на себя вниманіе, а сходство въ техникѣ и орнаментикѣ съ восточными образцами не оставляли сомнѣнія въ подражаніи этимъ образцамъ; филигрань составлена здѣсь изъ *волоченой* проволоки, и этотъ видъ называли *восточною* техникою, въ отличіе отъ рѣзаной проволоки франкскихъ фибулъ, исполненныхъ перегородчатою эмалью. Померанія богата также кладами серебра въ кускахъ, между которыми встрѣчаются украшенія съ зернью, гривны и рѣзаныя серебряныя монеты арабскаго происхожденія, и проф. Р. Вирховъ полагалъ, что торговля арабовъ, направлявшихся черезъ Астрахань и Булгары на Волгѣ, проходила изъ Перми въ Остзейскій край, Скандинавію, Прибалтійскую Германію до Франкфурта. Вещи эти [1]) должны были производить сильное впечатлѣніе, по мнѣнію проф. Вирхова, и «теоретически не трудно понять, что затѣмъ стали придерживаться этихъ художественныхъ произведеній и продолжать примѣненіе ихъ украшеній».

Но большинство высказанныхъ мнѣній по вопросу сводится къ тому, что клады вещей съ арабскими монетами, содержащіе такого рода художественныя украшенія, должны и происходить сами съ Востока, составлять предметъ привоза, при чемъ эти украшенія, мелко изрубленныя, могли употребляться какъ мелкая размѣнная монета, словомъ, самое серебро это было принято называть «арабскимъ серебромъ». Нѣкоторую оговорку въ пользу сѣверо-германскаго, мѣстнаго происхожденія, сдѣлалъ Ундсетъ, по поводу кладовъ острова Готландіи, для кладовъ XI и XII столѣтій, когда арабскихъ монетъ нѣтъ, и онѣ замѣняются западно-европейскими. Извѣстный Монтеліусъ отрицалъ принципіально, что клады съ арабскими монетами содержатъ вещи арабскаго издѣлія: «онъ убѣжденъ, что большее количество украшенныхъ филигранью серебряныхъ украшеній въ Стокгольмскомъ музеѣ не арабскаго издѣлія, а изготовлены на Сѣверѣ. Вѣроятно, филигранная техника IX и X столѣтій находится въ связи съ золотою филигранью, которую мы уже встрѣчаемъ какъ на Сѣверѣ, такъ и въ Германіи, на нѣкоторыхъ чрезвычайно красивыхъ произведеніяхъ V и VI вѣка». «Въ доказательство того, что относящіяся къ IX и X ст. серебряныя вещи, съ филигранью, по крайней мѣрѣ *отчасти* неарабскаго издѣлія, г. Монтеліусъ указывалъ на нѣкоторыя вещи изъ этихъ кладовъ съ орнаментами, свойственными сѣверу (круглыя фибулы)». «Нужно замѣтить, что, одновременно съ упомянутыми серебряными филигранными издѣліями IX и X вѣка, на Сѣверѣ встрѣчаются также золотыя украшенія съ филигранью. На островѣ Готландѣ найдено нѣсколько такихъ золотыхъ вещей чрезвычайно тонкой работы». Въ Швеціи найдено нѣсколько украшенныхъ филигранью серебряныхъ вещей, относящихся къ XII и XIII стол. и находящихся въ связи съ предыдущими. Г. Монтеліусъ «убѣжденъ въ томъ, что и онѣ изготовлены на Сѣверѣ. Можетъ быть, ихъ слѣдуетъ считать переходными звеньями между различными филигранными издѣліями IX и X вѣковъ и тѣми, которыя еще до сихъ поръ дѣлаются въ Норвегіи». Весьма важно обстоятельное возраженіе на это мнѣніе, высказанное Ундсетомъ: онъ сказалъ: «Говоря о привозныхъ арабскихъ серебряныхъ

[1]) Вирховъ говоритъ здѣсь о «кладахъ», но мы не ошибемся, надѣюсь, если отнесемъ данное обстоятельство не къ открытію ихъ теперь, а къ поступленію въ древности во владѣніе поселенцевъ Сѣв. Германіи.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

украшеніяхъ, встрѣчающихся въ нашихъ кладахъ, я употребилъ выраженіе «*арабскія* серебряныя вещи» ради краткости. Вопроса о происхожденіи всѣхъ этихъ вещей, находимыхъ вмѣстѣ съ арабскими монетами, я не хотѣлъ рѣшать. Вполнѣ согласенъ съ г. Монтеліусомъ, что многія изъ этихъ вещей сдѣланы на Сѣверѣ; но стиль ихъ чужой, отчасти привозный и постоянно сильно отзывается чуждымъ вліяніемъ. Такимъ образомъ я полагаю, что уже въ періодъ привоза арабскихъ монетъ и серебряныхъ издѣлій мы можемъ подмѣтить зачатки мѣстной сѣверной промышленности, но главную массу серебряныхъ украшеній въ этихъ кладахъ я считаю привозною».

Какъ видно, вопросъ, здѣсь затронутый, тѣмъ труднѣе, чѣмъ онъ важнѣе и существеннѣе, и когда мы представимъ себѣ, что на этотъ вопросъ не дано и не указано возможности какого либо отвѣта, даже въ Швеціи, гдѣ древности начали собирать и изучать уже въ XVII вѣкѣ, то мы поймемъ, насколько было бы не раціонально домогаться рѣшенія того же вопроса въ русскихъ древностяхъ, несравненно болѣе обширныхъ и крайне сложныхъ по множеству разнообразныхъ элементовъ; мы можемъ разсчитывать только получить опредѣленное указаніе той среды, на которой подобные вопросы будутъ рѣшаться, и того пути, по которому можетъ направляться изслѣдованіе. Эта среда опредѣляется распространеніемъ извѣстнаго стиля, слѣдовательно, дѣло, нужда даннаго вопроса не въ изученіи бытовой археологіи страны, по ея систематическимъ отдѣламъ, какъ то доселѣ дѣлаютъ археологи Скандинавіи, но въ историческомъ изученіи формы, правда, въ связи съ содержаніемъ, ролью, бытовымъ назначеніемъ предмета, но по ея художественнымъ особенностямъ, отличіямъ отъ предъидущаго и послѣдующаго.

Филигрань разныхъ видовъ составляетъ художественную форму, являющуюся періодически и притомъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, однако, въ иныхъ она удерживается почему то съ особою настойчивостью, и такою страною является Сирія [1]), страна ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Именно Финикія поставляла древнему міру всю эту массу поразительныхъ по своей тонкости филигранныхъ работъ, находимыхъ на Кипрѣ, Родосѣ, Критѣ и Сардиніи. Изъ Малой Азіи происходили драгоцѣнныя древности Пантикапеи и вообще побережныхъ колоній Чернаго моря. Отсюда также и замѣтная связь разомъ по техникѣ и по сюжетамъ (напр. Персидская Артемида въ извѣстной серіи бляшекъ) издѣлій греческаго Востока и Этруріи, напр. находокъ въ Саеге (колл. Кастеллани), а равно и по формамъ предметовъ убранства — часто указываемыхъ нами сирійскихъ серегъ — калачиками, бляшкамъ и розеткамъ ассирійскаго типа, подвѣснымъ полулуніямъ на монистахъ, фибуламъ съ фризами львовъ, сфинксовъ, крылатыхъ львовъ, золотымъ филиграннымъ бусамъ, серьгамъ съ подвѣсными гнѣздами и пр. А такъ какъ рядомъ находки Кьюзи и Тарквиній, видимо, изъ мѣстныхъ издѣлій, только воспроизводятъ всѣ тонкости филигранной работы сравнительно грубымъ чеканномъ

[1]) Это господство сканныхъ украшеній въ уборахъ и даже перстняхъ можно наблюдать на замѣчательной серіи еврейскихъ предметовъ старины и обрядности, собранныхъ Штраусомъ въ музеѣ Клюни въ Парижѣ. См. *Description des objets d'art religieux, hebraïques, exp. à l'Expos. Univ. de 1878*. Poissy. 1878, pl. 6, 8, 12.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и рѣзьбою, и самая филигрань тамъ, гдѣ встрѣчается, не тонка, груба, а вѣнки изъ Castel d'Asso въ Британскомъ музеѣ также подражаютъ и неудачно своимъ чеканомъ формамъ скани и филиграни. Сирійское происхожденіе серьги съ подвѣскою въ видѣ ассирійскаго креста, происходящей изъ Сардиніи, врядъ ли подвержено сомнѣнію; тоже самое—сережки съ подвѣсною гроздью, или жемчужиною, или извѣстныя особенно на Кавказѣ серьги съ шпенькомъ для насаживанія бусы. Эта послѣдняя орнаментальная форма встрѣчается, правда, лишь рѣдко, въ видѣ напр. браслетовъ изъ золотой проволоки съ насаженною на нее золотою филигранною бусою, но по явной связи съ позднѣйшимъ русскимъ типомъ серегъ, также браслетовъ и шейныхъ гривенъ и височныхъ колецъ пріобрѣтаетъ капитальную важность.

Но мы могли бы болѣе или менѣе опредѣленно отвѣтить на вопросъ, оставленный Ундсетомъ безъ отвѣта: откуда идетъ этотъ филиграневый стиль украшеній. Этотъ стиль явился, вмѣстѣ съ привозными украшеніями, изъ Сиріи и черезъ посредство арабскихъ торговцевъ, снабжавшихъ весь сѣверо-востокъ варварской Европы VIII — X столѣтій металлическими и стеклянными издѣліями Сиріи и производствами ея фабрикъ, полотна, шерсти и шелку.

Что филигрань играла основную роль въ финикійскихъ издѣліяхъ, фактъ достаточно извѣстный всѣмъ, но для насъ важно также и то, что въ этихъ издѣліяхъ и драгоцѣнностяхъ, найденныхъ на Кипрѣ, мы встрѣчаемъ филигрань всѣхъ трехъ видовъ, т. е. изъ простыхъ нитей, рубчатыхъ и собственно зернистой филиграни [1]). Тоже относится къ вещамъ современной Сиріи. Въ средніе вѣка филигрань носила также имя *oeuvre de Damas*. Между финикійскими собственно и кипрскими украшеніями мы видимъ обильныя височныя кольца спиралью изъ золота, электра, какъ съ изящной отдѣлкою, такъ совершенно гладкія, большія, быть можетъ, служившія браслетами [2]). О томъ, какъ обильны были въ финикійскихъ украшеніяхъ разнообразныя подвѣски въ формѣ калачика—колта, и какъ, благодаря Сиріи, эта форма распространилась по всей Малой Азіи, Греціи, берегамъ Африки до Марокко, мы имѣли уже случай толковать въ другомъ мѣстѣ [3]), и врядъ ли есть нужда говорить о томъ обиліи украшеній изъ дорогихъ металловъ, какъ то діадемъ, серегъ, цѣпей, ожерелій и пр., которое представляютъ намъ финикійскія терракотты. Тѣ же указанные типы встрѣчены въ поздне-александрійской торевтикѣ, между предметами древности, происходящими изъ Александріи и Кипра [4]). Къ этому должно добавить, что обычай носить серьги долженъ былъ придти въ Египетъ, гдѣ его въ древности не было, изъ Месопотаміи, гдѣ онъ былъ издревле, черезъ Сирію и Іудею. Что касается спеціально серьги въ формѣ калачика съ утолщеніемъ кольца, или въ видѣ лунницы, то обиліе

---

[1]) Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité* III, pag. 576, fig. 590—1, fig. 601—2; бусы, покрытыя завитками fig. 604; page 839.

[2]) Perrot ibid., III fig. 570—3, fig. 217, page 831—2.

[3]) См. наше соч. *Исторія и памятники византійской эмали*, глава IV. Также Perrot ibid., III fig. 576—575, 578—9, 581, 587; IV ср. 446.

[4]) Schreiber Th., *Die alexandrinische Toreutik. Untersuchungen über d. Griech. Goldschmiedekunst im Ptolemaeerreiche.* L. 1894, p. 305—8.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

разнообразныхъ варіантовъ этого типа побудило дать ему названіе финикійскаго: нѣсколько паръ сережекъ этого типа найдены были въ Сидонѣ Ренаномъ [1]).

Еще многочисленнѣе аналогіи (см. выше) между предметами русской древности IX—XI столѣтій и современными украшеніями Сиріи, какъ ихъ носятъ доселѣ въ Дамаскѣ, Бейрутѣ, Гауранѣ и безразлично у Друзовъ и Маронитовъ, Бедуиновъ и Сирійцевъ. Здѣсь еще доселѣ въ употребленіи нагрудныя украшенія въ видѣ лунницъ съ подвѣшенными листиками (*поталами*) [2]), ожерелья изъ полуцилиндрическихъ продольныхъ бляшекъ (о которыхъ мы должны будемъ говорить особо) [3]), подвѣсныя на толстыхъ цѣпяхъ капторги, иногда въ видѣ треугольныхъ коробочекъ [4]), бляшки-амулеты и желуди на шейныхъ цѣпяхъ [5]), жемчужныя діадемы [6]), и, равнымъ образомъ, именно здѣсь наиболѣе удержались разнообразныя кики, кокошники, колпачки въ женскомъ головномъ уборѣ [7]).

Наконецъ, весьма вѣское указаніе представляется намъ въ тождествѣ орнаментальной манеры, которое бросается въ глаза преимущественно въ *золотыхъ* вещахъ: мы уже указывали на тождество орнаментаціи поясныхъ бляшекъ клада изъ Тарса, клада Воронежскаго, клада, найденнаго въ Венгріи и другаго въ Кьюзи (Тоскана). Какъ примѣръ, столь же поразительный, можемъ указать на тождество замѣчательныхъ серегъ изъ тончайшей золотой и серебряной филиграни, съ фигурными бусами, иногда птичками, одновременно находимыхъ въ Казанской губерніи, на развалинахъ Болгаръ и въ Калишской губерніи. Между этими находками, несомнѣнно, должна быть причинная, не случайная связь, какъ есть связь между обиліемъ гривенъ, находимыхъ въ Вятской и въ Витебской губерніяхъ.

Мы уже имѣли случай [8]) издать образцы любопытныхъ золотыхъ бляшекъ изъ Ставропольской губерніи, въ видѣ группы ячеекъ для жемчужинъ, окаймленныхъ тончайшею филигранью, въ видѣ жгутиковъ или даже собственною сканью, при чемъ группы бляшекъ имѣли форму пирамидки или же простой розетки съ шестью ячейками. При этомъ мы приложили рисунокъ совершенно тождественной подвѣски въ видѣ пирамидальной группы пустыхъ круглыхъ ячеекъ съ двумя головками хищныхъ птицъ на верху, изъ Венгріи; при этомъ замѣтили, что эта мало понятная группа ячеекъ воспроизводитъ въ варварскомъ преувеличеніи античную гроздь винограда, послужившую такъ часто, въ видѣ художественнаго типа, для всякаго рода подвѣсокъ; къ венгерской подвѣскѣ еще прицѣплены были снизу полые колокольчики, своимъ типомъ ясно указывая на варварскія формы, намъ извѣстныя изъ бронзъ Осетіи и сѣвернаго пред-

---

[1]) Fontenay, *Les bijoux anciens et modernes*. P. 1887. p. 101—103. Ср. тождественные съ указанными въ соч. Шрейбера египетскими древностями типы серегъ ib. p. 105—107, найдены въ Сиріи.

[2]) Lortet, *La Syrie d'aujourd'hui*, Paris, 1884. p. 84, 238. Racinet, Le costume historique, pl. 179.

[3]) Racinet, *Le costume historique*, pl. 140; Lortet p. 85.

[4]) Lortet, p. 76, 85, 90; Racinet pl. 179, 8.

[5]) Lortet, p. 17, 90.

[6]) Lortet, p. 79.

[7]) Lortet, p. 83, 85, 165.

[8]) *Русскія Древности*, III, p. 148, рис. 176—8. Тождественное украшеніе въ указанномъ для древностей Венгріи сборникѣ Гампеля, I, таб. 45.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

горья Кавказа. Что венгерская вещь, а слѣдовательно, и ставропольская находка, относятся къ VII—VIII столѣтіямъ, о томъ легко судить по характеру вещей, найденныхъ совмѣстно съ венгерскою подвѣскою и также по характерному ея типу, не переходящему границы VIII столѣтія. Ставропольская находка могла бы принадлежать къ вещамъ половецкимъ или хазарскимъ—неизвѣстно, но по своему техническому пріему она относится, очевидно, къ греко-восточному искусству, если не прямо къ его издѣліямъ.

На ряду съ этою вещью, столь важною въ исторіи восточной филиграни, мы можемъ, нынѣ, предложить (рис. 30) непосредственно за нею слѣдующее и съ нею тѣсно связанное звено—наборъ 34 крохотныхъ (0,009 м. до 0,012 м.) золотыхъ бляшекъ [1]), въ видѣ розетокъ, изъ круглаго золотаго листка, на которомъ укрѣплены тончайшею сканью или круглыя ячейки (числомъ 7) или же лепестки (числомъ 9) розетокъ. Четыре бляшки имѣютъ—важнѣйшій для нашей задачи—типъ такъ наз. арабскаго цвѣтка, который, по его значенію, мы передаемъ здѣсь въ точныхъ рисункахъ, насколько можно воспроизвести ихъ тончайшую скань. Предварительно

Рис. 30. Типы 34 бляшекъ изъ Херсонеса въ собраніи А. Л. Бертье-Делагарда.

должно сказать, что это, повидимому женскій уборъ, трудно сказать, чего именно: для головной повязки, діадемы—всего скорѣе, такъ какъ она именно бывала матерчатая и украшалась розетками, при чемъ четыре бляшки въ видѣ цвѣтка могли быть на двухъ завязкахъ діадемы, по концамъ ея; бляшки нашивались. Розетки наши всѣ имѣютъ совершенно одинаковый рисунокъ—его нельзя было разнообразить, тогда какъ бляшки съ группою ячеекъ съ намѣреніемъ сдѣланы мастеромъ разнообразно, а именно: въ срединѣ ячейки сканью выкладывается крохотный кружокъ или гнѣздышко (и что̀ составляетъ верхъ технической утонченности—самыя дырочки для нитей, по 6, были окаймлены также сканью), и отъ того, какъ и гдѣ оно помѣщено, по срединѣ, или у краешка, зависитъ именно варіація рисунка и вида; для насъ, въ частности, важно и то, что кружочекъ часто дѣлается нарочно у края ячейки, какъ если бы онъ образовывалъ ея завитокъ; чѣмъ, стало быть, напоминается основная форма разводовъ или закручивающихся усиковъ, господствовавшая ранѣе, въ издѣліяхъ V—VI стол. Рисунокъ арабскаго цвѣтка есть также осложненная лилія или кринъ полевой, но уже въ окончательно сложившейся формѣ, почему собственно и весь наборъ мы должны считать не ранѣе IX столѣтія. Наборъ этотъ пріобрѣтенъ, по словамъ лица, продавшаго А. Л. Бертье-Делагарду,

[1]) Принадлежитъ коллекціи А. Л. Бертье-Делагарда, которому мы и приносимъ здѣсь свою искреннюю благодарность за предоставленіе намъ этой вещи для изданія.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

въ Херсонесѣ, изъ прежнихъ раскопокъ, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ золотымъ тѣльнымъ крестомъ, который, по этому, мы и считаемъ нужнымъ представить здѣсь (рис. 31) въ приблизительно точномъ рисункѣ. Крестикъ этотъ сдѣланъ также изъ листоваго золота, четвероконечный, выш. 0,047 м., шир. 0,04 м., состоитъ изъ цилиндрическихъ, трубчатыхъ, полыхъ внутри рукавовъ; по концамъ ихъ устроены изъ рѣзаной проволоки по пяти выгнутыхъ тонкихъ ручекъ, при чемъ часть рукава внутри сдѣлана гладкая, какъ будто это была крышечка, а верхъ этой крышечки ажурный, изъ проволоки; такимъ образомъ, и цилиндрическая форма, и эти крышечки назначены подражать тѣльникамъ изъ дорогихъ камней, сердоликовъ и пр., по концамъ обдѣланныхъ именно въ золото. Въ перекрестьѣ гнѣздо съ сердоликомъ, а рукава покрыты рядами сканныхъ ячеекъ, по четыре ряда вдоль каждаго. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ вещами уже второй половины IX или даже X стол.

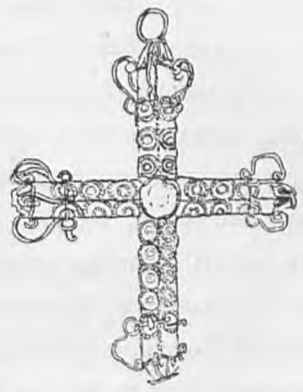

Рис. 31. Золотой крестикъ изъ Херсонеса.

Къ тому же разряду мы относимъ одно драгоцѣнное ожерелье, происходящее, по словамъ продавца, съ Кубани, состоящее изъ двадцати четырехъ золотыхъ бусъ, необычайной тщательности и чистоты отдѣлки, и столь же замѣчательнаго рисунка, и поступившее въ ту же замѣчательную по значительности и подлинности древнихъ золотыхъ вещей коллекцію А. Л. Бертье-Делагарда. Бусы эти, на первый взглядъ, производятъ впечатлѣніе чисто русскихъ, кіевскихъ древностей, и только внимательное изученіе открываетъ различіе. Самый шарикъ бусы (рис. 32) сдѣланъ изъ болѣе толстаго листа, чѣмъ обыкновенно, и потому все ожерелье изъ 20 слишкомъ бусъ вѣситъ гораздо болѣе античныхъ. Далѣе, поясокъ спайки двухъ половинокъ шарика закрытъ бордюромъ изъ двухъ нитей и посреди нитью зерни или собственно филигранью; тоже находимъ по краю обѣихъ отверстій для шнура, т. е. кружочекъ окаймленъ зерновою нитью. На самомъ же шарикѣ гладкою проволокою (не сканью) выложена такая же двойная спираль, какую находимъ въ болѣе раннихъ варварскихъ древностяхъ, но которой нигдѣ на древнерусскихъ бусахъ не находимъ, да кромѣ того, въ разводахъ посажены зерна.

Съ Кубани же происходитъ золотая бляшка (того же собранія г. Бертье Делагарда), съ ячейками, въ которыя, вмѣсто жемчуга, усердная рука продавца вставила кусочки древняго стекла: вещь тождественна (рис. 33 и 34) съ печаткою перстня, найденнаго въ Венгріи (въ музеѣ

Рис. 32. Золотая буса изъ ожерелья съ Кубани.

Рис. 33. Золотая бляшка съ Кубани.

Рис. 34. Золотой перстень въ музеѣ Пешта.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Пешта); онѣ должны относиться къ VII—VIII ст. и имѣютъ совершенно тождественную аналогію въ срединной бляшкѣ креста короля Пелагія въ соборѣ Овіедо.

Въ непосредственной связи съ этими предметами стоятъ девять золотыхъ нашивныхъ бляшекъ, составлявшихъ, повидимому, также головную повязку или вѣнчикъ и украшенныхъ по листу тончайшею филигранью, точнѣе, сканью, т. е. перегородками, исполненными изъ ссученой нити или скани, только сплюснутой или сплющенной молоткомъ и припаянной къ поверхности. Эти девять бляшекъ принадлежатъ коллекціи А. Н. Поля въ Екатеринославѣ [1]), происходятъ изъ Маріуполя и, вѣроятно, составляютъ остатокъ прежнихъ богатыхъ находокъ въ курганахъ Южной Россіи, если не попали въ Маріуполь, вмѣстѣ съ греками, изъ Крыма. Круглыя бляшки представляютъ ту же розетку, тождественнаго рисунка, также есть двѣ бляшки въ видѣ арабскаго цвѣтка, одной формы съ разсмотрѣнными; шесть бляшекъ (рис. 35) въ условной формѣ лиліи, какъ мы ее встрѣчаемъ въ арабской и сицилійско-норманнской орнаментикѣ; по листу тончайшіе разводы изъ скани въ формѣ завитковъ, скорѣе вѣточки съ усиками, заполняющіе весь фонъ, и, кромѣ того, въ срединѣ нѣсколько звѣздъ изъ гладкихъ перегородочекъ или ленточекъ, припаянныхъ на ребро и образующихъ какъ бы ячейки для цвѣтной эмали, которой, однако, нѣтъ и не было. Объ этой формѣ скани мы будемъ говорить особо. Въ разводахъ кое гдѣ посажены въ гнѣздахъ зерна яхонтовъ и мелкій жемчугъ.

Рис. 35. Изъ собранія А. Н. Поля. Типъ 6 зол. бляшекъ.

Рис. 36. Золотая бляшка изъ собр. Каррана въ Нац. Муз. Флоренціи.

Слѣдующая за этими видами форма представляется большимъ мавританскимъ ожерельемъ, изъ колл. Carrand, поступившимъ въ Національный Музей Флоренціи [2]): подвѣсныя бляшки этого ожерелья (рис. 36) повторяютъ ту же форму арабскаго цвѣтка, однако, осложненную и утратившую свой основной смыслъ; именно въ рисунокъ введена такъ наз. индійская пальма или завитокъ, а все поле покрыто восьмерками и завитками, или идущими по рамкамъ, или разсыпанными и заполняющими пустоты. Къ позднѣйшей эпохѣ Половецко-Татарской съ монетами хановъ Узбека (1313—1342) и Джанибека (1371—1356) относятся серіи разныхъ бляшекъ со сканною работою въ видѣ звѣздъ, ячеекъ, розетокъ и персидской розы о семи лепесткахъ, съ горнымъ хрусталемъ въ срединѣ, изъ кургана у дер. Вороной, Ново-Московскаго [3])

---

[1]) *Каталогъ коллекціи А. Н. Поля въ Екатеринославѣ*, I, К. Мельникъ, Кіевъ, 1893, стр. 144, №№ 93—101, таб. XIV, рис. 93, 98, 99, 100. *Альбомъ фотографій Одесск. Арх. Съѣзда*, табл. 19.

[2]) Фотографія Алинари № 2,820: Gioielli Moreschi e Gotici, XII e XIV sec.

[3]) Изъ собранія Д. Я. Самоквасова, въ Историческомъ Музеѣ. По каталогу коллекціи 1892 г., за №№ 4527—53 на 302-й таблицѣ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

уѣзда Екатеринославской губ. Эти предметы любопытны особенно, какъ доказательство необыкновенной сохранности художественныхъ формъ у кочевниковъ.

Къ XIII столѣтію должно быть отнесено ожерелье (рис. 37) изъ чудныхъ филигранныхъ, ажурныхъ бусъ, пронизокъ и подвѣсокъ, происходящее изъ Гранады (нынѣ въ Археологическомъ музеѣ Мадрида); подвѣски имѣютъ форму кавказскихъ коническихъ колокольчиковъ, а одна въ срединѣ, играющая роль амулета, тождественна съ описанными вещами изъ Маріуполя и коллекціи Каррана.

Рис. 37. Ожерелье въ Мадридск. Арх. Муз.

Ближайшее, однако, мѣсто къ тонкой скани Рязанскаго клада 1822 года занимаетъ кладъ великолѣпныхъ золотыхъ украшеній, найденный въ 1880 годахъ близъ Майнца и поступившій въ собраніе мѣстнаго любителя древностей и банкира барона Гейля въ Вормсѣ. Вещи, какъ мы уже о томъ имѣли случай писать [1]), при всемъ своемъ разнообразіи, происходятъ изъ одного пышнаго, но, въ тоже время, художественно исполненнаго убора. Отдѣльно найдена въ 1885 г., находящаяся во владѣніи того же лица большая бляха (*мишень*, какъ говорили въ старину, или значекъ, enseigne) съ эмалевымъ изображеніемъ орла отъ нагруднаго аграфа, явно, мѣстнаго, еще нѣсколько варварскаго издѣлія: инкрустаціи и эмали подражаютъ византійскимъ; другая бляха съ орломъ еще грубѣе. Шесть золотыхъ перстней клада византійской тонкой работы, съ филигранью и разными камнями, но одинъ, украшенный рѣзьбою вглубь, геометрическими плетеніями и кринами, погрубѣе, вѣроятно, мѣстной. Тонкая цѣпь изъ эмальированныхъ византійскою эмалью бляшекъ и эмалевая брошь относятся, по всѣмъ признакамъ, ко времени процвѣтанія византійской эмали, т. е., не позже, какъ къ первой половинѣ XI вѣка или даже X вѣка. Но всего замѣчательнѣе пять брошей, одна золотая, эмальированная, съ изумруднымъ фономъ, по которому вкраплены красные листья плюща, прочія (рис. 38) украшенныя однимъ камнемъ въ срединѣ щитка и кругомъ тончайшею сканью, зернистою филигранью и жемчугомъ. Уборъ этотъ настолько типиченъ, что заслуживаетъ осо-

[1]) Въ соч. *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. И. Звенигородскаго*, стр. 243 — 4, рис. 87. Объ аграфѣ съ орломъ см. ст. д-ра Шнейдера: *Ein Schmuckstück aus der Hohenstaufenzeit*, 1886, Abdr. aus d. *Kunstgewerbeblatt* III. Jahrg.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 38. Золотая брошь изъ находки близь Майнца.

баго разсмотрѣнія. Во первыхъ гнѣздо простѣйшаго типа, камень удерживается грифами (когтями), или зубчатыми лепестками чашечки, въ которой камень посаженъ; кайма возлѣ состоитъ изъ мелкой зерни, или по бордюру, или набранной городками, зигзагами и т. п. Далѣе, по щитку идутъ ромбами желобки, устроенные въ томъ же лоточкѣ или золотомъ листѣ, но перехваченные всюду скобочками; подъ этими скобочками идетъ проволока, на которую насаженъ жемчугъ, и отдѣльныя жемчужины сидятъ именно между скобочками по линіямъ этихъ желобковъ; кромѣ того, крупныя зерна посажены въ особыхъ круглыхъ ячейкахъ; наконецъ, все остальное пространство покрыто тончайшею, изумительною по тонкости и правильности, сканью, составляющею, однако, все тѣ-же простѣйшіе рисунки восьмерокъ, запятыхъ, усиковъ, кружочковъ и пр. Внѣшняя кайма брошей составляетъ вновь рядъ круглыхъ ячеекъ, раздѣленныхъ такими скобочками, и прежде въ каждой ячейкѣ сидѣло по зерну жемчуга. Украшеніе это, будучи вполнѣ во вкусѣ X вѣка, можетъ назваться истинно богатымъ и художественно прекраснымъ: контрастъ матоваго блеска жемчуговъ и разныхъ тоновъ золота составляетъ то изысканное, отчасти изнѣженное изящество украшеній, которымъ прославилось повсюду искусство Византіи X вѣка. Ряды порванныхъ цѣпочекъ, найденныхъ вмѣстѣ съ брошами, какъ будто указываютъ, наконецъ, на то, что эти броши были попарно прикрѣпляемы къ плечамъ, связаны между собою свѣсившимися на грудь цѣпями, и стало быть, измѣнены въ своемъ первоначальномъ назначеніи, соотвѣтственно варварской модѣ, тогда господствовавшей въ Германіи.

Такимъ образомъ подходимъ мы къ величайшему памятнику русской древности, составляющему отечественное сокровище не только по историческому значенію, но и по художественному достоинству. Мы говоримъ объ извѣстной *Мономаховой шапкѣ*, важнѣйшемъ, если не единственномъ дѣйствительномъ памятникѣ древнерусскаго велико-княжескаго чина, завѣтной коронѣ московскихъ царей, до новѣйшаго времени обязательной «утвари» священнаго вѣнчанія на царство, ставшей выразительнымъ символомъ вѣковыхъ правъ и высшею эмблемою царской власти. Всѣмъ извѣстно, далѣе, что съ этимъ именно памятникомъ изъ всѣхъ такъ наз. «Мономаховыхъ» регалій связались въ послѣднее время и сложные вопросы исторіи царскаго вѣнчанія и царскаго титула въ Россіи. Правда, многое здѣсь сложилось и устроилось, до извѣстной степени, случайно, благодаря частью недоразумѣніямъ, недоговореннымъ и недоказаннымъ положеніямъ, а главное въ силу самой слабости русской вещественной археологіи, которая, не давая сама по себѣ опредѣленнаго рѣшенія по предмету, тѣмъ самымъ допускала въ данномъ чисто «археологическомъ» вопросѣ, полный произволъ историко-политическихъ комбинацій и ряды всякихъ возможныхъ и вѣроятныхъ заключеній. Въ виду этого, мы, съ самаго начала, считаемъ нужнымъ совершенно отстранить отъ дѣла вопросъ объ исторіи, началахъ и происхожденіи «царскаго вѣнчанія» въ Россіи, какъ пунктъ, доселѣ самъ по себѣ нуждающійся еще въ доказатель-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ствахъ, а потому не годный для того, чтобы служить доказательствомъ въ другихъ сферахъ. Разъ, что не можетъ быть точно дознано, когда именно положено было начало «царскому чину», безполезно и не научно было бы съ этого вопросительнаго знака начинать изложеніе вопроса о памятникѣ, существующемъ завѣдомо, на нашихъ глазахъ. Археологія тѣмъ и отличается счастливо отъ собственной исторіи, что ея матеріаломъ служитъ самое произведеніе рукъ человѣческихъ, какъ для естествоиспытателя произведеніе природы, а не одинъ только разсказъ о немъ или его описаніе, или мнѣнія лѣтописцевъ и историковъ. Для нашего дѣла было бы мало значительно знать, былъ ли вѣнчанъ Владиміръ на царство, если мы не знаемъ, представляетъ ли шапка Мономаха дѣйствительно древній царскій вѣнецъ до московскаго періода, тогда какъ, еслибы археологія могла доказать это обстоятельство въ первую голову, то въ свою очередь всѣ соображенія историковъ были бы уже дѣломъ второстепеннымъ [1]).

Итакъ, очевидно, что съ такого собственно археологическаго изслѣдованія и слѣдовало бы начать, но, ради точности, мы должны замѣтить, что оно было сдѣлано лишь недавно и при томъ не спеціалистомъ, который нашелъ въ немъ свой интересъ, но не научные результаты, и потому основнымъ руководителемъ по данному вопросу продолжаетъ оставаться пока археологическое изслѣдованіе пок. Прозоровскаго [2]), подвергшаго впервые археологической критикѣ всѣ старинныя утвари, приписываемыя Владиміру Мономаху. Разсмотрѣвъ сначала свидѣтельства духовныхъ завѣщаній великихъ князей, начиная съ 1328 года до 1504 г., Прозоровскій нашелъ, что онѣ не даютъ никакого повода считать какія либо изъ упомянутыхъ утварей Мономаховыми, а скорѣе наводятъ на мысль, что утвари, признаваемыя за греческія издѣлія, получены изъ Византіи разновременно, по различнымъ случаямъ и пріурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку Восточнаго императора и какъ избраннику, «его же Богъ изъ утробы освятивъ и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ». Такъ, крестъ съ частицею Животворящаго Древа, носящій въ описяхъ названіе «креста *корсунскаго*, царя Константина, что съ животворящимъ Древомъ», или «большаго цареградскаго», или креста «въ рацѣ Цареградской», и возлагавшійся

---

[1]) Литература вопроса о Мономаховой шапкѣ не велика: *Вельтманъ, Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя греч. имп. Василіемъ и Константиномъ Первовѣнчанному В. К. Владиміру Кіевскому*, въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.* 1860, I. *Прозоровскій, Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху въ Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. Имп. Русскаго Археологическаго Общ.*, III, 1882, стр. 1—64. *Терновскій, Ф. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси*, вып. II, 1876, стр. 155—166. Regel, W. *Analecta byzantino-russica*, 1891, prooemium, pag. LX—XCVIII, *Жданова, И. Н. Повѣсти о Вавилонѣ*, Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія, сентябрь и октябрь. *Бѣляевъ, Дм. Ѳ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ*, II. *Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.* Спб. 1893, стр. 216, прим. 1. Мнѣнія историковъ: Карамзина, Погодина, Соловьева, указаны на страницахъ этихъ сочиненій.

[2]) Ему слѣдовали всѣ извѣстные мнѣ авторы разсужденій объ утваряхъ Мономаховыхъ. Полагаю, что всѣ выводы Прозоровскаго приняты были и г. Регелемъ, въ его сочиненіи, хотя онъ говоритъ съ самаго начала своего разсужденія (на стр. 89) о регаліяхъ Владиміра Мономаха: «Un coup d' oeil que je leur donnai suffit pour me convaincre qu'il ne pouvait s'agir ici que de la couronne connue depuis le XVI-e s. sous le nom de bonnet de Monomaque», tous les autres ornements étant d'origine plus récente». Авторъ этихъ словъ, быть можетъ, не знаетъ, что не всѣ русскія регаліи, хотя и предполагаемыя, находятся въ Оружейной Палатѣ, а такъ какъ онъ не археологъ, мы не можемъ догадаться, какого именно «взгляда» было ему достаточно, чтобы убѣдиться въ ихъ позднемъ происхожденіи.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

на царей при короноваціи, относится къ 1383 году; другой крестъ съ частицею, извѣстный подъ именемъ Владиміра Мономаха, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, по надписи, сдѣланъ въ 1621 году. «Враная» цѣпь съ крестомъ, появляющаяся при Иванѣ Ивановичѣ, и «златая сканная цѣпь аравійскаго злата», хранящаяся понынѣ въ Оружейной Палатѣ, возлагавшіяся при короноваціи на царя послѣ херувимской пѣсни и соотвѣтствующія, вѣроятно, древнему обычаю возложенія гривны, какъ мы замѣчаемъ въ своемъ экскурсѣ о цѣпяхъ, относятся также къ гораздо позднѣйшей эпохѣ. Икона золотая «Парамшина дѣла», съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія, могла быть нагруднымъ образкомъ, но тоже появляется только съ духовною Ивана Ивановича и исчезаетъ съ 1504 года. По вопросу о «золотой коробочкѣ», завѣщанной Иваномъ Даниловичемъ Калитою, истощено было много остроумія на то, чтобы доказать, что эта коробочка тождественна съ сосудомъ или чашею изъ красной яшмы, оправленною въ золото, на золотомъ поддонѣ, въ собраніи графа С. Г. Строганова; для этого потребовалось даже предположить, что темная надпись изъ начальныхъ буквъ на сосудѣ обозначаетъ имя императора, при томъ IX вѣка, съ произвольно прочтеннымъ годомъ (имя всетаки не подходило къ году), и что названіе чаши «крабійцею» дано было изъ чешскаго языка и почему то передѣлано было въ «коробочку» уже въ древней Руси. Сосудъ этотъ относится не ранѣе какъ къ XII вѣку, сильно напоминаетъ потиры въ ризницѣ Св. Марка, но самъ не былъ потиромъ, а чашею, и надпись должна содержать начальныя буквы имени и молитвенное обращеніе къ «царю царей», а потому, возможно, что сосудъ былъ царскимъ. Однако, между нимъ и золотою коробочкою общаго только матеріалъ, такъ какъ позднѣе она значится подъ именемъ «коропки сердоничной, золотомъ кованой», «изъ судовъ коропка сердоничная», что скорѣе указываетъ на шкатулку, изъ яшмовыхъ плитокъ, оправляемыхъ въ золото. И эта шкатулка дана «княгинѣ съ меншими дѣтми» Калиты, вмѣстѣ съ золотомъ, что князь «придобылъ есть, что ему далъ Богъ».

Мнѣніе Прозоровскаго о бармахъ, какъ принадлежности русскаго царскаго вѣнчанія, ошибочно, но заслуживаетъ краткаго отступленія, такъ какъ мнѣніе это основано на нѣкоторомъ общемъ заблужденіи. Дѣло въ томъ, что, уже на основаніи формальной справки, Прозоровскому легко удалось доказать, что бармы не были принадлежностью царскаго сана въ Византіи, а отсюда уже былъ сдѣланъ выводъ дальнѣйшій и ошибочный, что и въ древней Руси бармы были сначала только знакомъ простаго благословенія, святынею же, символомъ божественной благодати стали не прежде Ивана Грознаго, когда будто бы были приравнены къ императорской фелони или даже лору. Ошибка заключается въ первой или основной посылкѣ; когда говорятъ о царскомъ вѣнчаніи на Руси, то отождествляютъ его вполнѣ съ вѣнчаніемъ византійскаго императора. Между тѣмъ, титулъ царя, уже по соотвѣтствію его съ «кесаремъ» Византіи, не сразу сталъ отвѣчать понятію *василевса*, и переводъ въ данномъ случаѣ не составлялъ полнаго тождества. Какъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже, есть полное основаніе думать, что императоры византійскіе, уступая Болгаріи, Руси, Грузіи, Венгріи и пр. саны кесаря, деспота, архонта, куропалата, нобилиссима, даже магистра, тѣмъ самымъ способствовали установленію «чина» вѣнчанія, но было бы крайнимъ заблужденіемъ изъ вѣн-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

чанія Владиміра (пока лишь предполагаемаго) выводить наименованіе его царемъ, которымъ никакой великій князь у насъ не былъ и не могъ быть, такъ какъ все же съ понятіемъ царя связалось у насъ понятіе *василевса*, о чемъ позаботились въ свое время и цари московскіе, когда это стало не только возможно, но и необходимо, съ паденіемъ Византіи. Мы будемъ также особо говорить о томъ обстоятельствѣ, что наши великіе князья сначала искали, и очень усердно, своего рода инвеституры отъ Византіи, а потому и получали, конечно, саны одинъ передъ другимъ, но такъ какъ именно эти саны имѣли лишь очень слабое значеніе придворныхъ титуловъ Византійскаго двора, то это искательство было рано оставлено, вслѣдствіе перемѣны интересовъ и развитія удѣльной системы, а данные уже титулы не были замѣчаемы современниками. Думать, какъ говорили прежде, что русскіе великіе князья соперничали съ Византіею, презирали ея чины и титулы, гнушались принимать на себя своего рода службу, хотя номинальную при дворѣ императора, было бы явнымъ заблужденіемъ, и противъ этого говоритъ извѣстная глава Константинова трактата «объ управленіи Имперіи», свидѣтельствующая, что русскіе князья очень настойчиво добивались царскаго сана, регалій и пр. Бармы, напротивъ, были именно принадлежностью цѣлаго ряда высшихъ чиновъ Имперіи, подъ именемъ маніакія, какъ мы ниже указываемъ, но стали придворнымъ мундиромъ не сразу, а сначала (только когда именно—не знаемъ пока), приблизительно между V—VII столѣтіями, были принадлежностью царскаго сана и присныхъ семьи царской; затѣмъ, по обычаю, теряя въ своемъ значеніи и постепенно размножаясь, одежды съ шитыми оплечьями стали достояніемъ высшихъ военныхъ чиновъ, а послѣ того и гражданскихъ, также излюбленнымъ подаркомъ для варварскихъ князьковъ, какъ наиболѣе пышный мундиръ, взамѣнъ прежняго плаща съ табліономъ. Съ того времени, оплечья получили и украшенія эмалевыми иконками, императорскими портретами, какъ прежде табліоны, и уже въ этомъ видѣ пышнаго орната явились въ древней Руси принадлежностью князя, какъ въ Византіи—архонта. Иное дѣло, что бармы не могли отличать собою «великаго» князя отъ удѣльнаго (если бы это было, мы слышали бы очень много объ этомъ обстоятельствѣ, и это указано было много разъ), почему напр. Калита отказываетъ свои одежды съ бармами не старшему сыну Семену, и иное обстоятельство, что бармы все таки были принадлежностью своего рода вѣнчанія на «великое княженіе», когда это вѣнчаніе или «сажаніе» имѣло мѣсто.

И «поясъ большой или великій», завѣщанный Иваномъ Калитою и рано исчезнувшій, по словамъ Прозоровскаго, руководившагося византійскимъ царскимъ орнатомъ X вѣка, «мы не должны считать царскою утварью, развѣ это былъ тоже императорскій лоръ, подаренный какому либо великому князю и затѣмъ забытый и ненужный». Догадки эти крайне неудачныя, въ виду той особой важности и даже чрезвычайности, какую греки всегда и особенно въ X—XII стол. придавали своимъ регаліямъ, и, главное, догадки излишнія, такъ какъ поясъ былъ издревле у всѣхъ народовъ Востока принадлежностью военнаго облаченія полководца и народнаго владыки. И въ самой Византіи, во времена древнія, облаченіе царя при вѣнчаніи составляли: дивитисій съ золотыми клавами и поясъ, въ то время, когда его подымали стоящимъ на щитѣ, какъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

то разсказывается напр. объ Анастасіи [1]), и уже потомъ, спустивши его со щита, вели объявленнаго всенародно императоромъ, въ триклиній, гдѣ епископъ возлагалъ на него хламиду или багряницу и вѣнецъ, послѣ чего «императоръ» впервые былъ привѣтствуемъ именемъ «Августа-севаста», а до тѣхъ поръ былъ только «кесарь». Для нашей задачи было бы достаточно знать, что поясъ входилъ въ число естественныхъ принадлежностей княжескаго облаченія, хотя, быть можетъ, память о его священномъ, символическомъ значеніи къ данному времени уже утратилась, т. е. пояса не вручали князю особо, какъ нѣкотораго знака власти. Во времена Константина Порфиророднаго, поясъ былъ отличіемъ (βραβεῖον) сановъ: куропалата и нобилиссима, выше которыхъ тогда былъ только кесарь [2]).

Но краткій обзоръ свѣдѣній о томъ, какъ князья возводились на княженіе, сдѣланный Прозоровскимъ, показываетъ съ достаточною убѣдительностью, что такихъ, особо вручаемыхъ знаковъ власти при возведеніи на великокняжескій престолъ или вовсе не было, и церемонія ограничивалась церковною службою, благословеніемъ, многолѣтіемъ, посаженіемъ на столъ въ церкви и всенароднымъ объявленіемъ, или же эти знаки придумывались, такъ сказать, на каждый разъ, смотря по тому, что было подъ рукою, какой напр. даже византійскій санъ уже имѣлъ великій князь, хотя это было, повидимому, въ эпоху удѣловъ крайнею рѣдкостью. Прозоровскій полагаетъ, правда, что князю вручались нѣкоторые знаки власти и права, но оговаривается, что особаго возложенія на князя шапки вовсе не было, хотя мы видимъ князей при богослуженіи въ шапкѣ, какъ своего рода вѣнцѣ, а Іоаннъ III уже прямо употребилъ «золотую шапку» для вѣнчанія внука по старому чину.

Итакъ, по вопросу о «Мономаховой шапкѣ» мы ничего не знаемъ изъ письменныхъ свидѣтельствъ древности, какъ о вѣнцѣ, и даже можетъ быть вопросомъ, дѣйствительно ли именно эта шапка разумѣется подъ тою золотою шапкою, которую Иванъ Калита завѣщалъ старшему сыну Симеону, а Иванъ Ивановичъ назначилъ Димитрію Донскому. Подъ именемъ шапки разумѣли также шлемы, и названіе «золотой шапки» остается неопредѣленнымъ, при всемъ нашемъ желаніи оріентироваться тамъ, гдѣ все темно и неизвѣстно.

Вотъ почему всякій долженъ былъ встрѣтить съ понятнымъ интересомъ попытку поискать разрѣшенія вопроса въ самомъ памятникѣ, сравнивъ Мономахову шапку съ византійскими коронами съ одной стороны, съ другой принявъ въ соображеніе детали ея формы и работы: попытка эта сдѣлана г. Регелемъ въ предисловіи къ изданнымъ имъ греко-русскимъ документамъ, касающимся исторіи царскаго вѣнчанія въ Московской Руси [3]). И, конечно, непричастность автора къ собственной археологіи была въ значительной степени причиною того, что онъ рѣшился говорить о памятникѣ по этимъ двумъ пунктамъ, не сознавая ясно, какія необычныя трудности заключаются въ этомъ крайне сложномъ и тонкомъ вопросѣ, но равно это не могло не повліять на ошибочную постановку вопроса, а она, не приведя къ какому либо

---

[1]) Const. Porphyrogen. *De cerimoniis.* Bonnae, I, 92 pag. 423.
[2]) Const. Porphyrogen. ibid. II, 51, pag. 711. Codinus, *De officiis*, Bonn., p. 50, 51.
[3]) *Analecta byzantino-russica*, ed. W. Regel. P. 1891, p. LXXXIX sq.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

разрѣшенію, только усложнила дѣло выводами, которыя, при нынѣшнемъ положеніи русской археологіи, не могли не быть поверхностными и преждевременными.

Начать съ того, что авторъ трактата предполагаетъ формы византійскихъ коронъ извѣстными и повторяетъ обычныя свѣдѣнія о древней повязкѣ—діадемѣ и позднѣйшей стеммѣ для противупоставленія ихъ формъ нашей шапкѣ: она де «не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ коронами византійскими ни X вѣка, ни послѣдующихъ временъ». Общій типъ царскаго вѣнца въ Византіи, дѣйствительно, всегда представлялъ круглый металлическій обручъ—вѣнецъ, болѣе или менѣе богато украшенный. И потому, если напр. въ Византіи совершалось возстаніе, провозглашали новаго императора, то, бывало, шли въ храмъ св. Софіи, снимали одинъ изъ обѣтныхъ вѣнцовъ, висѣвшихъ тамъ подъ киворіемъ и въ народѣ слывшихъ подъ именемъ вѣнцовъ Константина Великаго, и возлагали на голову новаго царя. Это были простые обручи и потому ничѣмъ не отличались въ X—XII вѣкахъ отъ вѣнца «кесаря», который сохранилъ и древнюю форму и древнѣйшее названіе (στέφανος, не στέμμα) [1]). Но къ концу X вѣка византійская корона претерпѣла радикальное измѣненіе, а именно внутри обруча ея и поверхъ головы устроена была матерчатая тулья, различныхъ цвѣтовъ, укрѣплявшаяся въ металлическомъ перекрестьи, на срединѣ котораго подымался драгоцѣнный крестъ на сферѣ. Извѣстно, что этого креста не было на вѣнцѣ кесаря, севастократора и прочихъ первыхъ чиновъ Имперіи, но мы не знаемъ, какъ была устроена тулья такого кесарскаго вѣнца, о которой мы узнаемъ изъ разсказа Никиты Хоніата о плѣшивомъ Дукѣ, потерявшемъ въ процессіи по дорогѣ свой вѣнецъ и возбудившемъ смѣхъ своею лысиною въ зрителяхъ. Ссылка на сохранившіяся западныя короны въ настоящемъ случаѣ не убѣдительна: въ своемъ сочиненіи объ византійскихъ эмаляхъ [2]) мы подробно разсуждали о крайней неопредѣленности этихъ памятниковъ и пришли къ выводу, что темноты, накопленной въ этомъ вопросѣ вѣками не въ состояніи разсѣять усилія однихъ археологовъ. Наивная, иногда намѣренная, смѣсь преданія съ историческими фактами, общее лѣтописное стремленіе къ легендѣ, а, главное, многочисленныя и систематическія передѣлки регалій, приспособляемыхъ къ политическимъ обстоятельствамъ и новымъ правамъ, все это не позволяетъ въ данныхъ вопросахъ по каждому случаю идти далѣе простой вѣроятности. Нельзя, говорили мы, съ увѣренностью рѣшить ни вопроса о времени происхожденія итальянской желѣзной короны, короны Карла Великаго, ни вопроса о значеніи и первоначальной роли какъ этихъ коронъ, такъ и короны Венгерской и вѣнца Константина Мономаха. Что же касается византійскихъ оригиналовъ или собственно греческихъ стеммъ, стефановъ, они не существуютъ и извѣстны только по изображеніямъ, а мы знаемъ хорошо, насколько въ художественной средѣ византійскаго искусства царила традиція и условность.

Правда, короны Карла Великаго и такъ наз. Константина Мономаха, если и были сначала обѣтными вѣнцами, то или были приспособлены какъ регаліи, или даже передѣланы, какъ то показываетъ первая, лучше сохранившаяся. Несомнѣнно также, что если Желѣзная корона

[1]) Const. Porphyrogen. *De caerimoniis*, II, 51, p. 712—στέφανος χωρὶς σταυρικοῦ τύπου.
[2]) *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго* 1895, стр. 216—240.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

была сначала вотивною, то она была передѣлана въ королевскую, а равно королевской или даже «царскою» считалась, по внѣшнимъ признакамъ, корона Венгерская, хотя бы она была сначала только «стефаномъ», кесарскимъ вѣнцемъ, какъ мы въ указанномъ сочиненіи пытаемся доказать. Тѣмъ не менѣе, всякому непредубѣжденному взгляду становится сразу яснымъ разнообразіе въ формахъ этихъ коронъ, а это разнообразіе зависѣло отъ того значенія, какое въ древности европейскія національности придавали титулу императора, царя, короля, князя и пр. Между тѣмъ, для насъ пока остаются неясными даже взгляды самихъ византійскихъ политиковъ, и мы слишкомъ привыкли считать Византію средою неизмѣнною до косности, чуждою перемѣнъ и развитія, для того, чтобы интересоваться жизнью даже въ этой сферѣ. Равно, для историковъ единичный фактъ, будь это даже исключеніе, осуждаемое впослѣдствіи, является сильнѣе нормы, правила и закона, и два, три случая надѣленія царскимъ саномъ варварскаго князя, хотя бы признавались чрезвычайными, оправдываютъ всякія ихъ предположенія.

Извѣстно, что всѣ свидѣтельства о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Мономаха относятся къ XVI вѣку и признаны нынѣ историческою критикою неправдоподобными, потому, прежде всего, что детали этихъ свидѣтельствъ не выдерживаютъ этой критики. Напротивъ того, занесенная въ письменность того же времени легенда о такомъ же вѣнчаніи Владиміра Святаго признается нынѣ преданіемъ, уцѣлѣвшимъ отъ историческаго факта: его дѣйствительность доказывается правдоподобіемъ, которое даетъ историкамъ право развить обширное поле историческихъ догадокъ и справокъ о политическомъ значеніи Владимірова похода на Херсонъ. Возможно, что такая историческая критика поможетъ намъ установить правильный взглядъ на ходъ политическихъ дѣлъ Византіи и Руси, но она должна быть признана безсильною создать самый фактъ царскаго вѣнчанія, коль скоро его нѣтъ или—что тоже—онъ остался не замѣченнымъ всѣми, кромѣ будто бы какого то источника, до насъ не дошедшаго. Правда, монеты представляютъ Владиміра Святаго въ царскомъ орнатѣ, но этотъ орнатъ, на языкѣ современныхъ монетъ, означалъ лишь владыку, властителя, и притомъ также точно представлены и князья Святославъ и Ярославъ: прежде всего, эти изображенія копируютъ византійскія, а извѣстно, что варварскія копіи наиболѣе передаютъ детали изображенія, и потому изъ присутствія креста на коронѣ Владиміра и хламиды было бы слишкомъ смѣлымъ выводить, что онъ былъ вѣнчанъ царемъ по соглашенію съ Византіею.

Въ томъ же сочиненіи Константина Порфиророднаго, кн. II, гл. 46—7, подобраны въ порядкѣ титулы, коими византійскій императоръ величаетъ князей и старѣйшихъ «народовъ», и тамъ въ числѣ титуловъ стоитъ ῥὴξ—rex=король, очевидно, имя, не дающее сана царя владыки, а это была высшая санкція чуждой власти, какая только давалась Византіею, ибо если царь ея былъ «богомъ вѣнчанный», θεοστεφὴς, то онъ никому не могъ уступить или передать этого божескаго соизволенія на царство. А если византійскій императоръ писалъ королю французскому, именуя себя высокимъ, Августомъ, самодержцемъ, великимъ царемъ Ромеевъ, то онъ титуловалъ короля «благороднѣйшимъ, славнымъ (εὐγενέστατος παί περίβλεπτος), какъ эмира Тарсійскаго и др., и при этомъ наименованіе «братомъ» какъ бы разумѣло отношеніе царя Византіи

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

къ его роднымъ братьямъ. Исключительный и всѣмъ извѣстный случай признанія «царства» болгарскаго указанъ у Константина тѣмъ, что приведенъ прежній титулъ «архонта Булгаріи» и новый «возлюбленнаго, духовнаго сына нашего, господина имя рекъ, царя Булгаріи». Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Византійцы, согласно завѣтамъ, изложеннымъ у того же Константина въ соч. «Объ управленіи имперіею», предпочитали сохранять титулъ мѣстный, народный—кагана, эмира, князя, дуки, архонта, или же, по просьбѣ самихъ властителей, давали имъ общіе почетные титулы «властителя» (ἐξουσιοκράτωρ и пр.). Гораздо рѣже имѣли мѣсто производства въ высшіе придворные чины или саны: напр. однажды венгерскаго короля въ кесари, иверскихъ въ куропалаты, болгарскаго царька въ деспоты, дожей Венеціи въ протосевасты, сербскихъ въ протоспаѳаріи, эпарховъ «Скиѳіи» въ стратилаты и т. под. Весьма вѣроятно, даже, что властители многочисленныхъ народностей и государствъ, роившихся кругомъ Византіи, во всѣ четыре стороны, искали этихъ титуловъ исключительно ради регалій, мундировъ и орденскихъ отличій, которыя были имъ необходимы въ качествѣ знаковъ сана, освящавшагося съ ихъ принятіемъ въ церкви, изъ рукъ епископа или патріарха. Словомъ, если и бывало вѣнчаніе, то не «царское», а королевское, великокняжеское и т. д., и великая княгиня Ольга постояла не только въ «суду», или золотомъ Рогѣ на корабляхъ, пока дожидалась пріема у византійскаго императора, но и на самомъ пріемѣ, какъ архонтисса, постояла долго, вмѣстѣ съ другими архонтиссами, возлѣ сидѣвшей императрицы, пока продолжались привѣтствія и ее пригласили сѣсть. Несомнѣнно, что эта ревнивая и даже злостная по своему эгоизму политика была выгодна молодымъ націямъ, избавляя ихъ отъ лишняго балласта придворныхъ интригъ, которыя принесла бы съ собою среда византійскаго двора, какъ то было напр. у Меровинговъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, это нисколько не мѣшало усвоивать всю обильную мишуру и погремушки придворныхъ чиновъ, какъ и естественно для народа въ молодости.

Еще важнѣе было то, что Византійцы, въ качествѣ умирающей націи, живо интересовались всѣми обычаями, особенно костюмами, народнымъ вооруженіемъ, значками и украшеніями племенъ, и по мѣрѣ ознакомленія съ ними, въ Константинополѣ, одна мода смѣняла другую, мода на Гунновъ, Готѳовъ, Персовъ, Сарацинъ, Булгаръ, Хазаръ, Варяговъ и пр., вплоть до крестовыхъ походовъ, когда мѣсто ихъ заступили Алеманны и Франки. Византійскія власти съ особенною внимательностью, унаслѣдованною въ новомъ мірѣ только немногими, отыскивали всякія варварскія украшенія, изощрялись въ ихъ улучшеніи при помощи своихъ мастерскихъ, и затѣмъ выдавали ихъ въ видѣ наградъ и отличій предводителямъ. Мы, конечно, пока не знаемъ напр. всѣхъ одеждъ византійскаго двора, но характерно то обстоятельство, что, при всемъ ихъ разнообразіи, въ соотвѣтствіе съ различными чинами, число одеждъ, раздаваемыхъ въ подарки «народамъ», не менѣе значительно, а при большомъ дворцѣ, въ кладовыхъ лежали въ запасѣ также и всякіе кафтаны, кавадіи, гуни и шубы для варваровъ и ихъ замѣстителей. Такимъ путемъ, какъ увидимъ въ частности, произошли большинство всѣхъ знаковъ отличій въ европейскомъ средневѣковьи, и, надо думать, также большинство коронъ, вѣнцовъ, почетныхъ шапокъ, шлемовъ и вообще головныхъ уборовъ мужскихъ и женскихъ. Такъ изслѣдованіе рус-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

скихъ кокошниковъ и кикъ дало бы намъ, прежде всего, рядъ почетныхъ уборовъ древней Византіи, затѣмъ Руси и средневѣковой Германіи и Польши.

Шапка Мономахова не императорскаи стемма, не королевская корона—это легко доказать ея внѣшнимъ видомъ,—но она легко могла быть «кесарскимъ» шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ «кесаря», владыки «христіанскаго народа по ту сторону Дуная», какъ говорили въ Византіи. Тулья шапки состоитъ изъ восьми золотыхъ коническихъ пластинъ (почти треугольныхъ, но съ расширеніемъ или выгибомъ и чуть срѣзанныхъ на верху), выгнутыхъ плоскимъ полукругомъ и соединенныхъ или, точнѣе, сдвинутыхъ вплотную одна съ другою. На верху всѣ пластинки подведены подъ вѣнечное полушаріе или полусферу, съ утвержденнымъ на ней крестомъ; ниже пластинъ соболья опушка, прикрѣпленная къ внутренней матерчатой шапкѣ, которой тулья укрѣплена оловяннымъ переплетомъ. Уже прежній хранитель Оружейной Палаты и извѣстный знатокъ московской древности Г. Д. Филимоновъ обратилъ вниманіе на позднѣйшія части Мономаховой шапки, изъ которыхъ соболья опушка возобновлена въ нашемъ вѣкѣ, но существовала уже въ XVII вѣкѣ, какъ доказываютъ изображенія и описи, а сфера съ крестомъ должна была принадлежать, по его мнѣнію, XVI вѣку. Г. Регель повторяетъ тѣже мнѣнія, которыя, дѣйствительно, не требовали новаго пересмотра, и, видимо, полагаетъ, что соболья опушка имѣла мѣсто и въ древности: можно держаться инаго мнѣнія, но начнемъ по порядку.

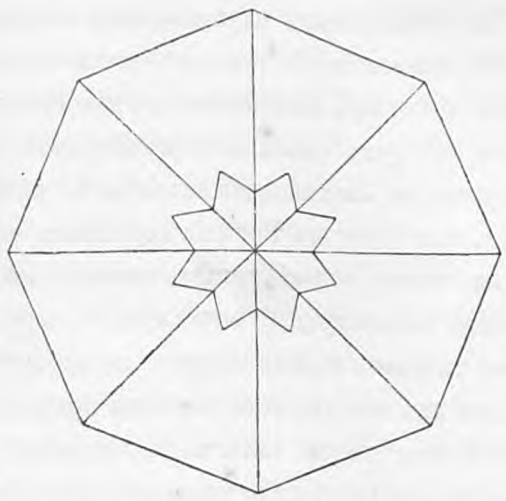

Рис. 39. Восемь пластинокъ Мономаховой шапки безъ прикрывающаго полушарія.

Всѣ признаютъ, что древнѣйшая часть шапки восемь пластинокъ, но какъ онѣ были первоначально устроены, этимъ никто не интересовался. Между тѣмъ, самая форма пластинокъ, какъ она видна на рисункѣ 39, указываетъ, что теперешнее полушаріе не только поздне устроенное, но и въ современномъ видѣ неумѣстное; концы пластинокъ орнаментированы полукругами, которые должны были имѣть продолженіе, а оставляемое пластинками свободное отверстіе имѣетъ характерную форму звѣзды и не могло закрываться сферою или полушаріемъ. Слѣдовательно, прежде всего, присутствіе креста на сферѣ въ Мономаховой шапкѣ есть такой же позднѣйшій придатокъ, какой имѣется и въ коронѣ венгерской и въ коронѣ Карла Великаго; въ XII—XIII вѣкахъ на западѣ знали хорошо, что крестъ на коронѣ означаетъ корону царскую, а потому и прибавили его; такъ сдѣлали и у насъ въ XV или XVI вѣкѣ. Именно эта прибавка ясно показываетъ, что царскаго вѣнца у насъ не было и надо было передѣлать на него великокняжескій. Но если не могло быть здѣсь креста, то, напротивъ, легко могла быть обычная звѣздочная крышечка шишака, или восьмигранная розетка съ шипомъ или чашечкою для укрѣпленія въ ней пера (aigrette), сул-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

танскаго или княжескаго украшенія, и это вполнѣ согласуется съ формою золотыхъ шишаковъ изъ восьми—десяти золотыхъ пластинъ, скрѣпленныхъ на верху, въ XV—XVI вѣкахъ на Востокѣ, въ частности даже въ Индіи. Всего вѣроятнѣе, что отверстіе прикрывалось восьмисторонним конусомъ, а не полушаріемъ, поверхъ былъ промежуточный шарикъ и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или, вмѣсто шарика, большая жемчужина въ гнѣздѣ, или драгоцѣнный камень.

Но тоже самое обстоятельство позволяетъ догадку, что низъ шапки первоначально не былъ мѣховой, а составлялъ ободъ или обручъ, также золотой, украшенный также сканью, и рано отнятый по неизвѣстной причинѣ. Дѣйствительно, низъ тульи раздѣланъ особымъ орнаментомъ, и, какъ увидимъ, былъ покрытъ жемчужными нитями, очевидно, не для того, чтобы быть закрыту мѣховою опушкою. Если теперь эта опушка не закрываетъ низа, то и носить шапку въ современномъ видѣ нельзя, такъ какъ золотыя пластинки держатся на ней исключительно на выставкѣ короны подъ стекляннымъ колпакомъ, на подушкѣ, какъ она и помѣщена въ Оружейной Палатѣ, а если неосторожно поднять шапку за сферу (что естественно, при ношеніи шапки), то исподняя шапка съ опушкою должна выпасть, въ чемъ можно вполнѣ убѣдиться на дѣлѣ, получивъ отъ хранителей Оружейной Палаты разрѣшеніе осмотрѣть корону въ подробностяхъ. Если же мы представимъ себѣ, далѣе, что нижній ободъ былъ золотой и гладкій, набранный только сканью, то вся шапка въ этомъ видѣ будетъ столь же походить на восточный шишакъ, съ инсигніями владыки, также на одну корону Карла Великаго, изображенную на печати, или по нашему, всего вѣроятнѣе, на византійскій кесарскій шлемъ, который, мы знаемъ, былъ золотой, въ отличіе отъ серебряныхъ шлемовъ другихъ чиновъ. Конечно, шапка Мономахова, въ этомъ качествѣ, не была уже собственно шлемомъ или шишакомъ, что доказывается ея уборомъ, однако, мы легко можемъ видѣть, что ея уборъ камнями также не первоначальный, не по одному тому лишь, что камни, на ней находящіеся, имѣютъ грань, но и потому, что гнѣзда ихъ и теперь закрываютъ вездѣ чудную скань, которой шапка покрыта и которая, явно, не для того была сдѣлана, чтобы быть закрытою. Форма гнѣздъ показываетъ, что они устроены уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но со старинными камнями.

Итакъ, со стороны формы, хотя Мономахова шапка не есть собственно вѣнецъ, однако ничто не мѣшаетъ ей быть византійскаго происхожденія, и татарское происхожденіе шапки, придуманное въ послѣднее время, было, очевидно, вызвано ея современною мѣховою опушкою. При этомъ, однако, слѣдовало бы привести примѣры металлическихъ шлемовъ и шишаковъ, оканчивающихся мѣховымъ околышемъ, что мы считаемъ невѣроятнымъ. Достаточно бѣглаго взгляда на средневѣковые головные уборы Европы и Азіи, чтобы убѣдиться, что приблизительно съ IX вѣка «шапка» играетъ въ нихъ господствующую роль, и если современному европейцу шапка съ мѣховымъ околышемъ напоминаетъ особенно татарскій народный уборъ, то это впечатлѣніе современности совершенно не отвѣчаетъ исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстно, что сама Византія въ XI—XII вѣкахъ усвоила себѣ рядъ восточныхъ головныхъ уборовъ, перешедшихъ отъ древности черезъ посредство сассанидской Персіи и Арабовъ. Мы встрѣчаемъ напр.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

въ древнемъ персидскомъ барельефѣ [1]) въ Фирузабадѣ, въ сценѣ битвы царя съ варварскимъ вождемъ, на этомъ послѣднемъ кафтанъ съ оплечьемъ, двѣ гривны, на рукахъ и ногахъ металлическіе спирали (8 разъ согнутые), сапоги, перчатки, колчанъ и какъ разъ такую шапку или, точнѣе, шишакъ изъ металлическаго зубчатаго или лучеобразнаго околыша—вѣнца, шапки, тождественной съ Мономаховою и шишомъ въ видѣ лилейнаго верха.

Затѣмъ отъ Никиты Хоніата узнаемъ, что Андроникъ I Комненъ, въ своихъ продолжительныхъ скитаніяхъ среди варваровъ, усвоилъ себѣ и головной уборъ въ родѣ варварскаго остроконечнаго колпака [2]), а затѣмъ подобнаго рода колпаки находимъ у королей Франціи и пр. Но эти, большею частію высокія, остроконечныя шапки не имѣютъ ничего общаго съ нашею. Напротивъ того, низкія шапки кесарскаго типа съ матерчатымъ околышемъ, но украшеннымъ камнями, наиболѣе подходятъ къ Мономаховой коронѣ [3]).

Блестящая, ничѣмъ доселѣ не превзойденная «диссертація» великаго византиниста Дюканжа [4]) «о коронахъ» занята на половину пространными, на основаніи текстовъ, доказательствами, что, кромѣ вѣнцовъ въ видѣ обруча, Византія для разныхъ чиновъ пользовалась весьма часто пирамидальными, остроконечными и шаро- или тіаро-образными шапками, какъ своего рода «вѣнцами», или инсигніями, что̀ будетъ точнѣе. Но мы доселѣ не имѣемъ матеріаловъ собственно археологическихъ для того, чтобы достойно иллюстрировать эту диссертацію, а потому дальнѣйшія сужденія о формѣ Мономаховой шапки должны предоставить будущему.

Но въ этомъ памятникѣ остается еще послѣдняя и его важнѣйшая сторона—орнаментація, та самая филигрань, изъ за которой даже мы привлекли знаменитый памятникъ къ историческому анализу.

Между тѣмъ, скань или филигрань Мономаховой шапки заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія: она относится къ типу, наиболѣе рѣдкому, «ленточной» филиграни, исполняемой изъ тонкихъ листовыхъ ленточекъ, выгнутыхъ и припаянныхъ къ лоточку, безъ зерни,—какъ бы фактура перегородчатой эмали, но безъ самой эмали [5]). Стало быть, здѣсь нѣтъ нитей, нѣтъ сученія, нѣтъ скани, и побѣждена высшая техническая трудность нарѣзать совершенно ровныя, тонкія ленточки и припаять ихъ, не измявъ и не погнувъ неправильно: то, что въ перегородчатой эмали дѣлается въ сравнительно малыхъ размѣ-

---

[1]) Flandin, *Voyage en Perse*, I, pl. 43. *Rawlinson*, 9. *The Seventh great monarchies* p. 611 рис.

[2]) Nicetas, *Alex. Porphyrog.* 12—кратко: «пирамидальная шапка темнаго цвѣта», гл. 18—дымчатая пирамидальная шапка; *Andron. Comn.* II, 11: πῖλον βαρβαρικὸν τῇ κεφαλῇ περιθέμενος, ὅς εἰς ὀξὺ λήγων πυραμίδι ἐίκασται.

[3]) Const. Porphyrogen. *De caer.* Appendix, ed. Bonn. p. 500, о коронѣ кесарской Константина сына Василія Македонянина, при тріумфѣ отца, бывшаго въ латахъ: φακιόλιον δίκην προπολώματος λευκὸν χρυσοϋφαντον, ἔχων ἐπὶ τοῦ μετώπου ὁμοίωμα στεφάνου χρυσοϋφάντου. Подобія кесарскихъ шапокъ съ матерчатыми вѣнцами можно видѣть на портретахъ Краля Туркіи и Константина, сына Михаила Дуки (1071—8), на извѣстной венгерской *коронѣ*, см. рис. Fr. Bock, *Die Kleinodien d. röm. Reiches*, Taf. XVI, 23, p. 79, мое соч. объ «эмаляхъ» p. 228.

[4]) *Des couronnes des Rois de France, Dissertation XXIV sur l'Histoire de Saint Louys, Glossarium med. latin.* t. X, *pag.* 81—7, ср. pl. XII, рис. 12—14.

[5]) Считаемъ нужнымъ дословно повторить опредѣленіе замѣчательнаго словаря Гея: Gay, V. *Glossaire archéologique*, I, 1887, *filigrane*: «On a encore exécuté le filigrane avec de minces bandelettes taillées dans une feuille de métal, contournées et soudées, sans grènetis. C'est l'opération du cloisonnage des émaux».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

рахъ, по необходимости, лишь для контуровъ, здѣсь исполняется для крайне сложнаго и мелочнаго рисунка. Понятно, почему такого рода филигрань встрѣчается лишь въ небольшихъ частяхъ, для рисунковъ или геометрическихъ фигуръ, или цвѣтовъ, но среди обычной скани, и также понятно, почему такая утонченная техника была употреблена для великокняжескаго вѣнца. И равно считаемъ понятнымъ, почему эта высшая по технической утонченности скань существовала лишь въ византійскую эпоху, когда производилась изъ ленточекъ перегородчатая эмаль.

Такою сканью заполнено все поле пластинъ, кромѣ жгутовыхъ бордюровъ, выполненныхъ не скрученной золотою проволокою, нѣсколько поэтому острой и царапающею, но зерновымъ штабикомъ. Въ скани оставлено мѣсто только для большихъ саженыхъ жемчужинъ, по три на каждой пластинѣ, а болѣе никакихъ камней не было. Такого рода исключительное украшеніе жемчугомъ по золотой вещи имѣло мѣсто именно въ Византіи въ XI—XII вѣкахъ. Но для насъ это обстоятельство еще любопытно и потому, что мы узнаемъ, что *калиптры*, *umbella*, σκιάδια деспотовъ, кесарей были именно ὁλομάργαρα. Масса мелкихъ дырочекъ, повсюду наколотыхъ, въ пластинкахъ нашей шапки, остались отъ прежнихъ жемчужныхъ нитей: жемчужины сидѣли въ ячейкахъ розетокъ, репей, въ желобкахъ и по оригинальной каймѣ шапки, то зернами, то густыми рядами.

Далѣе, такими гладкими ленточками или перегородочками выполнены въ Мономаховой шапкѣ не всѣ извивы скани, но лишь особыя части общаго рисунка, какъ цвѣты или предметы на общемъ фонѣ скани, а именно: розетки, нижеупомянутая цѣпь, репья или индѣйскія пальметки, большія арабскія розетки, крестообразные или четырехлепестковые цвѣтки, арабески геометрическаго арабскаго рисунка и наконецъ восьмерки и завитки по бордюрамъ и указанные желобки, согнутые въ видѣ гаммы. Но затѣмъ, вся общая скань, составляющая растительные разводы, исполнена, какъ отлично видно на нашемъ рисункѣ (табл. XX), выполненномъ рукою искуснаго рисовальщика [1]) съ небывалою еще точностью, тою же ленточною сканью, *но съ насѣчкою* поверхъ и наискось, такъ что она, видимо, подражаетъ ссученой и сплюснутой скани, при чемъ мастеръ, если ему приходилось покрывать насѣчкою двѣ ленточки, лежащія рядомъ, дѣлалъ и насѣчку двойную, ища, видимо, убѣдить всякаго, что скань исполнена изъ сученныхъ нитей. Эта насѣчка скани, на растительныхъ ея разводахъ проведена такъ неуклонно, что, въ то время какъ всѣ геометрическія орнаментальныя формы исполнены гладкими лентами, напротивъ того, даже вѣточки внутри арабесокъ опять покрыты насѣчкою: стало быть, она, такъ или иначе, связана именно съ растительными украшеніями.

Переходя къ орнаментальной схемѣ рисунковъ, выполненныхъ сканью на шапкѣ, мы должны замѣтить, прежде всего, что эта схема чисто византійская, не слѣдуетъ никакому декоративному плану и покрываетъ безконечною сѣтью разводовъ всѣ пластинки восьми граней шапки. Единственное декоративное построеніе представляютъ во первыхъ архитектурно располо-

---

[1]) Художника Д. К. Крайнева.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

женныя гнѣзда жемчуга и нити его, и, во вторыхъ, отдѣльные цвѣтки, помѣщенные въ опредѣленномъ планѣ, а не брошенные на общемъ полѣ, какъ въ восточномъ искусствѣ. Весьма важно также замѣтить, что изъ восьми пластинъ 4 одинаковаго рисунка съ мелкими розетками, 3 одинаковаго же съ арабскимъ цвѣткомъ и 1 пластинка особеннаго рисунка съ звѣздами. На этой пластинкѣ равно не три гнѣзда жемчужныхъ, а *четыре, расположенныхъ крестомъ*, и очевидно, что это пластинка *лицевая*.

Орнаментація шапки и отдѣльные ея рисунки принадлежатъ византійскому искусству XI—XII вѣковъ и не имѣютъ ничего общаго съ поздне-татарскими, обыкновенно весьма грубыми, филигреневыми издѣліями, которыя мы знаемъ въ среднеазіатскихъ современныхъ издѣліяхъ Хивы, Бухары и Самарканда. Главный рисунокъ—все тѣ же виноградные побѣги или разводы—завитки виноградной лозы, которые съ IV вѣка появились въ Византіи изъ римской орнаментики и послѣ тысячелѣтней переработки въ византійскомъ орнаментѣ усвоены были едва ли не всею Европою и Азіею. Толковать объ этомъ орнаментѣ было бы излишне, если бы мы здѣсь не находили особеннаго его осложненія, а именно: усики лозы здѣсь становятся короткими, сидятъ рядами по *внутренней* сторонѣ вѣтки и такимъ образомъ заполняютъ совершенно волюту, а для остающагося по 4 угламъ четыреугольнаго поля ея прибавляются по два, по три усика въ каждомъ, — и рисунокъ готовъ. Въ загибѣ каждаго усика сидитъ блестящее зернышко, и потому поле походитъ на филигранное, не будучи имъ въ сущности. Мы знаемъ пока точно такую же орнаментацію только на серебряномъ кіотѣ (рис. 40) древней рукописи Евангелія въ Гелатскомъ монастырѣ, отъ XIII—XIV в., съ которымъ и будемъ затѣмъ сравнивать нашу шапку. Обыкновенно же [1]) рисунокъ подобныхъ завитковъ не закрываетъ сплошь поля, усики разставлены достаточно и, кромѣ того, прижаты къ вѣткѣ, изъ которой выходятъ, чѣмъ возстановляется для извѣстной степени первоначальный римскій типъ, тогда какъ здѣсь возобладалъ уже восточный орнаментальный принципъ.

Внутри разводовъ выполнены рисунки: 1) розетокъ того же рисунка, что̀ издаваемыя нами бляшки изъ Херсонеса; къ этимъ розеткамъ, какъ если бы это были пуговки или брошки, прикрѣплены подобія цѣпочекъ изъ репьевъ [2]), которыхъ форма близко напоминаетъ цѣпи на коронахъ извѣстнаго клада Гварразара близъ Толедо (1858 года); наши цѣпочки поддерживаютъ пару жемчужинъ; 2) цвѣтовъ крестообразной формы, которые находимъ и на Гелатскомъ окладѣ; отъ этихъ цвѣтковъ протянутыя цѣпочки представляютъ извѣстный сассанидскій типъ ряда плющевыхъ листьевъ. Далѣе, въ срединѣ пластинокъ находимъ или такъ наз. арабскій цвѣтокъ (она же и византійская схема XI—XII в. въ миніатюрахъ) или арабскую

---

[1]) Лучшій образцикъ представляется напр. на окладѣ Евангелія XI вѣка въ Музеѣ Клюни.

[2]) Въ «Восточномъ Музеѣ» Вѣны, мы встрѣтили среди народныхъ уборовъ Арабовъ тройную цѣпочку изъ такого именно рода петель, съ пятью колечками, на которыхъ подвѣшены бляшки въ видѣ розетокъ тождественнаго рисунка. А древнѣйшій типъ представляется серьгами изъ Венгріи, въ видѣ розетокъ съ гранатами, и поталами внизу, что тоже репьями, съ гранатомъ. Въ націон. музеѣ Пешта нѣсколько экземпляровъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

геометрическую фигуру съ розеткою внутри. Эту же фигуру съ составною розеткою изъ 7 малыхъ розетокъ находимъ на окладѣ Гелатскаго Евангелія, и тождество этого орнамента, а также цвѣтковъ, достаточно убѣждаетъ, что относить эти орнаменты, по простой догадкѣ, къ искусству татаръ, было бы непростительною ошибкою. Пластинки выполнены всѣ въ двухъ рисункахъ, мало чѣмъ разнящихся. По бордюру ихъ протянуты ряды восьмерокъ, очень характерной формы.

Наконецъ, по нижней каймѣ шапки идетъ оригинальный рисунокъ, подобіе меандра, составленнаго изъ сомкнутыхъ буквъ *гаммъ* или глаголей, но въ существѣ представляющихъ ту же форму желобковъ для жемчужныхъ нитей, которую мы указали на брошахъ, принадлежащихъ барону Гейлю. Несомнѣнно, это рисунокъ арабскаго стиля [1]), и онъ не только напоминаетъ арабскія буквы, наклоненіемъ своихъ линій, но и вся кайма какъ бы подражаетъ молитвенной надписи, обычно находящейся на краяхъ шлема, но въ данномъ случаѣ неумѣстной. Мы находимъ подобныя коймы на коробочкахъ съ талисманами X столѣтія въ восточной Россіи, но наибольшая близость представляется въ рисункѣ внутреннихъ коймъ того же Гелатскаго оклада.

Рис. 40. Серебряный кіотъ Евангелія въ монастырѣ Гелати.

Еще тѣснѣйшее опредѣленіе древней скани Мономаховой шапки получаемъ сравненіемъ съ фактурой скани на окладѣ извѣстнаго Мстиславова Евангелія (ок. 1125 г.), хранившагося въ Архангельскомъ Соборѣ, а нынѣ перенесеннаго въ Патріаршую Ризницу и такимъ образомъ спасеннаго, быть можетъ, отъ разрушенія, вслѣдствіе небрежнаго храненія и сырости. Мы не имѣемъ здѣсь надобности повторять то, что составляетъ ученую заслугу Г. Д.

---

[1]) Однако, основное его происхожденіе только византійское. Іоаннъ Лидійскій въ своемъ соч. *De magistratibus* сообщаетъ (ed Bonn. II, pag. 169) о коймахъ (бармахъ): Παραγώδαις, αὐριγάμμοις, ἀντὶ τοῖς χιτῶσι χρυσοῖς γαμματίσκοις ἀναλελογχωμένοις, ἀπὸ τῆς περὶ τοὺς πόδας ὥας καὶ τελευτῆς τοῦ ἐσθήματος ἐξ ἑκατέρων τῶν πλαγίων εἰς γάμμα στοιχεῖον διαζωγράφουσι χρυσῷ τὸν χιτῶνα. Какъ украшеніе чернью или эмалью на придворныхъ жезлахъ или диканикіяхъ орнаментъ изъ гаммъ или глаголей упоминаетъ Кодинъ въ соч. «о чинахъ Византійскаго двора» ed. Bonn, cap. IV, pag. 27: «Τὸ δικανίκιον ἀργυροῦν, χρυσοχοϊκον, γαμματίζον ἄνωθεν» (въ переводѣ: figuras litterae gammae superne repraesentans).

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Филимонова, и наши детальныя дополненія къ его трактату объ эмалевыхъ образкахъ этого оклада [1]), такъ какъ это не относится къ дѣлу, и для нашей задачи достаточно подтвердить прежде сказанное, что эти образки принадлежатъ весьма различнымъ эпохамъ: X и XI вѣку— византійскаго происхожденія, XIII в. — древнерусскія эмали, и наконецъ 1551 года позднѣйшія русскія финифти. Къ нашей задачѣ относится сравненіе самой скани оклада, представляющей, на первый взглядъ, значительное сходство по рисунку съ древнѣйшими памятниками, какъ-то Мономаховою шапкою: основу рисунка составляютъ разводы изъ закручивающейся вѣточки съ крутящимися усиками, волюты составляютъ различныя геометрическія фигуры, группируются около четырехъ розетокъ, украшены ложбинами съ жемчугомъ, крупными, саженными жемчужинами и пр. Но это, во 1-хъ, скань не золотая, а серебряная, золоченая, на серебряной позолоченной же доскѣ, и по фактурѣ относится къ разряду «плоской», какъ ее называетъ г. Филимоновъ, серебряной «скани, употреблявшейся для украшенія русскихъ памятниковъ, преимущественно иконныхъ окладовъ, панагій, крестовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ». «Эта скань вовсе не носитъ, говоритъ онъ, отличительныхъ признаковъ XII столѣтія. Древнѣйшая скань, или филигрань, во время процвѣтанія въ Византіи золотыхъ дѣлъ мастерства, сколько можно судить по памятникамъ, которыхъ происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію, была двухъ родовъ: или въ видѣ сѣти изъ припаянныхъ на ребро тончайшихъ пластинокъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ промежутки наполнялись мусіею, или въ видѣ золотыхъ веревочекъ, расположенныхъ завитками, змѣйками и пр. Въ обоихъ случаяхъ скань употреблялась по преимуществу золотая, имѣла довольно значительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, словомъ, имѣла видъ накладки». Таково сужденіе извѣстнаго знатока русской старины и древнерусскаго мастерства, но мы можемъ его еще дополнить указаніемъ на скань круглой бляшки въ упомянутой выше находкѣ кургана Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи [2]): эта скань изъ позолоченнаго серебра имѣетъ совершенно тотъ же типъ, что въ Мстиславовомъ Евангеліи, т. е. здѣсь хотя и есть репейки гладкія, но прочая скань грубо ссученая, а звѣздочки наведены финифтью красною и голубою, и скань представляется сплюснутою по позднѣйшему шаблону, хотя и самый типъ украшеній, и жемчужныя гнѣзда еще вспоминаютъ древній образецъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, мы не можемъ не объявить прямою ошибкою предположеніе, недавно выпущенное, что Мономахова шапка должна относиться къ XIV—XV вѣкамъ, если не позднѣе, и быть татарскаго происхожденія, потому что ея орнаменты не имѣютъ будто бы никакого опредѣленнаго стиля. Искусство, техника и фактура Мономахова вѣнца отличаются такимъ высокимъ совершенствомъ, что сами по себѣ могли бы составить стиль, и только отсутствіе доселѣ порядочнаго снимка было причиною, что на этотъ чудный памятникъ не было обращено вниманія западными знатоками, подобно Лабарту или

---

[1]) Г. Д. Филимонова. *Окладъ Мстиславова Евангелія.* Изъ Чтеній М. О. И. и др. 1860 г., М., 1861. Наша «*Исторія и Памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго*», стр. 186—8.

[2]) Коллекція Д. Я. Самоквасова въ Историческомъ Музеѣ, за № 4533.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Францу Боку; что же касается русскихъ изслѣдователей, то всѣ извѣстные спеціалисты неоднократно выражали свое удивленіе красотѣ и необычайной крѣпости филиграни, съ виду столь хрупкой. Съ своей стороны, повторяемъ, изъ крупныхъ вещей мы не знаемъ нигдѣ подобной филиграни, а изъ мелкихъ только броши барона Гейля могутъ соперничать съ нею.

Мы признаемъ Мономаховъ вѣнецъ абсолютно византійскимъ памятникомъ, но полагаемъ, что онъ былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ самомъ Херсонѣ, словомъ, гдѣ византійское искусство въ XI — XII вѣкахъ соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ. Броши Гейля мы считаемъ древнѣе, уже потому, что въ нихъ указываемые желобки не играютъ еще декоративной роли, хотя и расположены зигзагами, Мономахову же шапку, по нѣкоторымъ мелкимъ деталямъ техники, считаемъ необходимымъ относить къ XII вѣку, тогда какъ Гелатскій окладъ долженъ принадлежать уже XIII или даже началу XIV вѣка.

Мы имѣемъ множество памятниковъ X—XII вѣковъ, украшенныхъ именно по золоту тонкими филигранями разныхъ типовъ, сканью, «веревочною» и пр., исполненныхъ не только въ самой Византіи, но и въ Италіи, Франціи, Германіи и Россіи. Между тѣмъ, тѣже наши описанные виды филиграни находимъ и въ византійскихъ и арабскихъ произведеніяхъ: а именно, филигрань исполняется изъ ссученныхъ и сплющенныхъ въ ленту нитей, которыя спаиваются по нѣскольку, рядомъ, образуя какъ бы пучекъ упругихъ побѣговъ, которые только при концѣ загибаются усикомъ и охватываютъ зернышко. Внутри этихъ разводовъ, и отчасти поверхъ ихъ, припаивается гнѣздо съ камнемъ, который, будучи приподнятъ надъ золотою поверхностью, получаетъ лучи, отраженные ею, и болѣе свѣтится.

Наиболѣе замѣчательный въ техническомъ отношеніи образецъ чисто арабской скани или филиграни находимъ въ бляшкахъ, украшающихъ зеленый шелковый *поясъ* сарацинскаго происхожденія, служившій для подвязыванія столы въ числѣ «клейнодовъ» священной римской Имперіи «Германской націи», или Австрійскаго Габсбургскаго дома, хранимыхъ въ Вѣнской сокровищницѣ этого дома [1]). Не мудрено, что этотъ поясъ, очень простой самъ по себѣ, хотя изъ тонкой и дорогой шелковой ткани, съ самаго начала былъ отнесенъ къ числу древнѣйшихъ клейнодовъ, входившихъ въ орнатъ Норманнскихъ королей, какъ извѣстно, перешедшій потомъ, такъ сказать, по наслѣдству къ римскимъ императорамъ. Пластинки, украшающія этотъ поясъ по его концамъ, такъ необыкновенно изящны въ своей простотѣ и художественности, что ихъ, конечно, нельзя смѣшать съ вещами сицилійскаго происхожденія: онѣ покрыты превосходными сканными разводами, и такъ какъ свободныя поля были затѣмъ вырѣзаны (ср. технику Рязанскаго клада 1822 г. въ бусахъ), то получилась ажурная филигрань. Сама же филигрань исполнена такъ приблизительно, какъ и скань Мономаховой шапки, т. е. глад-

[1]) *Führer durch d. Schatzkammer d. Kaiserhauses zu Wien.* 1895, II, 15, pag. 25.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

кими ленточками, на которыя уже затѣмъ сверху напаяны филиграневыя нити чрезвычайной тонкости.

Ближайшій затѣмъ, по времени, памятникъ, содержащій ту же сканную или филиграневую технику Мономаховой шапки и окончательно доказывающій ея европейское, не азіатское, и тѣмъ болѣе не татарское происхожденіе, есть извѣстный *церемоніальный мечъ римскихъ (германскихъ) императоровъ*, состоящій въ числѣ клейнодовъ римской Имперіи и хранимый въ Вѣнской сокровищницѣ [1]): этимъ мечемъ, по коронованіи, наносился рыцарскій ударъ. Мечъ происходитъ, вмѣстѣ съ другими регаліями римскихъ императоровъ, изъ Сициліи, но такъ какъ, въ числѣ его украшеній, вверху имѣется эмалевый имперскій орелъ, будто бы тождественный съ прочими эмалями, то и установлено было уже давно, что мечъ не могъ принадлежать къ наслѣдію норманнскихъ королей, но былъ, вѣроятно, исполненъ уже для императора Генриха VI въ Палермо. Въ нашемъ вопросѣ о филиграни мечъ играетъ весьма видную роль, такъ какъ, при его непремѣнномъ европейскомъ происхожденіи, онъ представляетъ ту же фактуру сканей, что и шапка Мономахова. А именно, по обѣимъ сторонамъ ноженъ, отъ крыжа и до конца, наложены ромбоидальныя [2]) пластинки эмалевыхъ орнаментовъ, а вокругъ нихъ, т. е. по четыремъ сторонамъ, набраны филиграневыя пластинки въ видѣ треугольниковъ, сообразно формѣ остававшихся свободныхъ полей, числомъ по 30 на каждой сторонѣ ноженъ. Эмалевыя пластинки той же техники и достоинства, что̀ эмали, покрывающія далматику и мантію, которыя, какъ извѣстно, сицилійскаго происхожденія; однако, эти одежды были сдѣланы въ 1133 году въ Палермо сарацинскими мастерами для короля Рожера II, тогда какъ мечъ былъ сдѣланъ позднѣе, очевидно, при помощи набранныхъ въ сокровищницѣ старыхъ эмалевыхъ бляхъ и украшеній, конечно, однако, не позднѣе ста лѣтъ, послѣ ихъ изготовленія. Разсмотрѣвъ эмалевую технику бляхъ и орла, мы нашли извѣстную, хотя мало замѣтную, разницу, такъ какъ, вѣроятно, эмальеръ, дѣлавшій орла, во-первыхъ, наслѣдовалъ ту же технику, во 2-хъ подражалъ другимъ эмалямъ; мы не знаемъ пока въ точности, какія именно эмали имѣемъ передъ собою, и до времени предполагаемъ, что онѣ той же сицилійской работы (только не чисто византійской): въ нихъ обращаетъ на себя вниманіе господство синей и красной эмали (кирпичнаго оттѣнка) и плохая шлифовка эмалей, недостаточно наполняющихъ лоточки [3]). Что наша догадка имѣетъ свои основанія, можно видѣть на крыжѣ, гдѣ эмальеръ

---

[1]) Führer durch d. Schatzkammer d. Kaiserhauses zu Wien. 1895, I, 7, pag. 19. Franz Bock, *Die Kleinodien d. h. Röm. Reiches d. Nation.*

[2]) Ромбическая форма вызвана была первоначальною накладкою металлическихъ бляхъ для укрѣпленія ноженъ, а затѣмъ удержана въ наборныхъ украшеніяхъ по причинѣ удобства формы для эмалевыхъ городчатыхъ наборовъ. По крайней мѣрѣ, въ изображеніяхъ мечей на пространствѣ XI—XIII вѣковъ и на византійскомъ Востокѣ и франкскомъ Западѣ встрѣчаемъ этотъ типъ украшеній въ обиліи: типъ этотъ ведетъ свое начало отъ римскаго образца, извѣстнаго еще въ Византіи и въ романскомъ періодѣ. Широкіе церемоніальные мечи, служившіе инсигніями для многихъ воинскихъ потентатовъ, встрѣчаются въ XI—XII стол. на рельефахъ, надгробіяхъ весьма часто, съ XIII в.— въ памятникахъ Франціи, Испаніи, Германскихъ земель и пр.

[3]) Перегородчатыя эмали западнаго происхожденія, надо думать, вызовутъ со временемъ спеціальныя изслѣдованія, безъ которыхъ современные опыты построенія разныхъ «германскихъ древностей», «галльскихъ» и пр. не

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

соединилъ на одной полосѣ двѣ пластинки эмалей различнаго рисунка, совершенно не сходящихся. За то скань была выполнена именно для меча: она превосходной, тонкой работы, изъ плоскихъ ленточекъ, припаянныхъ на лоточкѣ, съ насѣчкою по верху, но рисунокъ взятъ уже уродливый—изъ вѣточекъ, идущихъ ширингами, длинными рядами поперекъ ромба; на крыжѣ скань получше, съ мелкими зернами. Такимъ образомъ, сицилійская скань XII—XIII стол. была тождественна съ грузино-армянскою, т. е. сама была арабскаго, точнѣе говоря,—сирійскаго происхожденія.

Мы встрѣтили, затѣмъ, тождественную скань на оправѣ знаменитой бирюзовой чаши, происходящей, вѣроятно, изъ Персіи и слывущей подъ именемъ подарка великаго халифа, въ сокровищницѣ церкви св. Марка въ Венеціи. Эта оправа или, точнѣе, золотая кайма, верхній бордюръ чаши составлена изъ набора эмалевыхъ и сканныхъ пластинокъ, по очереди обходящихъ чашу; эмали отличной перегородчатой техники и работы, но, повидимому, нѣсколько позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ большинство перегородчатыхъ эмалей въ этой сокровищницѣ: эти эмалевыя бляшки отличаются характернымъ преобладаніемъ краснаго цвѣта. По сторонамъ эмалей, и какъ бы опять служа для нихъ фономъ, сканныя пластинки набраны на чистомъ золотѣ гладкими золотыми ленточками, припаянными на ребро, и окружающими обыкновенно семь гнѣздъ съ камнями. Превосходный рисунокъ этой скани представляетъ или разводы въ видѣ кружка, съ загибающимся внутрь его, и притомъ по срединѣ, листомъ аканѳа въ профиль, съ усиками или вѣточками, загибающимися по сторонамъ; или же разводы въ видѣ сердца, т. е. плющеваго листа (какъ уже мы объясняли достаточно въ исторіи византійской эмали) съ такими же деталями. Для насъ особенно важно, что равно и сарацинскій поясъ, и шапка Мономахова, и эта вещь отличаются отъ другихъ не только фактурою скани, но и художественнымъ рисункомъ. Какъ увидимъ сейчасъ, эта техника держалась не долго; и не мудрено: только вглядѣвшись въ работу этой оправы, поймешь, какія трудности она должна была доставить мастеру, такъ какъ скань русской шапки сравнительно выше, а въ этой оправѣ очень низка, и даже нарѣзать эти полоски было трудно, а еще труднѣе, не повредивъ и не помявъ, уложить.

Насколько описанная техника приподнятой, какъ бы ажурной скани, изъ спаянныхъ вмѣстѣ свитыхъ серебряныхъ ленточекъ, была распространена на западѣ уже въ позднѣйшую эпоху, показываетъ напр. цѣлый рядъ оправъ на различныхъ рѣдкостяхъ и драгоцѣнностяхъ, попавшихъ въ извѣстную сокровищницу церкви Св. Марка въ Венеціи. Эти оправы исполнены исключительно въ серебрѣ, но были нѣкогда позолочены, и всегда дополнены еще мелкими гнѣздами полудрагоцѣнныхъ камней. Такъ оправлена напр. большая яшмовая чаша съ массивными древне-типичными ручками, даже овальная чаша изъ прозрачнаго рубиноваго

дадутъ прочнаго историческаго результата.. Уже разнообразіе эмалей на «римскихъ» клейнодахъ обращаетъ на себя вниманіе: на парѣ перчатокъ имѣются превосходныя бляшки съ тритонами и пара птичьихъ головокъ почти варварской работы (X вѣка?); на мантіи эмали хуже, чѣмъ на далматикѣ; на мечѣ Св. Маврикія (1257 года) есть куски византійскихъ эмалей, и т. д.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

сердолика, большая стопа изъ горнаго хрусталя съ рѣзною куфическою надписью (no. 78), большая же стопа изъ горнаго хрусталя, безъ украшеній (no. 72), кувшинчикъ изъ желтоватаго алебастра (?), накрытый широкимъ серебрянымъ горлышкомъ, съ сѣткою внутри (№ 56), и подобный же изъ горнаго хрусталя, въ такой же оправѣ (№ 88) [1]). Подобнымъ же сканнымъ орнаментомъ и камнями украшена мощехранительница или ковчежецъ изъ горнаго хрусталя, съ любопытною по немъ рѣзьбою, изображающею оленей у источника, въ музеѣ Клюни въ Парижѣ [2]): вещь можетъ быть отнесена къ XIII вѣку.

Древнимъ и любопытнымъ образцомъ примѣненія этой приподнятой скани можетъ служить мало извѣстная, но весьма замѣчательная, епископская митра изъ золотой шелковой парчи въ церкви св. Петра въ Зальцбургѣ, относимая къ XII вѣку [3]). Парча митры и золотой галунъ ея, судя по видоизмѣненному византійскому рисунку и, вмѣстѣ, по латинскимъ буквамъ каймы, происходятъ, повидимому, изъ мастерскихъ Сициліи или Южной Италіи и представляютъ тонкую, превосходную работу. На ткани, по *титулу* (вертикальной полосѣ) и *циркулю* (околышу) митры, нашиты отдѣльные сканные простые кружки съ разводами внутри и съ зернами на вѣточкахъ, а на угольникахъ самой митры трехчастные разводы изъ трехъ кружочковъ; срединные усики съ зернышкомъ закручены и приподняты надъ поверхностью тѣмъ, что ихъ разводы прикрѣплены зернами поверхъ усиковъ наружныхъ. Конечно, эти металлическіе разводы были сняты съ металлической доски, которую онѣ украшали первоначально, и весь этотъ наборъ указываетъ, какъ въ южной Германіи въ XII вѣкѣ рѣдки были подобныя издѣлія, встрѣчаемыя въ Россіи во многихъ гораздо лучшихъ образцахъ.

Понятно, какой интересъ могли бы имѣть для нашего вопроса такіе замѣчательные памятники средневѣковаго искусства, какъ корона Карла Великаго, прочіе клейноды Римской имперіи, Paliotto ц. Св. Амвросія въ Миланѣ, Pala d'Oro въ Венеціи и т. п., но мы должны, съ самаго начала, оговориться, что всѣ эти предметы, въ высшей степени важные для общей исторіи искусства и мастерства различныхъ племенъ и мѣстностей еще варварской Европы, рѣзко отличаются отъ своихъ восточныхъ образцовъ, и на этотъ разъ — мы должны сказать прямо—къ своей прямой выгодѣ. Это западное мастерство, при первомъ взглядѣ, отличается варварскимъ преувеличеніемъ, и прежде всего утрировкою размѣровъ и формъ, усвоенныхъ съ Востока: орнаментъ становится здѣсь грубымъ, массивнымъ: фигура, рельефъ крупнѣе размѣрами, и отсюда всѣ недостатки видны явственнѣе, сильнѣе. Вотъ почему, какъ увидимъ, и скань, и эмалевая техника всѣхъ перечисленныхъ произведеній западнаго мастерства [4])

[1]) *Tesoro di S. Marco,* ed. Ongania: tav. XXXVI, 65; XXXVII, 66; XLIV, 94, 95, 12; XLVIII, 105 (текстъ стр. 84—5); L, 112; LA; L, 1, 117.

[2]) Sommerard, E. *Nouveau Catalogue du Musée de Cluny,* 1883.

[3]) Не знаемъ, была ли гдѣ нибудь эта митра издана или воспроизведена, кромѣ фотографическаго снимка въ серіи фотографій Вѣнскаго Художественно-Промышленнаго Музея за № 1.

[4]) Ближайшія доказательства того, что всѣ эти предметы принадлежатъ западному искусству, хотя и собраны частію изъ византійскихъ кусковъ, какъ Pala d'Oro, мною уже изложены въ «Исторіи византійской эмали», изданіе А. В. Звенигородскаго.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

грубѣе, ниже въ отношеніи мастерства противъ византійскихъ оригиналовъ X — XI вѣковъ. Но, вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ, западному мастеру приходилось больше вырабатывать рисунокъ, дѣлать правильнѣе фигуру и то, что̀ на первый взглядъ кажется болѣе грубымъ, сдѣлано въ сущности лучше, такъ какъ всѣ недостатки крохотныхъ фигуръ византійскаго искусства скрыты за ихъ миніатюрностью. Вмѣстѣ съ этою утрировкою, получается сила, выраженіе, искусство выигрываетъ въ жизни, мастеръ ищетъ совершенствоваться, является движеніе впередъ и оригинальность, такъ какъ, при крупныхъ размѣрахъ рельефа эмалевой фигуры, приходится уже наблюдать натуру, а не дѣлать все по шаблону.

Таково, кратко говоря, отношеніе декоративныхъ издѣлій западнаго мастерства къ ихъ (несомнѣннымъ) восточнымъ оригиналамъ, и таковъ историческій принципъ: то, что мы готовы назвать и часто называемъ упадкомъ искусства, есть его возрожденіе.

Внимательное изученіе техники сканнаго филиграннаго дѣла и на такъ назыв. коронѣ Карла Великаго насъ убѣдило, что не только дуга ея (arcus cornua), какъ то доказываетъ надпись, принадлежитъ времени Конрада IV († 1254), но и вся корона, что̀, признаться, мы не рѣшались доселѣ говорить, подчинившись авторитету Фр. Бока, который считаетъ корону конца XI или начала XII вѣка. Хотя мы признаемъ и теперь, что створки обруча и дуга короны не одновременны, какъ то объясняли и ранѣе [1]), но не считаемъ уже возможнымъ помѣщать корону въ XII столѣтіе. И это по той простѣйшей причинѣ, что техника короны рѣшительно тождественна во всѣхъ частяхъ и безусловно одинакова съ извѣстнымъ крестомъ, въ числѣ римскихъ регалій, принадлежащимъ документально эпохѣ Конрада IV. Между тѣмъ и сравненіе скани подтверждаетъ нашу мысль: скань здѣсь состоитъ изъ толстыхъ свитыхъ нитей, зернь крупная, вся техника поздняя, очевидно, западной работы, быть можетъ, сицилійской, какъ думаетъ и Фр. Бокъ. Мы и прежде указывали на примѣненный здѣсь способъ ажурныхъ гнѣздъ, и на аляповатое ихъ исполненіе, невозможное для Византіи, а теперь ограничимся сопоставленіемъ короны, креста и венеціанскаго оклада Pala d'Oro, котораго окончательная отдѣлка и уборъ камнями также относится къ XII—XIII вѣкамъ.

Еще болѣе опредѣленные выводы поможетъ намъ сдѣлать техническій анализъ извѣстнаго Paliotto—престола миланской церкви Св. Амвросія. Этотъ памятникъ, относимый прежде къ 835 году, мы отнесли ко второй половинѣ XI или первой XII вѣка, на основаніи разбора его эмалей, металлическихъ рельефовъ и всего фигурнаго ихъ стиля. Въ настоящее время, когда эта догадка подтверждена съ другой стороны изслѣдованіями Діего Сантъ Амброджіо [2]), мы можемъ, съ бо̀льшею увѣренностью, повторить то, что писали ранѣе о важномъ для насъ техническомъ вопросѣ, т. е. что «нѣкоторыя техническія детали памятника указываютъ на XI—XII столѣтіе. А именно: драгоцѣнные камни, его украшающіе, и даже

---

[1]) *Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго,* стр. 113—9.

[2]) Указаніемъ этимъ мы обязаны рецензіи уважаемаго изслѣдователя древнехристіанскаго искусства Д-ра Павла Вебера въ *Repertorium für Kunstwissenschaft,* XVIII, 1 Bd, 4 Heft, 1895.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

жемчугъ, кораллы и пр., размѣщены отчасти въ гнѣздахъ, окруженныхъ филигранью; крупные же камни, въ приподнятыхъ ажурныхъ гнѣздахъ, пропускаютъ лучи свѣта и отраженіе снизу, черезъ свои филигранныя арочки, и представляютъ технику, исключительно встрѣчаемую въ издѣліяхъ конца XI и всего XII вѣка на Западѣ, а ее то мы и считаемъ важнѣйшимъ руководящимъ признакомъ для опредѣленія даты». Мы вновь пересмотрѣли всѣ техническія детали памятника и убѣдились, что фактура здѣсь также груба, аляповата, какъ въ коронѣ Карла Великаго. Такъ, вокругъ центральной рельефной фигуры Спасителя расположены 15 и 12 большихъ камней въ овальныхъ гнѣздахъ, размѣщенныхъ каждое на ажурной аркадѣ, изъ витыхъ жгутиковъ, съ крупною зернью; коймы чеканныя, съ рисункомъ вѣтвей или побѣговъ съ рогами изобилія; звѣзды вокругъ изъ вставныхъ пиленыхъ гранатъ и мелкихъ камней; обнизано жемчугомъ—бисернымъ или мелкимъ. На боковыхъ сторонахъ центральные кресты представляютъ ту же технику; но жемчугъ здѣсь саженый, въ гнѣздахъ желобчатыхъ, а звѣздочки изъ рѣзаныхъ серебряныхъ листовъ, старинной техники, припаянныхъ къ поверхности; филигрань все таже, крупнозернистая и грубая. Задняя сторона украшена шестью гнѣздами съ нарѣзными ажурными звѣздами, а между эмалевыхъ бляшекъ, филиграневыя пластинки, съ гнѣздами, съ сканными рисунками крестовъ, четырелистниковъ, лилій, завитковъ, вѣтокъ, но все это толстой скани, какъ бы изъ жгутовъ.

Однако, горельефная или приподнятая филигрань встрѣчается и здѣсь сравнительно рѣдко, и вообще тонкія украшенія сканью цѣнятся высоко, почему напр. вся икона Гелатской Божіей Матери исполнена чеканомъ, и только отдѣльные эмалевые образки обложены сканными коймами. Уже въ XV вѣкѣ выступаетъ вновь эта техника въ Арменіи и на Балканскомъ полуостровѣ, но имѣетъ совершенно иной типъ: она дѣлается изъ низкаго серебра, и рисунокъ пріобрѣтаетъ специфическую утрировку прежнихъ схемъ.

Но и помимо эмали, золотыхъ дѣлъ мастерства, скани, басменнаго дѣла и пр., южнорусская художественная промышленность достигла высокаго состоянія въ великокняжескомъ періодѣ во многихъ, намъ пока неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ сферахъ. Мы напр. имѣемъ отъ XII вѣка въ письмѣ митрополита Дристры любопытнѣйшее свидѣтельство о томъ, что рѣзьба въ его время почиталась даже *скиѳскою* или *русскою* спеціальностью, «искусствомъ руссовъ». Не разбирая этого свидѣтельства, ограничиваемся приведеніемъ его текстуально [1]), съ тѣмъ, чтобы вернуться къ нему со временемъ, а теперь примемъ его лишь какъ напоминаніе о нашей обязанности искать историческаго возстановленія исчезнувшей высокой культуры южной Россіи. Въ этой задачѣ, которую мы теперь едва намѣчаемъ, залогъ успѣховъ самостоятельной русской археологической науки и ея будущая важная заслуга передъ наукою европейской.

---

[1]) *Tzetzes*, ed. Dressel, *Histor.* 393—6, 1851 № 80. Τὴν παρὰ σῆς ἁγιωσύνης προσκυνητὴν ἐμοὶ σταλεῖσαν γραφὴν ἅμα καὶ τὴν μεγαλοδωρίαν ἀνέλαβον. ...τοτε παιδάρων ὁ ἐκ Σεβλάδου νῦν μετεκλήθη Θεόδωρος; καί τὸ ταυρογλυφὲς, εἰ δὲ βούλει, ρωσογλυφὲς μελάνδοχον, ἐκείνο πυξίδιον, ᾧ ἐκ ὀστέου ἰχθύος ὑπὲρ τὰ Δαιδάλου θρυλλούμενα χειρουργήματα, ἀφατόν τε κάλλος ἐνετετόρευτο. Припомнимъ бесѣды «дорогъ рыбій зубъ».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Самое важное, однако, явленіе русско-византійской среды есть внутреннее отношеніе варварскаго міра къ цивилизаціи, связь внѣшняя и внутренняя русской жизни съ византійскою культурою и ея гражданскимъ обществомъ. Эти отношенія мы назвали внутренними въ томъ смыслѣ, что ихъ не видно сразу, ихъ открываешь лишь изученіемъ, но разъ они доказаны и приняты въ принципѣ, они ведутъ, такъ сказать, внутрь всего этого внѣшняго міра вещей, даютъ намъ постигнуть его внутреннее содержаніе. Утвердить этотъ принципъ связи варварской культуры съ ранѣе ея развившимися значило бы только подтвердить законъ непрестаннаго прогресса въ исторіи, усвоенія послѣдующими на ея поприщѣ всего имъ необходимаго завѣта предъидущихъ поколѣній и казалось бы дѣломъ съ перваго взгляда легкимъ и натуральнымъ. Но всѣ теоретическія и археологическія сочиненія нашего вѣка о первобытной культурѣ наложили такую печать предвзятыхъ положеній на тотъ отдѣлъ начальной средневѣковой археологіи Европы, который мы условно называемъ варварскими древностями, что здѣсь не скоро откроется научный историческій пріемъ. Вмѣсто того, чтобы для каждой вещи доискиваться ея образца въ сосѣднихъ развитыхъ культурахъ, такъ легко бываетъ примѣнять условно принятыя соображенія о примитивныхъ началахъ и ихъ эволюціи, а слѣдовательно сводить изученіе формъ къ немногимъ формуламъ, и это представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что варварскій бытъ, дѣйствительно, сохраняетъ эти первобытныя начала и видоизмѣняетъ воспринятыя культурныя формы постояннымъ переживаніемъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, жизнь свѣжей, по своему варварству, національности въ сосѣдствѣ съ гражданскимъ обществомъ направляетъ всю чуткую ея воспріимчивость въ сторону заимствованія, усвоенія, а затѣмъ и соперничества, и эти отношенія проникаютъ глубоко во всю народную жизнь, разносимыя изъ города, быта высшихъ сословій, въ жизнь села и простонародья. Таково было вліяніе Византіи на древнюю Русь, пока Византія была ея непосредственною сосѣдкою въ Херсонесѣ, Тмутаракани (въ XI вѣкѣ) и пока византійское вліяніе на Русь приносили православная Грузія, Галичъ, берега Дуная, свободныя торговыя сношенія и сообщенія съ Цареградомъ. За это время бытъ народа, формы его іерархіи, чинъ великокняжескій, убранство церемоніальное или обрядовое, знаки отличія и достоинства, внѣшнія формы гражданственности, все это должно было, такъ или иначе, видоизмѣниться въ смыслѣ аналогичномъ съ византійскими формами. Такъ были приняты, вмѣстѣ съ вѣнцами, женскими діадемами, киками и кокошниками, покрывалами и прочими головными уборами, извѣстныя, отвѣчающія вещамъ, понятія и обычаи. И если напр. женское ожерелье вообще всегда существовало, то монисто являлось уже выраженіемъ особыхъ формъ быта, также какъ различныя къ нему подвѣски, талисманы, амулеты. Извѣстно разнообразіе чиновъ византійскаго двора и ихъ придворныхъ облаченій, переносъ въ эту дворцовую среду варварскихъ народныхъ нарядовъ и возвращеніе ихъ же опять къ варварамъ уже съ характеромъ почетнаго наряда, отличія, ранга, и всякій, приступая къ изслѣдованію народныхъ уборовъ и отличій, гривенъ, цатъ, крестовъ, цѣпей, наручей, почетныхъ фибулъ, всякихъ подвѣсныхъ украшеній, долженъ, очевидно, прежде всего изслѣдовать происхожденіе этихъ разныхъ предметовъ личнаго убора.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кратко говоря, клады предметовъ древности, открываемые въ Россіи и относящіеся къ великокняжескому періоду, представляютъ къ этому наилучшій поводъ и случай. Большинство предметовъ, сохраненныхъ въ землѣ отъ истребленія, принадлежитъ къ разряду драгоцѣнныхъ уборовъ и украшеній, а большинство кладовъ принадлежитъ Кіеву, и немногіе городищамъ Рязани, Владиміра, т. е. центровъ древнерусской исторіи. Если намъ удастся, послѣ обзора кладовъ, анализомъ важнѣйшихъ или типическихъ предметовъ установить принципъ внутренней исторической связи древнерусскаго народа съ его культурными сосѣдями, мы будемъ считать свою задачу достигнутою.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 41. Миніатюра изъ греч. рукоп. І. Скилицы Куропалата въ Нац. Библ. Мадрида. Переговоры І. Цимисхія со Святославомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Описаніе кладовъ: [1]) Рязанскаго 1822 г., Кіевскаго 1824 г., Кіевскихъ кладовъ: 1838 г., 1846 г., Чернигова 1850 г., Кіева: 1872 г., 1876 г. въ усадьбѣ Лѣскова, 1876 г., въ усадьбѣ Чайковскаго, 1880 г. съ Б. Житомірской улицы, 1882 г., Чернигова 1883 и 1887 гг., Кіева 1885 г. въ усадьбѣ Есикорскаго, Переяславля 1885 г., Кіевской губ. Каневскаго у. 1886 г. и 1888—9 гг., Кіева: въ усадьбѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря 1887 г., 1889 г. изъ усадьбы Раковскаго, 1889 изъ усадьбы Гребеновскаго, 1890 г. изъ окрестностей Черкасъ, 1892 г. и 1893 года.

Рязанскій кладъ 1822 года.

Знаменитый кладъ золотыхъ предметовъ (табл. XVI и XVII) древности, извѣстный подъ именемъ *Рязанскихъ бармъ* или *Рязанскаго клада* [2]) по преимуществу, найденъ въ 1822 году въ Іюнѣ

---

[1]) Въ описаніе внесены мѣстами историческія или археологическія разсужденія о предметахъ, входящихъ въ составъ кладовъ, такъ напр. о каждомъ случаѣ находки эмалевыхъ серегъ колодочекъ или колтовъ, равно какъ о всѣхъ предметахъ, встрѣченныхъ въ составѣ кладовъ только въ одномъ случаѣ, или даже въ двухъ случаяхъ или экземплярахъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ экскурсы о предметахъ, ихъ происхожденіи, роли и значеніи бытовомъ, религіозномъ и художественномъ перенесены въ III главу, за исключеніемъ характерныхъ или единичныхъ варіантовъ типа, разсматриваемыхъ въ описательной главѣ, о которыхъ справки имѣются въ указателѣ.

[2]) К. Калайдовича. *Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губ. съ рис. найд. тамъ въ 1822 г. древностей.* Москва. 1823. стр. 1—29. Оленинъ, *Рязанскія древности.* Спб. 1831. *Древ-*

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

а землѣ Старой Рязани, прежде извѣстнаго города, упоминаемаго уже въ 1095 году, а нынѣ обширнаго села, лежащаго на правомъ берегу рѣки Оки въ 50 верст. отъ Рязани и 3 верст. отъ г. Спасска, стоящаго на луговой сторонѣ. Находка сдѣлана была на мѣстѣ, и доселѣ называющемся *Городокъ*, обнесенномъ валомъ съ трехъ сторонъ, котораго земля принадлежала тогда Стерлигову, крестьянами, во время пашни, причемъ вещи, по словамъ крестьянъ, лежали въ безпорядкѣ, а не въ какомъ либо сосудѣ или мѣшкѣ, и только лоскутки какой то матеріи попадались въ сторонѣ; вещи были разбросаны, и понадобилась работа послѣдовательно трехъ пахарей, чтобы отрыть всѣ вещи или, точнѣе, всѣ тѣ, которыя были найдены. Извѣстный Калайдовичъ, обрывъ кругомъ землю, болѣе не нашелъ вещей. Между тѣмъ онъ же свидѣтельствуетъ, что, кромѣ, т. наз. золотой короны, находки 1792—3 гг., сплавленной, открытъ былъ здѣсь золотой обручъ съ камнями и въ 1790 годахъ золотая вещь, подобная звѣздѣ съ колечками, украшенная 24 камнями и жемчугомъ. О другихъ обильныхъ кладахъ и отдѣльныхъ находкахъ той же мѣстности, но позднѣйшаго времени, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, теперь же мы замѣтимъ только, что всѣ эти находки относились исключительно къ русскимъ древностямъ XI—XII столѣтій, и въ этомъ отношеніи представляютъ, конечно, замѣчательную цѣльность. Быть можетъ, и для русской археологіи настанетъ такое время, когда изящество и обиліе рязанскихъ древностей этой эпохи будетъ сознательно связано съ замѣчательнымъ развитіемъ культуры въ бассейнѣ р. Оки.

Извѣстно, далѣе, что Рязанскій кладъ 1822 года, изъ всѣхъ наиболѣе драгоцѣнный, получилъ, благодаря Оленину и Калайдовичу, особое названіе «Рязанскихъ бармъ», такъ какъ одиннадцать круглыхъ бляхъ, медальоновъ и разныхъ щитковъ, болѣе или менѣе богато украшенныхъ, изъ которыхъ и состоитъ почти исключительно кладъ, были отождествлены съ нашивными бляхами, находящимися на матерчатыхъ царскихъ оплечьяхъ [1]). «Большая часть вещей (судя по точнымъ изображеніемъ, снятымъ К. Я. Соколовымъ), говоритъ въ предисловіи Калайдовичъ, должны принадлежать къ бармамъ или княжескимъ оплечіямъ: это видно изъ накладныхъ гладкихъ съ одной стороны и круглыхъ медалеобразныхъ украшеній, названныхъ мною *бляхами* въ прилагаемомъ описаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что украшенія сіи, сканной работы и съ выпуклыми каменьями, были носимы не подъ платьемъ, по совершенной неудобности, а снаружи, на груди. Мы не усомнились бы назвать оныя *гривнами*, когда бы точно были удостовѣрены, что слово сіе, при нѣкоторыхъ случаяхъ, употребляютъ лѣтописцы въ значеніи почетныхъ украшеній. Какъ же (*примѣчаніе*) назывались Рязанскія бляхи въ древности.— Можетъ быть, всѣ найденныя драгоцѣнности, и исключая немногихъ, составляли убранство цѣлой княжеской одежды. Бляхи, подъ № 1 означенныя (дутыя двѣ бляхи съ эмалевыми изображеніями мучениковъ), должны принадлежать къ знакамъ, носимымъ на шеѣ». Таково

ности Россійскаго Государства, рис. №№ 33—7. *Опись Московской Оружейной Палаты*, изд. 1894 года, часть 1-я, стр. 41—3 текста, рис.

[1]) См. *Древности Россійскаго Государства*, отд. II. таб. 26—29 «бармы греческаго дѣла» и таб. 30—32 «древнія шитыя бармы».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

еще осторожное, и сопровождающееся многими оговорками, заключеніе Калайдовича, но по его намекамъ далѣе стали прямо утверждать, что мы имѣемъ въ Рязанскомъ кладѣ «великокняжескія бармы», т. е. послѣ вѣнца, важнѣйшую регалію древней Руси, и очевидно, хотѣли этимъ именемъ не только возвысить, но и освятить драгоцѣнную находку. На сколько это удалось, видно изъ того, что въ изданной нынѣ (но давно составленной) «описи Московской Оружейной Палаты», вещи Рязанскаго клада прямо названы: древнія золотыя, сканныя [1]) великокняжескія бармы», «древне-византійскаго дѣла», «состоящія изъ одиннадцати запонъ, круглыхъ, золотыхъ, украшенныхъ сканью, цѣнными камнями, жемчугомъ и финифтью, со впаенными перегородками». Очевидно, что въ данномъ случаѣ древности были окрещены первымъ, пришедшимъ въ голову, названіемъ, помимо всякаго анализа.

Въ самомъ дѣлѣ, Рязанскій кладъ, представляетъ, прежде всего, *одиннадцать* круглыхъ бляхъ, число слишкомъ большое, для того, чтобы составлять бармы, а не два, или три эк-

Рис. 42. Золотая подвѣска изъ Рязанскаго клада 1822 г., об. сторона.

[1]) Во избѣжаніе дальнѣйшихъ словоупотребленій, должно сказать, что выраженіе «сканныя бармы» неправильно, такъ какъ здѣсь медальоны только покрыты сканью, не сплошь изъ нея сдѣланы, какъ бываютъ напр. *сканныя серьги*, *сканные серебряные ларчики* и пр.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

земпляра или набора бармъ, но затѣмъ, и различныя формы этихъ бляхъ требуютъ здѣсь различать по крайней мѣрѣ, три подбора или серіи ихъ, если даже не четыре.

1. Первый подборъ состоитъ, всего на всего, изъ пары большихъ дутыхъ и круглыхъ подвѣсныхъ *колтовъ* (рис. 42), устройства совершенно тождественнаго съ полыми кіевскими сережными подвѣсками, получившими отъ насъ условное пока названіе колтовъ, но превосходящихъ, почти втрое, своими размѣрами эти обычныя кіевскія эмальированныя серьги. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь каждая такая подвѣска имѣетъ въ горизонтальномъ поперечникѣ въ ширину 0,125 м., а по вертикальной линіи до выемки или луночки—0,08 м.; толщина колта равняется 0,045 м., при чемъ одинъ колтъ сильно вдавленъ.

Обѣ подвѣски состоятъ изъ двухъ золотыхъ пластинокъ, спаянныхъ при помощи обода, не широкаго, но расширяющагося на верху, тамъ гдѣ имѣется лунообразная (рис. 43)

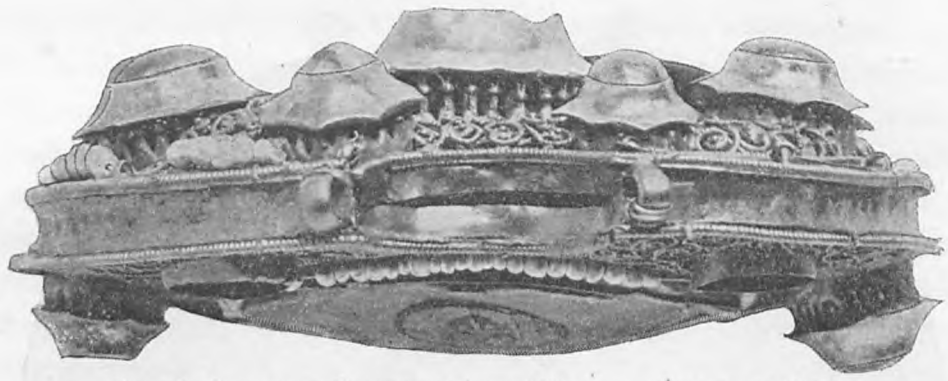

Рис. 43. Видъ колта Рязанскаго клада 1822 г. съ верху въ профиль.

выемка, до ширины 0,025, по бокамъ сохранились пара скобочекъ для жемчужной обнизи. Подвѣски богато украшены камнями, эмалью и золотою сканью и вѣсятъ отъ 90 до 94 золотниковъ.

Лицевая сторона (таб. XVI) составлена, въ свою очередь, изъ двухъ накладныхъ пластинъ, такимъ образомъ, что средина представляетъ особо вырѣзанный и вправленный кружокъ, на которомъ исполнено эмалью погрудное изображеніе святаго князя, вѣроятно (по догадкѣ Оленина и Снегирева, нами удерживаемой, несмотря на возраженія графа А. С. Уварова), четы свв. Бориса и Глѣба, юныхъ и безбородыхъ, въ шапкѣ съ соболиною опушкою (каштановаго цвѣта эмаль) и лилово-коричневымъ верхомъ, съ темнокаштановыми волосами въ кудряхъ, въ синемъ мятлѣ или плащѣ, съ бѣлыми кружочками, въ которыхъ вписаны лилейныя почки, и крестиками, и лилово-коричневомъ (пурпурномъ) исподѣ. Голова князя заключена въ бирюзовый нимбъ съ красно-пурпурнымъ ободкомъ. По сторонамъ святаго его символическія эмблемы: два крина, процвѣтшіе въ пустынѣ, или двѣ полевыя лиліи, бѣлыя съ лилово-коричневыми частями, весьма близко передающія натуральный типъ, воспроизведенный византійскимъ искус-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ствомъ. Точно переданъ низкій стволъ лиліи, плотно гнѣздящейся въ землѣ, изъ синеватаго верха и зеленой внутренности, и на стволѣ у самой земли пышный и сочный бутонъ цвѣтка трехчастнаго типа.

Кругомъ образка жемжужная обнизь по ободу (сохранилось тридцать зеренъ), далѣе кайма, украшенная рубчатою сканью и каменьями, изъ которыхъ два оправлены въ простыя гнѣзда—изъ нихъ сохранился одинъ аметистъ и четыре камня (горный хрусталь, вениса, зеленое стекло подъ изумрудъ, и два гнѣзда пустыхъ) вправлены въ гнѣзда, приподнятыя надъ поверхностью помощью ажурнаго сканнаго плетенія, въ видѣ арочекъ, которыя пропускаютъ къ камню свѣтъ снизу. Мы уже сказали, что эта техника появляется почти одновременно въ разныхъ мѣстахъ восточной и западной Европы и потому пока нельзя указать мѣсто ея происхожденія [1]).

На оборотѣ (рис. 42) нашей подвѣски, въ срединѣ вставленъ въ подобномъ прорѣзномъ гнѣздѣ бѣлый яхонтъ и обнизанъ жемчугомъ (43 зерна). По ободу, среди скани замѣчательнаго рисунка и работы, помѣщено девять такихъ же гнѣздъ, три венисы, аметистъ, сафиръ, бѣлый яхонтъ. Кругомъ жемчужная обнизь изъ 74 зеренъ. Вѣсу 94 золотника. Эта первая запона немного вдавлена. Подобная первой другая подвѣска отличается лишь тѣмъ, что немного помята и сплющена, а также ей недостаетъ мѣстами жемчужныхъ обнизей, въ четырехъ гнѣздахъ съ лица нѣтъ камней, въ остальныхъ помѣщено: вениса, составъ подъ венису; на оборотѣ бѣлый яхонтъ (или горный хрусталь), три сафира, изумрудъ, двѣ венисы, аметистъ, халцедонъ, и составъ подъ венису, по обнизи 74 зерна жемчуга; вѣсу 95½ зол. Эта запона сохранилась лучше, и съ нея именно исполненъ рисунокъ на табл. XVI.

Для нашей задачи, однако, самое важное въ настоящемъ случаѣ обстоятельство представляется разницею въ скани на лицевой сторонѣ колтовъ—плоской сторонѣ, съ эмалевою фигурою и оборотной, которая сдѣлана выпуклой и украшена камнями. Разница рѣзкая, бросающаяся въ глаза: плоская сторона и украшена плоскою (древнею) сканью изъ тонкихъ ссученныхъ нитей (двухъ), наложенныхъ разводами на матовой поверхности листа и плоско къ нему припаянныхъ; оставленныя поля широкія или открытыя. Напротивъ того, на оборотной сторонѣ скань составлена вся изъ толстыхъ скрученныхъ веревокъ или жгутиковъ, оставленныхъ круглыми, безъ сплющенія, и прикрѣпленныхъ припайкою только на краяхъ всей полосы, къ жгутикамъ, составляющимъ бордюръ, тогда какъ вся ажурная сканная полоска приподнята, выгнута надъ поверхностью; въ концахъ усиковъ сидитъ по зерну, а по мѣстамъ разводы схвачены, для крѣпости, скобочками. Наконецъ, во всѣхъ полоскахъ характерны коймы изъ жгутиковъ, скрученныхъ такъ круто, что спирали представляютъ острые края.

---

[1]) Лучшимъ образцомъ этой техники гнѣздъ служитъ, конечно, знаменитая икона венеціанской церкви св. Марка: смѣшанное—и восточное и западное происхожденіе этой иконы мы старались показать во 2 главѣ «Исторіи византійской эмали». Между тѣмъ Лабартъ, указавъ на переплетъ Евангелія въ аббатствѣ св. Эмерана, въ своемъ изданіи *Histoire des arts industriels*, pl. 35, замѣчаетъ, что эта техника не встрѣчается въ западныхъ работахъ X—XI в., и потому считаетъ переплетъ работою греческаго мастера, вызваннаго Ѳеофаніею, дочерью Романа II.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Переходимъ къ детальному разсмотрѣнію эмалевыхъ фигуръ и орнаментовъ [1]). Въ нашихъ эмаляхъ мы находимъ слѣдующіе признаки эмалевой техники и фактуры: вѣнчикъ вокругъ головы мученика бирюзоваго цвѣта, и эта эмаль поблекла, потрескалась, выцвѣла, словомъ, она была и дурнаго состава и дурно отшлифована. Около нимба бордюръ красно-кирпичнаго цвѣта такъ разложился и потрескался, что эмаль стала общаго коричневаго тона. Шапочка представляетъ теперь коричнево-шоколадный оттѣнокъ (была красная?), на ней по перепоясками голубые камни и одно *бѣлое перо* (ташъ?)—деталь, которая была бы чрезвычайной важности для сравненія съ среднеазіатскими шапками и ихъ украшеніями, если-бы могли доказать это при неясности рисунковъ; шапка имѣетъ мѣховой околышъ сѣровато-пурпурнаго цвѣта, передающій, конечно, соболью опушку, и изображающій волосы и мѣха именно въ томъ оттѣнкѣ, какъ это было принято въ византійскихъ эмаляхъ. Лицо мученика имѣетъ сильно винный оттѣнокъ (мертвенно-лиловаго цвѣта), на шеѣ и рукахъ также, но замѣчается и сквозная прозрачность. Волосы имѣютъ уже сѣрый цвѣтъ отъ сильнаго разложенія шоколаднаго (темно-каштановаго) цвѣта. Плащъ или мятль темнолиловаго цвѣта, по этому фону разсыпаны бѣлые кружечки, и въ нихъ сѣрошоколадные крины; у мятля подбой бѣлый (горностаевый?); подъ плащемъ видна бирюзовая кайма хитона и сѣро-коричневая исподь-хитонъ; плащъ застегнутъ голубою (?) фибулою. Крины сдѣланы темнолиловыми, съ бирюзовою сердцевиною и коричневыми разводами. Словомъ, эмаль представляетъ всѣ признаки русской работы.

2. Три большихъ—(въ главномъ медальонѣ 0,08 м. въ поперечникѣ и $41^1/_2$ зол. вѣсу) и круглыхъ медальона, въ видѣ плоскихъ щитковъ (брактеатовъ), составленныхъ изъ внутренняго выпуклаго эмалеваго медальона (0,04 м.) и широкой оправы. Предметы отличаются въ эмаляхъ отчасти слабѣйшею и болѣе грубою техникою и потому, всего вѣроятнѣе, всѣ вмѣстѣ составлены для одного набора украшеній и, повидимому, работы того же мастера, такъ какъ стиль и превосходныя сканныя украшенія по характеру остаются совершенно прежнія, тогда какъ медальоны съ эмалевою живописью *различной фактуры*. На *главномъ* медальонѣ представлена съ лица Богородица, съ надписью MP ΘV въ молитвенномъ положеніи, съ поднятыми руками (такъ наз. *Оранта*), облаченная въ темно-синюю (почти черную) фелонь, покрывающую ее съ головою, и голубой хитонъ; надъ челомъ на фелони четыре звѣздныхъ кружка; волосы покрыты бѣлымъ чепцомъ, слабо голубоватаго оттѣнка. Цвѣта эмали настолько мало измѣнены противъ византійской схемы, что является предположеніе, не взята ли прямо византійская бляшка и обдѣлана уже въ Россіи вмѣстѣ съ другими. Эмаль хорошо отшлифована, отлично сохранилась и только красный ободокъ растрескался, не измѣнивъ цвѣта. Далѣе, бирюзовый нимбъ густаго тона, тѣло уже не розоватаго или розово-вишневаго цвѣта, а прямо тѣлеснаго цвѣта красной охры, съ прозрачнымъ восковымъ оттѣнкомъ. Скань

---

[1]) См. объ этихъ признакахъ также въ IV главѣ моего сочиненія *Собраніе А. В. Звенигородскаго, Исторія и памятники византійской эмали.*

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

вокругъ мѣстнаго русскаго типа не византійскаго рисунка, хотя также изъ двойныхъ ленточекъ, покрытыхъ зубчиками; любопытна оправа изъ петелекъ и притомъ изъ гладкой проволоки, скань вся на ажурныхъ арочкахъ, по скани 18 гнѣздъ, все съ венисами, и два мѣста порожнихъ. Ушко съ шарниромъ, покрыто сканью плоскою, не приподнятою, украшено 6 венисами. Вѣсу 22 золотника.

Второй медальонъ (въ шир. 0,075 м., вѣсу 19½ зол.), съ изображеніемъ Св. Ирины—по надписи ΟΡΗΝΑ, при чемъ надпись грубо смѣшиваетъ русскія буквы съ греческими. Медальонъ въ петельной оправѣ, украшенъ 11 венисами, аметистомъ, цвѣтнымъ стекломъ, на ушкѣ 4 венисы. Эмаль такъ перемѣнила свои цвѣта, что только сравненіемъ съ образомъ Св. Варвары можно возстановить для нимба и фелони голубой цвѣтъ, для хитона бирюзовый, но цвѣта эти поблекли. Мученица держитъ красный крестъ. Цвѣтъ тѣла отличается блѣдно-лиловымъ, мертвенно-сѣроватымъ оттѣнкомъ, котораго мы не знаемъ на византійскихъ эмаляхъ. Блѣдное золото указываетъ на сильный алльяжъ; повсюду повыступили перегородочки, такъ какъ эмаль выщербилась очень сильно.

Третій медальонъ, съ изображеніемъ Св. Варвары (украшенъ 15 венисами, 1 яшмою, на ушкѣ 6 венисъ, вѣсу 20 зол.)—надпись дважды ΟΒΑΡ, любопытенъ по образу святой, которой голова покрыта полосатымъ съ красными украшеніями, очевидно, шелковымъ (покрываломъ) чепцомъ (сирійскаго характера), и представляетъ полное тождество отдѣлки и эмалевой техники съ предъидущимъ. По всему судя, оба *русской, мѣстной рязанской* работы.

3. Рѣзкая разница, которую представляетъ маленькій *образокъ тѣльникъ* съ эмалевымъ изображеніемъ Распятія, происходитъ отъ того, что этотъ предметъ современный медальонамъ, но чужой *чисто византійской* работы, тогда какъ всѣ предъидущіе медальоны, явно, мѣстнаго русскаго издѣлія (кромѣ медальона Богородицы). Но этотъ образокъ оправленъ, подобно прочимъ эмалевымъ медальонамъ, въ бордюръ совершенно той же работы, что серія 6 медальоновъ, описываемыхъ ниже, и потому очевидно, что эмалевая бляшка или взята съ другого предмета или досталась отдѣльно покупкой и уже въ русскихъ рукахъ стала тѣльнымъ образкомъ: но любопытно, что работа сканныхъ украшеній, оставаясь прежняго типа, отличается здѣсь рѣдкимъ совершенствомъ и небывалою тонкостью, ясно показывая, до чего могла достигать ловкость русскихъ мастеровъ. Эта тонкость не подражаема и теперь, еслибы потребовалось работать въ чистомъ золотѣ, какъ дѣлали мастера древней Греціи и Византіи. Образокъ Распятія принадлежитъ къ иконографическому типу, господствовавшему въ первой половинѣ XII вѣка и оставившему много мелкихъ изображеній въ миніатюрахъ, образкахъ и эмаляхъ, хотя, по самому характеру, композиція и постановка фигуръ этого типа отличаются монументальностью, спеціальными чертами *образа* или *иконы* Распятія, которыя должно, прежде всего, выдѣлять изъ общаго разряда такъ наз. *историческихъ* изображеній Распятія, что и понятно само собою, но чего доселѣ не сдѣлано въ общихъ трактатахъ по иконографіи этого сюжета. А именно, Распятый представленъ здѣсь на колоссально большомъ, по сравненію съ тѣломъ, крестѣ, который, будучи утвержденъ на скалѣ Голгоѳы, имѣетъ подно-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

жіе, длинные рукава и надпись, помѣщенную въ правильной крестообразной формѣ; по сторонамъ ея видны въ небѣ солнце (звѣзда) и луна и двѣ полуфигуры летящихъ ангеловъ, а внизу по сторонамъ Распятаго и лицомъ къ зрителю, въ молитвенномъ предстояніи, полныя фигуры Богоматери и Іоанна Богослова. Христосъ изображенъ уже съ закрытыми глазами, тѣло крайне худо, чресла препоясаны платомъ, изъ прободеннаго бока брызжетъ кровь. Подъ крестомъ видна появившаяся на скалѣ Адамова голова, лежащая на двухъ костяхъ. Крохотныя надписи синими буквами даютъ слова Христа: IΔOϒ O HOCOV (sic) IΔOϒ H MP Cϒ. Богоматерь въ скорби, приложивъ руки къ подбородку, Іоаннъ держитъ книгу Евангелія.

Особенный интересъ имѣютъ для насъ цвѣта эмали, отличающіеся столь поразительной сохранностью, свѣжестью и, такъ сказать, зеркальностью шлифовки, что даже тому, кто не видалъ бы вовсе византійскихъ эмалей, не могла бы показаться случайною эта сохранность одной вещи, сравнительно со всѣми прочими эмалевыми изображеніями клада: не остается сомнѣній въ томъ, что нашъ образокъ Распятія принадлежитъ къ лучшимъ издѣліямъ Константинополя, тогда какъ другіе образки того же клада, обнаруживая своею плохою сохранностью, радикальнымъ измѣненіемъ почти всѣхъ эмалевыхъ красокъ, свое русское происхожденіе, пріобрѣтаютъ за то, въ глазахъ русскаго историка, еще болѣе высокое значеніе, какъ собственно народныя попытки высшаго техническаго искусства.

И такъ, цвѣта эмалей въ нашемъ образкѣ отличаются свѣжестью, ясностью и глубиною тоновъ, и видно, что эмальёръ предпочтительно выбиралъ и цвѣта наиболѣе интенсивные и наиболѣе пріятные для глазу: такъ крестъ сдѣланъ здѣсь голубымъ, бордюры его темно-лиловыми, т. е. черными; колья у подножія, которыми укрѣпленъ крестъ въ землѣ, сдѣланы бирюзовыми, а черепъ не бѣлымъ, но желто-коричневымъ, для согласія съ фономъ. Затѣмъ, тѣло Распятаго (и ангеловъ) отличается прекраснымъ темно-оливковымъ цвѣтомъ, который еще усиливается отъ того, что эта эмаль полупрозрачна, просвѣчиваетъ и пропускаетъ отблески золотаго матоваго дна на лоточкѣ. Повязка на чреслахъ ярко бѣлая и ярко красная кровь, текущая изъ бока, бѣлыя буквы и бирюзовый нимбъ, при черныхъ волосахъ, сообщаютъ живую пестроту и яркость фигурѣ, которая иначе была бы мрачною. Но предстоящіе и ангелы драпированы съ такою яркостью сочныхъ красокъ, которая позволяетъ намъ назвать всѣ эти тона веселыми, декоративными. Таковы цвѣта крыльевъ у ангеловъ: глубокій синій и бѣлый въ контрастѣ; цвѣта ихъ одеждъ: темносиній, почти черный, и полосами бирюзовый, почти пепельно-голубой. Одежда Богоматери: темноголубая фелонь и блѣдноголубой хитонъ, но ихъ драпировку трудно разобрать, вслѣдствіе схематизма и уродливости складокъ. Гиматій и хитонъ Іоанна также представляютъ сочетаніе контрастовъ: темнолиловаго и свѣтлобирюзоваго. Нимбы голубые, буквы синяго цвѣта, Евангеліе хромъ, золотое. Мелкія гнѣзда теперь всѣ порожнія; вѣсу въ образкѣ $4^1/_2$ золотника.

Далѣе, по поводу самой скани на медальонѣ Распятія слѣдуетъ отмѣтить разницу съ прочими медальонами, какъ эмальированными, такъ и украшенными только камнями. Мы уже указывали, что скань во всѣхъ этихъ медальонахъ не только наложена на листъ и при-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

паяна къ фону, но также положена и сверху нижней скани, иногда всего въ три пояса. Правда, эта ажурная скань зависитъ отъ рисунка, а именно разводы усиковъ, крутящихся отъ главной вѣтки, исполнены поверхъ нижележащихъ вѣтокъ, и въ концахъ усиковъ вкраплены зерна, какъ бы завязавшіяся грозди. Но затѣмъ важно, что всѣ разводы и усики положены какъ двѣ ленточки, спаянныя рядомъ, и особенно тонко сплющенныя изъ крученой нити, и только въ концахъ ленточки раздѣляются, а одна болѣе тонкая, въ видѣ усика, ленточка перегибается поверхъ ажурныхъ разводовъ.

Въ медальонѣ Распятія та же фактура, но здѣсь всегда только одна сканная и сплющенная нить, которая приподнимается, выкладывается одна поверхъ другой, припаивается въ мѣстахъ соединенія, и собственно потому кажется тонкою и трудной работою, что сдѣлана именно изъ одной двойной нити.

Въ заключеніе мы должны, однако, оговориться, что рѣшительно не находимъ возможности относить этотъ образокъ Распятія къ прочимъ тремъ медальонамъ, какъ если бы онъ входилъ въ составъ этого подбора бляхъ, образующаго, скажемъ, бармы, или точнѣе, вообще нагрудное металлическое украшеніе. Этому противорѣчитъ, прежде всего, его овальная форма, которая хотя происходитъ отъ самой эмалевой бляшки, уже по своему сюжету, требовавшей не круглаго, но овальнаго образка, однако могла бы быть легко устранена мастеромъ помощью бордюра или каймы, если бы онъ того хотѣлъ. А затѣмъ ясно видно, что мастеръ приложилъ особенное стараніе къ сканнымъ украшеніямъ оправы этого образка, какъ лучшаго матеріала, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. И если три медальона были нагруднымъ украшеніемъ, то четвертому не остается другаго мѣста, кромѣ спины, а очевидно, что на спинѣ не могъ быть помѣщенъ образъ Распятія [1]).

И такъ, единственное основательное предположеніе требуетъ отдѣлить этотъ образокъ— былъ ли онъ тѣльникомъ, или былъ подвѣшенъ къ иконѣ, все равно. И, какъ бы въ доказательство этого, мы находимъ въ Рязанскомъ кладѣ еще одинъ эмалевый образокъ, повидимому, тѣльникъ, въ золотой оправѣ грубой работы, напоминающей серебряныя бляхи Владимірскаго клада: здѣсь бордюръ состоитъ исключительно изъ обода, прерываемаго поперечными скобочками, которыя однако назначены только для упора каймы внутренняго эмалеваго образка, а не для жемчужной обнизи. Образокъ, по неграмотной надписи АМРНА, долженъ представлять Дѣву Марію, съ молитвенно подъятыми руками, но въ облаченіи Богородицы есть странное отступленіе въ томъ, что обычная фелонь, подобно плащу, застегнута здѣсь на груди фибулою, что̀ мы не умѣемъ себѣ объяснить иначе, какъ грубою ошибкою эмальера, не умѣвшаго различить иконографическаго типа мужской одежды отъ женской. Самъ по себѣ эмалевый образокъ ничѣмъ не отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами изображеній Св. Ирины и Варвары, развѣ только тѣмъ, что здѣсь эмаль отлично, сравнительно, сохранилась и выдаетъ всѣ особенности, а слѣдовательно, и всѣ недостатки русской работы. Изъ этихъ недостатковъ

[1]) Издатели *Древностей Росс. Гос.* принимали пять образковъ за подборъ бармъ, изобразивъ ихъ вмѣстѣ на 34-й таблицѣ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

важнѣйшій заключается въ грубыхъ ошибкахъ противъ иконографіи и типа: таковы напр. четыреугольный вырѣзъ на груди, фибула, наплечныя пристежныя (вошвы) украшенія, здѣсь перемѣстившіяся къ локтямъ, черты лика и пр. Особенности заключаются отчасти уже въ самомъ очеркѣ полуфигуры Богоматери, а наиболѣе въ краскахъ; такъ любопытно употребленіе въ нимбѣ изумрудно-зеленой эмали, которую мы знаемъ (см. указ. ранѣе наше изслѣдованіе объ эмали) въ самомъ началѣ исторіи византійской эмали и вмѣстѣ при ея концѣ въ XII—XIII стол. Бордюръ нимба темносиній, почти черный, а не кирпичный, какъ прежде. Напротивъ того, фелонь представляетъ сравнительно свѣтлосиній цвѣтъ, а хитонъ имѣетъ блѣдно-пепельный оттѣнокъ голубаго; чепецъ — свѣтло-бирюзоваго цвѣта; вошвы, фибула бѣловато-пепельнаго оттѣнка, и наконецъ тѣло блѣднолиловаго, мертвеннаго тона. Русская работа образка несомнѣнно выдается даже снимкомъ, не говоря объ оригиналѣ, который можетъ считаться, по сохранности, ея лучшимъ представителемъ въ средѣ эмалей.

Рис. 44. Золотой медальонъ изъ Рязанскаго клада 1822 г.

4. Если, затѣмъ, съ самаго появленія на свѣтъ Рязанскаго клада такъ много толковали и доселѣ еще можно продолжать говорить о томъ, что онъ представляетъ собою великокняжескія бармы, то, очевидно, этому причиною служитъ *серія шести медальоновъ* или щитковъ, бляхъ или *круговъ* (какъ тоже говорили въ старину), имѣющихъ явно только декоративное назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, первая пара запонъ имѣетъ обычную для колтовъ внутреннюю полость, и графъ А. С. Уваровъ называлъ ихъ *ладанницами* [1]), а мы, въ свою очередь, будемъ разсматривать ихъ въ средѣ колтовъ—серегъ. Три эмалевые медальона, имѣющіе наиболѣе сходства съ послѣдними шестью кругами, все же представляютъ образки, тогда какъ эти кружки, совершенно

[1]) Въ своей статьѣ о «Суздальскомъ оплечьи», *Древности, Моск. Арх. Общ.*, т. V, стр. 3.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

плоскіе на исподи, приспособленные къ ношенію (рис. 46) или, по крайней мѣрѣ, къ подвѣшиванію на снуркѣ, и украшенные только съ лица, притомъ чисто декоративно, камнями и сканью, представляютъ собою, такъ сказать, бармы по преимуществу, какъ ихъ привыкли понимать въ русской археологіи. Медальоны имѣютъ отъ 0.095 м. до 0.107 м. въ поперечникѣ, но два медальона изъ нихъ [1]) имѣютъ 0,75 м. въ ширину, т. е. наименьшую величину, и вѣсу только 20 и $20^1/_2$ зол., а четыре остальные имѣютъ вѣсу 33, 41 и 48 золотниковъ. Весь щитокъ покрытъ сканью изъ положенныхъ на ребро ленточекъ, свитыхъ изъ проволоки и потому зубчатыхъ на поверхности; скань образуетъ завитки или волюты, а отъ нихъ расходятся усики, такъ что заполняютъ каждое отдѣленіе или промежутокъ между камнями; но, въ отличіе отъ большихъ колтовъ, здѣсь скань кладется и припаивается также поверхъ скани, уже наложенной и припаянной—техника особаго типа, о которой мы уже говорили въ 1-й главѣ. Равно и гнѣзда камней укрѣплены поверхъ скани, и потому камни получаютъ свѣтъ снизу, пропускаемый арочными или петельными ажурными шатонами. Въ срединѣ медальона помѣщается обыкновенно одна большая вениса, или аметистъ, или крупный яхонтъ; вокругъ, или крестообразно, расположены преимущественно венисы, сафиры, аметисты, рѣдко яшма, еще рѣже стекло цвѣтное; по окраинѣ всегда венисы и жемчужная обнизь; на ушкѣ до шести мелкихъ венисъ, а всего на каждомъ медальонѣ отъ 31 до 33 камней.

Рис. 45. Малый золотой медальонъ изъ Рязанскаго клада 1822 г.

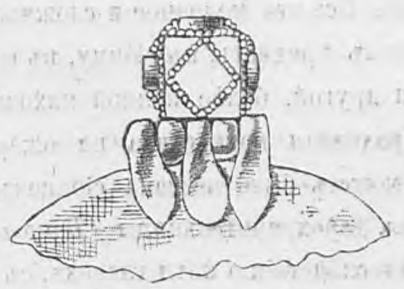

Рис. 46. Рязан. кладъ 1822 г.

5. Если вѣрно наше заключеніе, что мы имѣемъ въ Рязанскомъ кладѣ два подбора бармъ или нагрудныхъ украшеній: одинъ изъ трехъ медальоновъ съ эмалями и другой изъ шести, то именно къ двумъ бармамъ, или, точнѣе, серіямъ подвѣсныхъ медальоновъ, относятся и *одиннадцать* золотыхъ, ажурныхъ, дутыхъ бусинъ (или репій). Изъ нихъ пять бусинъ чешуйчатыхъ, съ четырьмя гранями по обѣимъ половинамъ боченочка, снабжены были по краямъ жемчужною

[1]) *Древности Росс. Госуд.*, таб. 35 и 36; большіе медальоны у насъ въ одномъ образцѣ, рис. 45 малые — рис. 46.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

обнизью. Шесть бусинъ украшены сканью тожественной техники съ шестью медальонами, которые украшены не эмалью, а только камнями: а именно, эта скань изъ двойной ссученной нити, сплющенной, ажурно наложенной, и для крѣпости расположенной по двѣ ленточки, спаянныхъ одна съ другой, и укрѣпленной въ жгутахъ. Но изъ этихъ бусъ нѣсколько исполнены также гладкими ленточками, какъ въ скани Мономаховой шапки, при чемъ онѣ наложены на листъ, и ячейки внутри чешуекъ, или такъ наз. имбрикаціи, вырѣзаны въ листѣ, такъ что работа только представляется снаружи прорѣзной. Рисунокъ—византійскіе разводы; по среди желобокъ съ четырьмя продольными желобками, по всѣмъ скобочки съ золотыми нитями, отъ жемчуга; нѣсколько гнѣздъ съ альмандинами.

6. Въ Рязанскомъ кладѣ имѣются (табл. XVII) два *сіонца*, изъ золота (вѣсомъ по 5 зол.), имѣющіе видъ храмика—дарохранительницы о четырехъ сторонахъ съ шатровымъ верхомъ и украшенные четырьмя арочками по сторонамъ, и въ арочкахъ крохотными эмалевыми изображеніями (сохранились только погрудная фигура юнаго Святаго и Ев. Іоанна, эмаль сильно разложилась), а на исподѣ ажурною сѣткою, въ видѣ полусферическаго донышка или чашечки, какъ обыкновенно бываетъ на подвѣскахъ. Сквозь каждый сіонецъ пропущены золотые дроты, образующіе два крючка сверху и снизу; скань по низу очень грубая, простая, въ видѣ плоскихъ нитей; имбрикаціи выполнены накладкою на листъ, въ которомъ вырѣзаны ячейки; по угламъ каждаго сіонца устроены спиральные шарниры, для продѣванія сквозь нихъ золотыхъ дротовъ, и, кромѣ того, внизу припаяны четыре скобочки, въ которыхъ сохранились обрывки мелкихъ золотыхъ цѣпочекъ. Все это мелочное и сложное устройство служило, очевидно, для сведенія цѣпочекъ, держащихъ предметъ, къ сіонцу, въ одинъ пучокъ. Но что̀ это былъ за предметъ, рѣшить безъ помощи другой, болѣе полной находки, пока нельзя.

Крохотная подвѣсочка на ожерельѣ изъ клада Златоверхо-Михайловскаго монастыря также можетъ быть названа сіонцемъ. *Сіонами*, какъ извѣстно, стали называться у насъ съ XII стол. дарохранительницы (*Іерусалимы*, ковчеги), въ видѣ церквей съ одною и тремя главами, впослѣдствіи о пяти главахъ, съ чеканными, обронными изображеніями святыхъ, Апостоловъ, Христа и Евангелистовъ и пр., также съ украшеніями финифтяными и травленными, въ арочкахъ, съ колоннами. Въ этихъ сіонахъ хранились святые дары на престолѣ, а потому весьма возможно было возложеніе освященнаго сіонца со святыми дарами или и безъ нихъ на икону, а также на болящаго. Названіе «Сіона» появилось въ самой Византіи уже въ IX—X стол., подъ вліяніемъ Толковой Лицевой Псалтири, которая этимъ именемъ пріучала называть Церковь Христову, въ лицѣ Богоматери, или даже ея образа, помѣщеннаго въ «градѣ на Сіонѣ»; слѣдовательно «сіонами», что тоже «Іерусалимами», было естественно называть ковчеги со Св. Дарами, помѣщаемые на престолахъ, а затѣмъ уже, какъ священная декоративная форма, «сіонъ» встрѣчается на крышкѣ кадилъ, всякихъ мощехранительницъ и пр.

Въ кладѣ оказалось много [1]) мелкихъ вещей, важныхъ потому, что всѣ принадлежатъ

---

[1]) *Древности Росс. Государства*, II, табл. 36—7.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 47, *a—h*. Золотыя бляшки изъ Рязанскаго клада 1822 г.

къ рязряду предметовъ личнаго убора и украшенія, или же къ тѣльникамъ. Таковы: всякаго рода нашивныя и набивныя бляшки изъ золота (рис. 47, *a — h*), любопытныя по своимъ древнимъ типамъ: листка (потала), индѣйскаго листка (въ видѣ запятой), простаго репейка и пр.; особенно любопытна форма полной бляшки (рис. 47, *f*), повторяемой часто въ серебрѣ, въ иномъ варіантѣ; золотая цѣпочка (рис. 49), разные обрывки, два тѣльныхъ крестика (рис. 50) изъ яшмы, въ золотой оправѣ по концамъ рукавовъ, украшенной венисами.

Рис. 48. Золотая ажурная цата изъ Рязанскаго клада 1822 г.

Затѣмъ уже имѣемъ женскій браслетъ изъ плетеной очень искусно золотой проволоки съ шарнирами и колечкомъ для

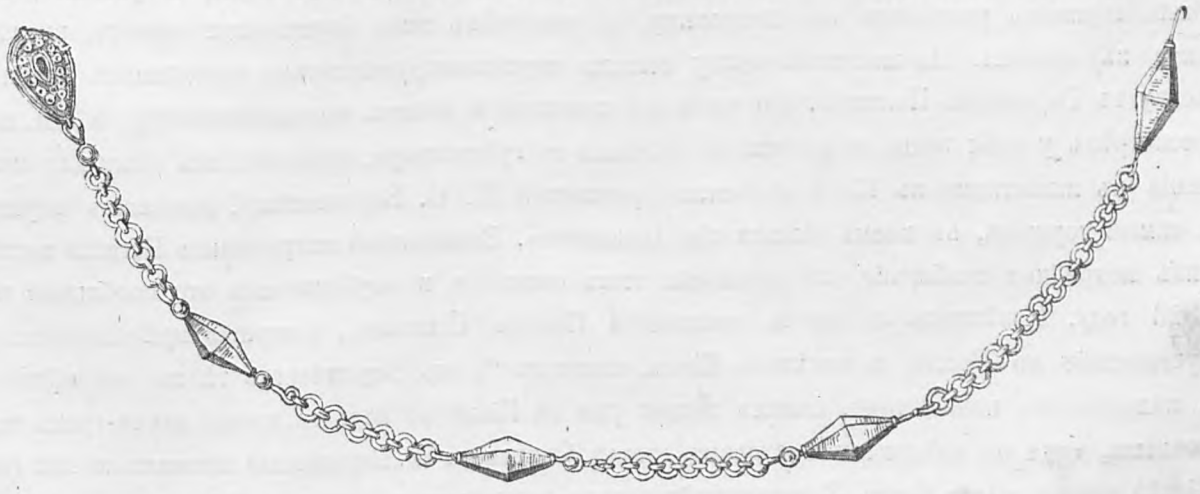

Рис. 49. Золотая цѣпочка изъ Рязанскаго клада 1822 г.

Рис. 50. Тѣльникъ Ряз. клада 1822 г.

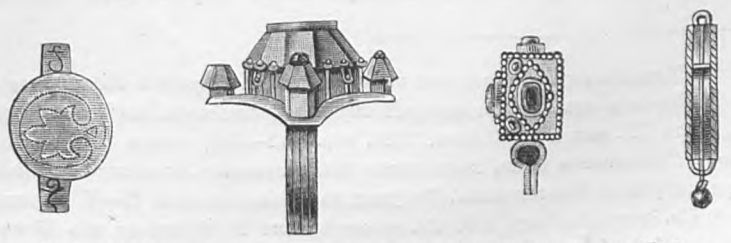

Рис. 51. Золотые перстни и предметы Рязанскаго клада 1822 г.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

подвѣсной жемчужины, и пара перстней, изъ дутаго золота, съ камнями въ гнѣздахъ (рис. 51), съ гранями и жемчужною обнизью.

Кіевскій кладъ 1824 года.

Какъ богата кладами и находками почва стараго Кіева, свидѣтельствуетъ первый, встрѣчаемый нами въ археологической его лѣтописи, разсказъ, изъ записокъ И. Ѳ. Тимковскаго, бывшаго въ 1785—89 гг. ученикомъ Кіевской Духовной Академіи [1]): «Въ маѣ 1787 г., трое мы вышли на Крещатикъ съ своими уроками. Оба другіе (ученика) были старше меня. Середній, бродя въ размытыхъ провальяхъ межъ кустовъ, увидѣлъ снизу близь верха нависшую выпуклость, сухими комами глины выбилъ ее; свалился кувшинъ полный серебряныхъ монетъ. Въ находкѣ сдѣлали участникомъ и меня. Монеты были древнія разной величины, три или четыре слитка серебра въ видѣ палокъ сургучу, нѣсколько золотыхъ колецъ и перстней». Но обо всѣхъ этихъ находкахъ сохранилось лишь смутныя извѣстія и преданія.

Первый изъ открытыхъ кіевскихъ кладовъ—знаменитый кладъ 1824 года представляетъ и знаменательный примѣръ совершеннаго исчезновенія наиболѣе драгоцѣнныхъ предметовъ древности въ Россіи. Исторія находки этого клада передается такъ [2]): «1824 года, Мая 25 дня, въ день праздника Святаго Духа, по утру, мѣщанинъ Кіевскій Василій Хащевскій, идучи изъ Кіево-Подола на гору стараго Кіева тропинкою, прямо къ Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинкѣ возлѣ ограды монастыря, наступилъ на выпуклый изъ впадины обнажившійся красный кирпичъ, отъ натиска его проломленный, и увидѣлъ, что былъ горшокъ, разломилъ его покрышку, и усмотрѣвъ тамъ блистающее серебро, вынулъ оное въ платокъ. Но замѣтивъ между вещами церковныя, немедленно представилъ сію находку въ Городовую Полицейскую часть къ приставу и потомъ полицеймейстеру, а сей, пересмотрѣвъ у себя вещи, и доведя до свѣдѣнія г. губернатора, препроводилъ оныя для описанія къ извѣстному въ Кіевѣ любителю древностей М. Ѳ. Берлинскому, приказавъ вырыть и самый горшокъ, въ коемъ лежали сіи древности». Знаменитый митрополитъ Евгеній доставилъ подробное сообщеніе, на основаніи этого описанія, и опубликовалъ это сообщеніе въ 1826 году. Извѣстный любитель древностей Павелъ Свиньинъ, совершая археологическое путешествіе по Россіи, и посѣтивъ Кіевъ, слышалъ [3]) отъ Берлинскаго тѣ же подробности о находкѣ, но, повидимому, самихъ вещей уже въ Кіевѣ не нашелъ, кромѣ двухъ-трехъ мелочныхъ, судя по слѣдующимъ словамъ статьи Свиньина: «Г. Берлинскій показывалъ мнѣ (въ Кіевѣ) также мѣсто близъ Золотомихайловскаго монастыря и древняго Борисовскаго взвоза на скатѣ стараго вала, гдѣ Кіевскій мѣщанинъ Хощевскій нашелъ, прошлаго 1824 года 25 Мая, кувшинъ, наполненный разными церковными драгоцѣнностями, которыя, вѣроятно, со-

---

[1]) *Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей* 1874, стр. 166.

[2]) *Труды и записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ учрежденнаго при Имп. Московскомъ Университетѣ*, часть III, книга 1, Москва, 1826, стр. 152—163, статья «о древностяхъ, найденныхъ въ Кіевѣ», подписанная буквою Е., доставлена была, какъ видно изъ оглавленія, знаменитымъ Кіевскимъ Митрополитомъ Евгеніемъ и составлена упомянутымъ Берлинскимъ. Рисунки на приложенныхъ II—V таблицахъ здѣсь воспроизводятся.

[3]) См. *тамъ-же*, стр. 205. См. также письмо П. Муханова изъ Кіева къ А. О. Корниловичу, отъ 28 мая 1824 г. помѣщ. въ *Сѣв: Архивѣ*, ч. X, 1824 г., Май, стр. 277—8.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

крыты были отъ хищничества Батыя и съ тѣхъ поръ находились въ землѣ. Двѣ или три изъ сихъ не весьма цѣнныхъ вещей пріобрѣтены однимъ чиновникомъ, а *прочія представлены къ Высочайшему Двору.* Судя по *симъ образчикамъ*, состоящимъ изъ сережной привѣски, креста и перстня, должно отнести ихъ ко времени готическаго Византійскаго художества, когда граненіе драгоцѣнныхъ камней не было еще извѣстно. Прочія вещи, здѣсь найденныя, были слѣдующія: потиръ, дискосъ, двѣ панагіи, изъ коихъ одна золотая, крестикъ, двѣ серьги, болѣе 25 золотыхъ привѣсокъ, бармы (?) съ священническихъ ризъ и богатый прикладъ съ Евангелія».

И вотъ съ той поры, т. е. съ 1825 года, всякія извѣстія объ этомъ кладѣ, будто бы представленномъ ко Двору, прекращаются, кладъ исчезаетъ безслѣдно, и до послѣдняго времени, никто не сдѣлалъ попытки къ его розысканію или къ изслѣдованію вопроса о его пропажѣ. И разслѣдованія, предпринятыя Императорскою Археологическою Коммиссіею, пока ничего не обнаружили. Яркое доказательство, какъ мало обезпечиваютъ существованіе историческихъ памятниковъ и именно драгоцѣнныхъ даже извѣстный интересъ, поднятый въ Обществѣ, ученое вниманіе и лю-

Рис. 52. Горшокъ съ кладомъ 1824 года.

Рис. 53. Потиръ изъ кіевскаго клада 1824 г.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 54. Потиръ Кіевскаго клада 1824 года.

бознательность, если имъ не поможетъ на дѣлѣ правительственный контроль и организація Государственныхъ музеевъ!

Понятно, затѣмъ, какъ мало можно извлечь изъ жалкихъ снимковъ, которые остались намъ, взамѣнъ чудныхъ оригиналовъ: всякое сужденіе о вещахъ будетъ здѣсь имѣть только условное значеніе и должно быть принято съ оговоркою. И тѣмъ не менѣе, первый кладъ, найденный въ Кіевѣ, да еще «на Борисовомъ взвозѣ», долженъ быть разсмотрѣнъ со вниманіемъ, какъ подобаетъ по его замѣчательной *характерности* и тому значенію, какое онъ получаетъ черезъ это, для характеристики прочихъ кладовъ, менѣе типичныхъ, хотя и сохраненныхъ.

Кладъ былъ уложенъ въ большой конической формы горшокъ (рис. 52), изъ красной

Рис. 55. Потиръ Кіевскаго клада 1824 г.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

глины, съ рубчатыми боками, глубиною 9 вер., накрытый покрышкою. Подъ нею, поверхъ вещей, была положена парчевая матерія, оказавшаяся совершенно истлѣвшей; по словамъ видѣвшихъ, матерія была шелковая, на подобіе нынѣшнихъ левантиновъ, тканная золотыми узорами въ клѣтку. Главнымъ предметомъ представляется, конечно, серебряный потиръ (рис. 53) на орнаментальной ножкѣ, украшенный четырьмя (рельефными) медальонами, съ изображеніями (рис. 54 и 55) по грудь: Іисуса Христа, благословляющаго сложеніемъ трехъ перстовъ и держащаго Евангеліе въ лѣвой рукѣ, Божіей Матери съ молитвенно раскрытыми передъ грудью дланями, какъ образъ Б. М. Заступницы, Іоанна Предтечи, держащаго свитокъ и благословляющаго особымъ сложеніемъ трехъ перстовъ внутрь для молитвы, и наконецъ Іоанна Златоуста съ Евангеліемъ въ рукѣ и благословляющаго именословно. Всѣ

Рис. 56. Кіевскій кладъ 1824 года. Дискосъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

фигуры сопровождаются сокращеннымъ надписаніемъ ихъ именъ по гречески, въ схемахъ XII — XIII столѣтій. Поверхъ медальоновъ идетъ полосою вокругъ по бордюру надпись: піите отъ нея вси и пр. Трудно сказать, насколько близокъ къ оригиналу рисунокъ, исполненный, однако же, съ техническимъ знаніемъ, но если вѣрить этому рисунку, мы имѣемъ передъ собою, явно, русскую работу по византійскому образцу и должны считать этотъ пропавшій потиръ древнѣйшимъ русскимъ чеканнымъ издѣліемъ. Что этотъ потиръ не греческой работы, доказываетъ уже обронная, видимо, слишкомъ выпуклая техника медальоновъ, не обычная въ Византіи, но господствовавшая въ XII вѣкѣ на западѣ и на сѣверѣ. Далѣе: лики представляютъ характерную полноту, округлость, квадратность овала; волосы на головахъ и бородѣ исполнены не по гречески, спутаннаго рисунка и въ то же время сухими чертами; еще болѣе выдаетъ рисунокъ святительской одежды I. Златоуста, наконецъ форма (если не ошибочная въ самомъ рисункѣ) свитка въ рукахъ Предтечи — совершенно невозможная для греческаго ремесленника, всегда знавшаго подлинный видъ свитка. Менѣе важны въ этомъ отношеніи особенности въ надписи имени Іоаннъ и т. д., свойственныя и чисто греческимъ произведеніямъ.

Того же характера и той же техники серебряный дискосъ (рис. 56), въ видѣ блюдца безъ подножки ($4^2/_3$ вер. въ діам.), съ изображеніемъ въ срединѣ Божіей Матери того же типа, погрудь и въ медальонѣ, и съ надписью уставными буквами по гречески слова: *пріимите*, *ядите* и пр.; дискосъ оказался согнутымъ, потому что былъ съ силою задвинутъ въ тѣсную для него глубину горшка.

Наиболѣе замѣчательный предметъ клада составляютъ двѣ круглыя цаты или медальона (рис. 57 и 58), изъ золота, большой съ изображеніемъ Спасителя, въ попер. $1^3/_4$ вер., малый съ изображеніемъ мученика, $1^2/_3$ вер.; очевидно, по находкамъ болѣе полнымъ, здѣсь было три медальона, и третій также съ изображеніемъ мученика. Рисунокъ, сверхъ всякаго ожиданія, передаетъ вполнѣ достаточно характеръ украшеній и стиль памятника, такъ какъ весьма ясно, что рисовальщикъ въ то время никогда не могъ бы придумать ни такого типа, ни такихъ схематическихъ драпировокъ, а, между тѣмъ, и то и другое намъ хорошо извѣстны въ подлинныхъ эмалевыхъ работахъ. Каждый медальонъ имѣетъ, вмѣсто прицѣпки, сквозную бусину на шарнирѣ, совершенно гладкую, но по срединѣ перепоясанную бисерною лентою, а шарниръ украшенъ съ обѣихъ сторонъ жемчужинами на спаяхъ, чего доселѣ не находимъ ни на одномъ изъ сохранившихся медальоновъ. Бордюръ украшенъ мелкими камнями (яхонтами) въ гнѣздахъ и филиграневыми разводами въ типѣ рубчатой филиграни (см. выше.) Каймы изъ жемчужной нити не сохранилось, есть только скобочки. Изображеніе Спасителя отличается превосходною работою, строгимъ типомъ: можно думать, что нимбъ былъ изумрудный, или темно-синій, такъ какъ внутри эмали сдѣланы еще разводы (восьмерки), припаянные на дно лоточка; темно-каштановые волосы, сильно удлиненный овалъ лица, наиболѣе приближаютъ ликъ къ извѣстной чудотворной иконѣ Латерана. Спаситель благословляетъ не именословно, но сложеніемъ трехъ перстовъ, въ лѣвой рукѣ, прикрытой гиматіемъ, поддерживаетъ Евангеліе, переданное однако

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

здѣсь безъ пониманія того, что рисовальщикъ дѣлалъ. Гиматій былъ темно-пурпурный, а хитонъ блѣдно-голубой. Изображеніе мученика (по нашей догадкѣ Димитрія, а недостаетъ Георгія) отличается также обычными типическими чертами, т. е. плащемъ или сагіемъ съ плющевымъ рисункомъ, и двумя нашивками, какія бываютъ на патриціанскихъ одеждахъ [1]); въ правой рукѣ мученикъ долженъ держать крестъ.

Двѣ пары золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ—колтовъ, выпуклыхъ и полыхъ, съ эмалевыми изображеніями (рис. 59 и 60) грифона съ орлиною головою, львинымъ тѣломъ и крыльями, и

Рис. 57. Кіевскій кладъ 1824 г.

Рис. 58. Кладъ 1824 г

геральдическихъ «птищей» съ эмблематическими перьями въ видѣ современной карточкой масти трефъ или, точнѣе, лиліи, та же лилія на грифонѣ; очевидно, обѣ фигуры имѣютъ значеніе талисмановъ. Весь общій характеръ фигуръ указываетъ на *русскаго*, не византійскаго эмальера: въ частности, это проявляется наиболѣе ярко въ тѣлѣ грифоновъ, именно въ ошибочномъ рисункѣ обѣихъ заднихъ ногъ. Снимокъ передаетъ, хотя не съ большимъ искусствомъ, за то со вниманіемъ, и стиль фигуръ и даже детали, которыя можно легко угадать, при руко-

[1]) См. объ этихъ деталяхъ въ византійскихъ эмалевыхъ изображеніяхъ въ моей книгѣ: «Исторія и памятники византійской эмали. Собранія А. В. Звенигородскаго», стр. 282, рис. таб. 9, 11.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

водствѣ другихъ сохранившихся вещей. Такъ, здѣсь передана даже эмаль разныхъ тоновъ темносиняя и лиловая—черными мѣстами, красная и голубая сѣрыми, эмаль выщербившаяся—блѣдно-сѣроватыми; а такъ какъ въ головахъ грифона эмаль повыкрошилась, то и рисунокъ

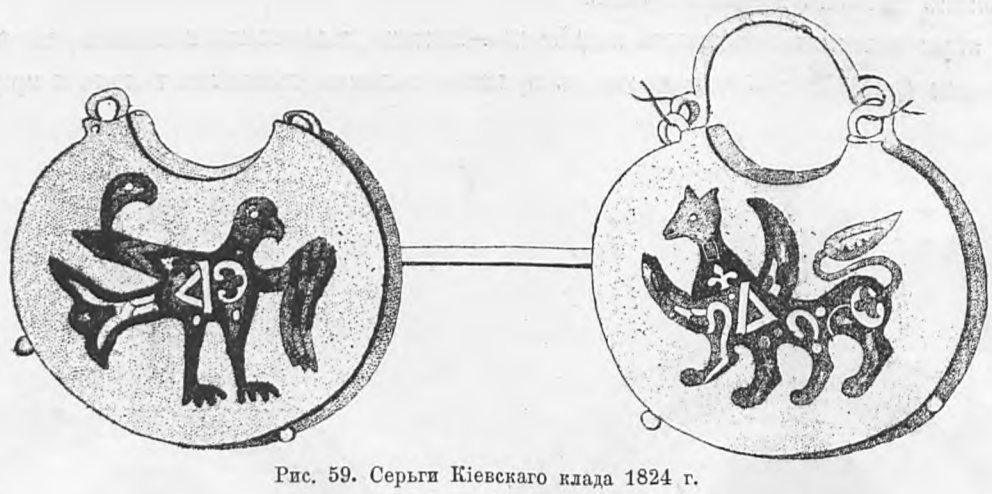

Рис. 59. Серьги Кіевскаго клада 1824 г.

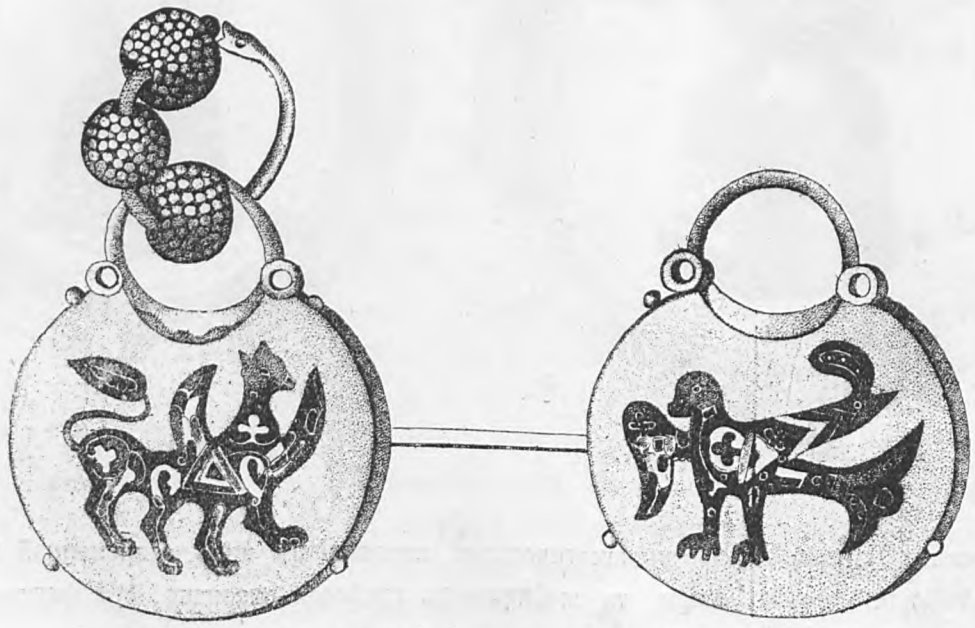

Рис. 60. Тоже. Кіевскаго клада 1824 г.

головъ не точенъ и не характеренъ. Если, наконецъ, въ одной подвѣскѣ изображена вдѣтою обыкновенная кіевская серьга, то это дѣло простой случайности: на этой сережкѣ кончикъ дужки представленъ какъ бы змѣиною головкою неправильно: ни въ одномъ существующемъ экземплярѣ этого нѣтъ, да и быть не могло, потому что этотъ кончикъ былъ всегда закрытъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 61. Пара кіевскихъ серегъ клада 1824 г.

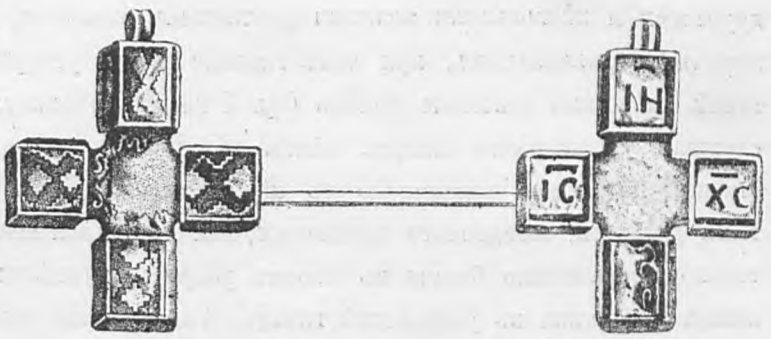

Рис. 62. Тѣльникъ Кіевскаго клада 1824 г.

Одна пара обыкновенныхъ кіевскихъ серегъ (рис. 61) съ тремя бусами пупырчатыми; одинъ тѣльный крестикъ (рис. 62), равносторонній, высѣченный изъ яшмы, по рукавамъ оправленный въ золотыя накладки, на одной сторонѣ съ бѣлою эмалью, по ней синіе городки, на другой съ надписями ІС ХС НИ КА; одинъ перстень (рис. 63), на серебряной подвижной дужкѣ, золотое гнѣздо съ рѣзнымъ изображеніемъ вглубь кентавра, охотящагося съ соколомъ. Таковы предметы личнаго убора въ кладѣ.

Но въ кладѣ были замѣчательныя мелочи, сорванныя и собранныя наскоро, въ попыхахъ, и относящіяся, видимо, къ убору мѣстно чтимыхъ иконъ. Таковы напр. 25 золотыхъ подвѣсочекъ (рис. 64), которыя въ существѣ происходятъ отъ типа древнихъ *вотолокъ*, т. е. металлическихъ гарнитуръ кистей, съ замѣною кистей грушевидными побрякушками (вмѣсто жемчужинъ), а самой втулки—металлическою крышкою съ жемчужиною наверху, причемъ крышечка вся перевита бисеромъ, повсюду покрыта мелкимъ жемчугомъ; очевидно, эти подвѣски украшали не воздухъ или омофоръ, но скорѣе всего вѣнчикъ иконы. Кромѣ того, этотъ рисунокъ объясняетъ намъ происхожденіе «сіонца—подвѣски», найденной въ Рязанскомъ кладѣ, и въ Кіевскомъ, происходящемъ изъ того же Злато-Михайловскаго монастыря (таб. VII) [1]).

Восемь дужекъ (рис. 65) золотыхъ, широкихъ, украшенныхъ сканью, и каждая тремя

Рис. 63. Перстень клада 1824 г.

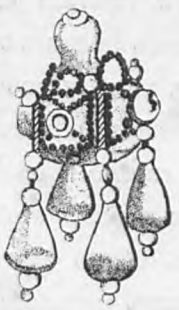

Рис. 64. Изъ 25 золотыхъ вотолокъ Кіевскаго клада 1824 г.

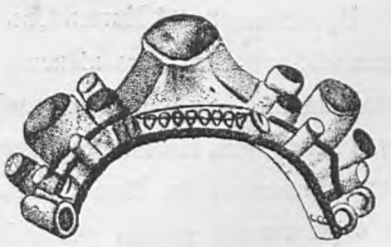

Рис. 65. Изъ Кіевскаго клада 1824 года.

[1]) Въ описаніи серегъ, стр. 157, подъ № 8 ошибочно сказано, что онѣ серебряныя, тогда какъ это былъ, очевидно, сильный альяжъ, золото показалось бѣлымъ, какъ обыкновенно на этихъ серьгахъ, о чемъ сказано ранѣе въ «Исторіи эмали» Гл. I. Рисунокъ указываетъ также двѣ пары, а въ описаніи названа одна.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

крупными и нѣсколькими мелкими аметистами, яхонтами, рубинами, гранатами, въ гнѣздахъ, нарочно приподнятыхъ, при чемъ главное гнѣздо утверждено на прорѣзной сканной рѣшеточкѣ, съ цѣлью освѣщать камень (см. I главу) и снизу; по всей вѣроятности, дужки эти служили украшеніемъ оклада, вѣнца иконы, но въ тоже время онѣ, непремѣнно, тождественны по своему назначенію съ кіевскими (напр. въ кладѣ Михайловскаго м—ря) золотыми дужками, загадочнаго назначенія, находящимися очень часто въ кіевскихъ кладахъ, но только несравненно богаче въ своемъ уборѣ драгоцѣнными камнями. Затѣмъ чрезвычайно важна и техника въ устройствѣ гнѣздъ, о которой мы уже говорили, какъ о пріемѣ XII стол. (см. Рязанскій кладъ 1822 г.).

20 тонкихъ, листовыхъ, серебряныхъ пластинокъ, съ лицевой стороны позолоченныхъ, съ прорѣзнымъ разводомъ, снабженныхъ по краямъ дырочками для пришиванія, вѣроятно, къ священной одеждѣ, преимущественно омофору, судя по квадратной формѣ пластинъ

Рис. 66. Кіевскій кладъ 1824 года.

Рис. 67. Золотая эмалевая пластинка изъ клада 1824 г.

(рис. 66). Наконецъ одна (рис. 67) треугольная золотая пластинка, украшенная трехчленнымъ византійскимъ разводомъ съ цвѣтками въ срединѣ, исполненными эмалью, происходитъ, судя по формѣ, также отъ убора облаченій, и уцѣлѣла одна изъ многихъ.

Преосвященный Евгеній, въ заключеніе своего краткаго описанія, категорически, на основаніи надписей, относитъ весь кіевскій кладъ 1824 г. къ греческому искусству и даже самый горшокъ, напоминавшій ему ольвійскія амфоры, къ византійскому мастерству. Въ теченіи нижеслѣдующаго труда мы будемъ постепенно доказывать, какъ сильно византійская художественная промышленность привилась въ Кіевѣ, какъ обильны были издѣлія этой русско-византійской работы. Здѣсь мы ограничимся только указаніемъ на одинъ общій фактъ, что если мы еще можемъ считать привозными изъ Константинополя два эмалевыхъ медальона, то даже ихъ отдѣлку должны принимать русскою, мѣстною, а за тѣмъ и всѣ предметы убора личнаго, такъ какъ только въ рѣдкихъ случаяхъ уборы привозятся цѣликомъ и постоянно изъ чужой страны. Даже такіе предметы церковной утвари, какъ потиръ и дискосъ, вѣроятно были сдѣланы въ Кіевѣ, хотя въ греческой мастерской, если рисунокъ точно передаетъ полурусскіе типы

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

въ изображеніяхъ. Нечего и говорить о предметахъ убора, которые изготовляются только для кочевыхъ варваровъ, и во всякомъ государствѣ, согласно господствующему вкусу, производятся на мѣстѣ, за исключеніемъ, конечно, предметовъ высшаго художественнаго достоинства, нерѣдко привозныхъ. Такъ, медальоны съ эмалями, эмалевая пластинка могутъ быть изъ Византіи, но эмалевыя серьги, эмалевая обдѣлка крестика, даже обдѣлка медальоновъ привозныхъ туземной, мѣстной работы, и какъ это ни звучитъ чуждо для нашихъ современныхъ понятій о византійскомъ и древне-русскомъ искусствѣ, но это можетъ даже быть доказано въ теченіи нижеслѣдующаго трактата.

Второй важный вопросъ, имѣющій возобновляться не разъ по поводу многихъ кіевскихъ кладовъ и находокъ въ Старой Рязани, касается соединенія въ кіевскомъ кладѣ 1824 года вещей явно церковныхъ со свѣтскими. Описаніе 1824 года задается уже этимъ вопросомъ и разрѣшаетъ его, согласно пріемамъ того времени, путемъ легендарныхъ, своего рода романическихъ, соображеній: исходя изъ словъ Кенигсбергскаго списка лѣтописи подъ 1203 годомъ, что Черниговскіе князья, при разграбленіи кіевскихъ церквей, взяли «и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бѣша повѣшали въ церквахъ святыхъ на память себѣ», описаніе заключаетъ, что вмѣстѣ съ одеждами князья могли отдавать и свои нарядныя украшенія въ церковь. Изъ этихъ украшеній на виду болѣе всего въ кіевскомъ кладѣ были серьги съ эмалевыми изображеніями, и вотъ составителямъ описанія кажется, что эти серьги могли принадлежать великой княгинѣ Ольгѣ, матери Святослава, такъ какъ только вещи такого достопамятнаго лица могли храниться въ кіевскомъ соборѣ. На самомъ дѣлѣ, конечно, никакого подобнаго мотива мы не имѣемъ права предполагать, а должны руководиться указаніями византійскихъ источниковъ: такъ, у Константина Порфиророднаго часто говорится о «скарамангіяхъ», служившихъ завѣсами въ церквахъ, и хотя мы не знаемъ, что именно за одежда была пресловутый скарамангъ, однако ясно, что это должна была быть широкая одежда, своего рода полотнище, кусокъ дорогой матеріи, который можно было употребить, какъ завѣсу; изъ уборовъ своихъ императоры жертвовали въ церковь свои вѣнцы, точнѣе, только подобія вѣнцовъ или коронъ, для подвѣшиванія къ престолу царя царей, подъ арки киворія. Въ дополненіе ко всему тому, что мы имѣли уже случай высказать ранѣе, можемъ здѣсь прибавить, что именно такою «вотивною» короною предстявляется намъ теперь и извѣстная корона Карла Великаго, съ изображеніемъ Спасителя rex regnantium, кромѣ уже указанныхъ: короны венгерской, вѣнцовъ королей готскихъ и пр.

Кіевскія находки 1824—1846 гг.

Въ 1824 году [1]) обнаружены были фундаменты древней *Десятинной* церкви, сложенные изъ большаго квадратнаго кирпича, соединеннаго толстымъ слоемъ розоваго цемента; найдены: мраморныя квадратныя плитки, составлявшія половую мозаику; архитектурные орнаменты изъ краснаго шифера и мрамора, обломки штукатурки, покрытой фресками, зерна мусіи (мозаическіе кубики), гробницы, сложенныя изъ плитъ краснаго шифера; на нѣкоторыхъ плитахъ были

[1]) Приводимъ выписку изъ обзора В. Б. Антоновича, *Археологическая карта Кіевской губ.*, приложеніе къ XV т. *Древностей*, изд. Имп. Моск. Археол. Общ. 1895, стр. 32—33.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

рельефно высѣчены орнаменты; въ гробницахъ были человѣческія кости съ остатками шелковой ткани и ремней. Но никакихъ извѣстій о находкахъ въ эти ближайшіе годы (о позднѣйшихъ отъ 1837 по 1876 г. см. ниже) не было сообщено, повидимому, нигдѣ.

Съ 1837 г. по 1846 годъ, а главнымъ образомъ, въ 1846 году въ Кіевѣ, около фундаментовъ и на погостѣ древней Десятинной церкви, найдены весьма разнообразныя и многочисленныя древности, къ сожалѣнію, частію разошедшіяся по рукамъ и настолько разбросанныя по собраніямъ, что, видимо, служили предметомъ дѣлежа для находчиковъ и властей, хотя находки эти были результатомъ предпринятой задачи возстановленія кіевской древности и потому должны были, казалось, имѣть право на вниманіе. Такъ найдены были [1]): двѣ серебряныя *гривны* (кунъ) шестиугольной кіевской формы; *одиннадцать* серебряныхъ *браслетовъ* изъ толстаго дрота гладкихъ и со спиральной насѣчкой, подражающей плетенію проволочному, и орнаментальною линіею на приплюснутыхъ концахъ; *золотыя* (числомъ десять) *кіевскаго типа серьги* (*и 4 серебряныя*) изъ проволочнаго кольца, обвитаго сканью, съ утвержденными промежь скани тремя бусинами, въ одной парѣ—украшенными на подобіе жемчужинъ, сидящихъ въ сканномъ плетеніи, въ другой парѣ бусы украшены сканными розетками, а въ третьей—бусы сдѣланы ажурными, изъ тонкой проволоки; бронзовый *складень* съ изображеніемъ вглубь Распятія на лицевой и Богоматери съ архангелами и святыми въ кругахъ на оборотной сторонѣ; обломки стеклянныхъ браслетовъ и пр.

Важнѣйшую находку, однако, составляетъ золотая *цѣпь* (рис. 68) изъ десяти медальоновъ или бляшекъ, украшенныхъ эмалевыми изображеніями птицъ, поступившая въ музей графа А. С. Уварова въ Порѣчьи; три бляшки, принадлежащія цѣпи, были найдены особо, но предметъ, конечно, составлялъ часть клада, спрятаннаго на церковномъ погостѣ,—случай, встрѣчающійся и далѣе (о цѣпяхъ см. отдѣлъ III главы).

Въ музеѣ графа А. С. Уварова въ Порѣчьи находятся пара золотыхъ (малаго размѣра) сережныхъ подвѣсокъ съ эмалью кіевскаго типа и происхожденія, пріобрѣтенныя покупкою, но

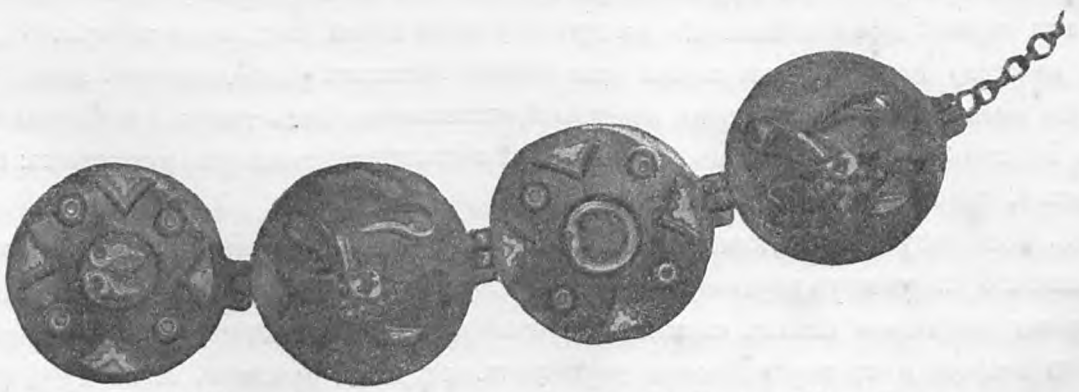

Рис. 68. Часть цѣпи изъ 10 эмалевыхъ бляшекъ, изъ Кіева, въ Музеѣ Порѣчья.

[1]) Въ Моск. Румянцов. Музеѣ № 2509—12 и Историч. Музеѣ въ 7 залѣ: вещи какъ будто подѣлены между двумя собраніями, такъ что въ каждомъ есть браслеты, серьги и гривны.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

безъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о мѣстѣ и времени находки. Подвѣски отлично сохранились, включительно до скобочекъ для жемчужной обнизи. По обѣимъ сторонамъ исполнены тонко эмали рѣзныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, красно-кирпичнаго, пепельно-голубаго, бирюзоваго и темно-лиловаго. Сюжеты представляютъ: съ лица двухъ птицъ по сторонамъ дерева, а на оборотѣ: въ срединѣ кружокъ съ розеткою и вокругъ три кружка и четыре вырѣзки въ формѣ трапеціи, какъ будто бы это были вырѣзки для продѣтаго вѣнчика или такъ наз. нимба, который былъ бы продѣтъ съ испода лентою вокругъ: очевидно круглыя и четыреугольныя вырѣзки замѣняютъ гнѣзда съ камнями, городчатый же орнаментъ, въ нихъ исполненный, уже уподобляетъ все вмѣстѣ вѣнчику, діадемѣ или лентѣ, повязкѣ вокругъ головы, а затѣмъ и всякой повязкѣ на освященномъ предметѣ, которая сначала имѣла значеніе религіознаго посвященія, жертвы, а потомъ украшенія (рис. 69—73).

Между находками, происходящими изъ Кіева (нѣсколько экз. (рис. 69—73) въ Минцъ-Кабинетѣ Кіев. Унив. № 148—151, 1009, 1495, 2716, 3388 и 3390), часто встрѣчаются перстни,

Рис. 69—73. Перстни золотые и серебряные изъ Кіева. Минцъ-Каб. Кіев. Ун.

но рѣдко золотые, и то уже не съ характеромъ печати (перстни съ печаткою почти исключительно серебряные или даже мѣдные), а вообще декоративные женскіе перстни или кольца; вмѣсто печатки нерѣдко можно встрѣтить или украшеніе сканью, или чернью исполненный орнаментъ, или камень и имитаціи камней въ гнѣздахъ, изъ камней всего чаще изумрудъ и гранатъ. Одинъ перстень, найденный въ усадьбѣ Климовича у Десятинной церкви, украшенъ крестами, исполненными наколомъ (Кіев. Унив. № 1235), другіе монограммами греко-византійскими, эмблематическими львами, грифонами и пр.; чаще всего чернью, рѣзьбою и пр. Большинство принадлежитъ Кіевскому періоду древней Руси—IX—XII стол., но есть и болѣе древніе перстни, украшенные кораллами, принесенными, какъ мода, изъ Средней Азіи и составившими моду для издѣлій Ю. Россіи еще во времена Готѳовъ (№ 2844).

Въ 1827 году, въ томъ же Кіевѣ, на Львовской улицѣ, въ домѣ Августиновича, въ Старомъ Городѣ, при копаніи погреба, найдены [1]), въ мѣдномъ котелкѣ, слѣдующія золотыя вещи: цѣпь изъ 23 полыхъ внутри бляхъ, вѣсомъ 16½ золотниковъ (нынѣ хранимая въ Средневѣковомъ Отдѣленіи Эрмитажа и издаваемая нами на табл. X), двѣ сережныя подвѣски,

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ кладѣ находятся въ Дѣлѣ Имп. Эрмитажа 1829 года № 22, по Архиву № 140, розысканномъ бар. В. Г. Тизенгаузеномъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

вѣсомъ 12½ зол., части другой пары, обрывки тонкой золотой цѣпочки и одиннадцать скобочекъ (вѣсомъ 14¼ зол.), при этомъ около сотни зеренъ мелкаго жемчуга. Изъ «дѣла» извѣстно, что всѣ эти вещи были пересланы, для храненія, въ Имп. Эрмитажъ, Кёлеру, но въ настоящее время, съ передачею русскихъ древностей въ Средневѣковое Отдѣленіе Эрмитажа, можетъ быть указана между вещами «неизвѣстнаго происхожденія» только цѣпь изъ золотыхъ бляшекъ и, быть можетъ, пара золотыхъ серегъ съ эмалью, издаваемая на той же X таблицѣ.

Золотой медальонъ (табл. XV, I), шириною 0,03 м. въ поперечникѣ, съ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя [1]) погрудь съ Евангеліемъ въ рукахъ, найденный проф. Ставровскимъ, на старомъ Кіевѣ, *въ усадьбѣ Королева*, въ 1838 году, и нынѣ находящійся въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета (№ 145), есть не болѣе, какъ эмалевая пластинка, снятая съ оклада или креста, но послужившая затѣмъ тѣльникомъ. Она замѣчательна и по тонкому исполненію эмали лучшаго времени, XI или первой половины XII вѣка, хотя цвѣта эмали сильно измѣнились, а Христосъ облеченъ уже въ лиловый (пурпурный) гиматій *и бирюзовый* хитонъ (позднѣйшій цвѣтъ). Ликъ Христа сохранилъ еще въ темно-каштановыхъ волосахъ и въ округлой головѣ древній типъ, но широта плечъ выдаетъ обычную уже для мозаикъ XI—XII вѣка композицію. Во всякомъ, однако, случаѣ, медальонъ этотъ есть *византійское* произведеніе, скорѣе всего, пластинка, снятая съ оклада Евангелія или иконы и креста и употребленная уже въ Россіи какъ тѣльникъ, чему имѣемъ много примѣровъ. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ медальономъ, въ фундаментахъ древняго зданія, сложеннаго изъ квадратныхъ кирпичей, съ плитками цѣнинными и одною доскою краснаго шифера, найдены [2]) были также: золотые: *крестикъ*, сканная *буса*, четыре *перстня*, пять серебряныхъ монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, то можно предположить, что все вмѣстѣ составляло кладъ.

Черниговскій кладъ 1850 г.

Въ 1850 году въ *Черниговѣ*, при рытьѣ фундамента для постройки зданія пансіона, найденъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ вещей (нынѣ въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета, подъ № 451—7). Между ними встрѣтился обломокъ серебрянаго медальона отъ бармъ съ изображеніемъ креста, какъ на суздальскихъ древностяхъ; далѣе шли обыкновенные предметы: сер. браслеты въ видѣ змѣи, серебряный перстень и пр. Но двѣ золотыхъ сережныхъ подвѣски съ эмалевыми украшеніями и лучевыми коймами (т. наз. черниговскаго типа), происходящія отъ двухъ паръ (кладъ, быть можетъ, былъ распроданъ и разошелся по рукамъ), заслуживаютъ особаго вниманія. На лицевой сторонѣ одной изъ подвѣсокъ (рис. 74) въ маленькомъ эмалевомъ полукругѣ представлено двѣ птички по сторонамъ кружка съ лиліею; на оборотѣ лилія или кринъ. На другой подвѣскѣ (рис. 75) съ лица эмалью представленъ только кружочекъ съ крещатымъ дѣленіемъ и отрѣзки вѣнчика съ аканѳами; оборотная же сторона орнаментирована такъ близко къ Константинопольской серьгѣ И. П. Балашева, и къ Эрмитажной серьгѣ (табл. X и XIV), неизвѣстнаго происхожденія, что уже по этому одному заслуживаетъ нашего

[1]) *В. Б. Антоновичъ, Археологическая карта Кіевской губ.*, стр. 34.
[2]) Изданъ въ соч. *Исторія и памятники виз. эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго*, рис. 58, стр. 196.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 74. Золотая эмалевая серьга изъ Кіева. Минцъ-Каб. Кіевъ. № 456.

Рис. 75. Тоже. № 457.

вниманія. Эмалью украшена здѣсь крохотная лунница, въ ней поле раздѣлено зигзагомъ, и въ углахъ помѣщены листики, бутоны. Затѣмъ вокругъ эмалеваго щитка была жемчужная обнизь, далѣе кайма, украшенная отличною сканью, въ видѣ перегородочекъ, положенныхъ на ребро, и затѣмъ зубчатый бордюръ изъ лучей съ золотыми шляпками на концахъ, вмѣсто жемчужинъ. Дужка была употреблена замѣчательно плоская.

Владимірскій кладъ (таблица XXI), найденный въ 1865 году, былъ, непосредственно послѣ его находки, разсмотрѣнъ такъ подробно и въ научномъ отношеніи тщательно, въ извѣстномъ трактатѣ В. В. Стасова, что нынѣ нуждается не въ новомъ детальномъ описаніи, а лишь въ дополненіяхъ съ точки зрѣнія, нами въ этомъ сочиненіи устанавливаемой. Въ виду также особо важнаго значенія, какое имѣютъ найденные при кладѣ куски матеріи, прежде чуть не единичныя рѣдкости, а нынѣ входящіе, какъ звено, въ длинную цѣпь греко-восточныхъ тканей, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, мы считаемъ необходимымъ отложить до времени анализъ этихъ послѣднихъ вещей, предпочитая сослаться на то же тщательное изслѣдованіе тканей В. В. Стасова, вполнѣ достаточное для знакомства съ ними. Для нашей задачи важны собственно въ издаваемомъ теперь выпускѣ лишь металлическія вещи клада и притомъ спеціально лишь пара подвѣсныхъ колодочекъ, украшенныхъ эмалью. Владимірскій кладъ 1865 г.

I. Послѣ различныхъ кіевскихъ серегъ этого типа, намъ уже извѣстныхъ, владимірскій экземпляръ кажется съ самаго начала неуклюжимъ, аляповатымъ, и не мудрено: колты эти имѣютъ особенную толщину немного болѣе даже 2 сантиметровъ; далѣе, ихъ форма расплывчатаго овала, въ продольной ширинѣ 0,055 м., въ поперечной 0,05 м., съ сильною выпуклостью, представляетъ варварскую утрировку. Дужекъ не сохранилось, но по причинѣ толщины подвѣсокъ, для нихъ были сдѣланы двойныя колечки, разставленныя другъ отъ друга. Далѣе, широкій ободокъ, между двухъ щитковъ устроенный, представляетъ скобочки для жемчужныхъ нитей только въ видѣ едва примѣтныхъ остатковъ возлѣ дужки, и потому даже сомнительно, была ли такая нить въ дѣйствительности на этой парѣ. Желобокъ подъ дужкою такъ широкъ, что былъ полуприкрытъ съ обѣихъ сторонъ тонкими полосками, но сомнительно,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

чтобы первоначальное значеніе полости въ серьгѣ было здѣсь сознательно сохранено. Благодаря внимательности В. В. Стасова, мы знаемъ также низкій аллыяжъ употребленнаго золота. И такъ, на первый взглядъ, эти вещи представляютъ лишь серіи болѣе или менѣе грубыхъ недостатковъ, которые, по ихъ обыденности и мелочности, было бы даже излишне перебирать.

Но когда отъ этихъ мелочей мы обращаемся къ украшающимъ колты эмалямъ, для насъ разомъ выступаетъ ихъ первоклассная важность: эти эмали тождественной фактуры съ эмалями Рязанскаго клада 1822 года и потому являются, очевидно, художественными издѣліями не Кіевской Руси, но сѣверныхъ мастерскихъ Муромо-Рязанской области или Суздальской. И потому мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя техническія подробности.

Краски эмалей отлично сохранились, еще мѣстами не лишились даже первоначальной шлифовки и блеска. Окончательно разрушилась и утратила цвѣтъ только коричневая эмаль волосъ, и что это *не случайность* — доказывается тѣмъ, что она разрушена на обѣихъ серьгахъ въ ликахъ мучениковъ, что конечно, можно видѣть только на оригиналѣ, не на рисункѣ. Поблекла блѣднобирюзовая краска нимбовъ и хитоновъ, но отлично удержала цвѣтъ синяя, свѣтлозеленая и красная. Однако, мѣстами видны въ краскахъ ямки, происходящія отъ дурной плавки. Ленточки оказываются часто или порванными, или заходящими одна за другую, какъ и въ кіевскихъ издѣліяхъ. Но что́ самое любопытное—это извѣстный характеръ рисунка, особая типичность фигуръ, особенно ликовъ, которая обращаетъ на себя вниманіе сходствомъ съ Рязанскими эмалями и окладомъ Мстиславова Евангелія, котораго эмалевые кіотцы съ мучениками, по мнѣнію Г. Д. Филимонова и нашему, исполнены на сѣверѣ Россіи, т. е., по всей вѣроятности, въ Новгородѣ. Значитъ, даже въ такомъ, въ высшей степени технически—трудномъ, даже механическомъ искусствѣ, каковы эмали, исполняемыя при помощи перегородокъ, существуетъ стильный пошибъ опредѣленнаго характера. Правда, изображенія на Мстиславовомъ Евангеліи грубѣе нашихъ и заставляютъ поэтому или относить Владимірскую пару къ эпохѣ болѣе ранней, или, что проще, считать, что мастерскія Новгорода работали хуже византійскихъ.

На владимірскихъ серьгахъ изображены эмалью два святыхъ мученика, скорѣе всего—Св. Димитрій и Св. Георгій (а не Борисъ и Глѣбъ), и потому представлены въ свѣтло-пепельныхъ хитонахъ и синихъ мантіяхъ, держащими у груди кресты, а не въ княжескихъ одеждахъ; оба лика совершенно тождественны, чего не допустилъ бы греческій мастеръ.

2. Обломки трехъ медальоновъ или круглыхъ гривенъ изъ позолоченнаго серебра и при нихъ шесть кусковъ дутыхъ серебряныхъ золоченыхъ бусъ—все, что осталось отъ княжескаго церемоніальнаго нагруднаго убора, и не будь на двухъ обломкахъ сохранившейся фигуры Архангела, а на другихъ крыла и сферы отъ втораго изображенія Архангела, въ этихъ кускахъ не было бы даже прямаго интереса. Между тѣмъ, присутствіе этихъ изображеній переводитъ насъ въ иную среду, непосредственно соприкасающуюся съ Византіею и ея религіозными типами. Очевидно, фигуры архангеловъ исполнены на этихъ медальонахъ въ качествѣ обычныхъ профилактическихъ эмблемъ для погруднаго украшенія воина и притомъ полководца.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

3. Обломки широкаго браслета или наруча изъ листоваго серебра, съ слѣдами позолоты по каймамъ и черни въ фонахъ и изображеніяхъ птицъ: наручъ состоитъ изъ двухъ полуразрушенныхъ створокъ съ шарнирами, на которыхъ въ два пояса идутъ рѣзныя фигурки стоящихъ птицъ, окаймленныя широкою золоченою каймою съ бордюрами изъ жгутовъ. Эти коймы, ведущія свое начало отъ византійскихъ желобковъ для жемчужныхъ пронизокъ, повторялись весьма устойчиво въ XII—XIII вѣкахъ въ русскихъ украшеніяхъ. Далѣе, здѣсь должно отмѣтить насѣчку фона для пріема черневой поливы.

4. Семь аграфовъ или застежекъ изъ золота съ столь сильнымъ аллыяжемъ серебра, что оно кажется даже золоченымъ серебромъ; аграфы состоятъ изъ дрота съ двумя колечками, завернутыми по концамъ для проволоки, которою эти дроты должны были укрѣпляться; на дротахъ укрѣплено сканными нитями по три ажурныхъ бусины, которыхъ восемь прорѣзныхъ кружковъ окаймлены тонкою сканью, наложенною въ два ряда и припаянною. Аграфы эти считаются принадлежностью кафтана, вмѣсто обычныхъ петель, служившею для скрѣпленія разрѣзовъ или бортовъ въ родѣ разрѣзныхъ рукавовъ персидскихъ, нѣкоторыхъ кавказскихъ кафтановъ, лезгинокъ и пр. Впрочемъ объ этой принадлежности одежды мы будемъ говорить въ особомъ мѣстѣ.

5. Пара обломковъ отъ серебряныхъ, позолоченныхъ, тисненыхъ въ листѣ, крестика и крина съ ушкомъ для подвѣски, любопытна какъ указаніе на то, что и крестики подобнаго набора могли употребляться для пронизокъ ожерелья, въ чередованіи съ кринами (см. Кіевскія находки этого рода).

6. Парою овальныхъ и плоскихъ кабошоновъ изъ горнаго хрусталя и парою четвероконечныхъ крестиковъ изъ шифера и серпентина, лишенныхъ оправы, заканчивается содержаніе Владимірскаго клада.

Рязанскій кладъ 1868 г.

Въ Старой Рязани, с. Спасскаго у. Рязанской губ., въ 1868 году былъ найденъ при распахиваніи земли [1]) кладъ серебряныхъ вещей, описываемый нами здѣсь исключительно ради пяти серебряныхъ круглыхъ медальоновъ: большаго срединнаго—0,071 м. съ изображеніемъ креста на разводахъ, двухъ меньшихъ —0,065 м. съ погрудными фигурами Спаса благословляющаго и Богородицы, и двухъ малыхъ съ крестами 0,052. Въ томъ же кладѣ были найдены: одинъ аграфъ изъ лигатурнаго золота съ тремя бусами и двумя ушками для проволоки; пара серебряныхъ подвѣсокъ изъ конусообразной вотолки, украшенной зернью—городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются ажурные наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и зернью; два мѣдныхъ крестика, три великолѣпныхъ бусы, шир. 0,035 м., украшенныхъ тончайшею сканью и зернью; тонкая, на четыре грани плетеная, цѣпь изъ серебра съ наглавниками, держащими проволочное кольцо съ бусиною, но безъ подвѣшеннаго на цѣпи предмета; и наконецъ пять отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ бляшекъ, въ видѣ

---

[1]) Мѣсто находки обозначено въ донесеніи уѣздн. исправника, см. *Дѣло Арх. Комм.* № 10, 1868 г., у большой дороги, въ концѣ вала или земляной насыпи, служившей, по преданію, крѣпостнымъ валомъ Старой Рязани, вблизи извѣстныхъ остатковъ княжескаго терема и собора Св. Бориса и Глѣба, среди которыхъ въ 1836 г. Тихомировымъ было открыто много древностей.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

трехъ орнаментальныхъ крестовъ на подножіи и пара треугольничковъ. Эмаль состоитъ изъ городковъ, срединной лиліи или крина въ кругу, трикветры, бѣлой лиліи и четыре-лепестковой розетки; для того, чтобы выполнить эмаль, надо было углублять лоточки до глубины почти 2 миллиметровъ, и потому углублять самыя бляшки, сильно выбивая ихъ изъ золота, и кромѣ того надо было дѣлать насѣчку на фонѣ. Тѣмъ не менѣе, эмаль хотя и поблекла, но мало пострадала и можно считать даже, что отлично сохранилась; разложился окончательно лишь красный цвѣтъ, и то въ треугольникахъ онъ отлично сохранился. По краямъ всѣхъ бляшекъ есть дырочки для ихъ пришиванія.

Главный предметъ находки составляетъ цѣпь изъ тисненыхъ серебряныхъ бляшекъ, соединенныхъ колечками и связанныхъ въ двухъ промежуточныхъ частяхъ (на плечахъ) цѣпочками; бляшки украшены толстою сканью въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ на разводахъ и крестообразныхъ фигуръ; объ этомъ предметѣ клада говорится ниже въ экскурсѣ о церемоніальныхъ цѣпяхъ.

Кладъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, найденный въ 1872 г. (М. К. Кіев. унив. № 1667—1707) у Десятинной церкви, на углу Десятинной и Владимірской улицъ, въ усадьбѣ Масютина, заключалъ въ себѣ 32 полускобочки (и 12 кусковъ) изъ серебра, каждая съ тремя дырочками и шарниромъ по концамъ, также выгнутыхъ дугою. При этомъ были найдены разрозненныя большія серьги съ ажурными бусинами, украшенными зернью и сканью.

Кіевскій кладъ 1876 г.

Кладъ, извѣстный нынѣ (таблица XV) подъ именемъ Лѣскова, найденъ былъ въ 1876 году, 18 Марта, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ кіевскаго гражданина Игнатія Лѣскова, на углу Большой Владимірской и Десятинной улицъ, слѣдовательно, вблизи отъ Десятинной церкви, однако вовсе не въ ея предѣлахъ, какъ сообщали о томъ первыя извѣстія прессы, оповѣщенной уже въ Апрѣлѣ. По этимъ извѣстіямъ, безъ сомнѣнія, крайне преувеличеннымъ [1]), кладъ представлялъ будто бы, во время его открытія, «груду золотыхъ вещей вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ». Евреи, по словамъ тѣхъ же извѣстій, скупили большую часть золота, платя напр., какъ одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ на Подолѣ, 20 рублей за фунтъ золота, и за 14 серебряныхъ гривенъ другой — всего 90 коп. Рабочіе дарили будто бы другъ другу золотые перстни (ихъ всего послѣ оказалось въ кладѣ *три*). И хотя «не мало вещей, говорятъ, попало и въ руки полиціи», однако, «уцѣлѣла лишь небольшая часть клада». Затѣмъ, прибавлялось, что мѣстные археологи: профессоръ В. Б. Антоновичъ и г. Роговичъ посѣтили Лѣскова, «сохранившаго часть клада» и видѣли «съ двѣ пригоршни золотыхъ украшеній»; что «удалось прослѣдить и за другими» найденными вещами, но можно сказать навѣрно, что тѣхъ, которыя попали къ евреямъ, болѣе не придется видѣть». Въ концѣ слѣдовало и объясненіе этой несчастной судьбы русскихъ кладовъ: «законъ, обязывающій отдавать найденныя старинныя вещи (точнѣе: клады) въ казну за плату по оцѣнкѣ, ведетъ къ тому, что практическіе евреи, избѣгая возиться съ администраціею, уплачиваютъ сами

[1]) «Петербургская Газета» отъ 15 Апр. 1876 печатала выдержку корреспонденціи «Биржевой Газеты» отъ ближайшаго времени.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

себѣ стоимость вещей сплавленнымъ кускомъ золота или серебра». Вотъ взглядъ, почерпнутый корреспондентами въ интеллигентныхъ сферахъ Кіева: кладъ распропалъ, частію, на половину, на двѣ трети—никто даже порядкомъ не потрудился узнать, ни ученыя общества, ни частныя лица, и виноватъ въ этомъ только законъ, который мѣшаетъ заниматься публично распродажею кладовъ, съ аукціона, поштучно, тому, кто больше дастъ, который требуетъ представленія вещей, съ тѣмъ что за нихъ казна возмѣститъ и стоимость матеріала, и цѣнность художественнаго достоинства и цѣну историческаго значенія вещи [1]). Ясно, куда ведетъ подобный взглядъ, проводимый, прежде всего, русской интеллигенціею и столь удобный для скупщиковъ, ставимыхъ подъ ея защиту.

Въ частности, для насъ важно также, что никто не составилъ никакой описи кладу, пока еще можно было сдѣлать, а первая опись, поданная въ Коммиссію, содержитъ въ себѣ даже меньше вещей, чѣмъ сколько ихъ нынѣ находится въ Кіевскомъ Университетскомъ Музеѣ.

Хотя нашъ кладъ былъ старательно уложенъ въ двухъ сосудахъ, мѣдномъ и глиняномъ, однако, не сохранился настолько хорошо, какъ бы слѣдовало (если не предполагать, что цѣпь и другія вещи были первоначально положены въ кускахъ). Кладъ нынѣ сохраняется въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета за №№ 2320—35; двѣ пары золотыхъ серегъ изъ клада поступили будто-бы, по слухамъ, въ частныя собранія [2]). На первомъ мѣстѣ въ кладѣ должно, конечно, поставить пару замѣчательныхъ серегъ съ подвѣсными круглыми и полыми внутри колтами, изъ золота и украшенныхъ эмалями, отличной мѣстной работы. Эти серьги отличаются отъ другихъ кіевскихъ находокъ этого рода во 1-хъ особенно малыми размѣрами: онѣ имѣютъ только 0,04 м. въ поперечникѣ и 0,015 м. толщины всего щитка; во 2-хъ оригинальностью сюжета, взятаго для эмальированія ихъ съ лицевой стороны. Именно, здѣсь впервые эмальеръ прибѣгъ къ орнаментаціи серегъ женскою головкою въ коронѣ, судя по головному убору, видимо, дѣвицы, по распущеннымъ кудрямъ, и вовсе не символическаго, а простаго, декоративнаго значенія. Голова представлена въ кругу, синее поле украшено цвѣтками и цвѣтными бисеринками; корона имѣетъ форму кокошника съ высокимъ уборомъ, украшена начельнымъ рубиномъ и изумрудами; платье дѣвы золотое. Вокругъ этого средняго эмалеваго щитка, лицевая сторона украшена также эмалевыми вѣтками аканѳа, непригляднаго и тяжелаго рисунка. На оборотной сторонѣ двѣ птицы по сторонамъ цвѣточнаго стебля (лиліи?), имѣющаго почти видъ древа жизни, въ краткой схемѣ.

Пара сережныхъ подвѣсокъ изъ клада усадьбы Лѣскова отличается и малыми размѣрами (таб. XV, 12—19) и отличною сохранностью и оригинальностью эмалевыхъ изображеній [3]). За-

---

[1]) Считаемъ важнымъ, для пользы дѣла, упомянуть, что, какъ видно изъ *Дѣла Имп. Арх. Коммиссіи* за № 10, 1876 г., г. Лѣсковъ желалъ съ Петербургской Коммиссіи получить 10.000 рублей, и когда вещи ему были возвращены, въ виду несообразности цѣны, продалъ ихъ Кіевскому Университету за 1000 рублей, будто бы «полностью».

[2]) Кладъ былъ сполна срисованъ для Имп. Археологической Коммиссіи, см. рис. при дѣлѣ № 10, 1876 г.; часть клада, находящаяся въ Музеѣ, сфотографирована Мейеромъ, но описана нами по оригиналамъ.

[3]) Отлично сохранена поверхность и даже скобочки для жемчужныхъ нитей, одна серьга съ краю пробита (для подвѣски?); у одного колта дужки нѣтъ, у другаго средина щитка вдавлена, эмаль на птичкахъ пострадала, на

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

тѣмъ, сравнивая съ колтами усадьбы Есикорскаго и Б. Житомирской улицы, легко замѣчаешь здѣсь болѣе высокую фактуру, точнѣе сказать, исполненіе, при относительно той же техникѣ колта и совершенно тождественномъ пошибѣ въ рисункѣ и краскахъ. Рисунокъ здѣсь отличается большею увѣренностью, выдержанностью, даже правильностью, что особенно легко можно было бы замѣтить, сличивъ контуры лицъ, здѣсь изображенныхъ, съ колтами черниговскими или рязанскими: особенно бросаются въ глаза крайне тонкіе длинные носы, узкая линія кудрей, продолговатый овалъ, поворотъ зрачковъ и взгляда влѣво, а равно ясная форма аканѳовыхъ разводовъ и пр. Переходя къ краскамъ, замѣчаешь также: удивительную чистоту синяго тока, тѣлесный чудный оттѣнокъ общаго тона тѣла въ лицахъ и шеѣ, при чемъ эмаль эта остается полупрозрачною. Въ орнаментахъ красныя коймы сильно разлагаются, но все же сохранились лучше, чѣмъ гдѣ либо.

На лицо изображены женскія головы въ вѣнцахъ, имѣющихъ форму коническихъ кикъ или кокошниковъ, съ двумя бирюзовыми камнями и краснымъ налобнымъ. Волосы распущены кудрями, что указываетъ на дѣвицу, на тѣлѣ намѣчена золотая одежда. Въ полѣ бѣлыя жемчужинки, бѣлыя розеточки, бирюзовыя и красныя крапины. По сторонамъ, въ обычной схемѣ: пальметка въ серединѣ, пара развертывающихся и свернутыхъ листковъ (аканѳа) и два отрѣзочка ихъ, какъ бы продѣтыхъ сквозь золото лентъ.

На оборотѣ двѣ птицы—голуби—по сторонамъ древа, обернувшись къ нему. Древо имѣетъ бѣлый стволъ, бѣлую пальметку на вершинѣ и внизу два корня съ срединнымъ бутономъ, какъ бы была изображена лилія. Очевидно, это и не есть дерево, но таже бѣлая лилія, полевой кринъ съ краснымъ бутономъ цвѣтка. Птицы имѣютъ синюю окраску перьевъ на тѣлѣ и крыльяхъ, одно бирюзовое перо въ хвостѣ и бирюзовую головку.

Нѣкоторая мутность эмали (сравнительно съ чисто византійскими работами X—XI вѣковъ), рѣзкость тона бѣлой эмали, и въ особенности вишневый оттѣнокъ тѣлеснаго цвѣта указываютъ кіевскую плавку XII вѣка.

Въ кладѣ нашлись также двѣ пары подобныхъ сережныхъ подвѣсокъ изъ серебра, и притомъ одна пара большаго размѣра (съ ажурнымъ ободомъ вмѣстѣ, пара имѣетъ 0,063 м.), а другая столь же малаго (0,04 м.), какъ и указанная выше золотая пара. Первая пара имѣетъ, какъ мы сказали, ажурный ободъ, въ видѣ кружевныхъ, изъ плетенія серебряной проволоки, рѣшеточекъ или арочекъ, а внутри, на особыхъ вставныхъ щиткахъ, изъ черни выполнено изображеніе птицы и двухъ птицъ по сторонамъ растенія. На малой парѣ тою же чернью выполнена орнаментація всей подвѣски вѣнчиками и кружками, съ орнаментальными разводами внутри.

Изъ обыкновенныхъ кольчатыхъ серегъ съ насаженными на проволоку бусинами нашлось шесть золотыхъ, не только разныхъ по рисунку, что еще не мѣшало составлять пару,

---

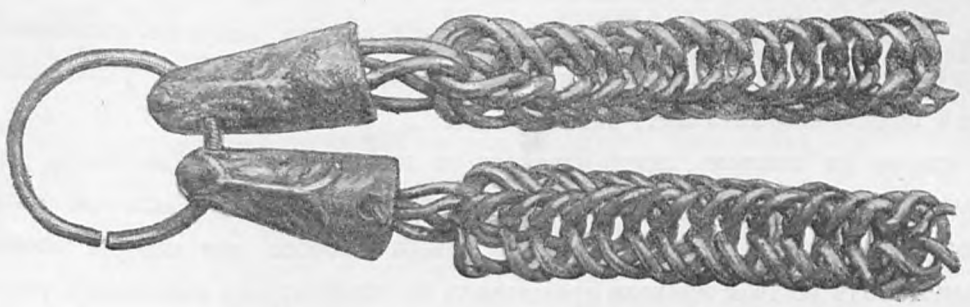
древѣ лоточекъ совершенно обнажился. Превосходная передача нашего снимка, исполненнаго Е. Б. Барсуковою, по рисунку и со стороны измѣнившихся эмалевыхъ красокъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго и не требуетъ здѣсь никакихъ оговорокъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

но и по размѣру, такъ что, повидимому, въ этой части кладъ не полонъ, и три серебряныхъ, также различающихся по величинѣ. По обычаю, золотыя серьги отличаются и болѣе тонкою работою, плетеніемъ изъ тонкихъ золотыхъ нитей, болѣе ажурными формами бусинъ, тогда какъ серебряныя имѣютъ бо̀льшіе размѣры, бусы ихъ съ бисерною зернью, нерѣдко отъ носки сгладившеюся.

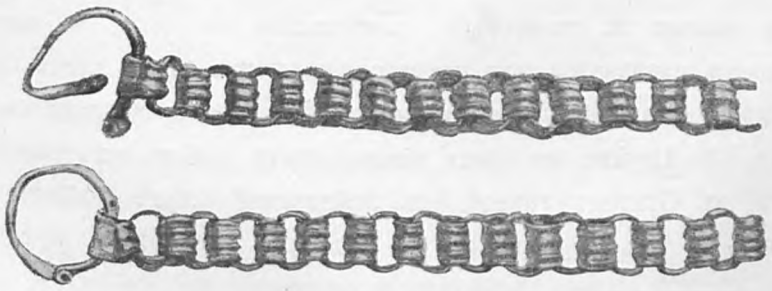
Далѣе, въ кладѣ оказались два перстня, оба изъ золота и съ печаткою, но вырѣзанный на одной печаткѣ крестъ (?) почти сгладился, а на другой отлично сохранилось изображеніе идущаго льва, съ повернутою назадъ головою. Имѣя въ виду значеніе золотыхъ печатей въ Кіевской Руси X—XI вѣковъ и эмблемы льва, можно догадываться, что кладъ принадлежалъ княжескому роду.

Три серебряныхъ браслета изъ толстыхъ, сбитыхъ другъ съ другомъ и свернутыхъ спиралью, лентъ, съ грубою орнаментаціею концовъ зернью и жгутами, мало отвѣчаютъ достоинству прочихъ вещей.

76. Серебряная цѣпь изъ клада усадьбы Лѣскова.

Тѣмъ любопытнѣе, что въ кладѣ имѣются двѣ цѣпи: толстая, тяжелая и большая цѣпь изъ серебра, выполненная (рис. 76) изъ перегнутыхъ колецъ, обрывокъ длиною до 22 вер., съ толстыми наглавниками по концамъ, представляющими обычныя головы змѣй, держащія во рту одно проволочное кольцо, на которомъ могъ находиться также какой либо намъ неизвѣстный предметъ. Эта цѣпь совершенно тождественна съ тѣми большими цѣпями, сѣвернаго типа и стиля, о которыхъ намъ приходится много говорить по поводу кладовъ Черниговскаго и Каневскаго у. Кіевской губерніи.

77. Золотая цѣпочка клада Лѣскова.

Δημόσια Κέντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Другая легкая (рис. 77) цѣпочка золотая, видимо, цѣльная, 17 вер. длины, стало быть, шейная, сдѣлана изъ тонкихъ запаянныхъ кольцомъ ленточекъ, съ выбитыми вдоль кантиками, оканчивается двумя колечками, замыкающимися подобно сережнымъ и служила, очевидно, для ношенія чего то на шеѣ. Однако, какой именно предметъ подвѣшивался на цѣпочку, неизвѣстно, а въ кладѣ никакихъ показаній не имѣлось, и если теперь въ Минцъ-Кабинетѣ ниткою подвѣшена къ цѣпочкѣ найденная (№ 2321) въ кладѣ звѣзда, то сдѣлано это по (неудачной) догадкѣ хранителя. Эта звѣзда (таб. XV, 6, 17) могла бы служить отборнымъ образчикомъ типа этого рода украшеній, если бы лучше сохранилась: въ ней недостаетъ верхняго коромысла, и потому способъ ея подвѣшиванія остается неизвѣстнымъ. По своимъ малымъ размѣрамъ (едва 0,04 м. въ попер.), звѣзда настолько подробно передаетъ всѣ детали, нами находимыя въ крупныхъ образцахъ изъ серебра, что, очевидно, воспроизводитъ типъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, начиная отъ пупырчатыхъ кистей и кончая пуговками, которыми прошивалась сперва металлическая накладка къ кистямъ, а затѣмъ имитировалась работа (passementerie). Характерно и то обстоятельство, что эта звѣздочка оказалась въ кладѣ одна.

Далѣе, въ томъ же кладѣ нашлось (неполное?) золотое ожерелье, состоящее изъ поперемѣннаго (XV, 7—8) набора бусинъ, въ формѣ полыхъ боченочковъ, украшенныхъ ложками, и семи подвѣсокъ, имѣющихъ видъ опущеннаго къ низу цвѣтка (XV, 3) лиліи, который выполненъ сперва на золотомъ листѣ чеканомъ и затѣмъ изъ него вырѣзанъ, работы, поэтому, довольно грубой; острые края вырѣзанныхъ цвѣтковъ должны были бы рѣзать шею, почему можно думать, что ожерелье носилось поверхъ ворота или матеріи вообще.

Наконецъ, кладъ усадьбы Лѣскова представилъ 30 экземпляровъ извѣстныхъ уже золотыхъ (XV, 9, 10, 11) скобочекъ, и притомъ, очевидно, мы имѣемъ здѣсь если не полный наборъ (для неизвѣстной намъ, однако, вещи), то всѣ существенныя части его, и потому могли бы проэктировать реставрацію предмета, если бы мы знали этотъ предметъ. Но, очевидно, пока раскопки не укажутъ точнаго факта приложенія этихъ скобочекъ къ убору, мы останемся при гаданіяхъ и описаніяхъ ихъ внѣшняго вида. Такъ напр. можно сказать, что подборъ скобочекъ содержитъ здѣсь, повидимому, всѣ существенныя части, на томъ именно основаніи, что мы находимъ четыре скобочки (XV, 16) съ покрышкою ихъ полаго бока, и притомъ онѣ составляютъ по расположенію двѣ пары, т. е. если всѣ скобочки подѣлить на два ряда, то эти четыре помѣстятся по концамъ этихъ рядовъ. А такъ какъ указанная покрышка украшена эмалью и, стало быть, помѣщалась на лицо, то естественно думать, что подборъ скобочекъ назначался для парнаго украшенія, напр. плечъ, рукъ и пр., а по нашему предположенію, для обложки или окаймленія ворота, обшлага, косы и т. под.

Кіевскій кладъ у Чайковскаго.

Въ 1876 году, 13 Апрѣля, во время землекопныхъ работъ въ усадьбѣ Юліана Чайковскаго въ Кіевѣ, въ Старомъ городѣ, по Рейтарской улицѣ, найденъ былъ въ землѣ замѣчательный кладъ [1]) изъ серебряныхъ и золотыхъ предметовъ древности въ одномъ

[1]) См. *Дѣло Имп. Арх. Комм.* за № 10, 1876 года.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

мѣстѣ усадьбы, а въ другомъ разныя желѣзныя вещи и предметы, какъ то: языкъ отъ колокола, ножъ, кусокъ удилъ, кусокъ серпа, рыхва отъ колеса, сапожная подкова, засовъ, также свинцовыя пули и пр., очевидно, не имѣвшія ничего общаго съ самимъ кладомъ древностей [1]). Но собственный кладъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ по богатству и можно пожалѣть, что и онъ былъ постигнутъ обычною судьбою русскихъ древностей: изъ 17 нумеровъ клада только 7 поступили, путемъ продажи, въ частныя руки, а отъ нихъ частію въ общественные музеи [2]), прочіе же сплавлены. На основаніи приложенной къ дѣлу описи, мы можемъ, конечно, сказать, что большинство ихъ относилось къ разряду золотыхъ и серебряныхъ серегъ обыкновеннаго кіевскаго типа, не составляющихъ вообще рѣдкости, однако, тамъ была и пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ въ формѣ выпуклыхъ лунницъ, но неизвѣстно, была ли она украшена эмалью. Изъ уцѣлѣвшихъ вещей наиболѣе замѣчательны двѣ серебряныхъ чашки, на ножкахъ, одна съ латинскою надписью [3]); далѣе, двѣ пары браслетовъ изъ плетенныхъ жгутовъ, которыхъ сбитые концы впаяны въ наглавники, одиннадцать серегъ кіевскаго типа серебряныхъ съ тремя бусинами и наконецъ, одна пара серебряныхъ лунницъ подвѣсныхъ и выпуклыхъ, съ ажурнымъ бордюромъ и изображеніями (гравированными, съ чернью) птицъ въ извѣстной схемѣ.

Кіевскій кладъ 1880 г.

Въ замѣчательномъ кладѣ [4]) находки 1880 года (табл. I и II) въ Кіевѣ, по Большой Житомірской улицѣ, близь дома генерала Кувшинова, открытомъ при копаніи водопроводной канавы, на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, оказалось: золотыхъ вещей: три большихъ выпуклыхъ и подвѣсныхъ медальона въ оправѣ и съ эмалевыми изображеніями ликовъ Деисуса (описаны особо ниже), цѣпь изъ 20 выпуклыхъ бляшекъ съ эмалевыми фигурками птицъ, пара подвѣсныхъ серегъ съ эмалевыми изображеніями двухъ Сириновъ, три пуговки съ эмалевыми же птицами, пара серегъ съ тремя бусинами, двѣ подобныхъ серьги отъ разныхъ паръ; три скобочки, одна изъ нихъ съ эмалевымъ щиткомъ, и три ажурныхъ бусины, очевидно, назначавшіяся для цѣпочки, или снура, на которомъ были носимы упомянутые три медальона, которые ими раздѣлялись общепринятымъ способомъ.

Серьги—колты кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы (II, 9, 10) представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ блестящую, съ технической стороны, работу русскаго эмальера. Раковины отличаются большою выпуклостью и имѣютъ большой размѣръ—0,056 м., отлично сохранились, и даже эмаль мало окисла, вовсе не поблекла, что должно приписать хорошей полировкѣ. По каемкѣ вокругъ раковинъ сохранились и четыре скобочки, отъ опоясывавшей серьги жемчужной нити.

Съ лицевой стороны серегъ изображены Сирины попарно, задомъ другъ къ другу, но

---

[1]) См. въ описи №№ 1—17—вещи клада и 18—28—вещи другой находки: эти послѣднія были потомъ владѣльцемъ уничтожены.

[2]) А. В. Звенигородскаго и отъ него въ Музей Школы Штиглица въ С.-Петербургѣ.

[3]) Esto memor+qui reficis ven-ere oro pauperis. См. В. Б. Антоновича l. c. стр. 38.

[4]) См. *Дѣло Имп. Археологической Коммиссіи* за № 12, 1880 года. Въ золотыхъ вещахъ клада вѣсу было 89 зол. 36 д., въ серебряныхъ слиткахъ 12 ф.—90 зол. 78 д. За кладъ назначено къ выдачѣ находчику крестьянину Попову 2000 рублей, но Кіевская Дума вытребовала въ свою пользу половину этой суммы, на правахъ собственника городской земли.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

повернувъ голову en face, по сторонамъ кружочка, въ которомъ, на подобіе цвѣтка, исполнена византійская пальметка, съ лиліею вмѣсто листка пальмы, и красною почкою цвѣтка. Головы Сириновъ окружены нимбами, согласно священному значенію райской птицы, темносиняго, почти темнолиловаго цвѣта, въ красной каймѣ. На головахъ Сириновъ вѣнцы условной формы съ зеленымъ околышемъ и красною тульею, съ краснымъ же камнемъ надъ лбомъ. Кудрявые темнокаштановые волосы обрамляютъ строгій и красивый, чисто византійскій типъ, съ тонкимъ носомъ, малыми губами и высокоподнятыми дугою черными бровями. Тѣло чудной птицы синяго цвѣта съ бѣлыми перушками у шейки и на груди, которыя выражены жемчужными поясками, снабжено пышнымъ, тройнымъ, какъ бы павлинымъ хвостомъ, синяго и изумруднаго цвѣта (красныя коймы съ обѣихъ сторонъ хвоста врядъ ли относятся къ цвѣтамъ оперенія, какъ и койма съ лѣвой стороны тѣла, а скорѣе представляетъ обычную полоску, отдѣляющую золотой ленточный контуръ фигуры отъ края лоточка). Ножки красныя и большія сохраняютъ голубиный типъ. На оборотѣ въ кругу (не особенно кругломъ), по синему фону вписана геометрическая четверочастная фигура съ бѣлыми лилейными разводами, красными почками и ярко зеленымъ полемъ внутри. По сторонамъ кружка два сегмента представляютъ по синему полю акантовый разводъ одной бѣлой вѣтки съ красными почками. Внизу отрѣзокъ въ видѣ треугольника съ городчатымъ рисункомъ.

Въ кладѣ съ Житомірской улицы сохранились также, въ видѣ исключенія, три золотыхъ эмалевыхъ пуговицы, 0,025 м. въ поперечникѣ. Примѣсь къ золоту серебра такъ велика, что исподъ пуговицъ имѣетъ видъ окисленнаго серебра, а вокругъ фигуръ снаружи образовался накипѣвшій окисью ободокъ, какъ будто серебряный (по всей вѣроятности, окаймлявшая всю эмаль ленточка была съ сильнымъ алльяжемъ и отъ сосѣдства металлическихъ окисей разложилась и разбухла). Каждая пуговка имѣетъ по загнутымъ краямъ нѣсколько дырочекъ для пришиванія; на пуговицахъ изображены птицы—тѣже голуби съ загнутымъ къ верху хвостомъ, но тяжелаго, неуклюжаго рисунка, а также линейная пальметка, сохранившаяся въ одномъ экземплярѣ, того же типа, что на цѣпи.

Въ томъ же кладѣ нашлось пятнадцать золотыхъ сережекъ такъ наз. Кіевскаго типа: изъ нихъ четыре пары, и семь разбитыхъ отъ паръ. Между этими семью двѣ заслуживаютъ вниманія: одна съ тремя ажурными бусинами, особенно большаго размѣра, и одна съ тремя же такъ наз. пупырчатыми бусинами (подобіе шерстяныхъ, обтянутыхъ бисеромъ басоновъ). Всѣ прочіе не даютъ ничего новаго противъ подбора типовъ въ кладѣ Есикорскаго.

Въ Кіевскомъ кладѣ съ Б. Житомірской улицы встрѣчены три загадочныя скобочки изъ золота, выгнутыя полукругомъ и снабженныя на одной сторонѣ шарниромъ для продѣванія проволоки, а на другомъ концѣ, на мѣстѣ язычка, двумя дырочками для пришиванія. Во всѣхъ кладахъ эти предметы совершенно тождественны и не разнятся даже орнаментаціею: тѣже три, припаянные вдоль скобочки, перловые штабики и тотъ же щитокъ съ эмалевымъ полукругомъ на немногихъ скобочкахъ, очевидно, образующихъ концы въ серіи этихъ скобочекъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Еще одна догадка, какую мы можемъ пока сдѣлать относительно употребленія этихъ скобочекъ, будетъ относиться къ головному убору. Уже въ VI вѣкѣ въ Византіи возобладали принятые отъ Рима сложные и тяжелые головные уборы женщинъ: мы видимъ на извѣстной равеннской мозаикѣ съ изображеніемъ Ѳеодоры и мозаикахъ ц. Св. Аполлинарія Новаго, какъ, кромѣ искусственно переложенныхъ по головѣ косъ, уборъ осложнялся необходимостью для замужнихъ женщинъ покрывать эту прическу покрывалами изъ тонкихъ восточныхъ матерій. На этихъ мозаикахъ можно видѣть, какъ каждая коса на головѣ, особенно та, которая шла надо лбомъ, особо окутывалась этою матеріею, и потому очевидно, для этого должны были существовать перевязи изъ жемчужныхъ нитей или даже металлическія скобочки. Подобныя приспособленія замѣтны на рисункѣ и перешли въ орнаментацію самыхъ покрывалъ. Чѣмъ далѣе въ Византіи, тѣмъ болѣе форма осложнялась, никогда не исчезая, и потому понятно, что съ переносомъ византійскихъ модъ въ древнюю Россію, мы встрѣчаемъ напр. переложеніе главной косы черезъ всю голову посрединѣ [1]).

Въ кладѣ по Житомірской улицѣ, 1880 года, замѣчателенъ и церковный *водолей* или *рукомойникъ* (aquamanile) (рис. 78) изъ сильно окисленной бронзы, въ формѣ барана (какъ условнаго образа зодіака для Водолея), на спинѣ котораго, вспрыгнувшій на нее и перегнувшійся всѣмъ тѣломъ, драконъ образуетъ ручку сосуда. Фигура покрыта сплошь окисью, имѣющей мѣстами видъ патины, мѣстами же пузырчатой накипи, которая тогда совсѣмъ закрываетъ тонкую, хотя сухую и ремесленную работу рѣзцомъ и тщательную отдѣлку деталей. Общая композиція подавшейся впередъ и какъ бы приготовившейся къ прыжку фигуры захваченнаго въ расплохъ животнаго не лишена жизни, но, видимо, скопирована съ лучшаго оригинала. Намѣренно усиленная стильность, сказывающаяся въ непомѣрно широкомъ передѣ и узкомъ задѣ, также отвѣчаетъ копіи, которая воспроизводитъ натуралистическіе типы древняго восточнаго искусства. Въ изгибѣ дракона, вцѣпившагося въ шею барана, видна ярость и эластичность гада, хотя хвостъ его оканчивается условною пальметкою. Волосы на головѣ и вокругъ глазъ раздѣланы мелкими штрихами или черточками. Отъ крышечки, замыкавшей треугольное отверстіе въ головѣ животнаго, сохранился только шарниръ: конецъ выводной трубочки во рту сбитъ. Наиболѣе важныя данныя открываются, при сравненіи фигуры этого рукомойника съ средневѣковыми бронзовыми сосудами этого рода, вышедшими изъ мастерскихъ Баваріи, въ эпоху съ конца XI-го по XIV вѣкъ включительно, и представленными нынѣ въ значительномъ числѣ въ европейскихъ музеяхъ [2]). Что основной типъ этихъ фигурныхъ сосудовъ въ видѣ льва, оленя, грифона, сфинкса, сирены, также всадника, коннаго воина и пр., идетъ съ Востока, а именно изъ Персіи,

[1]) См. рис. въ изображеніи Св. Варвары на сер. братинѣ XV вѣка въ *Древностяхъ Россійскаго Государства*, отд. I, рис. 45; рисунокъ отнесенъ Костомаровымъ къ типамъ XII—XIII вѣковъ въ *Русскихъ Историческихъ одеждахъ* Стрекалова, СПБ. 1877, стр. 17, рис. 18, таблица 17.

[2]) Labarte, *Histoire des arts industriels*, 1864, I p. 353. Сосуды изъ быв. колл. Базилевскаго въ Средневѣк. Отд. Эрмитажа, см. составленный мною *Указатель* 1891 года, XII-й *залъ эмалей*, № 3, 4, 38, 48, 53, 56, 57, стр. 227—8. См. также три рисунка подобныхъ водолеевъ въ изд. *Norske Voegtlodder fra fiortende Aarhundrede.* Af. Holmboe. Извл. изъ Videnск. Selsk. Forhandlinger for 1869. Ворсо, *Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ.* СПБ. 1861, рис. 535—6.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и уже черезъ Византію распространился по южной Европѣ, въ томъ нельзя сомнѣваться нынѣ, на основаніи находокъ Кавказа и Крыма и характерныхъ особенностей стиля. Къ сожалѣнію, находки византійскаго Херсона ограничиваются пока глиняными рукомойниками, и то въ обломкахъ. Недалекое будущее представитъ, конечно, рядъ находокъ подобнаго рода изъ бронзы на

Рис. 78.

Кавказѣ и христіанскомъ Востокѣ, и пока простое сличеніе нашей фигуры кіевскаго клада съ средневѣковыми, грубыми и неуклюже дѣтскими копіями, достаточно, чтобы указать въ нашей фигурѣ ихъ оригиналъ, очевидно, восточнаго производства.

Данный сосудъ весьма подтверждаетъ церковное происхожденіе всего клада, такъ какъ малый размѣръ сосуда наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ церковнаго «водолея», а не домашняго рукомойника. И вообще, гдѣ ни встрѣчались подобные сосуды, ихъ церковное происхожденіе открывалось всякими прямыми и побочными обстоятельствами.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Къ 1882 году относится находка [1]) въ окрестностяхъ Десятинной церкви, въ усадьбѣ б. Климовича (нынѣ кн. Трубецкаго, Кривцова и Агѣева), гдѣ были раскрыты и осмотрѣны древніе фундаменты неизвѣстнаго каменнаго зданія извѣстнымъ собирателемъ древностей А. В. Звенигородскимъ. Во время этихъ раскопокъ и ранѣе найдено было множество древнихъ предметовъ, а именно: обломки штукатурки, покрытой фресками, зерна мусіи (мозаическіе кубики), два золотыхъ перстня; серебряные предметы: восемь серегъ кіевскаго типа, пряжка и цѣпочка, желѣзная булавка въ серебряной отдѣлкѣ, шесть монетныхъ гривенъ кіевскаго типа, обломки бронзовыхъ бляхъ и рѣшетокъ и пр., что уже не подходитъ къ обычнымъ предметамъ кладовъ, но составляетъ находки городищъ, а на этомъ именно мѣстѣ, на основаніи лѣтописныхъ текстовъ, предполагаютъ въ древности существованіе княжескаго терема.

Въ 1883 году въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губ., въ Мироновскомъ у. фольваркѣ найденъ былъ большой кладъ.

Кладъ, открытый въ 1883 г. на погостѣ собора въ г. Черниговѣ (табл. XIII), значительно дополняетъ извѣстные намъ кіевскіе типы, такъ какъ принадлежащая къ кладу пара сережныхъ подвѣсокъ составляетъ, вмѣстѣ съ другою Черниговскою-же парою, ближайшій варіантъ основнаго византійскаго типа. Кладъ, явно, сборный, и хотя доставленъ въ Арх. Коммиссію прямо соборною ризницею, однако, очевидно, не полонъ и лишенъ, въ теперешнемъ видѣ, той цѣльности предметовъ, которая необходима для ихъ критики.

Такъ, мы имѣемъ въ этомъ кладѣ два обрывка толстыхъ цѣпей изъ серебра, но не имѣемъ предметовъ, которые были на нихъ подвѣшены. Всѣ шесть серегъ разнятся другъ отъ друга не только орнаментаціею бусъ, но и размѣрами, такъ что, очевидно, не даютъ ни одной пары. Наконецъ, въ кладѣ сохранились почему-то одна шиферная пряслица и кусокъ серебряной проволоки, согнутой крючкомъ.

Изъ вещей только пара сережныхъ подвѣсокъ и отчасти серебряныя цѣпи имѣютъ значеніе. А именно: сережныя подвѣски этого клада вмѣстѣ съ парою серегъ, находящеюся въ Эрмитажѣ (табл. X) и предполагаемой также Черниговскаго происхожденія, могутъ быть непосредственно сравниваемы съ прототипомъ, нами открываемымъ въ византійскихъ серьгахъ собранія И. П. Балашова (табл. XIV). Серьга представляетъ, однако, уже не раковинку, но нѣчто въ родѣ карманныхъ часовъ, линзы: вмѣсто колодочки, здѣсь имѣемъ внутренній кружокъ, или корпусъ, украшенный на обѣихъ сторонахъ повышенною эмалевою бляшкою посреди. Эмаль на той и другой сторонѣ только декоративная: внутри краснаго бордюра бирюзовая пальметка съ пятичастною лилейною верхушкою на синемъ полѣ. Кругомъ выпуклаго медальона широкая кайма назначалась для низки жемчуга, которая и сохранилась, кстати, на одномъ экземплярѣ. Вторая кайма уже украшена подобіемъ жемчужной низки, выполненнымъ въ золотѣ чеканомъ. Наконецъ, внѣшній бордюръ представляетъ рядъ насаженныхъ вокругъ серьги жемчужныхъ маковокъ, но на этотъ разъ не на спенькахъ, а на самой зубчатой каймѣ, которой кончается листъ, покрывающій, такъ сказать, серьгу съ каждой стороны, такъ что

[1]) *В. Б. Антоновича Арх. карта Кіевской губерніи*, стр. 34.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

фестончатыя или зубчатыя вырѣзки листа по двое сведены подъ одну шапочку, какъ-бы подъ головку гриба. Сообразно съ круглою формою серьги, дужка вышла уже не такою плоскою, а выше обыкновенной, и вся серьга наиболѣе походитъ на такъ наз. *панагію*.

Въ 1885 году въ Васильковѣ найденъ кладъ изъ золотыхъ слитковъ (монетныхъ гривенъ?) и золотыя серьги; онѣ были проданы евреямъ [1]).

Кладъ (таблица XI), найденный въ городѣ Черниговѣ, на Александровской площади, особенно замѣчателенъ золотымъ ожерельемъ и парою золотыхъ серегъ колтовъ; большинство прочихъ предметовъ клада мало даютъ новаго. Изъ нихъ одна створка серебрянаго браслета (въ шир. 0,04), въ видѣ широкой ленты, хотя разрушена отъ сильной окиси, сохранила еще въ одной арочкѣ грифона, въ другой символическій узелъ и маленькіе узлы въ арочныхъ тимпанахъ. Толстая серебряная цѣпь является въ кладѣ только въ видѣ обрывка. Въ кладѣ дошло также шесть шиферныхъ пряслицъ, изъ которыхъ двѣ покрыты рѣзными знаками, напоминающими буквы.

Но болѣе замѣчательны 13 оригинальныхъ дутыхъ бляшекъ, т. е. сдѣланныхъ изъ тонкаго листоваго золота и внутри полыхъ, имѣющихъ форму плоскихъ валиковъ, длиною 0,017 м. и шириною пол-сантиметра, съ припаяннымъ снизу донышкомъ изъ листа; каждый валикъ орнаментированъ по концамъ рубчиками, какъ бы отъ перетяжки матерчатой подушечки, а по краямъ снабженъ тремя дырочками для продѣванія нитей, на которыхъ должно держаться затѣмъ все ожерелье. Такого рода подвижныя и слегка звенящія ожерелья особенно часто встрѣчаются въ позднѣйшихъ суздальскихъ кладахъ, но тамъ валики бываютъ всегда сдѣланы изъ серебра и крупнѣе размѣрами. Настоящій кладъ единственный, въ которомъ этотъ наборъ выполненъ изъ золота, и такъ какъ этого рода ожерелья стоятъ очень близко къ своему оригиналу, то отсюда понятенъ интересъ предметовъ.

Пара серегъ — колтовъ Черниговскаго клада замѣчательна уже своими размѣрами: это самыя маленькія серьги этого типа: всего 0,037 м. въ ширину и 0,032 въ вертикальномъ поперечникѣ. Серьги значительно пострадали, и оборотная дощечка одной провалилась, но дужки, ихъ шарниры и скобочки для жемчуга сохранились, а цвѣта эмали почти не измѣнились. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ для нашихъ вещей важнѣе, что мы можемъ легко и неопровержимо доказать ихъ русское происхожденіе, на основаніи тѣхъ особенныхъ ошибокъ въ драпировкѣ одеждъ, которыя не возможны и никогда не встрѣчаются въ настоящихъ византійскихъ произведеніяхъ.

На лицевой сторонѣ серегъ изображены двое святыхъ мучениковъ, близкаго, почти тождественнаго рисунка: оба въ юномъ возрастѣ, съ кудрявыми волосами, падающими на шею, и перевязанными у одного на макушкѣ золотымъ шнуромъ, оба въ богатыхъ и пестро-украшенныхъ патриціанскихъ одеждахъ, оба держатъ въ правой рукѣ крестъ, тогда какъ лѣвая рука предполагается спрятанною подъ мантію; разнятся по рисунку развѣ лишь кресты, да и то только тѣмъ, что одинъ повыше и лучше выполненъ, и вышивки на одеждахъ иначе

[1]) В. Б. Антоновича *Карта Кіев. губ.* стр. 45.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

расположены. Такимъ образомъ, и въ самомъ тождествѣ святыхъ мучениковъ,—кто бы они ни были: Георгій и Димитрій, или же Борисъ и Глѣбъ,—нельзя не усмотрѣть извѣстной небрежности мастера: Грекъ эмальеръ—всегда отличилъ бы прическою и даже чертами лица Георгія и Димитрія, а для русскаго мастера было обязательно сохранить типическія черты Бориса, болѣе мужественнаго, и Глѣба, болѣе юнаго: эти черты смѣшиваются развѣ на шитьѣ жемчугомъ и шелками, но сохраняются даже эмалями, какъ можно видѣть на Рязанскихъ бармахъ.

А такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ отличительныхъ для Бориса и Глѣба шапокъ, то остается принять фигуру мучениковъ по-грудь за изображенія великомучениковъ Георгія и Димитрія, которые и на византійскихъ эмаляхъ отличены бываютъ такою же патриціанскою одеждою [1]). Эта одежда есть мятль, мантія или хламида, накинутая съ лѣваго плеча и застегнутая на правомъ, что на нашихъ эмаляхъ выполнено очень посредственно и неясно, а фибулы и вовсе нѣтъ. Далѣе, плащъ здѣсь бѣлаго цвѣта, и хотя намъ такія мантіи извѣстны, но именно у Георгія и Димитрія никогда не встрѣчаются, да и вообще неизвѣстны на памятникахъ византійскаго искусства, и мы не можемъ объяснить себѣ этого цвѣта, принятаго эмальеромъ, иначе, какъ тѣмъ, что у него не хватало красокъ, напр. не было краски для хрома, золота, и пр. Украшенія этого мятля обычно принятыя: это тѣже красные и зеленые листья плюща, условно представляемаго въ видѣ какихъ-то сердечекъ и образовавшаго потомъ въ картахъ керы или черви и пики или вини, которыя намъ извѣстны на византійскихъ одеждахъ, получившихъ потому и прозваніе. Въ данномъ случаѣ рисунокъ листьевъ окончательно искаженъ, а цвѣтъ иныхъ сталъ пепельно-голубымъ, равно какъ точки или кружочки, долженствующіе представлять жемчугъ, стали красными. Но болѣе всего отступленій замѣчается въ крупной нашивкѣ на плечѣ, въ видѣ краснаго круга съ вписаннымъ въ него городчатымъ крестомъ: эта нашивка опустилась къ самому локтю. Далѣе, обычный табліонъ на краю мантіи, приходящійся всегда на груди подъ застежкою, здѣсь попалъ на правое плечо и имѣетъ странный видъ: вмѣсто золотаго четыреугольника бѣлый въ красныхъ каймахъ, имѣющихъ видъ жезловъ, а сверху синій треугольный щипецъ придаетъ всему видъ какого то трона. Наконецъ, мантія не имѣетъ краевъ, настолько, что бѣлая эмаль не отдѣлена отъ синей—цвѣта хитона, и слилась съ нею, и хотя эмальеръ воспользовался крестомъ, какъ предѣльною чертою, до которой онъ насыпалъ бѣлаго порошку, но, видимо, самъ не понималъ рисунка и не зналъ, гдѣ и какъ закончить пространство бѣлой эмали, слѣпо копируя дурной, вѣроятно, разрушенный или выцвѣтшій оригиналъ. Важно, что совершенно тѣже ошибки и таже нелѣпость рисунка повторены на обоихъ экземплярахъ. Рукавъ правой руки оказался зеленымъ, бирюзоваго цвѣта, вѣроятно потому, что долженъ представлять собою рубашку—ὑποκαμίσιον: вмѣсто золотаго наруча—здѣсь красный, и за нимъ могла быть видна *подъ хитономъ* часть рубашки, но здѣсь зеленый цвѣтъ, хотя подрѣзанъ снизу, для того, чтобы какъ будто, показать, что рукавъ рубашки узкій (какъ и правильно должно быть), все-таки протянутъ до конца, а не обрѣзанъ широкимъ рукавомъ хитона.

[1]) См. *Византійскія эмали*, собраніе А. В. Звенигородскаго, рисунки на таблицахъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

По сторонамъ святыхъ два отрѣзка вѣнчика украшены по синему полю городчатыми крестами—бѣлыми и красными. На оборотѣ тѣже части вѣнчика, а въ срединѣ межь нихъ грубо, хотя пышно, переданная лилейная пальметка: условная схема цвѣтка полевой лиліи, пышно распускающагося на сухой степи крина, здѣсь превратилась уже въ искусственное, фантастическое дерево: земля синяго цвѣта покрыта городчатыми крестами, какъ бы мозаическій полъ, и на немъ синій толстый стволъ съ двумя перекрученными вѣтками, тоже толстыми и тоже синими, такъ какъ синій цвѣтъ здѣсь вмѣсто зеленаго, а вѣтки вмѣсто акантовыхъ листьевъ. Въ данномъ случаѣ, внутри синихъ стволовъ, вѣтки исполнены бѣлою эмалью, согласно съ манерою поздневизантійскаго искусства, которыя всѣ блики и всѣ освѣщенныя части, равно коймы, края и пр. дѣлала бѣлилами, и представляла бѣлыми въ эмали; въ срединѣ растенія круглый бутонъ—бывшая красная почка—превратилась теперь въ сложный типъ зеленой и бѣлой сердцевины съ разводами усиковъ и красными ягодками. Такимъ образомъ, изъ основнаго реальнаго типа византійское искусство выработало орнаментальную схему: этотъ орнаментъ, не понятый, искаженный въ преувеличенной передачѣ, разросся въ нѣчто монструозное, сталъ фантастическимъ, волшебнымъ, или, какъ говорили въ старину—*мысленнымъ*, т. е. духовнымъ. Повторилась, стало быть, обычная исторія въ переходѣ византійскаго типа въ народныя производства средневѣковаго, такъ наз. романскаго періода: и то, что прежде считалось измышленіемъ поэтическаго генія свѣжихъ народностей, миѳомъ, является въ анализѣ памятниковъ не болѣе какъ игрушкою, которая, отъ забвенія стала символомъ и даже предметомъ страха—таинственнымъ знакомъ, талисманомъ.

Кіевскій кладъ ус. Есикорскаго.

Въ 1885 году, въ томъ же Кіевѣ, въ Старокіевскомъ участкѣ, по Троицкому переулку, противъ соборнаго дома при Софійскомъ соборѣ, въ усадьбѣ Д. С. С. М. Есикорскаго, при рытьи фундамента, найденъ былъ замѣчательный кладъ, положенный въ глиняный (рис. 79) горшокъ, съ ручкою, прикрытый сверху небольшимъ (рис. 80) глинянымъ же ковшомъ. Кладъ этотъ, при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ, обратилъ на себя вниманіе мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, приложившихъ свое стараніе къ его сохраненію въ совершенной полнотѣ и томъ состояніи, какъ онъ былъ найденъ, а затѣмъ, благодаря своевременнымъ хлопотамъ и усиліямъ Археологической Коммиссіи и щедрому вознагражденію, за него предложенному, пріобрѣтенъ для Императорскаго Эрмитажа, гдѣ въ настоящее время и сохраняется въ Средневѣковомъ Отдѣленіи.

Въ кладѣ (таблицы III—V) оказалось: 1) девять серебряныхъ слитковъ (III, 10) или гривенъ; 2) два заржавленныхъ желѣзныхъ замка; къ одному изъ нихъ (V, 15) приржавѣли восемь серебряныхъ полуцилиндрическихъ колодочекъ отъ ожерелья, и кусочекъ ткани; 3) двѣ серебряныхъ (III, 5, 6) сережныхъ подвѣски, украшенныя орнаментами чернью, съ кусками цѣпочки; 4) сорокъ пять серебряныхъ колодочекъ (III, 1), изъ нихъ пять поломанныхъ, отъ мониста; 5) двѣ золотыхъ сережныхъ (III, 2, 3) подвѣски съ эмалевыми изображеніями птицы Сиринъ; 6) шейный серебряный (V, 10) обручъ; 7) три серебряныхъ (V, 9) браслета; 8) тридцать золотыхъ сережекъ (IV) изъ проволоки съ насаженными (по три) ажурными и дутыми

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 79. Горшокъ съ кладомъ 1885 г. въ усадьбѣ Есикорскаго.

бусинами; 9) одна электровая сережная подвѣска; 10) двѣнадцать колечекъ (Ш, 4) изъ золотой проволоки; 11) одно колечко изъ электровой проволоки; 12) одинъ золотой перстень (V, 3) съ аметистомъ; 13) одно золотое (V, 14) кольцо, не спаянное, безъ гнѣзда; 14) семь (V, 2—8) серебряныхъ перстней; 15) два наконечника (V, 11—12) отъ маленькаго ножа; 16) одна пряслица (V, 16) съ надписью (найдена особо отъ клада); 17) двадцать одна серебряная серьга; 18) двѣ серебряныхъ серьги, поломанныхъ; 19) обломки отъ серебряныхъ серегъ (дужка и бусы); 20) волосъ (между стеклами); 21) остатки матеріи и галуна; 22) одинъ цѣлый изразецъ жженой глины и куски другихъ, найденные особо отъ клада, и 23) глиняный горшокъ, съ крышкою, въ которомъ кладъ былъ найденъ.

Самый горшокъ, содержавшій въ себѣ древности, и ковшъ, его покрывавшій, крайне грубой работы, лѣплены изъ сырой глины, и имѣютъ толстыя стѣнки, но сдѣланы на кружалѣ. Первый украшенъ подъ шейкою двумя рядами тройныхъ перепоясокъ какъ бы лыкомъ и коемкою изъ ямокъ, подражающихъ опояскамъ изъ раковинъ—извѣстное украшеніе профилактическаго характера въ простѣйшемъ гончарствѣ; горшокъ принадлежитъ къ кухонной утвари. Болѣе тонкаго рисунка второй сосудъ—ковшъ, съ профилемъ въ формѣ такъ называемаго гуська. Помѣщеніе клада въ этой утвари, быть можетъ, указываетъ косвенно на тревожныя времена, когда кладъ былъ зарытъ наскоро, т. е., по всей вѣроятности, на эпоху нашествія Монголовъ.

Рис. 80. Покрышка отъ горшка того же клада 1885 г.

Тревожными обстоятельствами, сопровождавшими зарытіе клада, объясняется находка въ горшкѣ обломковъ большаго сосуда, изъ тонкой бронзы и особенно остатковъ льняной матеріи, хотя сильно сотлѣвшей и принявшей отъ желѣзной ржавчины бурый цвѣтъ, но съ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

сохранившимися еще въ матеріи и протканными въ ней золотыми нитями въ обрывкахъ, что указываетъ на дорогой кусокъ. Появленіе этого куска въ горшкѣ легко объясняется желаніемъ завернуть въ него тѣ или другія особенно драгоцѣнныя вещи.

Труднѣе объяснить появленіе въ кладѣ разрушенныхъ и скипѣвшихся отъ ржавчины двухъ желѣзныхъ висячихъ замочковъ: одного побольше и другаго вдвое меньше, длиною 0,04 м.; на большомъ прикипѣлъ указанный кусокъ матеріи и восемь штукъ серебряныхъ полуцилиндриковъ, о которыхъ скажемъ ниже. Очевидно, прежде всего, что этотъ замочекъ не былъ взятъ для запора и между тѣмъ не могъ принадлежать къ числу вещей, настолько дорогихъ и необыкновенныхъ, чтобы попасть въ кладъ, а также замокъ не можетъ представлять собою и такой вещи, которая сама, такъ сказать, попадаетъ подъ руку и можетъ случайно попасть въ кладъ.

Повидимому, мы должны объяснять себѣ появленіе этого замка въ кладѣ суевѣрною связью *замка* съ *кладомъ*, явившеюся въ народныхъ вѣрованіяхъ въ самую древнѣйшую пору ознакомленія съ этимъ инструментомъ.

Рис. 81. Ножевый черенокъ изъ клада Есикорскаго.

Далѣе, въ качествѣ обломковъ, хотя серебра, въ кладъ попали четыре куска серебряной оправы черенка отъ ножика, который, можетъ быть, и находился въ кладѣ, но разсыпался отъ ржавчины. Черенокъ былъ превосходно выполненъ по гранямъ тонкою орнаментовкою такъ называемаго романскаго стиля: по лицевой сторонѣ плетеніями ленточными съ птицами, на исподѣ рѣшетчатымъ рисункомъ. Птицы геральдическаго типа, или клюютъ вѣтви растеній, переплетающихся вокругъ, или стоятъ попарно—по концамъ черенка—связанные между собою развѣтвленіями своихъ хвостовъ, образующими посреди птицъ поднимающуюся вверхъ декоративную пальметку или лилію. Пальметка дана здѣсь въ обычной сухой византійской формѣ.

Болѣе интереса представляетъ лилія или такъ называемый *кринъ сельный*, т. е. полевая или степная лилія, растеніе, столь обычное во всей Сиріи и усвоенное византійскимъ искусствомъ съ Востока. Здѣсь, вмѣсто обычной схемы въ видѣ острія копья съ отогнутыми завитками (ср. также рисунокъ на серьгѣ изъ Льгова), находимъ сложную фигуру, которая напоминаетъ подобныя монограммы на датскихъ и англо-саксонскихъ монетахъ XII вѣка, равно какъ и фигуру загадочнаго знака на монетахъ Кіевскаго великаго княженія.

Наконецъ, въ кладѣ оказались девять (т. наз. кіевскихъ) серебряныхъ гривенъ или рублей, вѣсомъ въ $3^1/_4$ фунта, каждая вѣсомъ около 36 зол., т. е. половины византійскаго фунта, вѣсившаго 76 зол.

Сверхъ того, также въ качествѣ денежныхъ знаковъ и, слѣдовательно, скопленнаго капитала, 12 колечекъ изъ золотой проволоки, вѣрнѣе кусковъ (опредѣленнаго вѣса) золотой проволоки, согнутыхъ, для удобства, кольцомъ, но не образующихъ кольца (и потому полу-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

чившихъ въ археологіи совершенно неумѣстное и невѣрное названіе спиралей), одно колечко электровое и одно изъ серебряной проволоки. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ древняго названія этихъ знаковъ.

Единственный перстень изъ золота, найденный въ кладѣ, относится къ числу базарныхъ продуктовъ: на колечкѣ изъ тонкой проволоки въ гладкомъ гнѣздѣ вставленъ яхонтъ слабо-розоваго цвѣта.

Болѣе интереса представляютъ семь серебряныхъ перстней, очевидно, бывшихъ въ употребленіи и даже служившихъ своими печатками, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сильно стерты. Всѣ перстни состоятъ изъ широкаго колечка, или въ видѣ гладкой ленты, или ажурнаго, или даже расчлененнаго на три лапки; на кольцѣ укрѣплена печатка въ видѣ особой прямоугольной пластинки или щитка, на которомъ въ формѣ ромба или крестообразной фигурки устроено поле для печатки, повышенное и гладкое. Углы вокругъ ромба или креста заполнены византійскими разводами вглубь, наполненными чернью.

Рис. 82. Пряслица изъ клада Есикорскаго.

На одной печаткѣ вырѣзанъ вглубь идущій левъ съ поднятою правою лапою и причудливо закинутымъ хвостомъ (типъ этотъ встрѣчается и на монетахъ); полукруглыя поля внѣ печатки орнаментированы вѣткою аканѳа. На другихъ печаткахъ вырѣзанъ исключительно, крестъ, или его схема въ декоративной рѣзьбѣ вглубь, дающей отпечатокъ.

Одна встрѣченная въ кладѣ Есикорскаго каменная пряслица (рис. 82) изъ краснаго шифера, очевидно, потому показалась собственникамъ предметомъ драгоцѣннымъ, стоющимъ сохраненія, что на ней были начерчены слова, а вещи съ надписями были рѣдки. На лицевой сторонѣ написано уставными буквами: *твори нѣ прямо*—вѣроятно, въ смыслѣ томъ, что веретено съ этою пряслицею надо держать наклонно и вертѣть, а на исподѣ *слѣнь*, можетъ быть, вмѣсто: *а по солонь*, т. е. а вокругъ, по солнцу.

Кладъ, извѣстный подъ именемъ Есикорскаго, представляетъ особенно замѣчательное собраніе серегъ такъ называемыхъ кіевскаго типа, изъ золота: еще характернѣе то обстоятельство, что основной типъ кіевской серьги съ тремя бусинами на кольцѣ представленъ въ золотѣ съ такимъ намѣреннымъ разнообразіемъ, что на 28 штукъ имѣется 21 варіантъ, и, стало быть, пары составлялись изъ такихъ варіантовъ, и не болѣе четырехъ паръ сдѣлано совершенно одинаково. Напротивъ того, между 23 серебряными серьгами, оказывается 22 экземпляра тождественныхъ, т. е. въ видѣ кольца съ тремя бусами, усаженными бисерною зернью (табл. IV), слѣдовательно, наиболѣе принятой формы. Одна электровая серьга, по исполненію и по размѣрамъ тождественна съ серебряными.

Серьга состоитъ изъ проволочнаго кольца, настолько толстаго, что, при сильномъ (до 70%) аллыяжѣ, проволока не гнется и не теряетъ своей первоначальной формы круга, нѣсколько овальнаго или сплющеннаго, такъ что верхняя дуга или коромысло дѣлаются

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

плоскими, ради наибольшей неподвижности серьги въ ухѣ. Одинъ кончикъ разбитъ въ видѣ шарнира, другой имѣетъ на сплющенномъ остріѣ дырочку, въ которую проходилъ замыкавшій серьгу кусочекъ проволоки. На кольцѣ серьги снизу, для установленія центра тяжести, размѣщены въ одинаковыхъ промежуткахъ три шарика или три бусины (не въ собственномъ смыслѣ слова, но въ смыслѣ подражанія въ серебрѣ цилиндрической пронизки).

Повидимому, эта форма имѣла своимъ источникомъ первые пріемы, состоявшіе въ томъ, что на металлическое кольцо насаживались или стекляныя бусы, или настоящія и поддѣльныя жемчужины, и основная орнаментація шариковъ и металлическихъ бусъ проистекаетъ именно изъ подражанія серьгамъ римскаго [1]) и варварскаго мира, украшавшимся бусами и жемчугомъ. Этому вполнѣ отвѣчаетъ и размѣръ шариковъ. Самый способъ украшенія помощью низанія жемчуга и бусъ на спенькѣ принадлежитъ Востоку и явился въ южной Европѣ вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ Востока на Западъ, т. е. въ эпоху Римской Имперіи, иначе говоря, былъ персидскимъ, сталъ южно-варварскимъ. Въ сѣверной Европѣ этотъ типъ вовсе не появлялся.

Прототипомъ нашихъ серегъ у варварскихъ народовъ южной Европы должно считать тѣ золотыя серьги въ видѣ кольца съ насаженною на него золотою бусою, иногда украшенною филигранными разводами, а иногда по гранямъ красными стеклами: такія серьги, относящіяся къ I—III вѣкамъ по Р. Х., встрѣчались въ раскопкахъ Керчи, Ольвіи и Херсонеса, а отъ болѣе поздняго времени въ древностяхъ Балканскаго полуострова и Венгріи. Народные далматинскіе уборы особенно облюбовали этотъ типъ въ формѣ большихъ колецъ съ тремя крупными шариками, усыпанными зернью.

Затѣмъ, варіанты двухъ основныхъ формъ зависѣли уже отъ пріема украшеній, т. е. *скани* и *филиграни*, которыми или покрывались шарики изъ дутаго (т. е. листоваго) золота и серебра или исполнялись схемы шарика и бусины въ видѣ прорѣзныхъ формочекъ. Эти прорѣзныя формочки сохраняютъ всегда характеръ круглыхъ жемчужинъ или драгоцѣнныхъ камней, которыя какъ бы оплетаются сученою тонкою проволокою съ зернью или зернами филиграни, такъ что всегда остается по 8 глазковъ или круглыхъ отверстій, изъ котораго свѣтитъ камень или блеститъ жемчугъ; глазокъ или обводится одинъ разъ или оплетается густою сѣтью нитей. Если же это дутый шарикъ, то внутри глазковъ на поверхность напаиваются зерновыя пирамидки, или же сканью сдѣланы розетки, звѣздочки.

Особая форма представляется бусами пупырчатыми (табл. IV, рис. 18, 20, 21), которыхъ источникъ заключается въ стекляныхъ бусахъ съ глазками инаго цвѣта, желтаго или бѣлаго, на синемъ фонѣ: здѣсь же глазки обведены сканью съ зернами.

Гораздо труднѣе рѣшить, откуда происходитъ форма бусъ, покрытыхъ сплошною зернью. Эта форма любопытна и потому, что давала возможность мастеру работать въ размѣрахъ

---

[1]) Въ атласѣ *Древностей Босфора Киммерійскаго*, табл. XXIV, рис. 24, изображена древнерусская серьга съ дутыми бусами изъ раскопокъ Корейши въ Каменкѣ на Днѣпрѣ. Серьга попала, явно, по недоразумѣнію, въ число греческихъ вещей.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

вдвое и втрое меньшихъ, почему дѣтскія серьги (табл. IV, рис. 17, 20) и представляются чаще въ этомъ типѣ.

Серьги кіевскаго типа встрѣчены доселѣ на Сѣверѣ Россіи въ немногихъ пунктахъ, напр. въ Рязанской и Владимірской губерніяхъ, а на Востокѣ въ Болгарахъ, но уже значительно упрощены, а именно, вмѣсто тонкой выдѣлки прорѣзныхъ бусъ, тамъ видимъ гладкія дутыя бусины, ничѣмъ не украшенныя и сидящія на гладкой проволокѣ. Бусы на этихъ серьгахъ всегда металлическія, и только среди курганныхъ древностей Петербургской губерніи нашлось кольцо съ стеклянной бусою синяго цвѣта (Ист. Музей, залъ IV, № 1583), а въ могильникѣ с. Поповки Касимовскаго уѣзда, Рязанской губ., встрѣчено височное кольцо съ бисеромъ (Ист. Музей, IV з., № 522). Въ той же Петербургской губерніи найдены серьги со многими (Ист. Музей, IV з., № 1382—3) бусинами, а въ Старой Ладогѣ, въ развалинахъ церкви XV вѣка были открыты позолоченныя серьги.

Но если различіе по формѣ и техникѣ ограничивается почти исключительно этими варіантами, то замѣчательно опредѣленная разница наблюдается въ матеріалѣ, изъ котораго дѣлаются серьги: на Югѣ изъ золота и серебра, на Сѣверѣ исключительно изъ серебра.

Серія золотыхъ серегъ найдена въ городищѣ *Княжья гора* Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи (Ист. Музей, № 4190—6), онѣ совершенно одинаковы съ найденными тамъ же серебряными (№ 4199—4220). Двѣ пары золотыхъ серегъ найдены въ 1846 г. въ Кіевѣ, въ развалинахъ Десятинной церкви (Румянц. Музей, № 2511—2), одна пара съ прорѣзными бусами, другая съ дутыми бусами, украшенными сканью въ видѣ розетокъ. Въ Кіевѣ въ томъ же 1846 г. найдена пара золотыхъ серегъ, которыхъ бусы подражаютъ жемчужному низанью, какъ въ парѣ изъ клада Есикорскаго (табл. IV, рис. 11, 13).

Въ бѣдныхъ могильникахъ Средней Россіи встрѣчаются преимущественно серебряныя серьги этого типа. Особенно большое собраніе извлечено изъ «мерянскихъ» могильниковъ, куда онѣ попали, очевидно, какъ привозный продуктъ. Менѣе найдено въ Тверской, Корчевскаго у., с. Посадъ (Ист. Музей, IV з., № 1668—9) въ Московской и Ярославской (Мышкинскаго у., с. Кривецъ) губерніяхъ. Серьги съ гладкими бусами и пупырчатыми найдены въ могильникѣ у с. Веськино (Рум. Музей, 4, 22, 33, 35). Крупныя серьги съ большими гладкими бусами изъ серебра, украшенными сканью въ видѣ розетокъ, найдены близъ м. Романова Могилевской губерніи. Находки въ Старой Рязани нерѣдко сопровождались парами серегъ съ украшеніемъ зернью въ видѣ городковъ и пирамидокъ въ кружкахъ. Типъ кольца съ тремя бусинами имѣютъ иногда бронзовыя серьги, но рѣдкость подобныхъ издѣлій понятна сама по себѣ, по условіямъ отливки бусинъ въ видѣ узелковъ, сплетенныхъ изъ проволоки, или даже плетенія изъ толстой мѣдной проволоки. Такія серьги встрѣчены пока въ Звенигородскомъ у. Московской губ., Жиздринскомъ Калужской, Рязанскомъ у., у Стародуба и въ Суджанскомъ у. Курской губерніи.

Пара золотыхъ сережныхъ подвѣсокъ съ эмалевыми украшеніями изъ клада Есикорскаго представляютъ замѣчательную сохранность: золотая поверхность какъ будто носитъ на себѣ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

еще слѣды выглаживанія пластинъ, а эмалевыя краски настолько свѣжи и не окислены, что даже въ изломахъ эмаль не кажется болѣе интенсивнаго цвѣта, чѣмъ на поверхности. Эта поверхность настолько гладка и лишена обычныхъ поръ, настолько блеститъ, какъ будто это была бы свѣже выполненная работа. Подвѣски были, повидимому, мало въ употребленіи, и дужка, входящая въ шарнирѣ съ правой стороны (если смотрѣть на лицо подвѣсокъ съ изображеніемъ Сириновъ), закрѣпляется въ немъ особенно плотно. Въ техникѣ эмалей обращаетъ на себя вниманіе прокладка между контуромъ и краемъ лоточка красной или голубоватой эмали. Самый слой эмали почти вдвое глубже, чѣмъ напр. въ эмаляхъ клада съ Б. Житомирской улицы. При такой технической тонкости работъ, рисунокъ отличается неправильностями, въ чертахъ лица тяжелыми и неуклюжими формами тѣла, непропорціональностью туловища и головы, крохотныхъ ножекъ и грузнаго корпуса и наконецъ преувеличенною орнаментальностью всей фигуры и особенно хвоста: все это черты не византійскаго оригинала, а его туземной передачи.

На лицевой сторонѣ изображены два Сирина, обернувшіеся головами къ зрителю, по сторонамъ кружка съ лилейною пальметкою. Нимбы ихъ, темнозеленаго цвѣта въ красной каемкѣ, получили почему то особенную форму приплюснутаго кружка. Головы Сириновъ, съ распущенными каштановыми кудрями, покрыты не короною, а шапочкою [1]), которой малиновая тулья прикрыта вокругъ и накрестъ черезъ голову золотымъ галуномъ, а надъ челомъ помѣщенъ синій камень. Золото исполнено эмалью ярко желтаго хрома. Фигура птицы имѣетъ обычныя формы, за тѣмъ исключеніемъ, что зеленый слой внутреннихъ перьевъ хвоста сократился и является только въ загнутомъ его кончикѣ, на исподѣ, а въ другихъ фигурахъ Сириновъ на серьгахъ зеленый цвѣтъ помѣщенъ по срединѣ, и каймою служатъ красныя перья. Наконецъ, главнѣйшею особенностью фигуръ именно этихъ серегъ клада Есикорскаго служитъ, конечно, цвѣтъ тѣла (на снимкѣ переданный съ большимъ преувеличеніемъ и уже слишкомъ бѣлесоватый). Этотъ тѣлесный цвѣтъ представляетъ лилово-зеленоватый оттѣнокъ, котораго обыкновенно не встрѣчаешь въ византійскихъ эмаляхъ, такъ какъ мастера ихъ, какъ и живописцы, до самаго конца держались античнаго образца, ища въ цвѣтѣ тѣла, прежде всего, южнаго смуглаго типа, а затѣмъ красноватой, здоровой кожи. Особенно сильно чувствуется разница въ данномъ случаѣ, при сравненіи съ серьгами клада съ Б. Житомірской улицы. Правда, именно въ XII вѣкѣ наблюдается въ византійскомъ колоритѣ извѣстная наклонность къ зеленоватымъ и оливковымъ тѣнямъ и бѣлесоватымъ бликамъ тѣла, однако эта особенность принадлежитъ почти исключительно мозаической живописи (отчасти, вслѣдствіе сплошнаго употребленія бѣлаго и сѣраго шифера вмѣсто стекляной пасты) и уже только въ XIII вѣкѣ появляется въ миніатюрахъ. Но такъ какъ именно эта особенность не встрѣчается въ эмаляхъ, то мы въ правѣ полагать, что она принадлежитъ кіевскому мастеру.

[1]) См. женскую корону въ изд. Фр. Бока, *Kleinodien des Röm. Reiches etc.*. табл. 44, рис. 47. Та же женская шапочка у Vecellio, *Costumes anciens*, 1860, I, рис. стр. 38, 39.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

На оборотной сторонѣ серьги нашего клада украшены: въ серединѣ эмалевымъ кружкомъ, въ которомъ по синему фону сдѣлана бѣлая крестовидная розетка изъ четырехъ слитыхъ лилейныхъ пальметокъ, а по сторонамъ кружка тремя обрѣзками вѣнчика съ бѣлыми разводами лозы по синему полю.

Въ заключеніе важно отмѣтить, что данныя серьги отличаются особенною легкостью, имѣя не болѣе 5 зол. 30 долей и по размѣру менѣе другихъ, а именно: 0.05 с. въ ширину и 0.043 с. въ вышину.

Пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ, найденная въ кладѣ Есикорскаго, принадлежитъ къ предметамъ большой рѣдкости: подобныхъ серегъ сохранилось очень мало, вѣроятно, по причинѣ хрупкости тонкихъ серебряныхъ листовъ, при окисленіи легко разрушающихся. Между тѣмъ, именно эти серьги наиболѣе близко передаютъ основной типъ этихъ украшеній (намъ нынѣ извѣстный въ оригинальныхъ серьгахъ собр. И. П. Балашова, таб. XIV): достаточно обратить вниманіе на основную колодочку или внутренній мѣшочекъ, на фигуру его верхняго лоточка, на углубленную кайму вокругъ него, которой недостаетъ только скобочекъ для помѣщенія здѣсь жемчужной нити, и, наконецъ, на внѣшнюю кайму, въ видѣ лучистаго пояса изъ сканныхъ спеньковъ, на которыхъ, однако, нѣтъ жемчужныхъ маковокъ, а только общій сканный бордюръ. Самый способъ украшенія и орнаменты близки къ византійскому оригиналу: на лицевой сторонѣ здѣсь двѣ птицы, сплетшіяся хвостами, а на оборотной пальметка внутри вѣнчика изъ двухъ аканѳовыхъ побѣговъ.

Изъ серебряныхъ вещей кладъ Есикорскаго заключалъ въ себѣ также серебряный шейный обручъ или такъ называемую гривну, свитую изъ проволоки, и кромѣ того перевитую серебряною сученою нитью; концы витаго дрота были сбиты въ одну трубочку, которая, затѣмъ, вытянута и загнута для застегиванія.

Того-же точно дурнаго серебра и такой же техники три браслета, которыхъ концы сбиты и образуютъ характерный наглавникъ, въ видѣ плоской змѣиной головы, которая, однако, по забвенію основнаго типа, орнаментирована уже здѣсь пальметкою, выполненною чернью.

Шейное женское украшеніе въ кладѣ Есикорскаго представляется наборною цѣпью изъ серебряныхъ бляшекъ, или, вѣрнѣе монистомъ, которое составлено изъ продолговатыхъ бляшекъ или палочекъ, числомъ 48 въ настоящее время, связанныхъ между собою нитками, продѣтыми по три раза черезъ каждую бляшку.

Бляшки дутыя или полыя внутри и составлены изъ выпуклаго полуцилиндрика, которому чеканомъ придана извѣстная орнаментальная форма и который былъ снаружи слегка позолоченъ, и подпайнаго листочка снизу, съ тремя дырочками по обѣ стороны полуцилиндрика, для продѣванія нитей. Присутствіе подпайнаго листочка показываетъ, что эти бляшки не были нашиты на тесьму или ленту, какъ напр. нашивались или набивались на кожу ременныя бляшки отъ пояса; напротивъ того, гладкій нижній листикъ считался достаточнымъ, чтобы не поранить нѣжной кожи на шеѣ, при ношеніи такого мониста. Внимательный осмотръ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

мониста убѣждаетъ насъ, что ему, дѣйствительно, ничего не достаетъ, развѣ только скрѣпленіе металлической нитью, такъ какъ здѣсь сохранились даже конечныя бляшки, на которыхъ имѣются ушки для цѣпочекъ и колечекъ, которыми закрѣплялось монисто при надѣваніи на шею, или на голову въ видѣ повязки или рясенъ.

Каждая бляшка штампована одинаково, а именно она представляетъ какъ бы полуваликъ, мнимо матерчатый, перетянутый поперекъ въ пяти мѣстахъ жемчужными перевязями. Именно это чередованіе перевязей и выпуклыхъ валиковъ, составляя всю несложную орнаментацію мониста, объясняетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему эта форма мониста была одно время любимою. Каждое движеніе головы и шеи заставляло блестѣть ту или другую часть подвижнаго мониста, а звонкое сотрясаніе металлическихъ бляшекъ, пріятно развлекая слухъ, служило также мистическимъ предохраненіемъ.

Вмѣстѣ съ кладомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей д. с. с. Есикорскій доставилъ въ Имп. Арх. Коммиссію всѣ древности, отрытыя въ его усадьбѣ, при рытьи земли для фундамента. Большинство этихъ древностей относится къ разряду обычныхъ мусорныхъ находокъ. Между ними куски разбитыхъ стекляныхъ фляжекъ, очень тонкихъ и легкихъ, но грубой работы, безъ вся кихъ украшеній, интересны только потому, что относятся къ XI—XII вѣкамъ, когда стекло дѣлалось еще почти исключительно на сирійскомъ Востокѣ. Рядомъ съ чужеземнымъ стекломъ, куски грубѣйшей глиняной посуды, не вымятой и плохо обожженной, острія бердышей, или точнѣе, косъ, въ видѣ ножа (большаго кухоннаго) на длинномъ древкѣ (которое не сохранилось), и пр.

Наиболѣе интереса представляютъ изразцы изъ жженой глины, съ отличнымъ, хорошо оттиснутымъ рисункомъ на лицевой сторонѣ: особенно много обломковъ отъ карниза или гзымза, съ обычнымъ византійскимъ рисункомъ пальметокъ, сидящихъ на растительномъ побѣгѣ, который образуетъ родъ трельяжной рѣшетки [1]).

Болѣе сложны и выработаны рисунки цѣльныхъ изразцовыхъ плитокъ, изъ которыхъ, по всей вѣроятности, набирались въ домѣ печи. На этихъ плиткахъ находимъ сухой и мелочной, но строго декоративный византійскій рисунокъ разводовъ лозы съ гроздями или искусную схему розетки, заполняющей квадратъ. Одинъ сохранившійся съ такимъ же точно рисункомъ кусокъ угловаго изразца всего болѣе подходитъ къ печи.

Внѣ этихъ чисто византійскихъ (исполненныхъ, однако, на кіевской фабрикѣ) шаблоновъ, украшавшихъ кіевскіе дома, должно поставить кусокъ карниза съ чисто персидскимъ рисункомъ позднѣйшаго происхожденія.

Кладъ Каневскаго у. 1886 г.

Кіевской губ., Каневскаго уѣзда, въ м. Мартыновкѣ, въ 1886 году найденъ значительный (въ сосудѣ) кладъ [2]), поступившій цѣликомъ въ собраніе графа А. А. Бобринскаго. Въ кладѣ заключается, повидимому, полное женское одиночное убранство (парюра): въ немъ оказалось три пары застежныхъ *аграфовъ* изъ серебряной проволоки и такой же скани, съ насаженными

[1]) Наиболѣе близки къ этимъ фрагментамъ кирпичи и рельефные оттиски на глинѣ для карнизовъ, происходящіе изъ церкви X в. въ Греціи, нынѣ хранящіеся въ Центральномъ Музеѣ Аѳинъ и изданные Іос. Стриговскимъ въ Трудахъ Арх. Общ. Аѳинъ, за 1890 г., стр. 118—128, рис. 1—3.

[2]) Графа А. А. Бобринскаго, *Курганы и находки близъ Смѣлы*, 1887, I, 150—2.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

на проволоку ажурными бусинами; далѣе—пара *подвѣсокъ*, въ видѣ полушарика (ворворки) съ шестью прикрѣпленными къ ней цѣпочками, на которыхъ погремушками служатъ крохотныя прорѣзныя бляшки, также все изъ серебра; пара *сережныхъ подвѣсокъ* колодкою изъ серебра съ изображеніемъ по черневому фону на об. сторонѣ грифоновъ съ плетеніемъ и каймою въ видѣ саженаго на спняхъ жемчуга; скрученный изъ трехъ проволокъ серебряный шейный *обручъ* (гривна) съ приплюснутыми и загнутыми концами; желѣзныя, усаженныя серебряными гвоздями *шпоры*; 57 серебряныхъ наборныхъ отъ ожерелья *полуцилиндриковъ*, извѣстной формы и орнаментаціи; пара подвѣсокъ къ головной повязкѣ въ видѣ *лиліи*; пара прорѣзныхъ пластинокъ изъ золота и серебряный (?) кружокъ или бляшка, подобная тѣмъ щиткамъ, которые въ сибирскихъ древностяхъ принимаются за малыя зеркальца.

Въ 1887 году въ м. Пышки [1]) при корчеваніи лѣса найденъ кладъ, состоявшій изъ слѣдующихъ предметовъ: четыре серебряныхъ височныхъ кольца, серебряный перстень съ сердоликомъ, бронзовый перстень и одна створка бронзоваго энкольпіона (креста складня).

Въ 1887—88 гг. найденъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, м. Хмелька [2]), серебряный, эмалью покрытый энкольпіонъ, но, вѣроятно, позднѣйшаго времени.

Въ 1886 г. въ м. Смѣла найдены: 4 бронзовые наконечника стрѣлъ, желѣзный кинжалъ, глиняная чарка, серебряная привѣска, состоящая изъ бусъ, цѣпочекъ и узорчатыхъ пластинокъ, серебряное ожерелье, состоящее изъ шести цѣпочекъ, 18 бляшекъ и двухъ застежекъ, бронзовыя: копье и фибула. Ранѣе, въ 1876 г. въ м. Залевки въ песчаныхъ розсыпяхъ найдены пара золотыхъ гривенъ, пара браслетовъ, кольца, серьги, пуговицы и бляшки золотыя же [3]).

Въ г. Переяславлѣ Полтавской губ. на землѣ еврейской больницы, во дворѣ, при копаніи ямы для подвала, найденъ былъ въ 1885 году кладъ древностей, какъ и прочіе кіевскіе клады, ввѣренный землѣ, очевидно, не задолго до нашествія Монголовъ или даже какъ разъ въ эту эпоху. Единственное извѣстіе о кладѣ, поступившее въ газету «Сынъ Отечества» 1885, № 46, опредѣляетъ кладъ въ 40 предметовъ, изъ которыхъ большинство серегъ, браслетовъ и медальоновъ; видимо, извѣстная часть клада была распродана и разошлась по рукамъ, прежде чѣмъ попасть въ руки властей. Тѣ немногіе предметы, которые были доставлены въ Археологическую Коммиссію, оказываются большею частью окисленными и разрушенными, а потому, вѣроятно, и не попали въ распродажу. По своему составу кладъ отчасти напоминаетъ находку въ кіевской усадьбѣ Есикорскаго своимъ подборомъ серегъ, которыя отличаются такимъ же разнообразіемъ или, вѣрнѣе, такимъ же обиліемъ варіантовъ одного и того же типа, какъ въ серіи серегъ клада Есикорскаго, съ тою разницею, что здѣсь серьги почти исключительно изъ серебра. Одна золотая серьга имѣетъ три бусы, убранныя зернью. Серебряныя же серьги представляютъ варіаціи ажурныхъ бусъ съ плетеніемъ.

Сверхъ того, въ кладѣ оказались: обрывки тонкой серебряной цѣпочки изъ рѣзаныхъ кусковъ тисненой ленты, три согнутыхъ въ кольцо куска золотой проволоки (деньги), обломокъ

[1]) Антоновичъ, *Карта Кіев. г.*, стр. 94.
[2]) Ibid, стр. 100.
[3]) Антоновичъ, ibid, стр. 106 и 107.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

стеклянаго браслета лиловаго цвѣта и, наконецъ, одна сережная подвѣска изъ серебра съ сильно разрушеннымъ черневымъ изображеніемъ. Подвѣска эта была бы совершенно тождественна съ парою, найденною въ кладѣ Есикорскаго, если бы только средина не представляла на этотъ разъ полнаго круга, безъ выемки или колодочки подъ дужкою.

Кладъ Кіев. Михайл. м. 1887 г.

Въ Кіевѣ же, въ 1887 году, найденъ былъ [1]) во дворѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, при проведеніи водопроводной канавы, 19 Ноября, на глубинѣ отъ поверхности земли болѣе двухъ аршинъ, въ глиняной кубышкѣ, нечаянно разбитой рабочими, замѣчательный (таб. VI и VII) кладъ, состоявшій изъ слѣд. предметовъ:

1. Пара золотыхъ подвѣсныхъ сережныхъ колодочекъ, 6½ сантим. въ поперечникѣ, съ эмальированнымъ изображеніемъ пары Сириновъ въ бѣлыхъ, какъ бы сарацинскихъ, коронахъ или шапочкахъ съ драгоцѣнными камнями; въ нихъ вѣсу 18 зол. 90 дол.

2. Цѣпь изъ 20 золотыхъ бляхъ съ эмалевыми изображеніями голубей и орнаментовъ, описываемая нами ниже и относящаяся къ предметамъ великокняжескаго церемоніальнаго убора. Вѣсу 28 зол. 30 дол.

3. Двадцать двѣ золотыя скобочки (таблица VII), орнаментированныя по краямъ жгутиками и слегка выгнутыя; на одномъ, закругленномъ концѣ ихъ имѣется всегда дырочка для пришиванія, на другомъ шарнирѣ или ушко для продѣванія въ него проволоки, связывающей всѣ эти скобочки, неизвѣстнымъ пока для насъ способомъ и для назначенія, которое мы предполагаемъ въ уборѣ косъ, о чемъ скажемъ особо и ниже. Михайловскій кладъ важенъ для насъ и тѣмъ, что изъ числа этихъ скобочекъ пара оказывается въ немъ снабженною съ лицевой стороны особыми полуовальными щитками, на которыхъ имѣется эмалевый лоточекъ съ изображеніемъ разводовъ и три припаянныхъ по угламъ колечка для продѣванія жемчужной нити. А такъ какъ этотъ наборъ скобочекъ относится навѣрное къ женскимъ украшеніямъ, то и самую цѣпь изъ бляшекъ можно, пожалуй, также принимать за принадлежность женскаго убора, что́, однакоже, не будетъ во внутреннемъ противорѣчіи съ объясненіями церемоніальной роли этихъ цѣпей, даваемыми ниже, такъ какъ женскіе уборы съ такою настойчивостью перенимаютъ формы и предметы мужскихъ украшеній, что нѣтъ надобности каждый разъ вновь о томъ разсуждать. Вѣсу въ скобочкахъ 15 зол. 30 долей.

4. Ожерелье или монисто женское изъ 41 золотой прорѣзной и сканной бусы, надѣваемыхъ на общій шнуръ: бусы имѣютъ видъ продолговатыхъ боченочковъ, отходящихъ далеко отъ основной формы, и снабженныхъ у отверстія пояскомъ для крѣпости; каждая буса выложена двойными репьями, а внутри ихъ вырѣзанъ золотой листъ, чѣмъ и достигается собственно впечатлѣніе ажурности [2]). Должно замѣтить, далѣе, что нѣкоторая часть бусъ по цвѣту золота и характеру исполненія, гораздо болѣе грубому, представляетъ

---

[1]) См. Дѣло Имп. Арх. Коммиссіи № 2, 1887 года, листы 93 слѣд.

[2]) Самое слово *прорѣзной*, быть можетъ, явилось подъ вліяніемъ техники, установившейся именно въ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

какъ бы дополненіе ожерелья, новый худшій наборъ. И, дѣйствительно въ самомъ рисункѣ легко различить, что одна часть бусъ украшена настоящею (см. выше, въ I главѣ) сканью, изъ ссученныхъ золотыхъ нитей, тогда какъ другая относится къ разряду гладкой плоской скани изъ простой проволоки, припаянной къ листу. Вѣсу въ бусахъ съ сіонцемъ $19^1/_2$ зол.

5. На этомъ ожерельи изъ бусъ оказался подвѣшеннымъ крохотный *сіончикъ*, въ видѣ храмика, объ одной главѣ, съ четырьмя комарами, какъ называли византійцы, или кокошниками, какъ называли въ старину у насъ, на шеѣ купола, и четырьмя кіотцами по стѣнамъ, окаймленными сканнымъ жгутикомъ. Внутри кіотцевъ находятся орнаментальныя эмалевыя украшенія на лоточкахъ, вырѣзанныхъ и вставленныхъ сюда, взамѣнъ настоящихъ изображеній Евангелистовъ по 4 сторонамъ сіона. На углахъ находятся спиральные шарниры, оставшіеся безъ назначенія, такъ какъ, при первоначальномъ назначеніи подобнаго сіонца (въ которомъ хранились и освященный ладанъ, и иные освященные ароматы), черезъ эти шарниры должны были продѣваться тонкія цѣпочки, державшія ниже другой священный предметъ, какъ напр. черезъ крышку кадила. Что нашъ сіончикъ, дѣйствительно, служилъ для инаго назначенія, какъ своего рода вотолка, соединяющая нѣсколько цѣпочекъ вмѣстѣ, дабы онѣ не расходились, видно отлично на оригиналѣ: а именно всѣ подвѣсныя грушевидныя, изъ дутаго, или листоваго золота, балаболки совершенно не отвѣчаютъ по работѣ и фактурѣ самому сіонцу, котораго тонкія, высокаго достоинства эмали и утонченная скань на главѣ изъ сученыхъ нитей, выложенныхъ разводами изъ парныхъ ленточекъ, рѣзко разнятся съ грубо ремесленной работою этихъ подвѣсокъ, слишкомъ большихъ и до уродливости не подходящихъ къ сіонцу; къ тому же эти подвѣски снабжены еще петельками для подвѣски жемчуга или цѣлыхъ жемчужныхъ нитей, что̀ и заставляетъ думать, что онѣ сняты съ шитаго воздуха, покрова или вообще церковнаго плата, и придѣланы къ сіончику, также попавшему въ этотъ уборъ откуда либо со стороны, всего вѣроятнѣе, съ драгоцѣнной церковной утвари или даже иконы.

6. Наконецъ въ кладѣ оказалось 158 колечекъ изъ тонкаго листоваго золота, достаточно, однако, крѣпкихъ, для того, чтобы служить пуговками въ одеждѣ, и устроенныхъ въ видѣ прорѣзнаго валика, съ рядомъ дырочекъ, проходящихъ черезъ него, насквозь, черезъ верхъ и низъ, для пришиванія. По нашему предположенію, въ каждой ячейкѣ этихъ колечекъ сидѣло на проволокѣ по жемчужинѣ, и, такимъ образомъ, это былъ уборъ выходнаго платья саженымъ жемчугомъ, во вкусѣ, развившемся въ Византіи съ IX стол. и цѣликомъ перенятомъ на Руси въ XI—XII столѣтіяхъ. Нигдѣ, кромѣ Венгріи, такихъ вещей не встрѣчается. Вѣсу въ этихъ колечкахъ всего 12 зол. 84 дол. Въ кладѣ оказалось также и жемчугу на $5^1/_2$ зол. Пара серегъ — колтовъ въ кіевскомъ кладѣ изъ Златоверхо - Михайловскаго монастыря 1887 г. лучшій и самый блестящій экземпляръ подобныхъ подвѣсокъ: въ попер. по горизонтальной линіи они имѣютъ 0.064 дл., по вертикальной—0.055 м., въ толщину болѣе 2 сантим. и отлично сохранились. Въ колтѣ сохранились 4 скобочки для нитей жемчуга; дужка утверждена въ одномъ шарнирѣ наглухо; но притомъ этотъ шарниръ, различный въ каждой

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

подвѣскѣ, сообразно съ удобствомъ запирался съ лѣвой и правой стороны. Отлично сохранились и самыя эмали: цвѣта не только удержали свой основной тонъ, почти даже не поблекли, но мѣстами уцѣлѣла даже зеркальная шлифовка эмалей, и потому тоны сохранили свою силу и глубину.

На лицевой сторонѣ представлено два Сирина по сторонамъ эмалеваго кружка, въ которомъ вписана по бѣлому фону голубая крещатая лилія съ краснымъ бутономъ Сирины, съ длиннымъ хвостомъ и пестрымъ опереніемъ, въ обычномъ типѣ; курчавые волосы ихъ имѣютъ темнокаштановый цвѣтъ, черты лица представляютъ женскую красоту по византійскимъ понятіямъ. Въ данномъ случаѣ интересна лишь тѣльная эмаль, имѣющая восковой оттѣнокъ. Оригинальностью Сириновъ является замѣна короны бѣлою (войлочною, сиро-каппадокійскою или сарацинскою) шапочкою съ саженными по сукну камнями: краснымъ въ срединѣ и двумя голубыми по бокамъ; гнѣзда камней имѣютъ орнаментальную форму индѣйской пальмы. Вокругъ головъ Сириновъ бирюзовый (зеленоватаго тона) нимбъ.

На оборотной сторонѣ въ срединѣ эмалевый кругъ съ синимъ фономъ, въ немъ вписанъ крестообразный округлый щитокъ съ краснымъ фономъ, на которомъ четыре кружка съ вписанными крещатыми лиліями и зеленый кружокъ въ срединѣ образуютъ обычный византійскій декоративный щитокъ. По сторонамъ два сегмента съ голубымъ фономъ и двумя бѣлыми вѣтками аканѳа и сегментъ съ городчатымъ отрѣзкомъ.

Рязанскія находки 1887 г.

Въ 1887 году произведены были раскопки городища въ мѣстности Старой Рязани и при этомъ найдено было много любопытныхъ древностей ранняго домонгольскаго періода, но также и вещей позднѣйшихъ временъ, такъ какъ на этомъ мѣстѣ, и послѣ батыевскаго разгрома, жизнь не прекращалась. Здѣсь были найдены обломки тѣльныхъ крестиковъ изъ камня и металла, лишившихся своей оправы и эмалевыхъ украшеній, серьги обычнаго типа, съ тремя ажурными бусиками, спирали и колечки, обломки стекляныхъ витыхъ браслетовъ, желѣзные замки, копья, дротики, грубыя мѣдныя подвѣски, блюдце, орнаментированное изображеніями оленя и растительными формами, поясные наборы изъ бляшекъ, литыя, съ плетеніями, подвѣсныя бляшки съ жемчуговидными или бисерными украшеніями, образокъ архангела, глиняныя куклы, сережки-колтки въ видѣ двухъ качающихся на колечкѣ палочекъ съ перемычкою и съ насаженнымъ жемчугомъ, и, наконецъ, пара цѣлыхъ звѣздчатыхъ серегъ изъ серебра, малаго сравнительно, размѣра,—0,05 м. шир. Въ одномъ экземплярѣ и при томъ ранѣе найдена была золотая прорѣзная бляшка съ камнями, окаймленная сканнымъ бордюромъ и между гнѣздами золотыми коническими спиралями. Въ 1887 году изъ находокъ усадьбы Стерлигова и изъ раскопокъ 1888 года внутри городища Старой Рязани, на помостѣ древняго храма, вмѣстѣ съ византійскими монетами XII столѣтія, обращаютъ на себя вниманіе замѣчательные образцы особенно крупныхъ серегъ изъ серебра съ тремя бусами, крестикъ каменный въ оправѣ съ зернью, ожерелье крупныхъ бусъ, четыре лоскута парчи, ленточка съ десятью бляшками, пара большихъ серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ колодочкою, еще обнизанные вокругъ каждая 13-ю дутыми большими бусами, и украшенныя двумя пти-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

цами, переплетшимися въ хвостахъ. Самая замѣчательная находка представляется эмалевыми декоративными бляшками, тождественными съ тѣми, что найдены въ Ст. Рязани въ 1868 г., и наконецъ, эмалевымъ образкомъ Спаса, снятымъ съ оклада или иконы, вырѣзаннымъ въ видѣ кіотца уже позднѣе, и ничѣмъ не отличающимся отъ обычныхъ византійскихъ эмалевыхъ типовъ XII вѣка, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, но уже мѣстной работы, что видно вполнѣ по техникѣ рваныхъ контуровъ, почернѣвшей эмали и измѣненнымъ цвѣтамъ.

Рис. 84. Изъ Старой Рязани.

Издавая здѣсь точный снимокъ (рис. 83) этого крохотнаго эмалеваго образка, мы откладываемъ анализъ всего клада и всѣхъ рязанскихъ находокъ до слѣдующаго выпуска нашего сочиненія, въ которомъ, среди древностей владиміро-суздальскаго періода, найдутъ себѣ мѣсто и типы большихъ серебряныхъ серегъ колтовъ, большихъ звѣздчатыхъ серегъ, и ограничиваемся лишь изданіемъ рисунка одного изъ этихъ колтовъ (рис. 84).

Рис. 83. Изъ Ст. Рязани.

Находки Княжьей горы.

Въ г. Каневѣ [1]), Кіевской губ., къ сѣверу отъ города, есть Княжа гора, со слѣдами городища. «Еще въ 1872 году, при обвалѣ горы обнаруживались могилы, въ которыхъ находились бронзовыя и желѣзныя вещи, между прочимъ, найдена пара золотыхъ серегъ, изображавшихъ цѣлующихся голубковъ. Въ 1888 и 1889 гг. крестьяне стали дѣлать раскопки на горѣ и нашли множество предметовъ княжескаго времени: много золотыхъ и серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, золотыхъ колецъ и полуколецъ (скобочекъ?) отъ женскаго головнаго убора, серебряные витые браслеты, ожерелья изъ цилиндриковъ и цѣпи, янтарную цилиндрическую дужку отъ ожерелья, обломки стекляныхъ браслетовъ, пряслицы изъ краснаго шифера, бусы изъ шифера, горнаго хрусталя и глинистыхъ композицій; желѣзные топоры, замки, наконечники копій, ножики, желѣзные и бронзовые, наконечники стрѣлъ, нѣсколько бронзовыхъ энкольпіоновъ (крестовъ тѣльныхъ?), крупные наперсные кресты изъ сѣраго мрамора и зеленаго порфира въ серебряной оправѣ» и т. п. Изъ этихъ находокъ замѣчательны и намъ извѣстны корсунскіе кресты складни, иные тождественные съ найденными въ Херсонесѣ (рис. 26, 28, 29), другіе даже сохранившіе въ фонахъ желтую эмаль, любопытный складень съ фигурою Христа въ колобіи и пр. въ Историческомъ Музеѣ.

Кіевскій кладъ 1889 г.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ дворянина Раковскаго, найдены вещи изъ серебра, пріобрѣтенныя затѣмъ для Кіевскаго университетскаго музея. Между ними: одна серебряная кіевская гривна, пара витыхъ серебряныхъ браслетовъ съ обычными орнаментированными наглавниками, одинъ витой и смятый шейный обручъ, съ расплющенными концами (одинъ

[1]) В. Б. Антоновича, *Карта Кіевской губ.*, стр. 89. Коллекціи: Тарновскаго, Хойновскаго и Антоновича.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 85. Браслетъ изъ Кіевскаго клада въ ус. Раковскаго.

отломанъ), пара золотыхъ серегъ, съ тремя бусами, на одной серьгѣ зерневыя треугольники, въ другой бусы прорѣзныя, витыя изъ нитей, и два перстня съ монограммами. Важнѣйшими предметами находки является большой пластинчатый браслетъ, 0,075 м. ширины и 0,19 м. длины, изъ двухъ створокъ, съ шарнирами, настолько большой, что, вѣроятно, надѣвался на одежду, не на голую руку. Браслетъ украшенъ довольно грубою рѣзьбою: въ верхнемъ полѣ сиринами въ арочкахъ и лилейными пальметтами; такъ какъ, по обычаю, сирины были представлены обернувшимися другъ къ другу и поющими по сторонамъ лилейной эмблемы, то, при смыканіи створокъ, два сирина приходились бы рядомъ, для избѣжанія чего рѣщикъ, повидимому, предпочелъ на одной сторонѣ помѣстить ихъ вмѣстѣ. По рисунку Сирины отличаются схематизмомъ XII—XIII столѣтій. Въ нижнихъ четырехъ поляхъ орнаментальныя тябла, съ узломъ, рѣшеткою и любопытными разводами византійскаго и такъ называемаго скандинавскаго пошиба. Любопытна также и кайма, раздѣляющая поля изображеній и представляющая, явно, схему арабской надписи, что, до извѣстной точности, подтверждаетъ арабское (сирійское) происхожденіе подобныхъ браслетовъ и ихъ украшеній.

Кіевскій кладъ ус. Гребеновскаго.

Въ 1889 году въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго, по Троицкому пер., въ Старомъ городѣ, былъ открытъ рабочими, во дворѣ дома, при копаніи земли на 1½ аршина, драгоцѣнный кладъ, прославленный своею золотою княжескою женскою діадемою, съ эмальированными изображеніями Деисуса, нами ниже подробно описываемою и превосходно изданною на табл. VIII. Вмѣстѣ съ діадемою найдены были: семь серебряныхъ слитковъ или, такъ называемыхъ, кіевскихъ гривенъ, изображенныхъ на таблицѣ IX, рис. 1—7 [1]); одинъ золотой (рисун. 15); гладкій, но скрученный легкою спиралью шейный обручъ или гривна, повидимому, женскій [2]); одинъ (рис. 14) такой же обручъ, плетеный и перетянутый сканною нитью, изъ дурнаго серебра и также женскій; одинъ золотой массивный [3]) гладкій браслетъ (рисун. 9), съ утолщенною среднею частью, изъ дрота; одинъ,

[1]) Вѣсу въ каждой гривнѣ чистаго серебра 36—38 зол.
[2]) Вѣсу въ этой гривнѣ 67½ зол.
[3]) Вѣсу въ браслетѣ 23 зол.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 87.

Рис. 86.

скрученный изъ двухъ дротовъ, серебряный браслетъ, со сбитыми плоско наглавниками, въ видѣ змѣиныхъ головокъ (рис. 8); одинъ золотой перстень съ овальнымъ гнѣздомъ, въ которомъ вставлена темная яшма (рисун. 12) и другой золотой же перстень съ печатью, на которой въ срединѣ вырѣзанъ Архангелъ, а по вѣнцу византійскіе орнаменты, наведенные чернью (рис. 13); перстень этотъ издается нами здѣсь особо въ точныхъ снимкахъ на рисункахъ 86 и 87; остатки ожерелья изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ (рис. 17), всего 13 неполныхъ звеньевъ; бордюръ отъ серебряной серьги въ типѣ колта или колодочки, исполненный ажурными петельками (рис. 16); обрывки серебряныхъ серегъ, прежде украшенныхъ тремя бусами (рис. 18—25), и, наконецъ, двѣ золотыхъ византійскихъ монеты:

1. Золотой солидъ византійскаго императора Алексѣя I Комнина (1081 — 1118 года). На лицевой сторонѣ: императоръ, въ мантіи, съ лабаромъ въ правой рукѣ и сферою; вверху десница, его вѣнчающая: Надпись Αλεξιω Δεσποτη Τω Κομνηνω. На обор.: Христосъ на престолѣ, съ Евангеліемъ. Κε̃ βοηθει IC. XC. Златникъ снабженъ ушкомъ.

2. Золотой солидъ, съ ушкомъ, императора Іоанна Комнина (1118—1143). Императоръ по поясъ, вѣнчаемый Богородицею, которая держитъ съ нимъ крестъ. Надпись ιω Δες. На оборотѣ: Христосъ на престолѣ, благословляющій.

Кусочекъ золотой парчи, длиною въ четыре сантиметра.

Эмалевый мѣдный медальонъ.

Въ окрестностяхъ г. Черкассъ въ 1890 г. (рис. 2 на табл. XV) найденъ находящійся теперь въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго Университета, № 681 [1]) мѣдный медальонъ или скорѣе подвѣсная бляшка отъ ожерелья, при всей своей грубости, очень любопытная, такъ какъ она украшена эмалью по византійскому способу, т. е. перегородчатою. Такое употребленіе эмали на мѣди составляетъ исключеніе и его всего натуральнѣе отнести въ разрядъ поддѣльныхъ имитацій вещей изъ золота. А это показываетъ, насколько эмаль вошла въ южной Руси во всеобщее употребленіе. На лицевой сторонѣ бляшки, имѣющей только 0,02 м. въ поперечникѣ, въ красной каемкѣ вписана эмалью крестообразная розетка, и въ ней, въ особомъ голубомъ овальномъ нимбѣ, представлена женская головка съ кудрявыми волосами. На оборотѣ поле изъ концентрическихъ кружковъ съ городками и крещатыми штучными разноцвѣтными наборами.

Въ 1892 году, при планировкѣ земли въ усадьбѣ Кривцова, въ окрестностяхъ Десятинной церкви найдены [2]): три амфоры, нѣсколько глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, серебряная витая гривна; мѣдные: перстни, замокъ, блюдо, пряжки, пуговицы и т. д.; желѣзные: мечъ съ золотою насѣчкою, топоръ, наконечники стрѣлъ, замокъ, ключи и т. д.; костяныя: веретено,

[1]) Подъ № 681 записанъ нами образокъ изъ Васильковскаго уѣзда, но въ замѣткахъ В. Б. Антоновича, занесенныхъ въ сборникъ при его *Карть Кіев. губ.* стр. 98, значится «бронзовый шейный медальонъ, покрытый цвѣтною эмалью и найденный въ окрестности г. Черкассъ въ 1890 году».

[2]) В. Б. Антоновичъ, *Археолог. карта Кіевской губ.*, стр. 34, Хойновскій, *Раскопки великокняжескаго двора*, Кіевъ, 1893, его же коллекція.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

наконечникъ стрѣлы, гребень, обдѣланные клыки; обломки стекляныхъ браслетовъ, пряслицы изъ шифера, каменныя формы для отливки серегъ и гвоздей, два энкольпіона, кадило; много изразцовъ различной окраски и пр.

Клады Кіевскіе 1893 г.

Въ 1893 году въ Кіевѣ, на скрещеніи Срѣтенской и Мало-Владимірской улицъ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ, найденъ былъ кладъ [1]) мелкихъ серебряныхъ вещей XII столѣтія, вложенный въ глиняный горшокъ съ ушкомъ (выш. 10 сант. и шир. 11 сант.) и прикрытый желѣзною тонкою крышкою; вмѣстѣ съ горшкомъ найденъ желѣзный топоръ. Въ горшкѣ оказались:

1. Три пары серебряныхъ серегъ (вѣсу 16 зол. 72 д.) обычнаго, кіевскаго типа, изъ проволоки, обмотанной серебряною сканью, съ тремя насаженными бусинами; изъ этихъ паръ одна съ ажурными бусами не вполнѣ сохранилась; другая имѣетъ вмѣсто круглыхъ глазковъ щитки, набранные зернью треугольниками, а третья непарная въ томъ смыслѣ, что одна серьга ажурная, другая нѣтъ и украшена такими же треугольниками. Отъ четвертой пары сохранились только куски.

2. Пара серебряныхъ серегъ извѣстнаго византійскаго типа, въ видѣ обоюдовыпуклыхъ щитковъ, съ ажурнымъ ободкомъ изъ скани, свитой восьмерками (въ шир. 0,04 м.); дужекъ не сохранилось (если только не служили бронзовыя дужки); на лицевой сторонѣ рѣзьбою награвировано вглубь изображеніе лиліи, опущенной внутри сердцеобразнаго завитка, на другой сторонѣ такое же изображеніе, и лучше сохранившійся черневой фонъ показываетъ, что эта лилія подымается, въ свою очередь, въ видѣ плющеваго листика (въ формѣ сердца) изъ лилейной распуколки, связанной внизу жемчужнымъ пояскомъ и образующей родъ щитка геральдической формы, какъ принято было затѣмъ для картушей. Типъ, вообще говоря, встрѣчающійся рѣдко. Отъ другой серьги сохранились только обломки.

3. Главную находку клада составляетъ серебряный (рис. 88) браслетъ, изъ двухъ выпуклыхъ полосъ (вып. 0,045 м.), съ шарнирами по обѣимъ сторонамъ каждой створки (дл. каждой 0,09 м.). Створки окаймлены бордюромъ изъ зерни и раздѣланы каждая тремя кіотцами или арочками, въ такихъ же зерневыхъ багетахъ; въ промежуткахъ арокъ, въ верхнихъ углахъ, вырѣзаны извѣстные символическіе узлы, имѣющіе форму трехчастнаго листа. Внутри арокъ по серебру награвированы высокія, геральдическаго типа птицы, наведенныя въ контурахъ слегка чернью, а въ среднемъ тяблѣ василискъ, и въ этомъ тяблѣ фонъ наведенъ чернью, а фигура выполнена наколомъ, тогда какъ въ другихъ боковыхъ фонъ выполненъ наколомъ.

Рис. 88.

Фигурки птицъ и василиска отличаются характернымъ

[1]) *Дѣло Имп. Арх. Комм.* за № 66, 1893 г. съ приложеніемъ 1 табл. фотографій и трехъ рисунковъ перомъ и карандашемъ Н. И. Суслова.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

архаизированнымъ стилемъ второй половины XII и XIII вѣковъ: непомѣрно маленькая головкаи узкая шея, тѣло, уже принявшее геометрическую форму, хвостъ въ видѣ копейнаго конца и лиліи, и отдѣльныя перья, расходящіяся по сторонамъ и загибающіяся вверхъ также въ формѣ остроконечной лилейной распуколки—таковы типы птицъ, которыя уже въ XIV вѣкѣ выработаются въ причудливый иниціалъ, весь разнятый на завитки, плетенія, ремни. Исторія этого перехода отъ условныхъ архаическихъ типовъ животнаго и растительнаго міра, принятыхъ Россіею и Востокомъ отъ Византіи, къ извѣстной тератологической морфологіи въ такъ называемомъ «звѣриномъ стилѣ» русскихъ рукописей XIV вѣка, представляетъ пока вовсе незатронутый предметъ, по очень простой причинѣ: въ то время, какъ этотъ звѣриный стиль выработался исключительно въ рукописяхъ, его подготовка происходила въ XII и XIII вѣкахъ на ювелирныхъ издѣліяхъ и работахъ въ металлѣ, которыя если и сохранились въ нѣдрахъ русской земли, то лишь теперь стали доходить до насъ, въ собственномъ смыслѣ слова. Такъ напр. на настоящемъ браслетѣ голова василиска уже имѣетъ свою характерную пѣтушью голову, драконье тѣло на концѣ, со вздымающейся головою, но ясно уже различается, что граверъ не понялъ всего этого состава и слилъ разъ ногу василиска съ драконьимъ тѣломъ, которое должно выходить изъ подъ ноги, тогда какъ на другомъ изображеніи мы находимъ эту деталь правильною, но голова походитъ на грифонью.

Въ томъ же году найденъ былъ въ Кіевѣ, по Хоревой улицѣ, любопытный мѣдный крестъ, складень, исполненный рѣзьбою и инкрустаціею серебромъ: съ лица Распятіе (въ препоясаніи), по сторонамъ по грудь: Іоаннъ и Марія скорбящіе, а сверху Евангелистъ (Лука), на оборотѣ Богоматерь съ подъятыми руками съ надписью МР. ΘV, по сторонамъ Петръ и Павелъ, наверху и внизу Матѳей и Маркъ съ надписями именъ. Вся техника и крайне грубый тяжелый стиль изображеній близко напоминаютъ сиро-египетскія изображенія VIII—IX столѣтій. Распятый представленъ въ препоясаніи, что указываетъ уже на XI—XII столѣтіе, тогда какъ мы здѣсь открываемъ въ одно и то же время черты необыкновенной грубости стиля, нами много разъ прежде указаннаго для эпохи VIII—IX вѣковъ, и полное отсутствіе чертъ поздневизантійскаго стиля, господствовавшаго всюду въ XII вѣкѣ. Правда, здѣсь общій пошибъ фигуръ въ медальонахъ напоминаетъ грубыя эмали, но всѣ детали въ одеждахъ, едва намѣченныхъ, нимбахъ, набранныхъ бисеромъ (признакъ IX вѣка въ рукописяхъ), округлыхъ и безбородыхъ ликахъ, совершенно чужды столь извѣстному и характерному византійскому шаблону. Что, однако, самое важное для насъ въ этомъ крестѣ, это его туземное происхожденіе, засвидѣтельствованное столько же чернью, сколько и одною надписью: а именно, тогда какъ всѣ надписи здѣсь греческія, хотя ошибочныя: НОНА для имени «Іоаннъ» и пр., но имя Петра передано по славянски ПЕТРЪ, какъ на эмалевомъ изображеніи Павла на діадемѣ.

Различныя находки восьмидесятыхъ годовъ способствовали образованію въ Кіевѣ нѣсколькихъ частныхъ коллекцій, большею частью, за исключеніемъ собранія Леопардова, Кибальчича и др., остающихся неизвѣстными: большинство ихъ, однако, мало даетъ новаго. Намъ лучше другихъ извѣстно маленькое собраніе мѣстныхъ древностей князя Трубецкаго, отчасти обя-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

занное своимъ появленіемъ усадьбѣ владѣльца въ Старомъ Кіевѣ, на мѣстѣ древнихъ княжескихъ дворцовъ и церквей, но лучшимъ предметомъ этого небольшаго собранія, нынѣ поступившаго въ Имп. Эрмитажъ, является серебряный браслетъ или наручъ съ позолотою по кеймамъ и бляшкамъ и съ рѣзьбою. Въ верхнемъ поясѣ браслета (рис. 89), на фонѣ, заполненномъ первоначально сплошь чернью, но нынѣ сильно разрушенномъ, помѣщены внутри аканѳовыхъ разводовъ птицы, грифы, василиски и подобные имъ монстры со львинымъ тѣломъ и крыльями (быть можетъ, сфинксы, но головы нельзя разобрать). По низу плетеніе изъ символическихъ узловъ и аканѳовые разводы, имѣющіе типъ пальметты, или скорѣе даже лиліи, сидящей на узлѣ расходящихся корней—рисунокъ, видимо упростившій византійскую схему пальметты. Поверхъ, въ промежуткахъ напаяны выпуклыя позолоченныя бляшки,

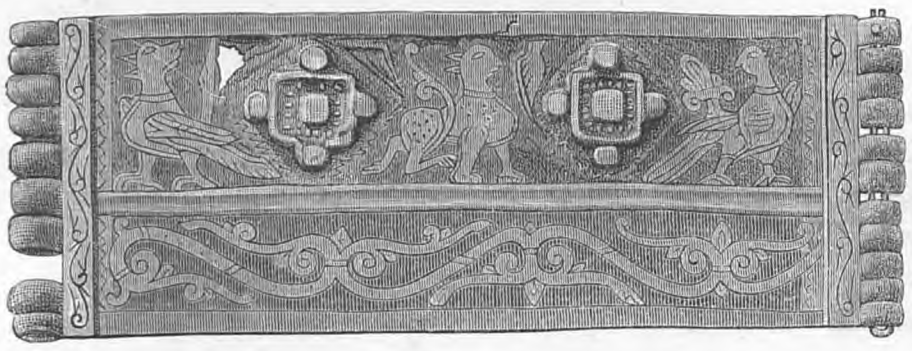

Рис. 89. Серебряный Кіевскій браслетъ, Имп. Эрмитажъ.

Рис. 90. Серебряная Кіевская серьга.

играющія роль гнѣздъ съ камнями. Затѣмъ въ томъ же собраніи нашлась пара серебряныхъ сережныхъ подвѣсокъ въ видѣ колодки, сравнительно хорошей сохранности (рис. 90); здѣсь внутренній щитокъ сталъ уже полнымъ овалomъ. Украшеніе исполнено по старому способу, а именно тонкія бляшки, набитыя сначала пунктиромъ, залиты сплошь чернью, затѣмъ контуры вычищены изъ подъ черни, которая составила такимъ образомъ фонъ, и эти орнаментальныя бляшки запущены подъ край бордюръ; на бляшкахъ представленъ грифонъ, рисунокъ спутанный и вялый. Но въ желобѣ подъ дужкою все-же имѣется вырѣзанный лоточекъ, кайма идетъ изъ желобка съ бисерною нитью, широкій ободъ состоитъ изъ плетеныхъ сканныхъ петель. Изъ серегъ, кромѣ обыкновенной серьги съ тремя бусами, въ этой находкѣ обращаетъ на себя вниманіе одна серьга большихъ размѣровъ, и съ толстымъ дротомъ, конецъ котораго не заостренъ, чтобы проходить въ мочку уха, но расплющенъ, такъ что у серьги образуется дужка, какъ у тѣхъ серебряныхъ подвѣсокъ, которыхъ дужки не пропускаются въ ухо, какъ мы будемъ ниже доказывать. Стало быть, и эта серьга носилась не въ ухѣ собственно, но на ухѣ; бусы ея полыя, отличной техники, большія, украшены по поверхности сплошь ячейками изъ гладкихъ серебряныхъ нитей, но съ зернами, посаженными внутри каждой ячейки. Перстень этого собранія обычный, съ византійскимъ орнаментомъ,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

наведеннымъ чернью. Но въ собраніи нашлась также одна любопытная формочка, изъ камня (жировика?), для отливки бронзовыхъ дротовъ съ тремя посаженными на нихъ бусинами (рис. 91), очевидно, для дешевыхъ мѣдныхъ серегъ того же самаго типа, чрезвычайно любопытная и доселѣ единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ такихъ именно бронзовыхъ серегъ, какъ намъ кажется, доселѣ, не найдено ни въ могильникахъ, ни въ городищахъ. Подражаніе здѣсь доведено до мелочей: воспроизведены сканные жгуты, представлено нарѣзками оплетеніе дрота въ промежуткахъ между посаженными бусами, сдѣланъ толстый конецъ для конца дужки и пр. (формочка сохранилась одною стороною, что обыкновенно); тонкій дротъ продѣлывался послѣ.

Замѣчательныя каменныя формочки, найденныя въ Кіевѣ, на Фроловой горѣ, въ 1893 году, и поступившія, черезъ посредство Имп. Арх. Коммиссіи, въ Имп. Эрмитажъ, заслуживаютъ не менѣе интереса, чѣмъ и самыя древности, уже тѣмъ живымъ свидѣтельствомъ распространенія лучшихъ издѣлій въ народѣ, какое эти формочки всякому даютъ. Разсматривая самыя вещи, выполненныя съ большою тщательностью изъ золота и серебра, замѣчаешь разные техническіе пріемы ихъ исполненія, чеканъ, рѣзьбу, скань, паяніе, филигрань, но не видишь отливки, развѣ въ вещахъ, не бывшихъ въ употребленіи и сохранившихъ спеціальный видъ расплавленнаго матеріала. Эти формочки дополняютъ намъ эту техническую сторону и съ другой стороны, по извѣстнымъ деталямъ ея указываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ дешевыми имитаціями вещей въ мѣди или дурномъ серебрѣ, но имитаціями, столь полными, что нужно было бы вниманіе и опытность, чтобы замѣтить разницу; словомъ, мы имѣемъ, быть можетъ, въ одномъ случаѣ, форму для отливки поддѣльной вещи.

Изъ нихъ рис. 92 съ формочки для отливки *звѣзды* (обыкновенно серебряной, лишь въ одномъ случаѣ золотой) представляетъ оборотную ея сторону, но такъ тонко, до мельчайшихъ деталей, вырѣзанную даже съ дужкою—въ видѣ прямаго дрота, что рѣщику ничего не оставалось дѣлать, кромѣ чистки, полировки и золоченія. Тоже самое можно сказать о формочкѣ обыкновеннаго *потала*, представленной рисункомъ 93: здѣсь даже скобочка дужки приготовлена, которая всегда рѣжется, плющится и припаивается уже на вещахъ. Между формочками есть, далѣе, такія-же для крохотныхъ крестиковъ на монистахъ, розетокъ на выпуклыхъ круглыхъ бляшкахъ, для бляшекъ съ монограммами (одна похожая на букву Ѱ, для сережной подвѣски черниговскаго типа, той же нами описываемой фактуры полной имитаціи вещи ея отливкою.

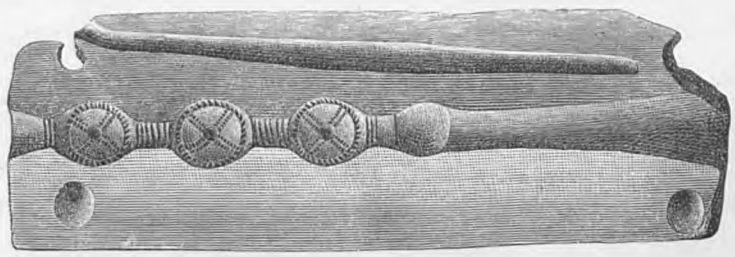

Рис. 91. Каменная Кіевская формочка для бусъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Но формочка (рис. 94) для отливки подвѣснаго колта во 1-хъ не имѣетъ ничего общаго съ извѣстными доселѣ колтами: ни такого крохотнаго размѣра, ни рисунка подобныхъ грифоновъ (исполненныхъ выпуклыми, для наведенія фона вокругъ) не знаемъ въ существующихъ вещахъ, и стало быть, форма эта была назначена для своего рода поддѣлки; вѣроятно, поэтому, что и отливка въ ней дѣлалась изъ бронзы, отъ чего зависитъ нечистота раздѣлки между шариками обнизывающихъ бусъ и извѣстная грубость всей формы.

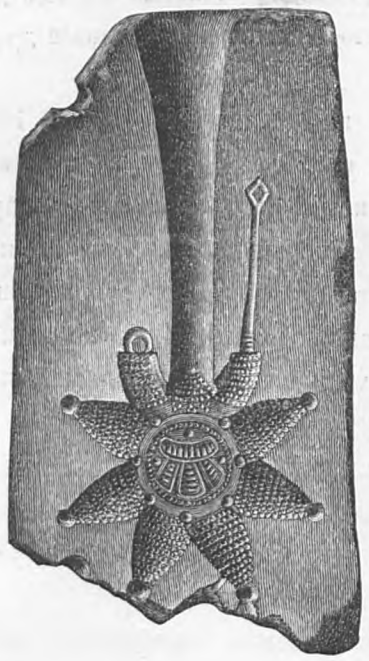

Рис. 92.

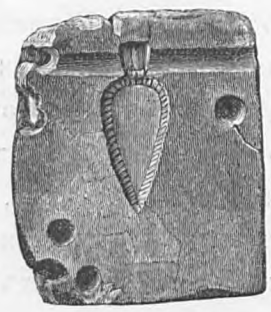

Рис. 93.

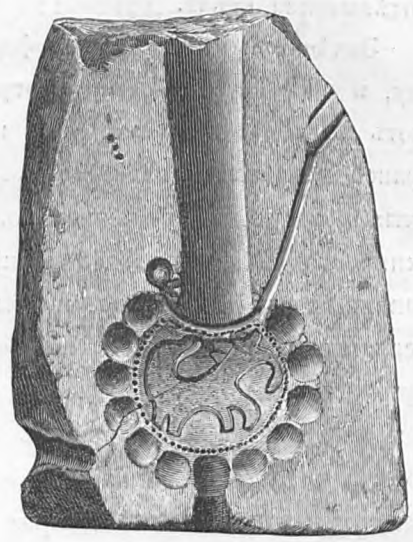

Рис. 94.

Каменныя формочки изъ Стараго Кіева.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 95. Миніатюра изъ греческой рукописи I. Куропалата въ Мадридской Національной Библіотекѣ. Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Художественно-историческій разборъ отдѣльныхъ бытовыхъ и церемоніальныхъ предметовъ, формъ украшенія и уборовъ мужскихъ и женскихъ въ русскихъ древностяхъ домонгольскаго періода.—Княжеская женская діадема.—Гривны (бармы) и вообще нагрудныя украшенія въ ихъ отношеніи къ византійскимъ.—Цѣпи церемоніальныя и служебныя.—Серьги въ формѣ колодочки или колты, украшенныя эмалью и чернью.—Браслеты.—Перстни.—Прочія украшенія.—Приложеніе.

Историческій анализъ церемоніальныхъ и бытовыхъ формъ украшеній въ русскихъ древностяхъ мы можемъ по праву начать съ разсмотрѣнія золотой діадемы Кіевскаго клада 1889 года. Золотая діадема служила, скажемъ заранѣе, по всей вѣроятности, женскимъ головнымъ украшеніемъ: доказательство этого видимъ, прежде всего, въ ея составѣ изъ девяти створокъ, образующихъ снаружи легкую выпуклость, ради отблесковъ золотой поверхности устроенную, а внутри пустые лоточки, которыхъ боковые края по бордюру проткнуты рядомъ 5 противулежащихъ отверстій, для того, чтобы въ нихъ пропускать связующія нити, металлическія или иныя. Будь эта діадема вѣнцомъ иконы, не было бы нужды въ этихъ приспособленіяхъ, а діадема состояла бы изъ сплошнаго листа. Второе доказательство: по концамъ діадемы сдѣланы въ кружкахъ двѣ женскія головки въ коронахъ,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

эмалевыя, какъ указаніе на назначеніе предмета. Третье доказательство заключается въ подвѣсныхъ къ створкамъ, по три къ каждой, цѣпочкахъ съ мелкимъ жемчугомъ и насаженными снизу эмалевыми бляшками, или же золотымъ, грушевиднымъ подобіемъ жемчужины; рядъ 21 подвѣсокъ (сохранилось вполнѣ 16) образуетъ то, что называлось издревле *рясами*, заимствовано было изъ Византіи и въ позднѣйшее время почиталось даже необходимымъ ради приличія прикрытіемъ женскаго лба; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти цѣпочки сдѣланы наскоро изъ свитой тонкой проволоки и, очевидно, безпокоили бы кожу, если бы лежали прямо на ней. Далѣе, нельзя предположить, чтобы и вся полоса діадемы изъ створокъ могла быть надѣваема прямо на голову, такъ какъ внутренніе ея края или рамки, вышиною $^1/_2$ сантим., должны были бы рѣзать лобъ, и потому необходимо думать, что діадема была нашиваема на матерчатую подкладку, скорѣе всего, на высокую кику или кокошникъ, которой высота, по

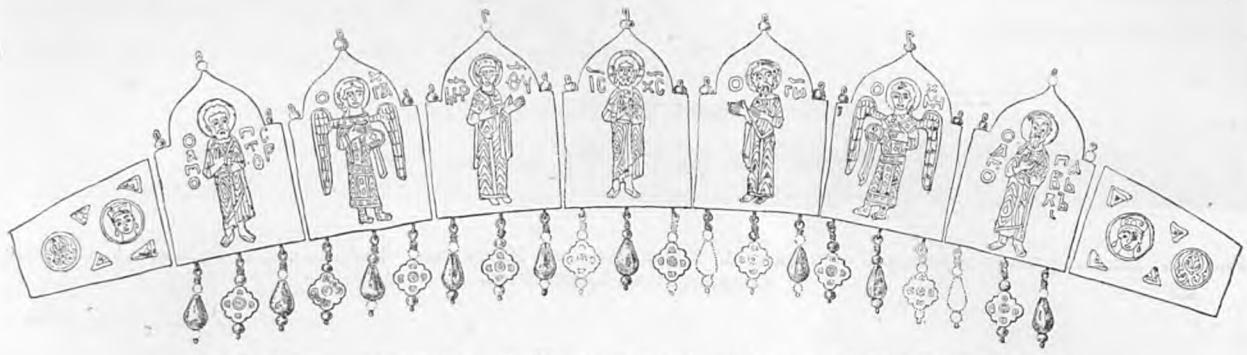

Рис. 96. Княжеская діадема изъ Кіевскаго клада 1889 г. въ усадьбѣ Гребеновскаго.

нашему мнѣнію, указывается и тѣмъ, что каждая створочка оканчивается, вверху и у пяты каждой арочки, тремя золотыми проволочными крючками, которыхъ укрѣпленіе въ кокошникѣ мы, однако, не можемъ угадать.

Далѣе, девять створокъ составлены изъ 7 кіотцевъ, имѣющихъ наверху луковицеобразную арочку съ упомянутымъ крючкомъ, на который посажено зерно жемчуга, и эти кіотцы ясно указываютъ во-первыхъ на роль вѣнца, короны, только не царской, а княжеской, а во-вторыхъ, на священный характеръ этого вѣнца, выраженный въ сакраментальной формѣ кіотцевъ. Между тѣмъ двѣ боковыя пластинки или створки ($4^1/_2$ сант. дл.) сдѣланы въ видѣ съуживающейся полосы или ленты, что и придаетъ собственно всему украшенію форму повязки или діадемы. Если же діадема и была первоначальною формою царскаго вѣнца, то въ данномъ случаѣ такой архаическій типъ могъ быть легко формою церковнаго, брачнаго вѣнца, чего, однако, по существующимъ образцамъ доказать нельзя, развѣ сопоставивъ обычныя на брачныхъ вѣнцахъ изображенія Деисуса съ нашимъ.

Всѣ кіотцы или створки украшены византійскою перегородчатою эмалью, и притомъ только двѣ боковыя орнаментальными или декоративными сюжетами, а именно: кружочкомъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

съ женскою головкою въ коронѣ, кружечкомъ съ пальметтою на изумрудномъ фонѣ и четырьмя сегментами вокругъ перваго кружка, наполненными разводомъ аканѳа. Мы имѣли уже случай замѣтить, что такая форма эмалевыхъ украшеній можетъ происходить отъ подражанія цвѣтной лентѣ, продернутой черезъ ажурную золотую пластинку. Женская головка, условной красоты поздняго греческаго антика, имѣетъ корону въ видѣ высокаго золотаго кокошника съ тремя камнями на переди; въ ушахъ головки большія жемчужины (uniones); фонъ изумрудный, любопытный остатокъ древнѣйшей византійской эмали, встрѣчающейся именно въ декоративныхъ бляшкахъ.

Соотвѣтствующія фигурамъ греческія надписи сдѣланы крупными уставными буквами, въ красной эмали, но даютъ характерныя неясности и особенности. А именно: въ имени МР ΘѴ М и Р слиты чертою, какъ въ курсивѣ; Іоаннъ—оіѿ, Гавріилъ—ога, есть ошибка въ имени Петра, вездѣ не достаетъ въ кружкѣ О вписываемой обыкновенно буквы а. Наконецъ, въ имени апостола Павла русскій эмальеръ или не имѣлъ греческаго образца, или не захотѣлъ слѣдовать ему, но составилъ имя по древне-русски: О АГІО ПАВЬЛЪ, не забывъ, однако, сдѣлать ковычку для обозначенія сокращаемой сигмы въ греческихъ словахъ, которой нѣтъ въ имени Петра, гдѣ бы ей быть слѣдовало. Словомъ, эта ошибка окончательно выдаетъ работу русскаго мастера, и въ этомъ отношеніи является по истинѣ драгоцѣннымъ и незыблемымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера въ XI и XII вѣкахъ производили эмаль, и что многочисленныя ея произведенія, добываемыя нынѣ изъ земли, даютъ намъ ясное понятіе о высотѣ этого наиболѣе тонкаго и труднаго художественнаго мастерства на югѣ Россіи въ древнѣйшемъ періодѣ.

Вотъ почему, первое мѣсто въ данномъ памятникѣ занимаютъ не вопросы сюжета и его значенія въ діадемѣ, а именно техническія достоинства и недостатки исполненія и эмалеваго мастерства. Оказывается, что русскіе эмальеры умѣли работать въ эмали не хуже самихъ Грековъ, если принять во вниманіе два обстоятельства: то, что вещь принадлежитъ срединѣ XII или даже концу XII вѣка, когда уже эмалевая техника значительно упала, какъ то мною доказано въ сочиненіи о «Византійскихъ эмаляхъ», и то, что діадема извлечена изъ земли и пострадала отъ сильнаго окисленія. Эмаль сохранила вполнѣ свои цвѣта только въ фигурахъ апостола Петра и апостола Гавріила, во всѣхъ прочихъ сильно поблекла.

Византійскіе типы значительно измѣнились и переданы съ значительными сокращеніями и опущеніями непонятыхъ русскимъ эмальеромъ деталей: такъ напр. есть цвѣтные сапожки и башмаки у Божіей Матери, Архангеловъ, но нѣтъ ни у кого изъ прочихъ фигуръ сандалій, и передача ступни сдѣлана не въ обычной схемѣ, а весьма обще и неуклюже; тоже слѣдуетъ замѣтить о рукахъ, особенно благословляющихъ, объ очеркѣ фигуръ, совершенно утратившихъ пропорціи коренастыхъ и мускулистыхъ типовъ, что преимущественно можно наблюдать по двумъ фигурамъ ангеловъ. Далѣе, рисунокъ одеждъ, хитона и гиматія, часто не различимъ, или сбитъ, или выложенъ не только условно, но и безъ различія верхней и нижней одежды, чего никогда не бываетъ въ греческой работѣ; спутанъ рисунокъ лорона, а въ лоронѣ архангела

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Михаила данъ собственно орарь. Лики также утратили греческія черты, появились квадратныя головы, одутловатыя физіономіи, грубыя черты. Архангелы, вмѣсто того, чтобы держать мѣрила или посохи съ крестомъ, прижимаютъ одну руку къ груди, а другою поддерживаютъ сферу. Фоны нимбовъ или бирюзовые или изумрудные, темнолиловыхъ нѣтъ, и одежды, имѣвшія въ византійскихъ эмаляхъ этотъ цвѣтъ, стали здѣсь рѣзкаго синяго цвѣта. Тѣлесный цвѣтъ, однако, отличается превосходнымъ оттѣнкомъ и показываетъ намъ, до какого совершенства могли, стало быть, доводить русскіе мастера эту утонченную технику.

Представляемый здѣсь снимокъ превосходенъ по своей точности и характерности въ передачѣ поблеклыхъ оттѣнковъ эмали, но не посвященные въ секреты окисленія различныхъ ея тоновъ не въ состояніи угадать бывшихъ прежде цвѣтовъ. Такъ, на Апостолѣ Петрѣ зелено-голубой гиматій и голубой хитонъ еще можно различить, но съ трудомъ можно узнать, что на Богоматери была темно-лиловая—пурпурная фелонь и голубоватый хитонъ, что у Христа голубой хитонъ и пурпурный гиматій, что пенула Предтечи имѣла темнолиловый цвѣтъ, а хитонъ былъ голубымъ, и что Апостолъ Павелъ, въ противуположность Петру (византійскій пріемъ), имѣлъ голубой гиматій и зеленый хитонъ.

Сильное окисленіе заставляетъ насъ думать, что если эмалевыя краски были очень чисты, ярки и блестящи въ русскомъ издѣліи, то шлифовка ихъ заставляла многаго желать, и ея недостатки сильно видны на сохранившихся наилучше мѣстахъ.

Діадема является, подобно рязанскимъ бармамъ, блестящимъ и необыкновеннымъ открытіемъ въ русскихъ древностяхъ: будучи, очевидно, художественнымъ произведеніемъ русскаго мастера, этотъ памятникъ даетъ намъ множество любопытныхъ указаній всякаго рода и проливаетъ свѣтъ на древнѣйшій періодъ быта русскаго народа. Въ тоже время, благодаря своимъ ближайшимъ связямъ съ византійскимъ искусствомъ и его техникою, этотъ памятникъ отличается рѣдкою ясностью, и можетъ дать выводы точные и опредѣленные, чего нельзя сказать о рязанскихъ бармахъ. Наконецъ, по своей формѣ и назначенію, діадема представляетъ единственную въ своемъ родѣ рѣдкость и можетъ быть причтена къ тѣмъ вѣнцамъ и коронамъ, которыя составляютъ драгоцѣнное наслѣдіе народной древности для европейскихъ странъ.

Кіевская діадема состоитъ, какъ сказано, изъ золотыхъ пластинокъ, въ формѣ арочныхъ кіотцевъ [1]), устроенныхъ сзади полыми, при помощи стѣнокъ по краямъ, имѣющихъ въ вышину около 2 миллиметровъ. Но, въ отличіе отъ другихъ кіевскихъ бляшекъ, медальоновъ и щитковъ, въ бармахъ, цѣпяхъ и тому подобныхъ украшеніяхъ, здѣсь нѣтъ подпайки или золотаго листа, припаяннаго къ стѣнкамъ съ обратной стороны и закрывающаго внутренность этихъ бляшекъ съ цѣлью предохранить эмалевые лоточки и связать этою подпайкою стѣнки. Почему здѣсь этого не сдѣлано, вполнѣ понятно. Діадема составляется изъ девяти щитковъ посредствомъ шести нитей или проволокъ, которыя, будучи продѣты черезъ шесть отверстій,

[1]) Въ описяхъ именно о такихъ пластинкахъ, набивавшихся на иконы и прочую утварь, употребляется выраженіе «дробницы кіотцами».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

сдѣланныхъ въ каждой боковой стѣнкѣ, связываютъ всѣ щитки вмѣстѣ. Проволоку, такимъ образомъ, надо продѣвать внутри лоточковъ, и потому они не могли быть закрыты подпайкою, иначе при разрывѣ проволоки, пришлось бы вновь ее снимать. Мы сказали далѣе, что такого рода діадема не могла быть въ этомъ видѣ надѣваема на голову, не дѣлая царапинъ на кожѣ острыми краями стѣнокъ, и, стало быть, должна была привѣшиваться вплотную на ленту или, скорѣе, козырь изъ соотвѣтствующей по цвѣту (пурпурнаго, темнолиловаго) парчи. А такъ какъ діадема составляетъ въ длину 0,335 м., то, очевидно, концы ея должны приходиться надъ ушами, и потому мы полагаемъ, что діадема составляла начельное украшеніе кокошника или кики не замужней женщины, по переду, или по лицевой сторонѣ козырька, въ то время, какъ сзади къ нему пристегивалось головное покрывало. Вотъ почему и самая форма двухъ угловыхъ щитковъ воспроизводитъ не ленту (одинаково широкую) и не собственно вѣнецъ, а именно кику или кокошникъ съ вырѣзнымъ расширеніемъ посреди. Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, почему именно остальные щитки приняли форму кіотцевъ: въ зависимости ли отъ священныхъ изображеній, или мы имѣемъ здѣсь новое указаніе на формы женскихъ вѣнцовъ.

Угловые щитки представляютъ каждый по шести эмалевыхъ украшеній: изъ нихъ два имѣютъ форму темносинихъ кружковъ (которые здѣсь, по всей вѣроятности, напоминаютъ прежніе драгоцѣнные камни), а четыре въ видѣ треугольниковъ или, скорѣе, вырѣзокъ, обрамляютъ по четыремъ угламъ тотъ кружокъ, въ которомъ представлена женская голова въ вѣнцѣ. Другой кружекъ на концѣ, съ тѣмъ же темносинимъ фономъ и красною каймою, представляетъ подобіе пальметки съ двумя гроздями и загибающимся внутрь акантовыми лапами, бѣлаго цвѣта.

Наиболѣе интереса представляетъ эмалевый кружокъ съ женскою головою до плечъ, въ вѣнцѣ. Темносиній цвѣтъ имѣетъ въ одномъ кружкѣ индиговый оттѣнокъ, въ другомъ совершенно потерялъ цвѣтъ, но, надо думать, имѣлъ тоже значеніе воздушнаго темно-голубаго нимба, какъ и въ предметахъ, указываемыхъ ниже. Корона въ видѣ стеммы (по неправильности, издавна принятой еще въ византійскихъ изображеніяхъ, боковыя стороны ея опущены), или золотаго обруча съ однимъ краснымъ начельнымъ камнемъ и двумя синими по бокамъ. Въ ушахъ двѣ грушевидныя жемчужины (uniones). Изображеніе это имѣетъ исключительно декоративный характеръ и важно именно потому, что указываетъ на назначеніе діадемы служить именно женскимъ вѣнцомъ.

Такъ, мы встрѣчаемъ женскую голову въ вѣнцѣ на сережныхъ подвѣскахъ съ эмалевыми украшеніями въ кіевскомъ кладѣ, найденномъ въ 1876 г. возлѣ Десятинной церкви, въ усадьбѣ Лѣскова (см. табл. XV, 12, 14); женская юная фигура съ распущенными каштановыми волосами, въ золотой одеждѣ, съ большою золотою короною, украшенною камнями и сведенною въ видѣ кики. Очевидно, по волосамъ, это дѣвица, и такого рода головныя повязки должны были украшать исключительно дѣвичьи головы, въ видѣ полумѣсяца [1]).

[1]) Эмалевыя серебряныя діадемы кочевыхъ арабовъ (наз. thacebd) въ Бискрѣ—Алжирской Сахарѣ, доставляемыя

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Въ древней Руси эти діадемы назывались *челомъ*, и извѣстно, что Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своей дочери, между другими нарядами, такое чело; челомъ же называлась и передняя часть кики, въ отличіе отъ высокаго кокошника [1]).

Между курганными древностями Россіи мы не находимъ головныхъ уборовъ, подобныхъ Кіевской діадемѣ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда въ видѣ отдаленнаго воспоминанія о древнемъ обычаѣ, попадаются на головахъ женскихъ остововъ вѣнчики въ видѣ тонкой пластинки изъ низкопробнаго серебра, съуживающіеся къ концамъ и снабженные крючками или петлями для связыванія назади головы. Эти пластинки встрѣчены были въ с. Ижоры, Петербургской губ., Хрипеловѣ, Корчевскаго у. Тверской губ., и дер. Вороновой, Углицкаго у. Ярославской губ. Въ Люцинскомъ могильникѣ найдены два типа женскихъ головныхъ повязокъ: одинъ имѣетъ видъ широкой тесьмы изъ бронзовыхъ спиралей, нанизанныхъ на шнуры, тесьма перехвачена поперечными пластинками (ср. Кіевскія золотыя скобочки), словомъ, форма тесьмы напоминаетъ мелкія косы, уложенныя надо лбомъ и перевязанныя лентами. Этотъ варварскій уборъ, очевидно, воспроизводитъ римскій или скорѣе византійскій типъ. Другой типъ представляетъ нѣчто въ родѣ металлическаго колпака изъ свитаго вокругъ себя жгута, котораго кольца состоятъ изъ тѣхъ же спиральныхъ трубочекъ, воспроизводящихъ естественныя формы заплетенной и закрученной косы: головные уборы этого типа находятся въ разныхъ могильникахъ западной Россіи и Литвы.

Къ историческимъ даннымъ по вопросу о происхожденіи діадемы, въ украшеніяхъ древняго міра, прибавимъ указанія средневѣковаго Востока: діадема съ кіотцами и зубчатая изображается на монетныхъ изображеніяхъ византійскихъ царицъ [2]); съ кіотцами, подѣленными жемчугомъ, на портретѣ догарессы въ мозаическомъ изображеніи положенія мощей Св. Марка въ ц. Венеціи; зубчатая на эмалевой бляшкѣ Pala d'oro, на портретѣ Зои въ медальонѣ сокровищницы (Tesoro di San Marco) венеціанской ц. св. Марка, въ миніатюрахъ Ват. Менологія [3]).

Семь кіотцевъ діадемы представляютъ иконописную композицію, извѣстную въ русской иконописи подъ именемъ *Деисуса* (δέησις). Ея составъ, наиболѣе типичный, ограниченъ Іоанномъ Предтечею и Маріею, архангелами Гавріиломъ и Михаиломъ и Апостолами Петромъ и Павломъ; распредѣленіе щитковъ, показанное на рисункѣ, согласно съ памятниками. А именно: средоточіе «моленія» образуютъ, какъ извѣстно, собственно три фигуры, т. е. Спаситель съ Іоанномъ и Маріею; для иконы, для иконописной декораціи, напр. иконостаса, этихъ фигуръ достаточно, чтобы въ умѣ молебщика было ясное представленіе Небесной Церкви, приносящей моленіе Спасу. Но въ куполѣ, гдѣ Спаситель является уже «Пантократоромъ», Вседержителемъ, Небесная Церковь воздаетъ ему хвалу, славу, и потому вокругъ средняго медальона съ образомъ Спаса является ангельскій хоръ, или четыре архангела;

туда Евреями, въ видѣ коронъ или стеммъ изъ щитковъ—кіотцевъ, см. у Racinet, Costume historique, II, Afrique pl. EJ, 3 10. Діадемы укрѣпляются на кокошникѣ.

[1]) Аристовъ, *Промышленность древней Руси*, 1866, стр. 159, прим. 493.

[2]) Ирины: Sabatier, XLI, 7, 9; Θеодоры 842—856, ibid. XLIV, 8.

[3]) Θеофано, 16 Декабря; Θеодоры—11 Февраля; Екатерины 25 Ноября, всѣ съ зубчатымъ верхомъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

но, когда Спасъ бываетъ окруженъ Іоанномъ и Маріею, то четыре архангела являются въ барабанѣ купола сбоку этихъ представителей Церкви первородныхъ, на небесахъ, а именно: Богородица изображается на восточной сторонѣ круга, а Предтеча противъ нея на западной. Два верховныхъ апостола должны, по этому, слѣдовать за архангелами, ибо они представляютъ собою уже церковь земную, установленную при Вознесеніи на небеса Господа, явившагося во плоти и учредившаго церковь Свою до Втораго Пришествія. Вотъ почему, равнымъ образомъ, мы никогда не встрѣчаемъ въ росписи купола и барабана собственно композиціи Деисуса съ Апостолами, и даже было бы не точно называть Деисусомъ изображеніе Вседержителя съ I. Предтечею, Маріею, архангелами и Пророками.

Собственно Деисусъ или Моленіе есть композиція, принадлежащая алтарю, его сводамъ и стѣнамъ, какъ главное изображеніе земной церкви, возносящей непрестанно свои мольбы Богу черезъ своихъ верховныхъ ходатаевъ и заступниковъ. Именно въ этомъ значеніи божественнаго сліянія церкви земной и небесной и непосредственной связи земной церкви съ ея главою Христомъ, Деисусъ есть основная тема стѣнописи и иконныхъ украшеній церкви, и потому дѣлается въ эпоху установленія церковной росписи основою всякаго рода композицій, а затѣмъ главною темою иконостасовъ.

Именно Деисусъ придаетъ ряду священныхъ изображеній требуемое единство и идеальный смыслъ: то, что было бы, помимо этого единства, картиною, становится иконою, т. е. священнымъ руководителемъ молебщика въ его мысляхъ.

Главный образъ Деисуса, Іисусъ Христосъ представленъ въ темнолиловомъ [1]) гиматіи и синемъ хитонѣ, въ сандаліяхъ, съ крещатымъ нимбомъ вокругъ головы и съ Евангеліемъ въ рукахъ. Онъ благословляетъ сложеніемъ трехъ перстовъ [2]), какъ приличествуетъ Спасу Вседержителю, и смотритъ прямо предъ собою; поза выставленной слегка впередъ правой ноги, столь обычная для греческаго и византійскаго искусства, не понята рисовальщикомъ или неумѣло передана, какъ въ рисункѣ правой ноги, такъ и въ складкахъ на ея колѣнѣ. Волосы Спаса темнокаштановые, обильные, волнистые; борода полная и округлая (юпитеровская), хотя и раздвоенная по срединѣ. Словомъ, типъ Христа близокъ къ древнехристіанскому типу лицевой Псалтири и древнѣйшихъ эмалей [3]), и потому ясно отличается отъ новаго, хотя ему современнаго типа, представляемаго сицилійскими мозаиками.

Іоаннъ Предтеча стоитъ передъ Спасителемъ, слегка обернувшись и склонивъ голову; съ жестомъ моленія воздѣвая обѣ руки, онъ, однако, не смотритъ на него, какъ и Богородица, но глядитъ передъ собою, видимо, молясь внутренно, съ сокрушеніемъ. Предтеча одѣтъ въ голубой хитонъ, покрытый зигзагообразными складками (какъ и у Маріи), такъ что здѣсь рисовальщикъ копировалъ одежду, туго подпоясанную и приподнятую на чреслахъ, а потому

[1]) Цвѣта разложились: гиматій представляетъ блѣднокоричневый цвѣтъ, прежній цвѣтъ нимба сталъ не узнаваемъ; сохранилась лишь эмаль тѣла и бѣлая въ рукавахъ креста на нимбѣ безъ измѣненія; болѣе прочною оказывается красная въ клавахъ, буквахъ и коймахъ.

[2]) Объ этомъ сложеніи см. соч. наше: «Византійскія эмали А. В. Звенигородскаго».

[3]) Ibid.; ср. также типъ въ Кіево-Софійской мозаикѣ, Рус. Древ. выц. IV.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

собравшуюся такими складками; уже византійскій оригиналъ имѣлъ всю ту схематичность и деревянность, какую мы здѣсь находимъ. Поверхъ хитона надѣта милоть—верхняя одежда пророка изъ верблюжьяго волоса, темнокаштановаго цвѣта, и съ бахромою по концамъ. Ликъ Предтечи, заключенный въ бирюзовый нимбъ, отличается рѣзкими аскетическими чертами, свойственными византійскому типу послѣдняго и высшаго пророка [1]). Къ сожалѣнію, работа русскаго эмальера оказалась здѣсь особенно неудовлетворительною: одинъ глазъ, т. е. кружокъ съ эмалью на лицѣ Іоанна сдвинулся, носъ скривился, эмаль во многихъ мѣстахъ выщербилась, перегородки оказываются чѣмъ то помяты и частію порваны.

Богородица представлена въ той-же позѣ, какъ и І. Предтеча, и голубой или бирюзовый хитонъ ея, какъ сказано выше, исполненъ по одинаковому рисунку. Поверхъ хитона надѣта и спускается съ головы темнолиловая фелонь. Всѣ цвѣта эмалей, кромѣ тѣлеснаго, разложились и поблекли, измѣнившись на свѣтло-пепельный и свѣтло-коричневый; только нимбъ сохранилъ мѣстами бирюзовый цвѣтъ, и рукава хитона обнаруживаютъ голубую эмаль. Все остальное помутнѣло и имѣетъ неопредѣленный рыжевато-коричневый цвѣтъ на поверхности.

Однако, отлично сохранившаяся фигурка Архангела Гавріила налѣво представляетъ намъ краски эмалей съ такою рѣзкою пестротою, такое паденіе эмальерной техники въ кіевскихъ работахъ, что ничего подобнаго мы не могли бы найти въ византійской эмали. Напр. цвѣтъ нимба Архангела имѣетъ такой яркій голубо-бирюзовый цвѣтъ, какого мы не знаемъ въ византійскихъ эмалевыхъ краскахъ; хромъ на оплечьи и лоронѣ грязнаго цвѣта и зеленоватаго оттѣнка, жемчугъ на красныхъ (кирпичнаго оттѣнка) цангахъ сдѣланъ голубымъ, а одежда индигово-синяго цвѣта. Въ рисункѣ одежды обоихъ Архангеловъ Гавріила и Михаила допущена крайняя несообразность: лоронъ въ видѣ пояса проходитъ по животу на бокъ, но не представлено, какъ онъ отсюда переброшенъ на лѣвую руку, а между тѣмъ съ лѣвой руки Гавріила и съ правой—Михаила виситъ конецъ синей одежды, которая должна, по настоящему, представлять исподъ конца лорона. Наконецъ, рисунокъ крыльевъ обезображенъ узкостью ихъ у плечъ, а Архангелы, вмѣсто обычныхъ скипетровъ, очевидно, затруднявшихъ эмальера, держатъ въ одной рукѣ сферу, а другую свободную руку молитвенно прижимаютъ къ груди, что̀, пожалуй, приличествуетъ болѣе по смыслу сценѣ Моленія.

Апостолы Петръ и Павелъ могутъ считаться наиболѣе удачными фигурами: причина этого не столько въ мастерствѣ и тщаніи эмальера, сколько въ характерности типовъ, допускающей всякаго рода вольности и неправильности, которыя не могутъ всетаки исказить типа.

Оба Апостола стоятъ въ извѣстной позѣ греческаго ритора, съ выставленною слегка ногою, но этой позѣ недостаетъ опять полноты въ рисункѣ: гиматій, хотя проходитъ спереди по тѣлу и приподнятъ, однако не переброшенъ черезъ лѣвую руку и оканчивается неизвѣстно какъ и гдѣ, не образуя необходимой складки драпировокъ поверхъ согнутаго локтя, съ ниспадающимъ концемъ. Далѣе, въ именословномъ благословеніи у Петра неправильно изображены пальцы правой руки: дѣло въ томъ, что тоже благословеніе у Апостола Павла пред-

[1]) См. о типѣ въ соч. «Византійскія эмали».

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ставлено по архіерейски снаружи, или ладонью впередъ, и потому, вѣроятно, для симметрической противуположности (а можетъ быть, для того, чтобы Петру не придавать архіерейскаго благословенія), Петръ благословляетъ сложеніемъ перстовъ внутрь, къ своей груди, въ молитвенномъ жестѣ, и съ этимъ именно благословеніемъ рисовальщикъ не справился. Апостолъ Петръ держитъ свитокъ, а Павелъ—Евангеліе—также характерное различіе апостоловъ. Одѣяніе того и другаго тождественны, какъ и индиговый цвѣтъ нимба. Характеръ типовъ того и другого Апостола въ византійскомъ искусствѣ былъ нами очерченъ нѣсколько разъ и слишкомъ подробно для того, чтобы надо было повторять [1]) здѣсь тоже, что было сказано. Прибавимъ только, что эмальеру особенно удались сѣдые курчавые волосы Петра пепельнаго цвѣта и менѣе успѣшно выполненъ ликъ Павла, съ густою каштановою бородою.

Мы имѣемъ доселѣ *гривны* или золотые медальоны (такъ называемыхъ *бармъ*) въ слѣдующихъ кладахъ: 1) Кіево-Михайловскаго монастыря 1824 года: два золотыхъ медальона съ эмалевыми изображеніями Спасителя и Св. Бориса (?) извѣстны намъ только по краткому описанію и дурному рисунку; 2) Кіева, съ Большой Житомірской улицы 1880 г. съ 3 медальонами, на которыхъ финифтью изображены три лика Деисуса—подробно описываются ниже; и 3) въ знаменитомъ Рязанскомъ кладѣ, находка 1822 года, которая, благодаря своему составу, и получила даже впервые удержавшееся доселѣ названіе «Рязанскихъ бармъ».

Затѣмъ уже слѣдуютъ болѣе многочисленныя гривны серебряныя: 1) въ Черниговскомъ кладѣ 1850 г. 1 серебряный медальонъ съ крестомъ; 2) во Владимірскомъ 1865 года два медальона, полуразрушенные, одинъ съ изображеніемъ Архангела чернью и рѣзьбою; 3) въ Старо-Рязанскомъ кладѣ 1868 года три медальона съ крестами, одинъ средній большой; 4) въ той же Старой Рязани былъ найденъ въ томъ же году другой кладъ съ двумя медальонами, на одномъ рѣзьбою изображенъ Спаситель, на другомъ Богородица (быть можетъ, отъ Деисуса въ трехъ ликахъ, но Іоанна Крестителя не достаетъ); 5) изъ Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, мѣста Вел. Болгаръ, великолѣпная находка девяти медальоновъ съ крестами; 6) Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, деревни Сельцы, кладъ съ пятью медальонами и наконецъ 7) замѣчательное «Суздальское оплечье», изъ 6 медальоновъ и 12 бусинъ; найденное въ окрестностяхъ Суздаля, на одномъ изъ кургановъ деревни Исады и изданное [2]) графомъ А. С. Уваровымъ [3]). Изъ всѣхъ этихъ кладовъ мы подвергаемъ разбору только медальоны Новгородскіе и «Суздальское оплечье», какъ наиболѣе характерные образцы серебряныхъ бармъ, такъ какъ серебряные медальоны съ изображеніемъ Спаса и Богородицы изъ Старой Рязани и Архангела изъ Владимірскаго клада, хотя и важны по связи серебряныхъ бармъ съ золотыми, однако являются, во всякомъ случаѣ, повтореніями этого золотаго оригинала.

---

[1]) *Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса,* 1886. *Византійскія эмали А. В. Звенигородскаго.*

[2]) Изъ этихъ кладовъ: 1, 2, 3 и 4 представляютъ находки *неполныя*, малозначительныя и повторенія типовъ лучшихъ и болѣе характерныхъ, а потому здѣсь *не разсматриваются;* пятый (Казанскій) почти тождественъ съ шестымъ, и потому *не описывается.*

[3]) «Древности» Моск. Арх. Общ., томъ V, 1—18.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Далѣе, ясно, что какъ по времени, а особенно мѣсту происхожденія, какъ и по матеріалу, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены медальоны Житомірской улицы, и послѣ нихъ уже знаменитая находка Старой Рязани или «Рязанскія бармы».

Въ Кіевскомъ кладѣ 1880 года, найденномъ на Большой Житомірской улицѣ, останавливаютъ на себѣ особенно наше вниманіе три золотыхъ медальона или три *гривны*. Онѣ сдѣланы въ видѣ слегка выпуклыхъ съ лицевой стороны и совершено плоскихъ на изнанкѣ круглыхъ щитковъ; средній медальонъ со Спасителемъ, онъ же самый большой, имѣетъ 0.072 м. въ попер., оба меньшіе боковые, 0.065 м. Каждый щитокъ имѣетъ съ краю узенькую орнаментальную каемку или рамочку иконки; рамочка составлена изъ двухъ бордюрныхъ жгутиковъ, въ которыхъ мастеръ подражалъ сканью прежнимъ овамъ. Въ этой рамочкѣ размѣщены затѣмъ четыре гнѣзда съ тремя сохранившимися стеклянными подобіями изумрудовъ и двумя камнями и четыре розетки въ видѣ вогнутой чашечки съ крутящимися лепестками и посаженною внутри жемчужиною. Въ промежуткахъ, между гнѣздами и розетками, припаяны обычные сканные разводы очень тонкой работы. Скань имитируетъ здѣсь двойные жгутики и, вмѣсто собственнаго сученія золотыхъ нитей, исполнена только въ видѣ насѣчекъ или нарубокъ по поверхности ленточекъ. Затѣмъ, внутри этой каймы, вокругъ внутренняго щитка прежде шла нитка жемчуга, для укрѣпленія которой имѣются скобочки. Внутренній щитокъ приподнятъ на 0,005 м. и представляется слегка выпуклымъ, на подобіе стекла карманныхъ часовъ. Въ большой бармицѣ этотъ щитокъ имѣетъ 0,045, въ двухъ меньшихъ—0,04 м. Щитки украшены эмалевыми изображеніями такъ наз. Деисуса. въ большомъ щиткѣ посрединѣ Спасъ, въ правомъ (отъ Спаса) Богородица, въ лѣвомъ І. Предтеча. Наконецъ каждая бармица имѣетъ наверху ушко въ формѣ бусины боченочкомъ, движущейся на шарнирѣ, но въ главной бармицѣ бусина имѣетъ поверхность изъ граней и усажена крохотными жемчужинами въ гнѣздахъ.

Эмалевыя иконки Деисуса на бармахъ Кіевскаго клада съ Б. Житомірской улицы представляютъ, внѣ сомнѣнія, чисторусскую, мѣстно-кіевскую работу и потому нуждаются въ возможно точномъ описаніи [1]). Композиція фигуръ, представленныхъ по грудь, принадлежитъ византійскому оригиналу, хотя уже не передана съ той строгостью типа, какую мы привыкли находить въ византійскихъ эмаляхъ; но всего болѣе измѣнились противъ нихъ краски, ихъ химическій составъ и блескъ, ихъ прочность и прозрачность.

Спаситель представленъ, на первый взглядъ, какъ будто стоящимъ—какъ по низу фигуры отъ груди—согласно обычной композиціи Деисуса кажется въ византійскомъ искусствѣ; голова и вся фигура повернуты слегка слѣва направо, какъ бы обращаясь къ Матери, которой заступничество является, такимъ образомъ, преимущественно угоднымъ. Десница Спаса благословляетъ передъ грудью сложеніемъ трехъ перстовъ, не именословнымъ, но греческимъ, съ поднятіемъ двухъ: указательнаго и большого. Лѣвая рука придерживаетъ Евангеліе съ боку,

[1]) Тѣмъ болѣе, что снимки, представляемые табл. I, II, не такъ удовлетворительны, какъ всѣ прочіе, со стороны красокъ въ особенности: здѣсь не переданы вовсе цвѣта одеждъ, измѣненъ цвѣтъ волосъ, лица, тѣла вообще, не выраженъ разнообразный алльяжъ золота въ щиткахъ и пр.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

а не снизу, какъ было бы при изображеніи Спасителя стоящимъ, и потому надо думать, что рисовальщикъ предполагалъ изображеніе Спаса на престолѣ съ предстоящими, стало быть, уже поклоненіе Спасу Великому Архіерею. Гиматій синяго цвѣта, окутывающій лѣвое плечо, появляется только краемъ на правомъ и затѣмъ, пройдя за рукою, снизу подъ нею проведенъ по тѣлу и переброшенъ концомъ на лѣвую руку. Здѣсь въ рисункѣ явныя ошибки по изображенію одежды: такъ и хитонъ не имѣетъ рукавовъ, а латиклавій проведенъ въ видѣ каймы,—какъ разъ ошибки, нами наблюдаемыя на русскихъ эмалевыхъ издѣліяхъ оклада Мстиславова Евангелія. Далѣе, рисовальщикъ окаймилъ краснымъ обрѣзомъ кодексъ Евангелія съ лѣвой стороны, тогда какъ никто не держитъ книги обрѣзомъ впередъ, а корешкомъ назадъ и на всѣхъ изображеніяхъ Спасителя, держащаго Евангеліе (а такимъ изображеніямъ нѣсть числа) всегда именно такъ и бываетъ. Ликъ Христа сохранилъ византійскій типъ, длинный овалъ, волнистые, длинные волосы, маленькую, раздвоенную бородку, большіе глаза и длинный прямой носъ; волосы коричнево-лиловаго оттѣнка. Но зеленый хитонъ уже не бирюзоваго оттѣнка, а мышьяковаго, нимбъ не голубой, а синій и одного цвѣта съ гиматіемъ, который въ византійскихъ эмаляхъ бываетъ темно-лиловымъ. Надпись IC. XC. нацарапана небрежно, и бывшая въ ней красная эмаль выпала. Всѣ цвѣта въ фигурѣ разложились и поблекли, края оторвались, и въ общемъ фигура наиболѣе пострадала.

Образъ Богоматери выполненъ болѣе тщательно и лучше сохранился. Въ немъ можно прослѣдить съ большею ясностью, что именно затрудняло русскаго эмальера въ его естественномъ стремленіи приблизиться къ оригиналу настолько, чтобы не было видно русской работы, а вся вещь казалась бы греческою. Здѣсь краски частью тѣже: синяя пенула, зеленый хитонъ, но нимбъ голубо-бирюзоваго, нѣжнаго цвѣта; повидимому, эмалевые порошки этихъ красокъ происходятъ изъ Греціи, и только этимъ можно объяснить себѣ отличный тѣлесный цвѣтъ, столь нѣжный, что напоминаетъ только византійскія работы. Но тутъ же рядомъ русскаго мастера выдаетъ рисунокъ фигуры и особенно рукъ: онѣ уродливо тонки, малы, пальцы переданы съ крайнимъ преувеличеніемъ, всѣ ленточки порваны, а кругомъ лѣвой руки красная кайма очень толста; рисунокъ лица грубый. Еще болѣе выдаетъ того-же мастера драпировка пенулы, на груди окончательно спутанная: какія то продольныя полосы идутъ къ правой рукѣ, а отъ нихъ поперечныя обшивки. Надпись $\overline{\text{МН}}$ $\overline{\text{ӨҮ}}$, вмѣсто обычнаго сокращенія $\overline{\text{МНР}}$.

Гораздо лучше, по краскамъ и сохранности, а также по характеристикѣ лика, медальонъ I. Предтечи. Мы видимъ здѣсь собственно лучшій византійскій типъ: черные, какъ смоль, косматые волосы, свалявшіеся и торчащіе въ разные стороны, спускаются по плечамъ; черная борода тоже свалялась клочьями и виситъ отдѣльными прядями, длинный овалъ, съ большими глазами, наполненъ эмалью превосходнаго цвѣта, съ нѣжнымъ оливковымъ оттѣнкомъ, отлично идущимъ къ лику отшельника, живущаго на жаркомъ югѣ одною жизнью съ природою. Но на фелони все-таки перепутаны красныя клавы, перетянутыя здѣсь въ четырехъ мѣстахъ и, на нашъ взглядъ, не объяснимыя, хотя зигзагъ клавы на лѣвой рукѣ и скопированъ съ византійскаго оригинала довольно близко.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Наконецъ, принадлежностью бармъ, которыя могли быть составлены даже изъ этихъ трехъ медальоновъ, являются три раздѣлявшія ихъ на шнурѣ бусины изъ золота, сохраненныя кладомъ. Онѣ являются въ формѣ боченочковъ, но исполненныхъ ажурными рѣшотками вокругъ срединной трубочки, служившей для нанизыванія, и имѣютъ 0,035 метр. длины. Фактура арочекъ, которыми раздѣланы рѣшеточки, и средняго ажурнаго пояска, чрезвычайно характерна для XII вѣка, какъ и манера насѣчекъ, вмѣсто скани.

Такъ называемое «суздальское оплечье» найдено было въ боку кургана въ сел. Исадъ Суздальскаго уѣзда; вещи лежали въ кучѣ, едва прикрытыя землею, и видимо, въ торопяхъ, безъ всякаго порядка, всунуты въ могильную насыпь, съ боку ея, стало быть, скрыты на время подъ землею въ тревожную пору. Кладъ состоитъ изъ шести серебряныхъ медальоновъ [1]), украшенныхъ крестами (кромѣ одного), по способу рѣзьбы, наведенныхъ чернью и позолоченныхъ и 12 серебряныхъ, также позолоченныхъ, бусъ большаго размѣра (по 2 зол. вѣсомъ каждая) и имѣющихъ обычный видъ боченочковъ съ зернью и выпуклыми подобіями камней, но двѣ бусины имѣютъ иной типъ желудей, набранныхъ по средней перепояскѣ зернью и затѣмъ обтянутыхъ нитями. Графъ А. С. Уваровъ, соединяя всѣ эти предметы въ одно ожерелье, составляетъ его изъ всѣхъ шести медальоновъ, при чемъ выходитъ, что два большіе медальона (0,95 и 0,91 м.) помѣщаются одинъ на груди, а другой на спинѣ—случай почти немыслимый въ украшеніяхъ. Между тѣмъ, весьма возможно, что въ кладѣ сохранено два ожерелья, каждое съ большимъ медальономъ и двумя малыми, изъ которыхъ одна пара имѣетъ размѣры побольше: 0,71 м., а другая поменьше: 0,58 м.

При такомъ предположеніи единственное обстоятельство, служащее помѣхою, получаетъ особое значеніе. А именно: указанная пара малыхъ медальоновъ не дружки, на одномъ изображенъ крестъ, на другомъ—мученикъ; въ данномъ случаѣ, очевидно, образъ выбранъ не даромъ, т. е. или это есть образъ святаго патрона для владѣльца ожерелья, или онъ приложенъ, какъ особый покровитель. Мы полагаемъ, вслѣдъ за Олениным и Снегиревымъ, что здѣсь (какъ и на Мстиславовомъ евангеліи) [2]) изображенъ Св. Борисъ или Глѣбъ, трудно сказать, который изъ двухъ [3]).

Въ Новгородской губерніи, Старорусскомъ уѣздѣ, близь дер. Сельцы, въ 1892 году найденъ былъ кладъ серебряныхъ вещей, нынѣ хранящійся въ Новгородскомъ Музеѣ [4]). Въ кладѣ теперь оказался только одинъ кусокъ серебрянаго Новгородскаго рубля (такъ называемой гривны), но количество найденныхъ предметовъ осталось неизвѣстнымъ. Предметы относятся къ разряду убора, притомъ мужескаго и женскаго. Такъ напримѣръ имѣется пара

---

[1]) Графъ А. С. Уваровъ предлагаетъ называть эти медальоны въ отдѣльности *дробницами*, но такъ назывались лишь *мелкія* бляшки, нашивныя на одеждахъ, согласно съ этимологіею слова, или также крохотныя пластинки, пуговки и пр., набивавшіяся на доскахъ, иконахъ, металлахъ и пр.

[2]) См. мое соч. «Византійскія эмали».

[3]) Графъ А. С. Уваровъ опровергаетъ это давно высказанное соображеніе деталями типовъ Бориса и Глѣба, но детальность иконописныхъ типовъ въ эмаляхъ и тѣльникахъ мастерами вообще не преслѣдовалась.

[4]) См. *Краткое описаніе Новгородскаго Музея*, составленное В. Ласковскимъ и Н. Лашковымъ, Новгородъ, 1893, стр. 56 съ рис. Фотографіи сдѣланы Имп. Арх. Коммиссіею.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

серегъ, изъ серебра, весьма любопытнаго типа, а именно, на мѣсто обычнаго утолщенія сережнаго кольца въ срединѣ, она раздѣлана здѣсь въ видѣ трехъ переплетенныхъ жгутовъ, которые и сами искусно сплетены изъ проволоки: превосходная работа, тонкое оплетеніе жгутовъ филиграневыми нитями дѣлаютъ изъ этой вещицы прекрасный образецъ техники, ясно свидѣтельствующей, что и въ XII—XIII вѣкахъ она и на сѣверѣ Россіи стояла на высокой степени развитія. Далѣе: кладъ состоитъ изъ пяти большихъ медальоновъ—гривенъ или такъ называемыхъ бармъ, съ дужками въ видѣ бусинокъ или боченочковъ; эти пять медальоновъ раздѣлялись на шнурѣ (четырьмя сохранившимися) бусинами (0,04 м.), обычно насѣченными зигзагомъ. Медальоны большаго размѣра, а именно средній: 0,08 м. и боковые: 0,07 м., совершенно круглы, биты изъ тонкаго листа серебра и по обычаю слабо вызолочены; припаянная и приплюснутая проволока дѣлитъ медальонъ на внутренній щитокъ, украшенный крестомъ, и два бордюра, украшенные или простѣйшими орнаментами насѣчкою, волнообразными, зигзагами, черточками и пр., или же подобіями жемчужинъ. Кресты въ осложненной формѣ процвѣтшаго креста съ лилейнымъ концомъ внизу и двумя аканѳовыми побѣгами по сторонамъ, исполнены рѣзцомъ, гравюрою; фонъ насѣченъ рубчатымъ рисункомъ.

Еще любопытнѣе въ кладѣ нагрудное (видимо, женское) украшеніе, состоящее изъ 18 цѣпочекъ изъ серебряныхъ, на двое перегнутыхъ колечекъ; цѣпочки расположены рѣшеточкою, и въ перекрестьяхъ помѣщается рядами по одному плоскому шарику (или буклю). Такихъ шариковъ въ четырехъ рядахъ имѣется 34 штуки; ниже шарики имѣютъ крестообразную форму въ одинъ рядъ—ихъ также девять, а еще ниже къ цѣпочкамъ подвѣшены по восьми меньшихъ шариковъ, въ родѣ крохотныхъ ампуллъ и дутыхъ листиковъ. Вся эта сѣтка должна была украшать грудь [1]), но на чемъ укрѣплялись верхнія колечки, теперь не видно: всего вѣроятнѣе, что сѣтка была вверху пришита къ платью или носилась на шнурѣ, проволокѣ, продѣтомъ подъ сукномъ по борту верхней одежды. Любопытно, что вся сѣтка образуетъ четыреугольникъ или даже квадратъ (0,17 и 0,15 м.), стало быть имитируетъ древній византійскій тавліонъ, вышитый или покрытый нитями жемчуга, какъ у знатныхъ персонъ Имперіи. Вся работа очень тонкая, мелкая и искусная: каждый шарикъ украшенъ по ободочку и посреди сканными кружочками и ячейками, а промежь нихъ отверстіями. Шарики въ родѣ ампуллъ напоминаютъ калачики древнихъ украшеній, а всѣ вообще балаболки представляютъ, конечно, декоративныя имитаціи амулетовъ и талисмановъ, энкольпій, ладонокъ, наузовъ и пр. Разбираться въ кладахъ крайне трудно, по причинѣ ихъ случайнаго, чаще хаотическаго состава: вещи порваны, разрознены, неполны или даже отрывочны и пр. Такъ напримѣръ, мы крайне затруднились бы распредѣлить девять бармъ Казанской губерніи (выше № 6) или опредѣлить пять медальоновъ Новгородской губерніи (повидимому, одно ожерелье). Въ послѣднемъ кладѣ сохранилось только четыре бусины, число слишкомъ малое для ожe-

[1]) См. нагрудныя colliers, изъ Болгаріи, серебряные, изд. Racinet, Le costume historique, vol. VI pl. Av., Orient, fig. 5, 21, подъ турецкимъ названіемъ guerdanlik, въ которыхъ самыя подвѣски или балаболки частью того же рисунка.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

релья, но и при девяти бармицахъ Казанскихъ имѣется тоже число бусъ. Медальоны Казанскіе почти всѣ одного размѣра, а Новгородскіе весьма мало разнятся величиною: изъ нихъ предполагаемый средній 0,08 м., тогда какъ боковые имѣютъ 0,07 м. Затѣмъ повторяется почти цѣликомъ вся техника и фактура Суздальскихъ бармъ, т. е. медальоны сдѣланы совершенно круглыми, изъ тонкаго листа, съ напаянными пуговками и бордюрами, и слабо вызолочены съ лицевой стороны. На тѣхъ и другихъ выполнены рѣзьбою и насѣчкою, но не чернью, кресты процвѣтшіе въ извѣстной схемѣ съ аканѳовыми разводами, и вокругъ иногда насѣчки зигзагомъ, черточками и пр. Во всякомъ случаѣ, со стороны художественной Суздальскія бармы остаются такимъ же образцомъ, какъ Рязанскія среди золотыхъ. А именно, здѣсь мы находимъ замѣчательно декоративные кресты, также чисто сохраненную византійскую орнаментику, и вообще типъ Суздальскихъ бармъ наиболѣе приближается къ эмалевымъ рисункамъ на золотѣ [1]). Не останавливаясь, затѣмъ, на вопросахъ формы и фактуры въ серебряныхъ бармахъ, перейдемъ къ существу вопроса о томъ, какого рода и значенія предметы мы въ этихъ древностяхъ имѣемъ.

Извѣстно, что первое опредѣленіе подобнаго рода предметамъ дано по случаю Рязанскаго клада 1822 года, который принято было называть *бармами,* по догадкѣ Оленина и Калайдовича, повторенной Снегиревымъ. Предметы, коротко говоря, были отнесены къ числу церемоніальныхъ великокняжескихъ украшеній, которыя подъ именемъ «святыхъ бармъ—еже есть діадима» были извѣстны древней Руси, а подъ этимъ именемъ впервые упомянуты въ грамотѣ Ивана Даниловича Калиты (1328 года). Правда, и дошедшія до насъ такъ называемыя «святыя бармы Владиміра Мономаха», и всѣ извѣстія [2]) указываютъ, съ безповоротною точностью, что великокняжескія бармы всегда были матерчатымъ оплечьемъ, но это препятствіе къ сближенію двухъ формъ полагали возможнымъ обойти путемъ гипотезы, что металлическое ожерелье было только болѣе раннею формою, а въ новѣйшее время графъ А. С. Уваровъ предложилъ [3]) догадку, что металлическія ожерелья, не только Суздальскаго, но Рязанскаго и Владимірскаго кладовъ (въ то время единственно заключавшихъ въ себѣ такъ называемыя бармы), нашивались, «въ томъ порядкѣ, въ какомъ изображены на рисункѣ, на особый воротникъ или оплечье изъ дорогой парчи. Различное число дробницъ въ каждомъ кладѣ (въ Суздальскомъ шесть, въ Рязанскомъ тринадцать, во Владимірскомъ шесть?), да сверхъ того кресты металлическіе и яшмовые, найденные вмѣстѣ съ Рязанскими и Владимірскими дробницами, доказываетъ, что настоящая форма этого украшенія еще не была окончательно установлена». Принять эту догадку не возможно. Всѣ вновь найденныя ожерелья изъ метал-

---

[1]) Мы воспользуемся представившимся здѣсь случаемъ, чтобы выразить догадку, что самая чернь появилась въ вещахъ по случаю близости своего тона, или синяго оттѣнка, къ древнѣйшимъ эмалевымъ фонамъ изумруднаго цвѣта, о которыхъ мы говорили особенно подробно въ соч. «Исторія и памятники Византійской эмали»; passim. Сопоставляя данныя хронологическія, получимъ и для той и другой техники IX вѣкъ—начало арабскихъ издѣлій и ихъ распространенія по Сѣверной Европѣ; и изумрудная эмаль, и чернь обѣ должны быть персидскаго происхожденія.

[2]) Саввантова, *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей*, стр. 496, сл. *ожерелье.*

[3]) *Суздальское оплечье,* стр. 17.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

лическихъ бляхъ и прежде извѣстныя носились, очевидно, сами по себѣ, никогда не нашивались на какія бы то ни было оплечья, и такое ихъ устройство и способъ ношенія ясно указывается дужками у каждой бляхи въ видѣ прорѣзнаго шарика, и находимыми при ожерельяхъ бусинами, которыя имѣли цѣлью разобщать между собою медальоны и удерживать ихъ на шнурѣ въ числѣ трехъ или пяти на груди и, быть можетъ, даже на спинѣ.

Матерчатыя оплечья [1]), бармы или «діадимы», появились къ намъ изъ Византіи, и, по вѣрной догадкѣ графа А. С. Уварова, уже сравнительно въ позднюю эпоху, т. е. не ранѣе XIV вѣка, и упоминаются въ старыхъ духовныхъ подъ именемъ «пристежнаго» ожерелья, «саженаго» на четыре пуговицы жемчужныя (*κόμβοι* у маніаковъ); ожерелья имѣлись у рубашекъ, зипуновъ, а также у священныхъ ризъ и стихарей. Когда именно появились эти оплечья въ Греціи, въ IX ли вѣкѣ, какъ полагаетъ графъ А. С. Уваровъ, пока подлежитъ разбору, и намъ было бы излишне входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, въ высшей степени интереснаго, но мало, только со стороны, касающагося нашихъ украшеній, благодаря тому смѣшенію предметовъ, которое доселѣ допускалось. Мы только хотимъ замѣтить одно существенное обстоятельство, что матерчатое оплечье, перешедшее изъ Персіи въ Византію [2]) на родинѣ своей было принадлежностью военной формы, и встрѣчается на персидскихъ воинахъ въ изображеніяхъ битвъ, въ Византіи же стало деталью штатскаго облаченія, повидимому, придворнаго. Украшенія такихъ оплечій, сохраненныя намъ памятниками живописи, монетами и т. д., состоятъ изъ шитыхъ жемчужныхъ полосъ и круговъ, обычныхъ разводовъ и орнаментовъ, даже фигурныхъ, какъ на всякихъ шелковыхъ, парчевыхъ и золотыхъ тканяхъ, или изъ драгоцѣнныхъ камней, саженыхъ рядами, но опять-таки не имѣютъ ничего общаго съ металлическими подвѣсками, о которыхъ подъ именемъ бармъ мы теперь разсуждаемъ. Невѣрно также и то, что византійскія оплечья-маніаки были достояніемъ только императорской фамиліи: указываемые нами списки одеждъ, снабженныхъ маніаками, для чиновъ двора, правда, высокихъ, это опровергаютъ. А потому и у насъ бармы не были, видимо, выше общаго княжескаго достоинства, къ какому на первыхъ порахъ были вообще причислены Византіею варварскіе владѣтельные князья, подымавшіеся императорами, сообразно политикѣ, значенію для имперіи, изъ достоинства патриціевъ въ достоинство нобилей, нобилиссимовъ, кесарей и, наконецъ, королей. Мы не знали даже самаго происхожденія слова «барма» [3]), а по-

[1]) Укажемъ ясныя слова лѣтописи, *Полное Собраніе*, I, 113: «аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій». Оплечье—superhumerale, видъ палліума, epaulières съ изображеніями; scapulae ex utraque parte in modum scuti rotundi, т. е. тѣ же бармы, но епископскія.

[2]) Независимо отъ матерчатыхъ оплечій, у варваровъ южной Европы въ эпоху переселенія народовъ были въ употребленіи и оплечья изъ тонкихъ и гибкихъ металлическихъ листовъ, богато украшенныхъ и очевидно составлявшихъ высшій знакъ отличія воинскаго. Таково золотое оплечье, найденное въ Венгріи и хранящееся въ Пештскомъ музеѣ, имѣющее въ длину поларшина и бывшее прежде сплошь украшеннымъ гранатами въ видѣ простѣйшей геометрической выкладки, какъ въ Чулецкомъ кладѣ. Далѣе, такой же золотой маніакъ съ ажурнымъ бордюромъ, набраннымъ гранатами, стекломъ, ляписъ-лазули въ извѣстномъ кладѣ изъ Петроссы въ Бухарестѣ. Подобный найденъ въ окрестностяхъ Эски-Загры въ Болгаріи.

[3]) Отъ персидскаго *берме* (?), по Далю—древнее *обрамье* (?) *обраменье*, отъ *рамо* (?), по Прозоровскому—отъ *норамница*, древне-областное: *барама*, брама; ряз. *барама*—оплечье архіерейской ризы, смл. *барма*—риза священника, *бармица*—отложное ожерелье, зерцало, броня; *брамы* въ Кіевской и Черниг. губ.—деревянныя ворота.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

тому и не имѣли возможности сказать, было ли это оплечье усвоено нами отъ Византіи въ XIV вѣкѣ, или же оно существовало ранѣе, какъ натуральная форма древневарварскаго (восточнаго, персидскаго, по преимуществу) военнаго костюма, только въ самой Византіи уже приспособленное къ извѣстному мундиру варварскихъ военачальниковъ, а потому и вошедшее въ отдѣлъ отличій, жалуемыхъ императоромъ начальникамъ дружинъ и союзнымъ князьямъ. Правда, мы не знаемъ доселѣ въ византійскихъ древностяхъ образца подобнаго нашимъ металлическимъ гривнамъ (медальонамъ), но и того уже указанія, что древнѣйшія изъ нихъ, кіевскаго происхожденія, носятъ спеціальный византійскій характеръ, достаточно для нашего руководства въ отысканіи источниковъ этого образца.

Если тождество русской *гривны* въ видѣ обруча съ византійскимъ *маніакомъ* не подлежитъ сомнѣнію, то этимъ обстоятельствомъ еще не пользовались для объясненія исторической роли русскаго украшенія. По обыкновенію, византійская древность является и въ этомъ вопросѣ первоисточникомъ и въ то же время столь глубоко скрытымъ, что всѣ попытки имъ пользоваться послужили пока только къ первому помутнѣнію вопроса. По древнимъ словарямъ и глоссамъ (собраннымъ у Дюканжа) μανίαξ (или μανιάκης, μανιάκι), чаще всего μανιάκιον, есть то же, что torques, tortile, circulus, соотвѣтствуетъ тому, что называлось στρεπτὸν или даже στρεπτοὶ μανιάκεις (т. е. свитые изъ дротовъ и проволоки, скрученные обручи [1]). Единственный эпитетъ, который прилагается къ самому маніаку у византійцевъ, есть τιμία, т. е. почетный маніакъ, всѣ другія опредѣленія и эпитеты касаются уже технической стороны.

Далѣе, извѣстно, что маніакъ уже для самихъ византійцевъ былъ своего рода стариною, такъ какъ былъ заимствованъ ими у персовъ, у которыхъ былъ неизмѣннымъ украшеніемъ воина (повсюду на барельефахъ Персеполя на мозаикѣ, изображающей побѣду Александра надъ персами и пр.) и отъ которыхъ (по всей вѣроятности) перешелъ къ варварамъ Европы. Но такъ какъ у тѣхъ же персовъ были въ употребленіи не только витые обручи, какъ украшенія шеи,

---

А. Олениинъ, *Рязанскія древности*, Спб. 1831, стр. 18—20, предлагая имя вещамъ бармы, доказываетъ, что происходитъ не отъ неизв. βάρημα, но, быть можетъ, отъ παρμαι—малые щиты, упоминаемые у Полибія VI, 20 (прибавимъ: у Іоанна Лидійскаго, ed. Bonn. 129, 11), персид. *пермунъ, пейраменъ*, украшеніе, кругъ, *бермъ*—стража, защита. Д. Ѳ. Бѣляевъ во II книгѣ своихъ Byzantina: *Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X вѣкѣ*. Спб. 1893, на стр. 213—215, во-первыхъ, выводитъ оплечье изъ той части византійскаго лора, которая обвивала шею и перекрещивалась на груди,—выводъ, съ которымъ можно согласиться съ тою оговоркою, что, конечно, авторъ этого почтеннаго труда допускалъ и самостоятельное происхожденіе оплечья отъ военныхъ накидныхъ или пристяжныхъ воротниковъ, ставшихъ нѣкогда инсигніями высшихъ военныхъ чиновъ; и во-вторыхъ, попутно, касается съ большими данными въ рукахъ вопроса о бармахъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что слово бармы въ древнегерманскихъ языкахъ было очень употребительно, въ готѳскомъ оно значило «лоно», «грудь», «пазуха», въ др. сакс. въ сложеніяхъ—«подолъ», «передникъ», и что, черезъ посредство евангельскаго текста (Луки VI, 38, XVI, 22 и пр.), слово это переходило съ тѣмъ же значеніемъ въ финское и эстонское нарѣчіе. Во всякомъ случаѣ очевидно, что это слово было крайне распространено и имѣло значеніе широкаго въ размѣрѣ человѣческой груди, полотнища, щита, нагрудника, подола, передника, оплечья, наконецъ, цѣлой брони, даже широкихъ воротъ и т. д., но нигдѣ въ значеніи слова мы не видимъ и тѣни указанія на мелкіе предметы, въ родѣ бляхъ, подвѣсныхъ медалей, брактеатовъ или панагій и т. п. Обстоятельство капитальной важности для насъ, ищущихъ доказать, что названіе бармы, даваемое нагруднымъ гривнамъ или медальонамъ, есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія, созданнаго наскоро при находкѣ рязанскихъ древностей и утвердившагося въ русскихъ древностяхъ.

[1]) Кромѣ приводимыхъ у Дюканжа и др. глоссъ, укажемъ на греческое толкованіе слова torques въ названіи легіона *torquati*: τουρκουάτοι, στρεπτοφόροι. οἱ τοὺς μανιάκας φοροῦντες. Ioannis Lydi *De magistratibus*, ed Bon. pag. 157.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

но и богатыя *оплечья* на одеждахъ, то уже извѣстный Линасъ (Orfèvrerie cloisonnée, I, стр. 212, 293) предположилъ, что византійцы, кромѣ обруча, усвоили себѣ эти оплечья, какъ преимущественный видъ шейнаго украшенія, и что именно этотъ видъ получилъ у нихъ названіе маніака. Такимъ образомъ, и въ русской археологіи позднѣйшія *бармы*—шитыя и украшенныя медальонами оплечья—отождествили съ византійскимъ маніакомъ, хотя онѣ никогда такъ не назывались, а напротивъ, отъ грековъ же получили позднѣе названіе «діадимы».

Въ позднегреческихъ глоссахъ, однако, продолжали опредѣлять маніакъ разными выраженіями, въ смыслѣ «витаго обруча» или даже шейнаго украшенія вообще, ожерелья, какъ напр. ὁρμίσκος, μηνίσκος, κλοιός, monile—монисто, обручъ, при чемъ, однако, всѣ эти выраженія, явно, не разумѣли нашего «воротника» стоячаго или отложнаго, который въ старой Руси назывался тоже ожерельемъ «отложнымъ», «пристежнымъ» и пр., изъ которыхъ именно отложное и составляло діадиму или бармы. Правда, одна глосса объясняетъ маніакъ словами: περιτραχήλιος κόσμος, но это книжное опредѣленіе ничего ясно не говоритъ, какъ и подобное ему περιαυχένιος κόσμος, прилагаемое къ объясненію слова κλοιός, тогда какъ это послѣднее всегда значило: «ожерелье металлическое».

Единственное мѣсто, которое, оставаясь по существу темнымъ, можетъ быть, однако, истолковано въ пользу предположенія Линаса, что «маніакъ» значило у византійцевъ «шитое оплечье», находится въ «Придворномъ уставѣ» Константина: а именно въ перечнѣ облаченій, заготовляемыхъ для императорскихъ путешествій, упоминаются (стр. 473) ἱμάτια μανιακάτα, κολόβια μανιακάτα, и хотя мы не знаемъ точно, что же значитъ этотъ эпитетъ, но единственное объясненіе, данное у Рейске (aureis torquibus assutis instructa), основывается на предположеніи исторической связи между «витыми обручами» и отложными воротниками, какъ шейными уборами вообще. Полагали и здѣсь то общее правило, что первоначальный металлическій уборъ превращался въ шитый позументъ, въ золотую мишуру.

Напротивъ того, внимательное разсмотрѣніе древнѣйшихъ свидѣтельствъ «Придворнаго Устава», который собранъ изъ разновременныхъ текстовъ, убѣждаетъ, что маніакъ былъ прежній torques, металлическій уборъ, наша гривна. Такъ и Θеофанъ упоминаетъ «золотой маніакъ» царя Арефы, а въ житіи Θ. Сикеота (у Дюканжа) маніакій оцѣнивается по вѣсу золота. У Константина эпитетъ «золотой» тоже постоянно прилагается къ маніаку, но тотъ же эпитетъ встрѣчается постоянно и при названіяхъ одеждъ или ихъ частей, украшенныхъ золотымъ позументомъ, шитьемъ и пр. Однако, въ перечнѣ церемоніальной «утвари» въ молельнѣ Св. Θеодора, что въ золотомъ триклиніи Большаго Дворца (II, 40, стр. 640), упоминаются для протоспаѳаріевъ «золотые маніаки», а для кандидатовъ «золотые» и «серебряные позолоченные» (α. ὁλόχρυσα καὶ ἀργυρᾶ διάχρυσα), что, вѣроятно, указываетъ на металлическіе предметы.

Дѣло въ томъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда свидѣтельствъ того же «Устава» [1]), что маніакъ—гривна былъ издревле въ Византіи praemium virtutis, общимъ знакомъ военнаго

[1]) Кн. I, Гл. 10, стр. 81; I, 27, стр. 148; I, 60, 275; I, 64, 286; I, 68, 302.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

отличья, затѣмъ почетнымъ знакомъ высшей гвардіи, приближенныхъ тѣлохранителей, судя по ихъ изображеніямъ на памятникахъ IV—VI столѣтій. Именно въ этомъ значеніи torques долгое время служилъ эмблемою «императора», т. е. полководца, когда его провозглашали въ преторіанскомъ лагерѣ, или же въ ипподромѣ воины гвардіи; тогда «кампидукторъ» надѣвалъ на голову «императора» маніакъ, чаще всего свой собственный, какъ о томъ разсказывается въ современныхъ хроникахъ или даже позднѣйшихъ записяхъ о вѣнчаніи на царство Льва, Анастасія и Юстина [2]), при чемъ металлическая гривна указывается въ этомъ знакѣ уже тѣмъ напр., что она легко снималась и надѣвалась, «бралась въ правую руку» (какъ стефаносъ или вѣнецъ—обручъ «по древнему типу» у того же Константина) и т. д.

Росписи мундировъ въ «Уставѣ» указываютъ много разъ, что золотые маніаки были почетнымъ знакомъ (βραβεῖον) чина (ἀξιά) спаѳаріевъ и спаѳаро-кандидатовъ, притомъ одинаково (вѣроятно, уже въ позднѣйшее время такъ стало) и евнуховъ и бородатыхъ (т. е. варваровъ). По указаніямъ магистра Петра [3]), церемонія производства въ эти чины сопровождается именно тѣмъ, что магистръ беретъ «въ обѣ руки» золотой маніакъ (стало быть воротникъ?) и подноситъ его царю, а тотъ уже даетъ новому чину. Протоспаѳаріямъ, по тому же уставу, знакомъ служилъ ошейникъ—κλοιός [4]), также золотой, также украшенный драгоцѣнными камнями, можетъ быть, однако, бывшій ранѣе эмблемою невольника, плѣннаго варвара, тогда какъ маніакъ—отличіе наемника. Но затѣмъ, на большіе выходы, пріемы пословъ и пр., вмѣстѣ съ общимъ повышеніемъ всѣхъ чиновъ на одну степень, на одинъ день, и протоспаѳаріи также получаютъ золотые маніаки, и дворцовые катепанъ и контоставлъ (ib. p. 584).

При этомъ говорится, что маніаки кандидатовъ спускались на грудь [5]), были осыпаны жемчугомъ (κεχαλασμένον), а въ другомъ случаѣ украшены гіацинтами (ἐκ περιλεύκιος—по догадкѣ того же Рейске) или снабжены тремя комбами (μ. τρίκομβον). Это именно мѣсто, какъ оно ни темно, даже для самаго Рейске, даетъ ключъ къ разрѣшенію запутаннаго дѣла. Маніакъ, спускающійся до сосцовъ, не можетъ быть металлическою гривною, но былъ или шитымъ оплечьемъ, что наиболѣе вѣроятно, или тонкимъ оплечьемъ металлическимъ, какъ въ Египтѣ, Персіи, у варварскихъ вождей въ эпоху переселенія народовъ. Выраженіе τρίκομβον должно значить *трехпетельный*, три раза застежной, такъ какъ κόμβος значитъ *узелъ*, *петля*, *связь*, *фибула*, *застежка:* у широкаго и тяжелаго оплечья было недостаточно одной застежки у горла,

---

[1]) Напр. на извѣстномъ серебряномъ дискѣ—блюдѣ 394 года, съ изображеніемъ Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія; на мозаикѣ, изображающей Юстиніана въ Равеннѣ, на пьедесталѣ Ѳеодосія Младшаго въ Константинополѣ и пр. и пр. Должно, однако, замѣтить, что маніаки въ этихъ изображеніяхъ не всегда витыя гривны, но иногда (на дискѣ) имѣютъ видъ двойныхъ металлическихъ коймъ оплечья у шеи, съ аграфомъ посреди, въ родѣ золотаго равеннскаго украшенія, относимаго къ готѳамъ, и большаго золотаго оплечья со вставными гранатами, хранимаго въ Музеѣ Букарешта, вмѣстѣ съ драгоцѣнными древностями клада Петроссы. Но этотъ типъ металлическихъ оплечій требуетъ особаго разсмотрѣнія.

[2]) Ibidem, I, c. 91, pag. 411; I, 92, 423; I, 93, 429.

[3]) Ibidem, I, 86, p. 392.

[4]) Ibid. II, 52, pag, 708—9. Κλοιός—collare, torques vincitorum; ср. позднѣйшія: *boge*, *buia*, *buie*, см. словари греч. и лат. Дюканжа v. *boia*.

[5]) μέχρι τέρνων (?), по догадкѣ Рейске, Comment. pag. 828.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

а именно такое, усаженное сплошь жемчугомъ (ἠμφιεσμένον) и камнями, было почетнымъ. По свидѣтельству «Устава», царь «самъ *застегиваетъ* маніакъ на шеѣ» производимаго въ чинъ протоспаѳарія [1]). Таковы почти всѣ [2]) тексты о маніакѣ, ставшіе доселѣ извѣстными.

Что касается бармъ, то мы пришли къ окончательному убѣжденію, что... ларчикъ открывался очень просто, самъ собою. Слово *барма* происходитъ отъ сокращенія слова *багрома*, а это слово, которымъ называлась пурпурная тесьма, плетенка, вязанка съ мохрами, висячими прядками, обязательно по краю одежды, борту, подолу, вороту, въ свою очередь происходитъ отъ *багоръ*, *багровый*, *багряный*. Въ извѣстной повѣсти о присылкѣ къ Владиміру Мономаху Константиномъ Мономахомъ Царскихъ утварей, отъ 1551 года, написанной при изображеніяхъ на дверяхъ царскаго мѣста въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, сказано, что Константинъ повелѣваетъ принести «ожереліи, сирѣчь святыя *багромы*, иже на плещу своего ношаше» [3]). Въ свою очередь слово *багромы* и есть, по нашей догадкѣ, первоначальная форма, происходящая отъ *багоръ*, *багровый*, *багряный*, что значитъ, какъ извѣстно, *червленый*, *пурпуровый*, т. е., какъ объясняетъ еще В. И. Даль, не съ огненнымъ (алымъ) отливомъ, а съ едва замѣтною просинью, съ синевою, слѣдовательно, древній византійскій пурпуръ, лиловаго или темно-фіолетоваго оттѣнка (не античный, который былъ коричневымъ). А мы знаемъ, и врядъ ли дѣло нуждается сколько нибудь въ доказательствахъ и большихъ подробностяхъ, что именно пурпуровыми полосами или же вязлами, пурпурною бахрамою отдѣлывали на Востокѣ каймы одеждъ, а далѣе, коптскія одежды, въ безчисленныхъ издѣліяхъ, до насъ дошедшихъ, представляютъ какъ разъ всѣ *вошвы* и каймы опять же изъ пурпура. Поэтому, нѣтъ никакой нужды говорить, какъ у насъ въ древней Руси словомъ *багромы* должны были называть всѣ нашивки и украшенія и особенно коймы (согласно перемѣнѣ въ украшеніяхъ одеждъ, точнѣе, византійской модѣ, сосредоточившей для цѣлаго ряда «чиновъ» эти украшенія въ коймахъ или обшивкахъ) пурпуроваго цвѣта. И древнѣйшій экземпляръ бармъ, до насъ дошедшій, выполненъ также на пурпурѣ. Какъ обыкновенно бываетъ, сокращенная форма послужила техническимъ наименованіемъ шитаго оплечья, а слово *бахромы* осталось за всякою каймою, притомъ изъ прядей пурпуровыхъ. Такимъ образомъ, «коць великій съ бармами», «скорлатное портище сажено съ бармами» имѣетъ уже исключительное значеніе *оплечья* или ожерелья. Но такъ какъ, несмотря на затемнѣніе смысла слова *бармы*, совершившееся, благодаря сокращенію, все же чувствовалось, что оно не даетъ настоящаго названія «священному оплечью» — собственному маніакію, то въ позднѣйшихъ документахъ. согласно съ византійскимъ обычаемъ

[1]) Ibid. pag. 722. Кстати указать, что въ главѣ 52, второй книги, стр. 723, стало быть рядомъ, вновь говорится, что «чинъ протоспаѳаріевъ удостоивается отъ царской руки» застегиванія μετὰ ἐπιριπταρίου—а это выраженіе, несомнѣнно, значитъ *капюшонъ*, *кукулій*, *башлыкъ* или монашескій *фрокъ*, см. Комм. Рейске.

[2]) Const. *De admin. Imp.*, cap. 25 разсказываетъ объ одномъ честолюбивомъ эмирѣ, что, желая возвыситься и въ нарядѣ, онъ «носилъ на себѣ Коранъ въ таблеткахъ (διὰ πινακιδίων) на шеѣ, на подобіе маніакія (δίκην μανιακίου»). Но что это значитъ, неясно. Арабы въ древности носили изреченія Корана на бумажкахъ, заключенныхъ въ трубочки, носимыя на шеѣ, какъ амулеты, но слово πινακιδίων указываетъ какъ будто на отдѣльныя страницы Корана, разукрашенныя, какъ картинки, и служившія своего рода оплечьемъ.

[3]) У Прозоровскаго, въ ст. объ «утваряхъ Влад. Монамаха» l. c. стр. 4, при словѣ *багромы* поставленъ вопросительный знакъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

(см. соч. Кодина), прибавляли къ слову барма: «еже есть діадима», хотя также и отдѣляли: «вѣнецъ, діадиму, бармы» и т. д. Но хотя слово «бармы» уже не понимали, однако, мы встрѣчаемъ его толкованіе, какъ разъ вполнѣ подтверждающее нашу догадку. А именно, еще Вельтманъ указывалъ на одинъ хронографъ, въ которомъ сказано, что Константинъ Великій папѣ Сильвестру «саны царскія даде, еже есть посохъ златъ и вѣнецъ и *фригонъ*, рекше св. бармы» [1]). *Фригонъ* вмѣсто *фригіонъ*=opus phrygium вышиваніе, затѣмъ главнѣйшія вышивки или ornatus ex opere Phrygio, коймы, подолы, воротники, также головныя повязки и капюшоны, тюрбаны, башлыки и колпаки, затѣмъ пристяжныя оплечья и т. д. Наконецъ, Прозоровскій указалъ, самъ не зная значенія своей догадки, на тождество слова *бармы* съ *брамы*, которымъ передаются въ переводахъ извѣстныя *рясны*, и Лексиконъ Памвы Берынды толкуетъ: *рясны=фалды*, *брамы* [3]).

Самое любопытное подтвержденіе всей нашей догадки сдѣлано было дла насъ извѣстнымъ славистомъ профессоромъ М. С. Дриновымъ, который, одновременно съ нами, по вопросу объ одной болгарской пословицѣ [4]), которую онъ указалъ для толкованія темнаго болгарскаго слова *бара*, нашелъ затѣмъ и глаголъ *барити* вмѣсто *баг-рити*, въ значеніи красить багрецомъ, расписывать. Указанная поговорка: *шарени барени, като детелина*, находящаяся въ Лѣтоструѣ Данева 1869 г. и значащая: «расписаны, раскрашены, какъ цвѣтокъ клевера», въ смыслѣ нравственной пестроты, разношерстности болгарскаго общества, а первоначально и щегольства яркими одеждами, иллюстрируется ученымъ славистомъ при помощи мѣста изъ Толковой Палеи: «яко же бо зарям свѣтлѣющимся и багром шареющимся». Въ любезномъ письмѣ своемъ М. С. Дриновъ прибавляетъ, что если *барени* недавно вышло изъ: *багрьни*, *багряни*, то «отпаденіе *г* передъ нѣкоторыми согласными и гласными началось очень давно, особенно въ русскомъ языкѣ, какъ показываютъ примѣры: *Княгини*, *осподарь*, *бласловляю* (XII в.), *разнѣвавъся* (1073 г.) и въ житіи св. Савы освященнаго, изданномъ И. В. Помяловскимъ, стр. 313». «Если это такъ, то не лучше ли возводить слово *бармы* прямо къ *бар* отъ *багр*, ср. *вѣдъма* отъ *вѣд*, вѣдѣти?» Намъ остается только прибавить, что если Миклошичъ сближаетъ слово *бахрома* съ турецкимъ *machrama* (платокъ), откуда болгарское и сербское *махрама*, *марама*, то мы далеко не убѣждены, что *бахрама* не происходитъ попросту отъ *багрома*, и что не отъ того же опять слова произошло и турецкое названіе: по крайней мѣрѣ, надо было бы предварительно узнать древнѣйшее его происхожденіе въ восточныхъ языкахъ. Вообще же нѣкогда должна была существовать пока еще невидимая связь между всѣми этими реченіями: *багрома*, *бахрома*, *моржи*, *мохры* и пр., и мы, впредь до новыхъ указаній, будемъ считать, что всѣ онѣ идутъ отъ одного понятія пурпурныхъ кистей или бахромы, окаймлявшей одежды.

---

[1]) Прозоровскій «Объ утваряхъ Влад. Мономаха», стр. 41, прим. 3, тоже толкуетъ Phrygium=вышивка по подолу; также tiara папская.

[2]) См. словари Дюканжа: Φρύγιον=τὸ βασιλικὸν φακεόλιον, *Phrygium* и пр.

[3]) Прозоровскій, ibid. стр. 59 прим. 3.

[4]) М. Дринова, *О Болгарскомъ словарѣ А. Л. Дювернуа*, Спб. 1892, стр. 26.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Бахрома (греч. *кроссы, коримбы*, лат. *fimbriae*) восходитъ по употребленію къ глубокой древности и происходитъ съ азіатскаго Востока; очевидно, бахрома, въ своемъ исходномъ основаніи и типѣ, подражаетъ прядямъ мѣховой одежды, носимой мѣхомъ внутрь и, вѣроятно, имѣла назначеніемъ первоначально служить для сохраненія тепла и составляла своего рода подбой, теплую мохнатую изнанку для матерій преимущественно верхнихъ и потому плотныхъ или даже двойныхъ. Повсюду на всѣхъ рельефахъ ассиро-халдейскихъ, на памятникахъ Финикіи и Кипрскихъ мы видимъ верхнія одежды, окаймленныя бахромою, тяжелою и густою, но уже, видимо, только служащею для бордюра одежды, сдѣланной изъ тонкихъ, нерѣдко льняныхъ тканей. У Грековъ бахромы долгое время служили лишь для жреческихъ одеждъ, какъ въ Финикіи и во времена Христа для фарисеевъ, заботливо умножавшихъ «воскрылія (собственно бахрому, каймы, мохры) своихъ одеждъ». Кусокъ матеріи, служившій пологомъ надъ прахомъ и саркофагомъ, и окаймленный бордюромъ изъ бахромы, былъ найденъ въ одной керченской могилѣ, отъ эпохи предшествующей Рождеству Христову. Бахрома въ это время уже составляла украшеніе пышныхъ матерій, и пряди или мохры ея смѣшивались съ мелкими подвѣсками, кисточками, вотолками, цѣпками съ драгоцѣнными камнями, колечками и пр. Такого рода матеріи употреблялись для покрывалъ, поясовъ, обстоятельство, указываемое намъ многими памятниками древняго искусства и важное для пониманія варварскихъ украшеній.

Напротивъ того, основной прототипъ металлическихъ цѣпей съ круглыми медальонами представляется въ позднеримскомъ обычаѣ воинскихъ *фаларовъ* (Φάλαρον, phalera) уздечныхъ бляхъ, изъ которыхъ вкусъ римской солдатчины сдѣлалъ военный орденъ [1]). Однако, весьма вѣроятно будетъ заключить, что это былъ знакъ отличія первоначально въ конницѣ, а затѣмъ долгое время украшеніе возницъ, цирковыхъ предводителей и пр. Въ самомъ дѣлѣ, фалары, доселѣ указанные въ памятникахъ и на изображеніяхъ, чаще носились на своего рода перевязяхъ, портупеяхъ и ремняхъ, накрестъ и поперекъ груди расположенныхъ, стало быть, такъ или иначе напоминающихъ перевязи конюховъ и возницъ. Наиболѣе близкій для насъ образецъ представляютъ извѣстныя изображенія трехъ димарховъ или геніоховъ Константинопольскаго цирка, которыхъ мы указали во фрескахъ Кіево-Софійскаго собора [2]): на этихъ фигурахъ надѣтъ весь римско-византійскій нарядъ возницъ или трибуновъ цирка: туники цвѣта ихъ партіи (голубыя, зеленыя и пр.) и короткія (родъ казакина); ременныхъ перевязей нѣтъ, но есть пять бляхъ на груди [3]), родъ каски (κράνος, κασσίδιον) на головѣ и узкіе

[1]) Sittl. *Klassische Kunst-Archaeologie,* § 230, pag. 253. Девять фаларъ отъ римскихъ латъ найдены въ Лауерсфортѣ. 24 медальона съ орлами и полулуніями въ б. Münz—und Anticken—Cabinet въ Вѣнѣ. Двѣ бляхи съ изображеніемъ Аѳины изъ Киля. Фалары съ пиленными гранатами въ томъ же б. Вѣнскомъ Кабинетѣ. Близъ Майнца, въ водахъ Рейна, найдены фалары, одинъ въ попер. 0,30 м., рѣзной изъ бронзы, варварскаго издѣлія, нынѣ въ музеѣ Вормса.

[2]) Моя статья «О фрескахъ лѣстницъ Кіево Софійскаго собора» въ *Зап. Имп. Рус. Арх. Общества*, т. III, стр. 287—306, рис. XI. Почему именно три, а не четыре, и цвѣта: красный, бѣлый и зеленый, см. Ioannes Lydus *de mensibus,* ed. Bonn. p. 65, § 19.

[3]) Перевязи крестообразныя съ медальонами на груди см. въ *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1880 г., таб. I, 16, II, 13, стр. 54—5.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

штаны на ногахъ, обутыхъ въ сапожки. Если мы, затѣмъ, сопоставимъ эти пять металлическихъ (золотыхъ, съ гранатами и иными камнями) бляхъ съ *пятью* же круглыми и чрезвычайно близкаго рисунка бляхами отъ конскаго убора, изъ золота, съ гранатовыми инкрустаціями (вѣрнѣе, накладкою изъ гранатъ или застекленіемъ рѣшеточекъ пилеными стеклами гранатоваго цвѣта), въ кладѣ, найденномъ близь Таганрога (*Чулецкій* кладъ, по рѣкѣ Чулеку), [1]) то получимъ ясное указаніе, гдѣ должны искать особыхъ восточно-варварскихъ типовъ того же ордена или знака отличія. Достаточно указать на значеніе цирковыхъ партій Византіи, чтобы исторически оправдать распространеніе этого знака отличія между варварскими племенами сѣв. Европы [2]).

Затѣмъ, въ позднѣйшую пору Римской Имперіи устанавливается и типъ особаго шейнаго украшенія изъ круглыхъ бляхъ, носимыхъ на шнурѣ или цѣпи, повидимому, сначала въ видѣ воинскаго знака отличія, впослѣдствіи вообще знака особаго достоинства, и въ качествѣ такихъ бляхъ употребляются *медальоны* [3]) въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. большія медали, обдѣлываемыя въ золотой и серебряный ободъ, украшаемый филигранью, жемчугомъ, камнями и т. д. Переходъ этихъ украшеній къ варварамъ въ видѣ такъ называемыхъ *брактэатовъ* достаточно извѣстенъ, чтобы нуждался въ объясненіяхъ [4]): для насъ важно лишь время ихъ распространенія на сѣверѣ Европы отъ IV вѣка (эпохи Константина) до VI столѣтія включительно. Латинское bractea, bracteola [5])—листъ золота, блестка, соотвѣтствуетъ греческому πέταλον, старинному русскому *поталъ* [6]), а подъ этимъ именемъ, начиная съ VI вѣка, мы встрѣчаемъ постоянно мужскіе и женскіе уборы или украшенія, какъ нашивныя, такъ и подвѣсныя, въ видѣ всякаго рода бляшекъ. Мы уже указывали на ихъ суевѣрное назначеніе служить погремушками, балаболками [7]), но, очевидно, этого рода бляшки

---

[1]) *Русскія Древности*, вып. III, Ср. надгробный камень Цэлія въ Боннѣ: центуріонъ, имѣющій всѣ возможныя въ его время отличія: corona civica, torques, двѣ armillae на плечахъ, пять phalerae на панцырѣ.

[2]) Изображеніе геніоховъ византійскаго цирка находимъ часто на тканяхъ и древнихъ одеждахъ; см. Linas, *Orfèvrerie cloisonnée*, II, p. 485, 488; Linas, *Notice sur cinq anc. étoffes*, pl. V; на персидской пурпуровой матеріи VI (?) вѣка: *Catalog einer Sammlung v. Geweben u. Stickerien*, Köln, 1876; также на матеріи въ худ.-пром. музеѣ Берлина и пр.

[3]) Fröhner, *Les médaillons de l'Empire Romain*, 1878. Fontenay, *les bijoux anciens*, 1887, p. 182.

[4]) См. Lindenschmidt, L. *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Nach den Originalen v. d. Centralmuseum in Mainz.* 1864, I. Bd., Heft IV, Taf. 6; VI, 5; X, 7; XI, 6. Также извѣстная статья Томсена *о золотыхъ брактеатахъ* въ Копенгагенскихъ *Анналахъ* 1855 г.

[5]) Такъ, выраженіе, перенятое греками V—VI в. βρακτεολάτος=bracteolatus, употребляется въ VI в.: Ioannes Lydus, ed. Bonn. 169, 22 не значитъ κεχρυσώμενος, какъ думаетъ Софоклесъ, но одежда, усыпанная золотыми блестками.

[6]) Слово значитъ: листъ дерева, лепестокъ цвѣтка, затѣмъ: подвѣсная бляшка конскихъ уборовъ (у насъ *поталы*), личныхъ уборовъ, въ видѣ листка на ожерельяхъ и всякая круглая бляшка; поталъ, петалъ=дщица округлолита, на ней же четырьмя письмены написано неизреченое имя Божіе»—у іудейскаго первосвященника; далѣе πεταλοποιὸς, πεταλουργὸς=bracteator, употребляется вмѣсто μεταλλουργὸς, а *поталь* рус.=сусальное, накладное золото. О *петалѣ* первосвященника см. Епифанія, Patrol. ed. Migne, т. 43, стр. 301. Накладка листоваго золота была повсюду примитивнымъ способомъ золоченія, и первый видъ мастерства всегда состоялъ въ листованіи золота, серебра и мѣди и облицовкѣ ихъ листами менѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Древнѣйшая орнаментика связана съ накладкою, съ листовымъ золотомъ и серебромъ.

[7]) Мы не рѣшаемся, однако, указать, есть ли какая нибудь связь между *поталомъ* и *боталомъ* — по Далю — побрякушка для скота, деревянный звонокъ, *ботить*—гудѣть, *ботъ*—шестъ съ поперечнымъ брускомъ и пр. Сравнимъ впрочемъ у Du Cange, Gloss. lat. v. bracteola=campanula aurea.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

получали и особое символико-мистическое значеніе, благодаря надписямъ, рисункамъ (πετάλιον ζωγραφικὸν), каковы напримѣръ извѣстные *змѣевики*. Такого рода эмблематическіе амулеты легко смѣшать, особенно въ изображеніяхъ, съ разными филактеріями, энкольпіями или реликваріями, ладаницами и панагіями, или даже напримѣръ портретами, которые было принято носить въ Византіи на торжественные дни [1]). Какъ образецъ подобнаго рода медальоновъ, относящихся такъ или иначе къ Византіи, мы можемъ указать только на особо описываемыхъ цѣпяхъ изъ Сиріи и Анапы (Кавказскаго побережья), и еще на пять великолѣпныхъ медальоновъ въ коллекціи барона Гейля въ Вормсѣ, XI—XII столѣтій [2]), украшенныхъ тончайшею филигранью и камнями; близкое сходство этихъ пяти подвѣсокъ—плоскихъ съ изнанки, нѣсколько выпуклыхъ съ лица, частью варварскаго издѣлія (большой медальонъ съ эмалевымъ орломъ), частію лучшей греческой работы—съ древне-русскими бармами дало намъ поводъ еще ранѣе высказать убѣжденіе, что эта связь естественно указываетъ на среду русскихъ древностей, гдѣ должно искать объясненія и смысла оторванныхъ фрагментовъ, унесенныхъ на западъ. Арабы усвоили очень рано тѣже украшенія, замѣнивъ, конечно, христіанскія эмблемы своими, и разнесли, затѣмъ, въ видѣ готовыхъ металлическихъ издѣлій, всюду, куда шла восточная торговля, до сѣвера Россіи и крайнихъ предѣловъ мавританскихъ: такимъ образомъ, мы не только въ народныхъ уборахъ самихъ арабовъ въ Сиріи и Аравіи находимъ цѣпи съ подвѣсными бляхами, и даже подобіями византійской лиліи (крина), птицами, птицами двуглавыми и пр., словомъ все тѣ же рисунки, какіе находимъ на персидскихъ и византійскихъ подвѣскахъ. Отсюда, затѣмъ, плоскіе поталы изъ серебра, съ камнемъ, и позолоченымъ фономъ, въ оправѣ изъ грубой скани, встрѣчаемъ въ Пермскихъ древностяхъ [3]), въ древностяхъ мерянскихъ [4]), Швеціи и пр. Когда же въ мерянскихъ ожерельяхъ встрѣчаются круглые, отлитые изъ бронзы образки Спаса, Успенія и свв. Космы и Даміана, то, конечно, это есть подражаніе новому русскому типу того же, давно ставшаго традиціоннымъ, украшенія, и самые образки относятся уже къ XII и даже, быть можетъ, XIII столѣтію.

Въ то же время, около X—XI столѣтій, въ подвѣскахъ происходитъ извѣстный подборъ и переходъ къ опредѣленному смыслу, который открыть, однако, удастся лишь впослѣдствіи въ результатѣ анализа всей среды варварскихъ древностей сѣверной Европы, отъ восточныхъ предѣловъ Россіи до Рейна включительно. А именно, мелкія бляшки все болѣе и болѣе теряютъ значеніе амулетовъ, а большіе медальоны перестаютъ играть роль брактеатовъ, но сохраняются въ видѣ шейнаго украшенія, ожерелій, цѣпей и цѣпочекъ, еще не получившихъ опредѣленнаго значенія и утратившихъ прежнее. Такъ бываетъ неизбѣжно и въ быту вообще, и въ общемъ строѣ жизни юридической, общественной, художественной, когда варварское

[1]) См. Codinus, De officiis, III, 13. Du Cange, φυλακτήριον изъ Никифора Antirrhetica: ἐν οἷς... τὰ πολλὰ εἰκονιζόμενα. Ср. изд. проф. Стриговскимъ филактерій музея Константинополя въ *Byz. Denkmäler*, I. Du Cange v. ἐγκόλπιον.

[2]) *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго*, стр. 243—4, рис. 87.

[3]) *Пермскій Сборникъ*, ст. проф. С. В. Ешевскаго, II, № 30.

[4]) *Древности Мерянъ*, графа А. С. Уварова въ *Трудахъ I Арх. Съѣзда*, таб. 32, 34 (рис. 4, 5, 10, 11), 28 (рис. 24), текстъ, томъ II, стр. 698, 721, 739.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

племя слагается въ государство, образуетъ страну и націю, смотря по свойствамъ расы и характеру сосѣднихъ вліяній и международныхъ отношеній, завязывающихся при образованіи государства.

Если, напримѣръ, первобытныя древности отличаются такимъ не различимымъ для нашихъ глазъ сходствомъ, а близость формъ въ древностяхъ сѣверной Европы до Рождества Христова составляетъ также весьма опредѣленный и точный фактъ, то, сравнительно, уже эпоха переселенія народовъ выставляетъ гораздо больше разнообразія формъ и предметовъ, большую сложность, вызывая разработку прежнихъ общихъ типовъ и открывая новые характеры и явленія быта.

Еще отъ Геродота (I, 215) мы узнаемъ, что скиѳское племя Массагетовъ какъ собственные «головные уборы, пояса и перевязи украшаютъ золотомъ», такъ и «уздечки, удила и фалары приготовляютъ изъ золота». Много прошло времени отъ Геродота до первыхъ нашествій кочевниковъ на культурныя страны древняго міра, а кочевникъ за это время какъ-бы не измѣнился въ своихъ привычкахъ, въ своемъ крайне несложномъ быту. По прежнему, Аланы, Команы, Половцы довольствуются тою же пищею отъ стадъ и всѣ свои излишки расходуютъ на уборы личные, женъ и коней; къ тому же личному убору относитъ кочевникъ и убранство любимаго коня, то навѣшивая на узду женскія украшенія, то убирая ее собственными амулетами, то перенося на самого себя формы конскихъ уборовъ. Эти вкусы не мѣняются и тысячелѣтіями.

Вотъ, напримѣръ, какіе предметы оказались въ такъ называемой Хивинской казнѣ или сокровищницѣ, взятой въ 1873 г. при взятіи Хивы [1]): 1) Золотыя женскія діадемы съ камнями и подвѣсными ряснами и золотые же кокошники; сравнимъ ниже разсматриваемую діадему Кіево-Михайловскаго клада. 2) Шейные уборы и ожерелья изъ коралловыхъ и жемчужныхъ нитокъ, въ перемежку съ бляшками и бармицами, которыя такъ или иначе играли роль талисмановъ [2]): эти мелкія бляшки тождественны по значенію и близки по рисунку къ подвѣскамъ цѣпей X—XI вѣковъ. 3) Золотые *зюльфы*, длиною иногда болѣе 2 аршинъ, и составленныя изъ ряда звеньевъ: кистей съ *вотолками* и наборомъ изъ камней, бирюзы, жемчуга и *ворворокъ* [3])—подвижныхъ шариковъ, движущихся по общему шнуру, продѣтому черезъ вотолки и ворворки. Эти золотыя кисти носились на косахъ, на плечахъ у женщинъ, а также особенно обильны въ конскихъ уборахъ. 4) Талисманы изъ золота въ видѣ цилиндрическихъ трубочекъ для вложенія листиковъ изъ Корана съ оберегательными изреченіями, носившіеся на шеѣ, на шнуркахъ. 5) Капторги или коробочки, съ подвѣшенными снизу тигровыми зубами, какъ амулеты, о которыхъ говоритъ еще Ибнъ-Фодланъ, описывая Рус-

[1]) Изъ Царскосельскаго Арсенала часть сокровищницы, туда сданная, поступила въ Средневѣковое Отдѣленіе Имп. Эрмитажа. См. мой *Указатель Отдѣленія*. Спб. 1891, стр. 73—6.

[2]) Арабское *hamail*=амулетъ, подвѣска вообще. Emele, *Über Amulete*, Mainz, 1827, указ. у Bucher Bruno, l. c., pag. 290.

[3]) Не происходитъ ли неизвѣстное *ворворка* отъ *berberi*—названія жемчуга, быть можетъ, мелкаго, или просто варварійскаго, т. е. африканскаго? См. Βέρβερι παρὰ τοῖς Ἰνδοῖς, Du Cange v. χάλαζα=margarita. Древнѣйшій типъ въ изд. *Coste et Flandin, Perse anc.* pl. 33.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

совъ, и о которыхъ мы, поэтому, будемъ говорить особо. 6) Золотые *тлыки*—аламы—бляхи на плеча, на грудь, съ подвѣсными цѣпочками, имѣющіе видъ лунницъ и замѣняющіе или прежнія, ставшія ненужными, плечевыя фибулы и аграфы, или пряжки къ мантіи съ цѣпями, протягивавшимися черезъ грудь отъ одного плеча къ другому. 7) Плечевыя фибулы, въ видѣ золотаго лучка, но безъ значенія застежки. 8) Нагрудныя бармицы, или плоскія бляхи, иногда числомъ пять, усаженныя камнями и носимыя на коралловомъ шнурѣ.

Необозримая масса богатыхъ и причудливыхъ по формамъ издѣлій индусской художественной промышленности: Пенджаба, Бомбея, Каттіавара, Лагора и пр., нынѣ сосредоточенныхъ въ Индійскомъ Отдѣленіи Кенсингтонскаго Музея въ Лондонѣ, открываетъ намъ столь обширныя и отдаленныя по времени перспективы для сравненія, что весьма легко понять страхъ, удерживающій историковъ искусства и этнографовъ отъ риска изслѣдованій въ этой необъятной для усилій отдѣльныхъ лицъ области [1]). Эта область столь же обильна матеріаломъ, сколько разнообразна по типамъ, формамъ и стилямъ, что уже само по себѣ заставляетъ отказаться отъ первоначальныхъ сужденій о примитивности этихъ личныхъ уборовъ и отдаленной древности типовъ, будто бы идущихъ изъ эпохи Ведъ. Напротивъ, скрещеніе стилей, разнообразныя вліянія культуръ передней Азіи, Персіи, Средней Азіи, арабовъ и монголовъ играютъ здѣсь столь же крупную роль, какъ и въ другихъ областяхъ, развѣ только еще болѣе сложную и трудную для анализа. Мы находимъ въ Каттіавара частое примѣненіе лунницы въ украшеніяхъ, серьгахъ, брошахъ, головныхъ уборахъ, амулеты въ видѣ цилиндра болѣе или менѣе повсюду и не тамъ только, гдѣ магометане, и безъ вложенія листиковъ Корана, а равно тѣ же ожерелья изъ бляхъ, наборные пояса, шейныя цѣпи, серьги «двойни и тройчатки» и даже медальоны чеканные и ажурные съ двумя птицами, и пр. и пр. Въ данномъ случаѣ мы только хотѣли отмѣтить существованіе здѣсь (вещи изъ Бомбея) такихъ же конскихъ уборовъ съ рѣзными бляхами и бляшками, индо-персидскаго рисунка, и кистей съ вотолками и ворворками какъ въ средней Азіи. Мы уже высказывали ранѣе наши взгляды на значеніе скиѳскаго нашествія на Индію и роль Саковъ въ переносѣ ими туда среднеазіатскаго искусства, и здѣсь можемъ только кратко упомянуть объ этомъ важномъ обстоятельствѣ для установленія связи между сѣвернымъ Индостаномъ, Средней Азіей съ одной стороны и варварскими древностями Южной Россіи, Венгріи и Бургундіи. Мы открываемъ здѣсь поразительное сходство, смотря, напримѣръ, на бляшки съ накладными инкрустаціями у племени Аксу и подобныя же съ гранатами изъ Венгріи, или на серьгу въ видѣ вотолки, висящей на кольцѣ и снабженной подвѣсками изъ зеренъ драгоцѣнныхъ камней и золотыхъ шпилекъ, или жемчугу, изъ Индіи и изъ венгерскихъ находокъ въ Національномъ Музеѣ Пешта, или на подвѣски въ видѣ лиліи съ гроздью, или на цѣпи, протягивающіяся отъ одного плеча къ

---

[1]) Снимки въ доступныхъ изданіяхъ съ предметовъ личнаго убора крайне скудны: кромѣ извѣстнаго *Portfolio of the Indian art*, мы можемъ указать на Birdwood, *The industrial arts of India*. 1880, таб. 44—57, снимки эти повторены въ изд. *Le Bon, Les civilisations de l'Inde*, P. 1887, fig. 323—332. Мы лично пользовались фотографическими снимками (Инд. Отдѣла) Кенсингтонскаго Музея, нынѣ пущенными въ продажу.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

другому и т. д. Конскіе уборы должны встрѣчаться и въ древностяхъ Венгріи, хотя нерѣдко ихъ также трудно выдѣлить тамъ, какъ опредѣлить иные зюльфы и подвѣски въ Хивинской казнѣ, или разобраться въ иныхъ скиѳо-сарматскихъ находкахъ, что́ принадлежитъ конскому убору, такъ какъ есть много мелкихъ бляхъ, пряжекъ, которыхъ спеціальное приспособленіе къ ремнямъ, вооруженію или убору остается непонятнымъ, пока счастливая случайность не разъяснитъ дѣла. Но, сравнительно съ могильными древностями Сибири и Южной Россіи и даже кладами, венгерскія находки представляютъ уже оскудѣніе конскими уборами и даже преимущественно содержатъ уборъ личный мужескій; только его стиль, техника и самая фактура или тождественна съ южно-русскими и кавказскими древностями, или, видимо, отъ нихъ получила свои образцы и передаетъ ихъ развѣ иногда въ осложненной формѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и большіе фалары [1])—трудно сказать, снятыя ли съ коня—въ видѣ большихъ бляхъ съ дужками, имѣющихъ выпуклую середину, набранныхъ зернью и подобіемъ жемчуга; эти орнаментальные брактеаты сопровождаются гривною, изъ золота, обвитаго золотыми нитями, и великолѣпною золотою фибулою, въ формѣ треугольника съ подвѣсными камнями, набранною въ рѣшеточкахъ гранатами, зелеными изумрудами и lapis lazuli въ срединѣ.

Мы только мимоходомъ и для сопоставленія укажемъ на кладъ Фреймерсгейма, найденный близь Майнца и нынѣ хранимый въ тамошнемъ Центральномъ Музеѣ, какъ на наиболѣе ясное указаніе той роли, которую стали играть въ эпоху Франковъ (кладъ найденъ съ византійскою монетою Льва) прежніе фалары. Мы находимъ здѣсь именно пять медальоновъ, изъ которыхъ четыре передѣланы рукою варвара на фибулы, т. е. грубо обдѣланы бронзою и снабжены иглою, а это тѣже наши бармы, т. е. круглыя и плоскія бляхи, толщиною (съ выпуклостью) всего 5 миллиметровъ, украшенныя камнями, стеклами и сканью въ видѣ кружочковъ и восьмерокъ. Если же мы будемъ когда либо, съ опредѣленною цѣлью, пересматривать всѣ фибулы Франко-Алеманскихъ могилъ и кладовъ, въ музеяхъ Нюренберга, Аугсбурга (№ 3700—1), Бонна (№ 6391), Висбадена, Карлсруэ, то откроемъ десятки медальоновъ, очевидно, привозныхъ изъ Византіи и Востока, за V—VIII столѣтія; вещи эти доставлялись въ качествѣ фаларовъ, подвѣсокъ, наборныхъ цѣпей, но передѣлывались на фибулы, пряжки, которыя были болѣе нужны. По самымъ украшеніямъ изъ гранатъ, особенно бирюзы, нерѣдко яхонтамъ, фактурѣ скани (не филиграни), образующей орнаментъ, можно узнать и выдѣлить эти вещи изъ другихъ, собственно германскихъ.

Переходя на почву народныхъ конскихъ уборовъ, мы находимъ у Сербовъ лучшій образецъ по типичности и сохраненію типа VII—IX вѣковъ, что чрезвычайно характерно для сложенія племени и его традицій. Уборъ, нами описываемый [2]), выполненъ изъ мѣди и

[1]) Изъ Остропатаки, въ Минцъ Кабинетѣ Вѣнскаго Имп. Музея, быв. № 307.

[2]) Въ Вѣнскомъ Музеѣ Художественной Промышленности, №№ 3803—10, въ залѣ древностей и уборовъ изъ металла. Для подтвержденія своего анализа, укажемъ также въ томъ же Музеѣ подъ № 6244—6279 боснійскіе народные уборы изъ золота и серебра, серьги, пояса, чрезвычайно близкіе по формамъ именно къ эпохѣ VI—IX вѣковъ, съ ихъ кораллами, бирюзою, сканью, жемчужными шариками, и пр. Серьги напр. имѣютъ здѣсь опять форму ватолки—полускорлупки, украшенной сканью, привѣшенной къ ушному кольцу на золотой ажурной пальметкѣ и снабженной подвѣсными ажурными бусинками изъ золотой проволоки.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

посеребренъ. Въ немъ прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе, конечно, цѣпь тройная съ среднею бляхою и двумя застежными бляшками у крючковъ, со множествомъ мелкихъ подвѣсныхъ бляшекъ. Далѣе круглый щитокъ, украшенный красными стеклами, сканными кружочками, съ подвѣсною розеткою, на которой уже виситъ подобіе колокольчика (по формѣ тоже, что большіе аланскіе колокольцы изъ могилъ Осетіи, въ бронзѣ) и подобный же щитокъ, но не подвѣсный, а, вѣроятно, налобный (гладкій, *лысина*, какъ называли въ старину). Далѣе подвѣски въ видѣ ворворокъ съ подвѣсными балаболками въ видѣ дутыхъ грушъ (жемчужинъ), очевидно, отъ ремней, и семь подвѣсныхъ у ремней пряжекъ со стеклами и подвѣсными цѣпками. Наконецъ, десять бляхъ, связанныхъ шарнирами, украшенныхъ стеклами, имитирующими яхонты и изумруды, и сканью, представляющей такія же вѣточки съ плодами, какія знаемъ въ искусствѣ Персіи и Индіи.

Въ скандинавскихъ странахъ конскіе уборы, какъ и личные уборы вообще, приняли тотъ общій имъ характеръ преувеличенія и схематизаціи, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ всѣ древности этихъ странъ, бывшихъ глухими закоулками Европы. Разъ зашедшая сюда форма не только сохраняется здѣсь тысячелѣтіями, но и крайне осложняется, преувеличивается, утрируется, а отъ безконечнаго повторенія одинъ и тотъ же рисунокъ, сюжетъ, орнаментъ сокращается въ схему, становится крайне линейнымъ, геометрическимъ, условнымъ и подъ конецъ едва узнается и постигается. Намъ еще прійдется со временемъ подробно говорить объ этой чертѣ древностей Скандинавіи и Ирландіи по преимуществу, разсуждая по вопросу о значеніи варяжскаго элемента въ русскихъ древностяхъ, а теперь намъ нужно лишь повторить этотъ общій нашъ взглядъ для постановки избраннаго спеціальнаго вопроса. А именно въ Швеціи мы находимъ среди древностей, открытыхъ у церкви Венделя, замѣчательную узду изъ золоченой и рѣзной бронзы съ красными эмалями, доселѣ изданную, къ сожалѣнію, безъ красокъ [1]), которая, относясь къ VIII—IX столѣтіямъ, представляетъ, какъ мы уже замѣтили ранѣе, повтореніе общаго типа готѳскихъ вещей IV—V вѣковъ, только со стилизаціею скандинавскою: и тяжесть узды, и преувеличеніе размѣровъ круглыхъ бляшекъ, и тяжелый наборъ металлическихъ четыреугольныхъ пластинъ въ промежуткахъ, и утомительное однообразіе плетеній, все это составляетъ давно знакомыя черты сѣвернаго, характернаго, но тяжелаго искусства и быта. Какъ далеко отходятъ эти тяжелыя бронзовыя украшенія отъ легкаго восточнаго образца изъ листоваго золота съ блестками драгоцѣнныхъ камней! Этнографическое Отдѣленіе «Сѣвернаго Музея» въ Стокгольмѣ производитъ именно впечатлѣніе такого захолустнаго угла, въ которомъ удержались до нынѣ формы древнѣйшихъ уборовъ: и амулеты, и кики, и пуговицы въ стилѣ русскихъ работъ XVII вѣка, и серьги въ видѣ калачиковъ или колтовъ, и коники повсюду, и ковры первобытныхъ рисунковъ, напоминающихъ Дагестанъ, сундуки съ рѣзьбою въ стилѣ фибулъ VIII—IX вѣковъ, полотенца тождественнаго рисунка съ русскими; отъ всего вѣетъ грубою стариною, простыми, тяжеловатыми, но устойчивыми обычаями. На шейныхъ цѣпяхъ видимъ здѣсь серебряныя лунницы, а на груди

[1]) *Исторія и памятники византійской эмали*, стр. 28—30, рис. 3.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

невѣсты бармы изъ пяти медальоновъ, осыпанныхъ камнями, у пояса рядъ подвѣсныхъ бляшекъ. Въ этомъ же музеѣ выставлены ряды старинныхъ женскихъ бармъ изъ большихъ круглыхъ бляхъ съ выпуклостями въ срединѣ, изъ серебра, а также подвѣсныя бляхи съ надписью имени Іисуса въ качествѣ амулетовъ, и всевозможныя старинныя подвѣски къ поясамъ, шейнымъ цѣпямъ и пр.

Сообразно этому основному свойству скандинавскихъ бытовыхъ древностей, и брактеаты получили иной характеръ: во-первыхъ это украшеніе совершенно утратило значеніе выдающагося знака воинскаго отличія, стало обыкновеннымъ предметомъ убора какъ мужескаго, такъ и женскаго, умалилось въ художественномъ достоинствѣ и стало, словомъ, обыкновенною бляшкою монетнаго типа [1]), окаймленною узкимъ бордюромъ, чаще всего имитаціею римскихъ монетъ IV вѣка, носимою на обычномъ монистѣ или ожерельѣ.

Взамѣнъ того, въ средѣ тѣхъ же древностей Швеціи (но не Даніи—обстоятельство не маловажное для пониманія предмета) мы находимъ нѣсколько экземпляровъ нашихъ бармъ, т. е. круглыхъ медальоновъ—исключительно изъ серебра, тѣхъ же размѣровъ (0,07—0,09 м.)—носимыхъ въ нечетномъ числѣ на груди, по три, пяти, но также четыре и пр. и что особенно замѣчательно, открытыхъ вмѣстѣ съ шейными цѣпями, на которыхъ подвѣшены тѣльные кресты, и англосаксонскими монетами XII—XIII столѣтій. Такъ, напр., въ одномъ кладѣ монетъ встрѣчены три бляхи съ филигранью и три медальона съ рѣзьбою, изображающею крестъ, агнца, расцвѣченные чернью, съ десятками большихъ бусъ, подобныхъ нашимъ; три бляхи безъ дужекъ или колечекъ, очевидно, отъ ремней, а три медальона снабжены ушками и были подвѣшены на шнурѣ между бусъ. Въ другомъ кладѣ имѣется пять слегка выпуклыхъ медальоновъ съ тѣльнымъ крестомъ, въ третьемъ при крестѣ два медальона, тождественные съ нашими. Характерно и указанное нами въ другомъ мѣстѣ присутствіе цѣпей съ змѣиными наглавниками, вмѣстѣ съ большими выпуклыми бляхами, крестами, цѣпью съ медальономъ Богородицы и пр. Кладъ изъ Тингли содержитъ двѣ большихъ бляхи и одну малую, украшенныхъ горными хрусталями и сканью. Замѣчательны бармы изъ четырехъ бляхъ, большихъ серебряныхъ и покрытыхъ тонкою сканью (той же техники, что въ украшеніяхъ Мономаховой шапки), разныхъ рисунковъ; въ срединѣ орнаментальная выпуклость и кругомъ плетеніе изъ змѣй; тутъ же на большой серебряной цѣпи складной тѣльникъ въ типѣ «корсунскихъ крестовъ». Декоративныя формы крестовъ на пяти медальонахъ, украшенныхъ стеклами, сканью, столь близки къ «суздальскому оплечью», что невольно приходитъ на мысль, что большинство этихъ скандинавскихъ древностей и происходитъ изъ Россіи или были выполнены по русскому образцу.

Что древнерусскіе конскіе уборы происходили съ Востока, въ томъ едва ли нужно кого либо увѣрять: дѣло понятно само собою. Кисть подъ шеею, у переносья, у ремней называлась

---

[1]) Montelius, O. *Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit*, übers. v. C. Appel. Berlin. 1885, p. 125—6. Число брактеатовъ монетныхъ Монтеліусъ считаетъ около 200—для Швеціи, Норвегіи и Даніи, и 100 съ плетеніями такъ называемаго звѣринаго стиля.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

морхи, откуда слово *мохры*, *махровый* и пр., но металлическія подвѣски къ конской уздѣ назывались у насъ въ старину татарскимъ словомъ *решма*, попона въ богатомъ видѣ называлась *чапракъ*, принадлежности сѣдла—*арчакъ*, *тебенекъ*, налучей и колчана—*бенди* и пр. Однако, тутъ же есть и русскія слова, какъ то: *лысины* въ значеніи налобника, бляхи frontale, ἄμπυξ, разнаго рода подвѣски рано стали зваться *наузы*, *наузольники*, съ *чекмами* (чеканныя бляшки), *плящинами* и *вотолками*. Для насъ въ данномъ случаѣ важно, что слово *ворворка*, особенно часто употребительное, идетъ, повидимому, изъ Византіи, и оттуда же *поталы*. Наши конскіе уборы у князей должны были, весьма естественно, подражать пышнымъ византійскимъ церемоніальнымъ сбруямъ, и мы съ особеннымъ интересомъ узнаемъ, что пресловутая *червленая челка* есть только дословный переводъ греческаго Βορκάδια αληθινᾶ [1]).

Далѣе, для нашей задачи весьма существенно, что древняя Россія знала брактеаты и даже употребляла для этого предмета особое слово—*цаты*. Русское *цата*, церковносл. цата, старослав. centa, по Миклошичу значило: монета; чешское ceta—золотая монета, польск. cetka блеска, золотой листъ (т. е. поталъ или брактея), малорус. *чатка*—крапина, древнерус.—монета, динарій, подвѣсная бляшка, прикладъ къ вѣнцу и пр.; литов. ceta—пряжка на поясѣ (ср. срв. *cinta*, *cinctura*); румын. centę=bractea; готоское *Kintus*.

По указаніямъ слависта Е. Ѳ. Будде, извѣстное Остромірово Евангеліе передаетъ слова: νόμισμα пѣнязь и κήνσος словомъ цата, съ дополненіемъ: цата киньсьнаѫ. По древнимъ азбуковникамъ, цата=златница, сребреникъ, а въ Тамбов. губ. этимъ именемъ доселѣ называютъ узоры на плечахъ и подолѣ (круглыя нашивки мордовскихъ рубахъ, идущія отъ восточно-сирійскихъ образцовъ VIII—X стол., сохранившихся въ коптскихъ могилахъ), блестки золотые и пр. По лѣтописи вел. князь Андрей устроилъ «церковь различными цятами и аспидными цятами—т. е. облицовалъ стѣны яшмовыми плитами и т. д.

Въ Шестодневѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, рукописи 1263 года, такъ описываются знаки княжескаго достоинства и приближенныхъ князя: «кнеза видѣти, сѣдеща въ срацѣ бисромь покыданѣ, *гривну цетаву* на выи носяща и обручи на руку, поясомъ вълърмитомъ поясана и мьчь златъ при бедрѣ висещь; и оба полы его болѣры сѣдеще въ златахъ гривнахъ и поясахъ». Графъ А. С. Уваровъ [2]), указавъ на ясное отличіе княжеской гривны отъ обыкновенныхъ золотыхъ гривенъ, имѣвшихъ форму обруча, свитаго изъ металлическихъ дротовъ, полагаетъ, что это отличіе заключалось не въ одномъ только богатствѣ украшеній, но и въ особой формѣ этой гривны, и въ видѣ предположенія замѣчаетъ, что цатою доселѣ называютъ лунообразную подвѣску на иконахъ, прикрѣпляемую къ оконечностямъ вѣнчикомъ а что такія подвѣски уже были, видно изъ лѣтописнаго текста подъ 1288 годомъ: «икону

---

[1]) Константина Порф. *De carimoniis* pag. 452, 4. Рейске въ прим. на стр. 491: borcadium=rica, calyptra capitis, quae equis induitur et manasse ab Arabico *borca*. Ср. въ текстѣ также стр. 462 и 485 Форма челокъ—украшеній изъ волосъ и шерсти—взята изъ Персіи, см. на рельефахъ. изд. у Place, *Ninive*, pl. 32. Вѣроятно, тоже высокое украшеніе называлось Τοῦφα μετὰ φοινικίων у Кодина lib. III, p. 14, V p. 30. Іоаннъ Лидійскій, *de magistr.* объясняетъ слово туфа латинскимъ *juba*.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну златую възложи на нь съ женчюгомъ». Словомъ, графъ А. С. Уваровъ предполагаетъ подъ цатою то, что въ старину называлось *мѣсяца гривенная*, а Греки называли μηνίσκος.

То, что называлось у насъ въ древности *мѣсячными гривнами*, было, очевидно, плоскимъ украшеніемъ шеи изъ листоваго золота и серебра, съ штампованными рисунками или же гнѣздами камней сообразно строенію шеи и груди, принявшимъ форму луннаго серпа, обращеннаго къ верху концами и подвѣшеннымъ или на цѣпочкѣ вокругъ шеи, или на крючкахъ по обѣ стороны груди. Какъ и другія гривны, этотъ видъ, какъ мы полагаемъ, можетъ вести свое начало отъ римскихъ войсковыхъ украшеній или наградъ (dona militaria), извѣстныхъ подъ именемъ *corniculum* или во мн. *cornicula*: это были одинъ или два металлическихъ рожка, укрѣплявшихся, по нашему мнѣнію, снизу на боку каски и къ ней подвѣшиваемыхъ, на подобіе современныхъ чешуйчатыхъ застежекъ у нашихъ касокъ, но болѣе широкихъ и болѣе почетныхъ [1]); извѣстно, что почтенные этимъ украшеніемъ солдаты выдѣлялись особымъ именемъ cornicularii, и что это имя давалось, затѣмъ, особымъ отрядамъ. Не выдавая этого мнѣнія за доказанное, мы предлагаемъ только сближеніе неизвѣстнаго солдатскаго знака съ любопытнымъ украшеніемъ—уже сформированною гривною—представленнымъ на мозаическихъ медальонахъ съ изображеніемъ Апостоловъ и Святыхъ въ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ: каждый медальонъ (см. рис. 97) принятъ здѣсь, какъ почетный щитъ, съ бисерными коймами и подвѣсками, какъ бы у нагруднаго портрета; эти подвѣски въ видѣ двухъ соединенныхъ роговъ изобилія, составляющихъ въ церкви обычный орнаментъ, но здѣсь принявшихъ форму двухъ сплетенныхъ хвостами рыбъ, сообщаютъ медальонамъ характеръ священнаго кіота, хотя взяты, очевидно, отъ украшеній свѣтскихъ. Если же мы сопоставимъ эту форму съ типомъ фибулъ, носившихъ въ V вѣкѣ [2]) названіе *cornucopia*—κορνοκόπιον, то объяснимъ себѣ и распространеніе формы, такъ какъ фибула весьма естественно и часто принимала ее и на Западѣ и на римскомъ Востокѣ.

Рис. 97. Мозаическій образъ ц. Виталія въ Равеннѣ.

Именно это украшеніе должно было называться у Грековъ μηνίσκος и именно оно надѣто на шею муміи грека временъ Птоломіевъ, сохра-

[1]) Въ существующихъ доселѣ толкованіяхъ римскаго названія указывается, что древнее изображеніе предмета неизвѣстно: Е. Потье въ словарѣ *Daremberg et Saglio* sub v. считаетъ возможнымъ, что это было украшеніемъ визиря—родъ aigrette, и не принимаетъ догадки *Рича* въ его словарѣ, рисующаго рогъ на верху каски; рисунокъ сочиненъ Ричемъ, по его обычаю.

[2]) Soan. Lyd.: *de magistratibus*, ed. Bonn., lib. II, p. 169.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

няемой въ Дрезденѣ и привезенной изъ Египта еще знаменитымъ гуманистомъ Пьетро дела-Валла: на шеѣ этого грека два ожерелья: одно—обычная пронизка золотыхъ трубочекъ спиральной формы, которыя на шнурѣ раздѣлены бусами и, кромѣ того, окаймлены вдоль и съ обѣихъ сторонъ листьями лавра, такъ расположенными и недвижными, что, очевидно, ожерелье служитъ для прижатія рубашки, и въ то же время составляетъ рисунокъ лавроваго вѣнка. Форма эта чрезвычайно важна для пониманія спиральныхъ трубочекъ въ нашихъ древностяхъ. Далѣе, второе ожерелье представляетъ золотой рогъ луны, котораго каждый конецъ укрѣпленъ на плечѣ и который въ центрѣ, въ видѣ герба, имѣетъ священнаго копчика; подобное, повидимому, но все набранное гнѣздами камней, ожерелье находится и на второй женской муміи изъ той же могилы и того же происхожденія [1]).

Металлическіе оклады иконъ или образные не только украшались по самому окладу эмалями, финифтью и сканью, чернью, жемчугомъ и камнями, или наложенными золотыми и серебряными дробницами, но и всякаго рода *подвѣсными* уборами: ожерельями или монистами, гривнами, «лунницами» или «мѣсяцами гривенными», цатами, крестами, панагіями, бляхами, цѣпями (золотыми, вклады царей), ряснами и пр. Прежде всего въ описяхъ упоминаются, конечно, вѣнцы (нимбы, оглавія), иногда съ карунами, затѣмъ, послѣ вѣнца въ описяхъ XVI вѣка [2]) слѣдуетъ *цата*, изрѣдка наз. гривною или гривенкою; это, очевидно, подвѣсная лунница изъ золота, серебра, басменная, съ камнями. У цаты въ «привѣскѣ» упоминается «панагія», панагія съ мощами, иконки рѣзныя. Но цата бываетъ всегда на образѣ одна, а гривенъ много, три, четыре, пять; на 20 иконахъ Деисуса насчитано 84 гривны; гривны часто называются «витыми» и т. д. Да въ «привѣскѣ» же упоминаются цѣпи, золотыя, серебряныя, гнутыя, а на нихъ кресты разные или тоже панагіи, если вмѣсто этого не упоминаются «поднизи» и «ожерелейца», рясы и пр. Независимо отъ того, серьги, иногда по одной, и когда по парѣ, съ камнями и «трясочками», «запонки» на плечахъ (фибулы), нарукавники или запястья съ камнями, перстни и кольца.

Поэтому, если мы напр. находимъ на иконѣ подвѣсную (въ видѣ полумѣсяца) металлическую цату и на ней три штампованныхъ кружка съ изображеніемъ Деисуса, то должны эти кружки называть «гривнами».

Гривнами въ старину называли всякія круглыя пластинки, или подвѣсныя бляшки къ той же цатѣ, какъ мы видимъ напр. на иконѣ Пресвятыя Троицы, мѣстной въ Троице-Сергіевскомъ соборѣ (№ 3) пожертвованной царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и украшенной золотымъ окладомъ съ панагіею на среднемъ ликѣ отъ имени Бориса Годунова 1600 г., съ тремя золотыми подвѣсными цатами или «менисками»—гривенными лунницами, приложенными царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1626 году. Мы воспроизводимъ здѣсь (рис. 98) икону съ ея украшеніями, которыя объясняютъ намъ и данные тексты и церковное примѣненіе

[1]) По изданію W. G. Becker u. W. A. Becker, *Augusteum. Dresdens ant. Denkm.* 1832—7, пересмотрѣно у Racinet, *Le Costume historique,* II, pl. 25—6 EB, № 25 et 37, но предлагаемое названіе эгиды второму ожерелью врядъ ли можетъ быть принято.

[2]) *Опись ризницы Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря* 1668 г., изд. въ Зап. Р. Отд. Рус. Арх. Общ. II, стр. 126—343.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 98. Икона Троице-Сергіевскаго собора—вкладъ царей Θеодора и Бориса съ прикладомъ царя Михаила Θеодоровича.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

(вѣроятно, уже въ очень раннее время, т. е. еще въ XII в.) свѣтскихъ княжескихъ и патриціанскихъ уборовъ къ иконнымъ украшеніямъ. Близость по формѣ и даже детальной отдѣлкѣ подвѣсныхъ медальоновъ иконы къ рязанскимъ бармамъ такъ велика, что не оставляетъ сомнѣнія въ общности ихъ назначенія и самаго способа ношенія.

Въ собственномъ смыслѣ слова, *цѣпь* никогда не служила сама личнымъ украшеніемъ, была всегда служебнымъ предметомъ, орудіемъ для связи орнаментальныхъ звеньевъ или для ношенія разныхъ видовъ убранства и драгоцѣнностей. Именно въ этомъ смыслѣ сложившіяся слова: σειρὰ, ἅλυσις почти не употреблялись у Грековъ въ значеніи украшеній подобнаго рода, которыя потому и получали особыя видовыя названія, мѣнявшіяся вмѣстѣ со вкусами; равно и латинское названіе *catena* имѣло на практикѣ слишкомъ обширное и разнообразное примѣненіе, для того чтобы оно могло основаться на понятіи извѣстнаго вида личныхъ уборовъ. Русское: *цѣпь*, напротивъ того, примкнуло, издревле, къ опредѣленному понятію церемоніальныхъ уборовъ средневѣковой дружины, хотя и замѣнялось также особыми названіями, преимущественно техническаго значенія. Такъ, напр. [1]), цѣпь изъ плоскихъ золотыхъ колецъ, нашитыхъ на атласъ, называлась въ старину *«перевязью»* — «перевязь золота кольчата», или же *окладнемъ* — «окладень золотъ кольцами», но такіе оклады, естественно, были и сами по себѣ украшеніемъ, такъ какъ въ этихъ золотыхъ цѣпяхъ были звенья, литыя изъ золота и чеканныя гнѣзда съ алмазами и яхонтами, стало быть, это уже не были цѣпи служебныя, но сами по себѣ декоративныя.

Въ русскихъ кладахъ X—XIII столѣтій встрѣчаются именно цѣпи подобнаго служебнаго характера, своею грубою простотою нерѣдко не отвѣчающія драгоцѣнному составу самаго клада, какъ напр. обрывокъ толстой серебряной цѣпи изъ клада, найденнаго въ г. Черниговѣ, на Александровской площади, или два обрывка толстыхъ же цѣпей въ кладѣ, найденномъ на погостѣ собора въ томъ же Черниговѣ, или цѣпь Каневскаго клада Кіевской губерніи. Тонкая, изящно сплетенная цѣпочка изъ серебра, съ двумя наглавниками въ видѣ трубочекъ, оканчивающихся колечками въ формѣ боченочковъ, черезъ которыя продѣто проволочное кольцо, оказалась въ кладѣ, найденномъ близъ селенія Старой Рязани (на мѣстѣ древняго города, разореннаго Батыемъ), Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ 1868 году. Эта цѣпочка, во-первыхъ, шейная, по своимъ короткимъ размѣрамъ, а во-вторыхъ, на столько тонкая, что, явно, подражаетъ лучшимъ золотымъ издѣліямъ, и сохранилась лучше всѣхъ, а именно, на упомянутомъ проволочномъ кольцѣ, которымъ цѣпь оканчивается, сохранилась еще серебряная буса, служившая для раздѣленія или прикрѣпленія подвѣшенныхъ на кольцѣ предметовъ. Цѣпочка наиболѣе напоминаетъ древніе образцы плетеныхъ четырегранныхъ цѣпочекъ, на которыхъ носились въ римскія времена амулеты, медальоны, камни въ оправѣ и пр. и примѣръ которыхъ представляетъ тоже отлично сохранившаяся цѣпочка въ кладѣ золотыхъ вещей, найденномъ у рѣки Чулека, при проведеніи Харьково-Азовской жел. дороги въ 1868 году. Всѣ другія тонкія цѣпочки изъ кладовъ, будучи шейными, представляютъ

[1]) П. И. Савваитова, *Указатель къ описанію утвари* l. c., стр. 564.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

работу весьма грубую и небрежную, хотя бы были сдѣланы изъ золота, какъ напр. цѣпочка изъ Кіевскаго клада, находящагося въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго университета подъ № 2320.

Рязанская цѣпочка носитъ столь обычный характеръ, что объ ней и не приходится много говорить: это, видимо, цѣпочка изъ женскаго убора. Напротивъ того, цѣпи трехъ кладовъ Чернигова и Канева обращаютъ на себя вниманіе уже размѣрами въ длину и толщину: если цѣлой между ними и нѣтъ, то даже обрывки показываютъ, что цѣпь не была шейною, но спускалась на грудь и даже на бока, а толщина этихъ цѣпей такова, что, помимо служебнаго значенія, онѣ должны были и сами по себѣ выдѣляться своею массивностью. Такого рода цѣпочки во Франціи называются carrées, ихъ эллиптическія звенья перегнуты вдвое, прежде чѣмъ пропущены въ слѣдующее кольцо, и соединены на четыре, шесть и восемь граней, почему и называются тамъ также cordons. У насъ въ старину цѣпь у наперснаго креста бывала «золота звенчата троегранна».

Два черниговскихъ обрывка (табл. XIII, 10—13) отъ двухъ серебряныхъ цѣпей наиболѣе типичны. Одна цѣпь сплетена изъ толстой проволоки дурнаго серебра довольно примитивнымъ способомъ, а именно: сцѣпленіемъ перегнутыхъ кольчатыхъ петель, однако, съ большимъ навыкомъ, на четыре грани. Другая цѣпь, напротивъ, исполнена изъ очень тонкой проволоки и съ большимъ искусствомъ, въ видѣ толстаго шнура, плетенаго какъ бы на шесть цѣпочекъ, между собою связанныхъ. Первая цѣпь, по своей массивности, сохранилась въ большомъ кускѣ почти цѣликомъ, вторая только въ видѣ обрывка въ 0,40 с. длиною.

Къ той и другой цѣпи имѣются наглавники, отлично сохранившіеся, благодаря также своей массивности, и на первой цѣпи наглавники еще удержались по ея концамъ, но отдѣлены отъ второй. Эти наглавники представляютъ обычную форму отлитыхъ въ серебрѣ звѣриныхъ (прежде принимавшихся за драконы) головъ: узенькая головка, съ прижатыми къ ней ушами, съ узкими глазами, оканчивается небольшимъ ртомъ, съ характернымъ оттопыриваніемъ верхней губы; во рту продѣлана (просверлена) круглая дыра для пропуска толстаго дрота (толщиною какъ разъ въ размѣрѣ изогнутаго куска проволоки, изображеннаго на таблицѣ, рис. 15).

Въ настоящее время, послѣ того, какъ Софусъ Мюллеръ употребилъ столько труда и остроумія на то, чтобы доказать, что изображенія [1]), подобныя нашимъ головкамъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ змѣями, ни съ драконами, было бы излишнимъ разбирать вновь тотъ же вопросъ по данному частному случаю. Д-ръ Гильдебрандъ вѣрно угадалъ въ этомъ животномъ коня, и мы въ настоящемъ случаѣ удовольствуемся указаніемъ на прижатыя уши и характерныя, выступившія по лошадиной мордѣ жилы. Ближайшее доказательство того, что мы имѣемъ здѣсь лишь рабское повтореніе характерной конской головы изъ орнаментики временъ переселенія народовъ (съ тѣмъ же придаткомъ на верхней губѣ), представляютъ изданные нами рисунки этихъ древностей [2]).

[1]) *Die Thierornamentik im Norden H.* 1881, p. 31—7, 115—7, Fig. 63—5.
[2]) Русскія Древности, III, рис. 52.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Иного рода вопросъ о самыхъ цѣпяхъ, ихъ практическомъ назначеніи и роли, которую они играли въ нашемъ кладѣ. Дѣло въ томъ, что ни въ обоихъ Черниговскихъ кладахъ, ни въ Каневскомъ, Кіевской губерніи, это назначеніе не указывается нигдѣ съ достаточною ясностью. Въ кладѣ Каневскомъ сохранилось даже проволочное кольцо (въ попер. 0,053 м.), пропущенное черезъ наглавники, въ указанныя дыры лошадинаго рта, но тотъ предметъ, который былъ, очевидно, нацѣпленъ на это кольцо, какъ разъ отсутствуетъ.

Въ другихъ находкахъ, вмѣстѣ съ подобными цѣпями (но лучшаго достоинства), находимы были звѣзды особаго рода, о шести лучахъ, исполненныя изъ дутаго серебра и покрытыя обычными украшеніями зернью, и потому явилась догадка, что подобныя цѣпи назначались для ношенія этихъ звѣздъ.

На эту догадку наводила, очевидно, также аналогія цѣпей, съ навѣшенными на нихъ молотами Тора, въ видѣ маленькихъ серебряныхъ амулетовъ [1]), между скандинавскими древностями происходящими изъ Гельсингланда и т. п. По составу кладовъ, въ которыхъ эти цѣпи встрѣчены, получается полное сходство съ кладами Гнѣздовскимъ, Каневскимъ и другими: въ числѣ украшеній мы находимъ здѣсь полулунія изъ серебра, витые обручи шейные, дутыя серебряныя бусы отъ мониста, подвѣсныя бляшки, украшенныя филигранью, серебряные слитки и кольца, какъ денежные знаки, и англосаксонскія монеты, какъ показаніе времени.

Почетное назначеніе кольчатыхъ цѣпей зависитъ, конечно, отъ тѣхъ предметовъ, которые на нихъ подвѣшены, а потому сами цѣпи рѣдко даже упоминаются. Главное мѣсто, которое мы можемъ указать, находится у византійскаго историка Іоанна Киннама [2]), жившаго въ царствованіе Мануила Комнина, слѣдовательно, во второй половинѣ XII вѣка, и бывшаго царскимъ грамматикомъ, хотя всю жизнь состоявшаго на военной службѣ; точность историка ничего не оставляетъ желать. Описывая особенно торжественный пріемъ Іоанномъ Комнинымъ султана—событіе было великое, невиданное,—историкъ описываетъ тронъ, царскую багряницу, горѣвшую камнями и блиставшую жемчужинами, и прибавляетъ, что у царя «съ шеи на грудь спускался на золотыхъ цѣпяхъ необыкновенной величины и цвѣта камень: онъ горѣлъ, какъ роза, а по виду походилъ особенно на яблоко».

Употребленіе кольчатыхъ цѣпей и цѣпочекъ прослѣдить гораздо труднѣе, чѣмъ орнаментальное развитіе церемоніальныхъ цѣпей и имъ подобныхъ ожерелій и монетъ: предметы служебнаго характера не удостоиваются ни изображенія въ рисункѣ, ни названія въ текстѣ, и взамѣнъ цѣпи упоминается только амулетъ, на ней подвѣшенный. Но, согласно съ общимъ, нами указаннымъ убранствомъ шеи и груди у византійцевъ и вообще на христіанскомъ востокѣ, мы находимъ обильное примѣненіе цѣпи къ личному убору именно у племенъ славянскихъ, вошедшихъ въ соприкосновеніе съ Византіею и греческимъ востокомъ: ясное тому свидѣтельство—народные уборы. Мы находимъ далѣе кольчатыя цѣпи, подвѣшивавшіяся къ поясу, съ

[1]) Montelius, *Antiquités Suédoises*, fig. 624—628 в.

[2]) Іоаннъ Киннамъ. *Царствованіе Іоанна Комнина*, V, 3. Гиббонъ, въ Исторіи, VII, гл. 62, подъ годомъ 1259, указываетъ мѣсто у Пахимера, I, XXI, о золотыхъ цѣпяхъ, отличающихъ высшую знать Византіи въ числѣ 15, 20 фамилій и имъ подобныхъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

бубенцами и притомъ изъ серебра, въ народныхъ уборахъ Кандіи, Родоса [1]). Отсюда эти цѣпи вошли въ обычай у венеціанцевъ XV—XVI столѣтій и особенно венеціанокъ [2]), а затѣмъ въ сѣверной Европѣ, многочисленныя цѣпочки служили здѣсь для ношенія вѣеровъ, опахалъ и пр., тогда какъ, въ Греціи онѣ назначались долгое время для религіозныхъ предметовъ, заступившихъ мѣсто талисмановъ, напримѣръ, панагій, носившихся тамъ даже и свѣтскими людьми [3]).

Массивность нашихъ цѣпей, независимо отъ общаго характера кладовъ, указываетъ на ихъ происхожденіе отъ личныхъ уборовъ, а предметами, на нихъ носимыми, были, по всей вѣроятности, большіе наперсные кресты или даже большіе «тѣльники корсунскіе», складные, литые изъ массивной бронзы и заключавшіе внутри складня мощи, частицы артоса и т. п. священные предметы.

Наша догадка основывается, прежде всего, на томъ, что именно въ родственныхъ древностяхъ Даніи какъ разъ встрѣчены уже въ могилахъ цѣпи съ кольцами, на кольцѣ подобный большой (XII—XIII в.) крестъ [4]), притомъ цѣпь имѣетъ тѣже змѣиныя головки вмѣсто наглавниковъ на концахъ, а крестъ собственно корсунскаго типа съ Распятымъ и Богоматерью, выгравированными на сторонахъ креста, и даже сохранилъ еще частицы мощей [5]), или же это былъ собственно тѣльникъ мѣстной работы, литой изъ серебра съ рельефными изображеніями. Между такими же находками Скандинавіи [6]) выдѣляются особенно цѣпи съ наглавниками изъ змѣиныхъ головокъ, къ сожалѣнію, безъ подвѣшеннаго креста, какъ бы если эти цѣпи взяты были безъ святыни изъ Россіи Варягами, такъ какъ, повидимому, религіозные предметы добывались ими преимущественно съ Юга, а «корсунскіе кресты» и подавно; эти цѣпи найдены были вмѣстѣ съ тѣльными крестиками, большими бляхами, съ филигранью, передѣланными на фибулы, бусами и съ одною цѣпочкою, на которой еще сохранился круглый образокъ Богоматери. Далѣе тамъ же встрѣчаются и цѣпочки съ тѣльными крестами и церемоніальныя цѣпи изъ медальоновъ съ выгравированными на нихъ и наведенными чернью крестами (т. наз. бармы). Подобныя гривны изъ 4 большихъ серебряныхъ медальоновъ, украшенныхъ тонкою филигранью XIII вѣка, сопровождаются тамъ цѣпью серебряною, кольчатою, на четыре грани, съ двумя бусами и кольцомъ, на которомъ насажена 21 буса и наперсный корсунскій крестъ, также XIII—XIV в.

Такимъ образомъ, для серебряныхъ подвѣсокъ нашихъ цѣпей мы предполагаемъ наиболѣе правдоподобнымъ дополнять ихъ большимъ наперснымъ крестомъ: ради святости знака и святыни, въ немъ заключенной, крестъ не клали съ прочими драгоцѣнностями, а сохраняли

---

[1]) Vecellio, *Costumes anciens et modernes,* publ. par Didot, Paris, 1860, fig. 407, 412, 447, 460.

[2]) Ibid., рис. 65, 79, 102—7, 108, 110.

[3]) Gay, *Glossaire archéologique*, род. 237, v. bullette, рис. панагіи изъ мѣди, на цѣпочкѣ, съ изображеніемъ Знаменія, извлеченной изъ могилы женщины въ Аѳинахъ и относимой авторомъ къ XIII вѣку.

[4]) Ворсо, *Сѣверныя древности Музея въ Копенгагенѣ,* СПБ. 1861, рис. 511.

[5]) Ibid. рис. 510 a, b. См. также *Catalogue du Musée des Ant. du Nord,* 1885, 11-e Salle, № 197 a, b. c, d.

[6]) Замѣтки сдѣланы по предметамъ, находившимся въ Стокгольмскомъ Музеѣ въ 1889 году, въ бытность автора въ Швеціи. Ср. Montelius, *Führer d. d. Museum in Stockholm, übers. v. Mestorf,* 1876, Saal IV, Kasten 6, 13.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

при себѣ. О подобныхъ крестахъ говорятъ и лѣтописи [1]); въ 1147 году народъ «бьюче Михаила (князя), отторгоша крестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота». В. К. Іоаннъ Іоанновичъ отказалъ сыну «чепь колчату великую съ крестомъ, враную, огнивчатую съ кресты». Въ 1213 г. убили Михаила Скулу: «глава его сусѣкоша, трои чепи сняша золоты».

Не заходя далеко въ глубь варварской древности для объясненія этого обычая носить большіе наперсные кресты на нагрудныхъ цѣпяхъ, укажемъ, прежде всего, на свидѣтельство «Придворнаго Устава» Константина Багрянороднаго [2]) о томъ, что въ его время было въ обычаѣ на день Иліи Пророка 20 іюля императору раздавать серебряные крестики (σταυρίτζια ἀργυρὰ) слѣдующимъ чинамъ: магистрамъ, препозитамъ, анѳипатамъ, патриціямъ и оффиціаламъ, съ соблюденіемъ обряда (?) (εἰς τύπον). Стало быть, и въ древней Руси, ношеніе на цѣпяхъ подобныхъ крестовъ не могло не быть связано съ извѣстнымъ почетнымъ званіемъ и служило, въ извѣстномъ смыслѣ, его почетнымъ знакомъ.

Отсюда, затѣмъ, мы получаемъ и прямое объясненіе того, почему извѣстные «корсунскіе кресты» изъ золота, серебра и бронзы, не будучи церковною утварью и исключительною принадлежностью духовнаго сословія, были такъ распространены въ Греціи и у насъ (повидимому, не позже XIV вѣка) и дошли до насъ въ такомъ сравнительно большомъ числѣ, что, явно, составляли весьма обычный предметъ личнаго убора. Въ XV вѣкѣ и у насъ уже съ запада явилось обыкновеніе украшать женскій костюмъ множествомъ ожерелій, но обычай носить на себѣ разные предметы на тонкихъ цѣпочкахъ не привился, и вмѣсто женскихъ chatelaines мы находимъ уже въ XII и XVII вѣкахъ такого рода приборы для охотничьяго наряда.

Въ царскую эпоху, которая, замѣтимъ въ скобкахъ, по своимъ обычаямъ представляетъ уже сліяніе поздневизантійскихъ церемоній съ обрядами великокняжескаго двора, цѣпи съ крестами, какъ бы ни были онѣ художественно украшены, «враныя», т. е. плетеныя, «кольчатыя», «сканныя аравійскаго злата», подобно той, которая и понынѣ хранится въ Оружейной Палатѣ, все же продолжали оставаться служебными, и собственно не упоминаются, такъ какъ разумѣются въ обрядѣ подъ упоминаніемъ креста, иногда съ частицею Животворящаго Древа. Для насъ особенно важно, что эти цѣпи не были и не могли быть церемоніальными, какъ другія, изъ особыхъ бляхъ, съ подвѣсками и безъ нихъ. Насколько завѣреніе Вельтмана, что въ Благовѣщенскомъ соборѣ имѣющіеся на лѣвомъ столпѣ 60 крестовъ носились нѣкогда великими князьями сверхъ бармъ или оплечій, заслуживаетъ вѣроятія, требуетъ разбора.

Въ старинной описи конца XVI или XVII вѣка упомянуто: «двѣ чепи золотые, въ обѣихъ вѣсу фунтъ съ четвертью: на одной фляшка ентарная; на другой птица, камень обнетъ серебромъ, золочена». Подобныя фляжки или *натруски*, *амагили*, носимыя на «перевязи алмазной», или золотомъ окладнѣ, т. е. цѣпи, нашитой на атласъ, упоминаются и въ царскомъ

---

[1]) Н. Аристова, *Промышленность древней Руси* 1866, стр. 159, и прим. 494, съ указ. на собр. грам. и лѣтописи.

[2]) *De cerimoniis* edit. Bonn., II. c. 52, pag. 776. Отличаются ли отъ этихъ «крестиковъ» «малые серебряные кресты», раздаваемые въ Лазареву Субботу (ibid. I, 31, pag. 170), не знаемъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

нарядѣ, но это были цѣпи не съ крестомъ наперснымъ, а именно служебнаго значенія, и слѣдовательно, легче, проще исполненныя. Въ амагили или фляжкѣ, говоритъ П. И. Савваитовъ, носились часы. Очевидно, и упомянутая выше другая цѣпь «съ птицею» есть собственно цѣпь съ фляжкою, на которой изображена птица (часто «орелъ» въ царской утвари).

Что, кромѣ крестовъ, князья древней Руси носили на груди образки не только тѣльные, но до извѣстной степени обрядовые, или церемоніальные, принадлежавшіе имъ, по праву вѣнчанія (не знаемъ, однако, какого, великокняжескаго или просто княжескаго), можно было бы заключить изъ византійскихъ обрядовъ, но также находимъ и у себя нѣкоторыя свидѣтельства, хотя темныя и требующія уясненія. В. К. Иванъ Ивановичъ завѣщалъ сыну своему Димитрію: «икону золотомъ кована Парамшина дѣла» и пр.; та же икона значится въ духовной Димитрія Ивановича Донскаго и Василія Димитріевича; въ духовной же Василія Темнаго и Іоанна III 1504 года уже значится «крестъ золотъ Парамшина дѣла». И потому Прозоровскій полагалъ, что икона и крестъ одно и тоже, т. е. икона могла быть иконою Распятія, о которой, когда «Парамшино произведеніе перестало называться иконою», сказано было уже подробнѣе такъ: «икона золота Распятье, дѣлана финифтомъ съ каменьемъ и съ жемчюги», а этою иконою Іоаннъ III благословилъ Андрея Ивановича. Затѣмъ Прозоровскій весьма основательно думаетъ, что эта эмалевая икона могла быть подобна черниговской золотой гривнѣ и относилась, до извѣстной степени, къ утвари княжескаго вѣнчанія. Но также весьма возможно, что это была обыкновенная эмалевая икона Распятія въ окладѣ, которою благословляли отцы своихъ дѣтей, какъ родовою драгоцѣнностью.

Церемоніальныя цѣпи, къ которымъ мы теперь переходимъ, встрѣчены доселѣ въ четырехъ, пяти кладахъ, исключительно Кіевскихъ, и то не всегда съ надлежащею полнотою.

Цѣпь Михайловскаго клада лучшая (таб. VI), состоитъ изъ 20 медальоновъ, соединенныхъ на плечахъ двумя цѣпочками: судя по величинѣ, это явно цѣпь женская. Цѣпь превосходно сохранилась, такъ что уцѣлѣли иныя заклепки шарнировъ и колечки цѣпочекъ, которыми онѣ застегивались.

Рисунки эмалевыхъ фигуръ этой цѣпи могутъ считаться наилучше сохранившимися и наиболѣе типичными для издѣлій южно-русскихъ эмальеровъ. Сравнительно съ византійскими оригиналами, конечно, здѣсь представляется много недостатковъ и въ фигурахъ слишкомъ крупныхъ и тяжелыхъ, и особенно въ краскахъ, слишкомъ рѣзкихъ и однообразныхъ: особенно поражаетъ соединеніе зеленаго и синяго, которое непріятно дѣйствуетъ и часто встрѣчается: тоненькія золотыя ленточки недостаточны для раздѣленія этихъ цвѣтовъ. Далѣе, нельзя не жалѣть о замѣнѣ повсюду темнолиловаго (пурпурнаго) цвѣта рѣзкими синими тонами, которые хотя и разнообразятся въ оттѣнкахъ, становясь то голубыми, то индиговыми, но въ большихъ поверхностяхъ непріятны. Кромѣ того, бѣлыя и красныя (кирпичнаго оттѣнка) точки на лиловомъ фонѣ пріятны и живы, а на синемъ усиливаютъ его мертвенную холодность. Наконецъ, въ вырѣзкахъ для эмали, въ очеркахъ сегментовъ, кружковъ, акантовъ, перьевъ и пр.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

утрачено пониманіе рисунка, живыхъ и органическихъ частей его: и перья, и тѣло птицъ, и рисунокъ вѣтокъ, коймъ и т. д. сталъ слишкомъ схематичнымъ: рисовальщикъ не можетъ понять византійской схемы и предается ей до крайности, стремясь къ правильности чисто геометрической. Рисунки бляшекъ представляютъ или птицъ, или орнаментальные щитки. Птицы—тѣ же голуби, распредѣлены также, какъ требовалось бы сдѣлать въ Житомірскомъ кладѣ, т. е. идутъ или справа налѣво или обратно, смотря по тому, на какой сторонѣ груди бляшки эти приходятся, а смотрятъ эти птицы всегда внутрь, т. е. по направленію къ лицу, носящему цѣпи. Имѣетъ ли это особое символическое значеніе, сказать трудно, но весьма вѣроятно, такъ какъ близость и взглядъ птицъ по направленію къ человѣку почитался признакомъ здоровья и благополучія. Бляшки меньше житомірскихъ—всего 0,027 м., и исполненіе эмалей гораздо выше, но кое-какія детали измѣнены, ради схемы, не къ выгодѣ фигуры. Такъ хвостъ птицы сдѣланъ въ видѣ какой то зеленой лопатки, съ пепельнымъ концомъ и странно раздѣленъ на двѣ части, а по срединѣ непонятныя бѣлыя части. Также измѣнено загнутое крыло птицъ.

Орнаментальныя бляшки представляютъ только два типа по рисунку: или извѣстный намъ рисунокъ изъ четырехъ индѣйскихъ пальмъ съ акантовыми листьями и четырехъ сегментовъ въ кругу, или же подобіе крестообразной композиціи слѣдующаго рода: по 4 сторонамъ внутренняго кружка съ городчатымъ крестикомъ расположено 4 сегмента съ городками и 4 кружка съ розетками, изъ голубыхъ и красныхъ лепестковъ.

Цѣпь кіевскаго клада, происходящаго съ Большой Житомірской улицы (таб. I), также великолѣпна и также хорошо сохранилась, какъ и цѣпь Златоверхо-Михайловскаго клада. Она состоитъ изъ 20 медальоновъ или бляшекъ, шириною 0,03 и толщиною въ 2 миллиметра; каждая бляшка устроена изъ двухъ пластинокъ, и будучи спаяна по краямъ при помощи ленты или полосы, остается внутри полою, такъ какъ заполненіе пустоты сѣрою, практиковавшееся въ началѣ среднихъ вѣковъ, было уже оставлено, почему эти бляшки и могутъ быть названы дутыми въ принятомъ значеніи этого слова. Бляшки сцѣпляются дружка съ дружкою помощью подвижныхъ шарнировъ, но въ двухъ мѣстахъ онѣ соединяются помощью золотыхъ цѣпочекъ (длиною 0,06 м.), укрѣпленныхъ за маленькое сережное колечко, продѣтое въ шарниръ слѣдующей бляшки. Очевидно, эти два мѣста сцѣпленія приходятся на обоихъ плечахъ, такъ какъ именно здѣсь цѣпь изъ бляшекъ перегибается, и бляшки лежали бы горбомъ, подымая всю остальную цѣпь. Затѣмъ порядокъ расположенія бляшекъ на цѣпи переданъ въ общихъ чертахъ на таблицѣ, т. е. обѣ части, передняя и задняя были тождественны, но лицевая сторона цѣпи должна была состоять изъ бо̀льшаго числа бляшекъ—на рисункѣ изъ 12, а задняя—меньшаго, напр. восьми или под. Въ отдѣльности бляшки чередовались, очевидно, по рисунку (что случайно не было соблюдено рисовальщикомъ), т. е. бляшки съ птицами помѣщались между орнаментальными медальонами и обратно. Но, притомъ, особо должно отмѣтить, что бляшки съ изображеніями птицъ подраздѣляются на два типа: въ одномъ птица идетъ справа на лѣво, въ другомъ слѣва направо, и такъ какъ оба

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

типа представлены по ровну, по шести экземпляровъ, то ясно, что бляшки должны были размѣщаться съ правой и лѣвой стороны также поровну.

Изображеніе птицы, явно, скопировано съ византійскаго оригинала такого же назначенія: очевидно, съ мелкихъ медальоновъ или бляхъ цѣпи, въ чемъ удостовѣряютъ насъ и повторенія этихъ цѣпей (см. списокъ вещей клада Лѣскова). Самымъ характернымъ на нашъ взглядъ обстоятельствомъ является то, что фигура птицы поставлена не по самой срединѣ медальона, а ближе къ краю, куда птица идетъ, и притомъ не прямо, но съ закинутою назадъ головою и шеею. Такая постановка птичьей фигуры, во-первыхъ, значительно оживляетъ ее, придавая свойственную ей пугливую подвижность, а во-вторыхъ—оставляетъ мѣсто для изогнутаго сзади крыла. Что трехчастная вѣточка съ аканто-вымъ концомъ сзади птицы есть, дѣйствительно, ея хвостъ, о томъ, конечно, не легко догадаться по рисунку нашихъ бляшекъ: такъ далеко отнесенъ этотъ хвостъ и такъ великъ промежутокъ между нимъ и тѣломъ птицы. Повидимому, самъ рисовальщикъ или эмальеръ врядъ ли догадывался о значеніи этой вѣтки. Но на цѣпи Михайловскаго клада, напротивъ того, очень ясно можно видѣть весь рисунокъ и удостовѣриться, что здѣсь неясность происходитъ потому только, что эмальеръ слишкомъ широко воспользовался обычнымъ отдѣленіемъ крылушекъ птицы отъ ея тѣла, ради прочности и упрощенія работы, требовавшей отдѣлить здѣсь эмалевые лоточки. Въ самомъ дѣлѣ, если бы эмальеръ слилъ всѣ три части, то золотая бляшка оказалась бы на столько изрѣзанною, что не могла бы прочно охватывать эмалевые лоточки, и эмальеру пришлось бы много хлопотать объ отдѣленіи частей по рисунку золотыми перегородочками. Тѣло птицы синяго цвѣта—очевидно, представляетъ дикаго голубя, сизаго и сизокрылаго; по тѣлу бѣленькія точки и бѣленькая опушка на шеѣ; головка зеленая, бирюзоваго цвѣта, съ большимъ глазомъ, среди бѣлаго, опереннаго бѣлыми перушками кружка; крылушки и хвостъ имѣютъ три ряда цвѣтовъ: внѣшнее опереніе изъ бѣлыхъ перьевъ, и внутреннее изъ синихъ; красный цвѣтъ только мѣстами и составляетъ кайму, которая, можетъ быть, не относится къ оперенію.

Орнаментальныя бляшки представляютъ два типа рисунка: одинъ въ видѣ лилейной верхушки изъ бѣлыхъ вѣточекъ съ зеленою внутренностью и красною почкою, по среди двухъ акантовыхъ язычковъ, и другой въ видѣ розетки изъ четырехъ язычковъ и четырехъ сегментовъ съ городчатымъ орнаментомъ въ промежуткахъ. Сравнительно съ другими цѣпями, и рисунокъ, и краски условны и бѣдны, частію даже неуклюжи и грубы, какъ и вся цѣпь представляется плохою самодѣльщиною, по сравненію съ изящнымъ мастерствомъ другихъ цѣпей.

Цѣпь, изображенная на таблицѣ X, неизвѣстнаго точно происхожденія, но, по свидѣтельству А. А. Куника, хранителя Императорскаго Эрмитажа, гдѣ эта цѣпь нынѣ находится, Кіевскаго или Черниговскаго, что сходится и съ пошибомъ цѣпи, находящимъ себѣ много аналогій въ прочихъ кіево-сѣверскихъ кладахъ. Цѣпь отлично сохранилась, если не считать, что въ ней не достаетъ шести или восьми медальоновъ, и кромѣ того, мелкихъ связующихъ цѣпочекъ на плечахъ: быть можетъ, цѣпочки

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

эти помѣщались въ промежутки бляшекъ съ птицами, которыхъ въ цѣпи двѣ пары и которыя поставлены слишкомъ близко другъ отъ друга. Вообще говоря, цѣпь дошла до насъ далеко не въ первоначальномъ своемъ видѣ, и скрѣпы шарнировъ частію новыя. Орнаментальная форма бляшекъ представляетъ звѣздчатый крестъ, а украшенія эмалью выпуклой верхней дощечки слѣдуютъ этой формѣ или къ ней приспособляются, а такъ какъ размѣры самихъ бляшекъ—0,02 м. особенно малы, то и въ эмали потребовалась миніатюрная тонкая работа. Главный видъ украшеній—обычныя птицы—голуби, идущія справа налѣво (одна пара) и слѣва направо (другая пара); въ настоящемъ случаѣ рисунокъ крыльевъ представляетъ почти птенчиковъ, но богатый закрученный назадъ хвостъ указываетъ на то, что эмальеръ имѣлъ намѣреніе изобразить обыкновенную птицу и не съумѣлъ управиться съ мѣстомъ и рисункомъ.

Прочая орнаментація бляшекъ составлена съ замѣчательнымъ разнообразіемъ (изъ 19-ти бляшекъ ни одна не повторяетъ вполнѣ рисунка другой) въ предѣлахъ двухъ типовъ: или декоративнаго креста изъ четырехъ ововъ, или розетки изъ кружка, обставленнаго четырьмя полукружіями; но типы эти въ эмалевыхъ штучныхъ наборахъ, пальметкахъ, лиліяхъ, крестикахъ, городкахъ вездѣ представляютъ или варіанты по рисунку или, по крайней мѣрѣ, разнятся въ эмалевыхъ краскахъ.

Въ Порѣченскомъ собраніи графовъ Уваровыхъ (рис. 68) находится обрѣзокъ кіевской церемоніальной цѣпи изъ десяти бляшекъ, выпуклыхъ и двойныхъ (полыхъ или дутыхъ), т. е. съ подпаяннымъ донушкомъ, соединенныхъ шарнирами. На одной бляшкѣ имѣется еще колечко, на другой цѣпочка, но застежекъ нѣтъ. Эмалевое изображеніе чередуется въ слѣдующемъ порядкѣ: птица съ длиннымъ хвостомъ и декоративныя бляшки съ медальономъ въ срединѣ, на немъ пальметка, а вокругъ четыре малыхъ кружка и четыре угольничка съ вѣтками же. Исполненіе отличается замѣчательною чистотою и прозрачностью эмалевыхъ красокъ, почти не измѣнившихъ тона.

Приступая теперь къ характеристикѣ церемоніальныхъ цѣпей, какими являются для насъ цѣпи кладовъ Михайловскаго монастыря и Житомирской улицы, повторимъ, что русскія извѣстія еще неопредѣленнѣе византійскихъ по вопросу о цѣпяхъ, а памятники только въ послѣднее время стали появляться на свѣтъ. Когда, напримѣръ, лѣтописецъ, подъ 1147 г. говоритъ, по поводу убіенія князя Игоря Ольговича: «отторгоша на немъ крестъ и чепь, въ гривну золота», то мы остаемся въ недоумѣніи: разумѣется ли здѣсь крестъ на дорогой цѣпи, вѣсившій гривну золота, или же крестъ на обычной цѣпочкѣ (тонкой, вѣсившей менѣе гривны, т. е. 37 золотниковъ, слѣдовательно изъ цѣпей служебныхъ, о которыхъ мы говорили выше) особо упоминается, а цѣпь церемоніальною, изъ бляхъ и тяжелою, названа отдѣльно. Подъ 1213 г. упоминается кратко: «Главу его сосѣкоша, трои чепи сняша золоты». Діаконъ Игнатій, при коронованіи императора Мануила [1]) видѣлъ «иноземцевъ, стоявшихъ на два лика», «Римлянъ, Нѣмцевъ, Фрязовъ, Зеновицъ, Венейцевъ, Угровъ: на персѣхъ ношаху овіи жемчуженъ, овіи обручъ златъ на шеѣ, овіи чѣпь злату на шеѣ и на персѣхъ». Приводя это извѣстіе, графъ

[1]) Сахарова, *Сказанія русскаго народа*, ч. VIII, стр. 103.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

А. С. Уваровъ выразилъ догадку [1]), съ которой мы никакъ не можемъ согласиться, что оно указываетъ на иноземное, не родное, и въ частности западное происхожденіе такихъ церемоніальныхъ цѣпей въ древней Руси. Во-первыхъ, общая исторія стилей и украшеній для XII — XIII столѣтій говоритъ намъ слишкомъ ясно въ пользу восточнаго источника ихъ, котораго слѣдуетъ, конечно, по преимуществу, доискиваться въ древностяхъ русскихъ, а во-вторыхъ, чтобы не ходить далеко, наши церемоніальныя цѣпи въ тѣхъ образцахъ, кои уже есть на лицо, носятъ столь опредѣленный византійскій характеръ, что съ наибольшею настойчивостью требуютъ отъ насъ руководиться формою, коль скоро мы ищемъ содержанія, иначе, основываться на наукѣ исторіи искусства, если работаемъ по археологіи.

Иное дѣло цѣпи *обрядовыя* или *церемоніальныя*: въ Московской Руси, при вѣнчаніи царя было въ обычаѣ возлагать на царя цѣпь *послѣ херувимской пѣсни* и у насъ давно сопоставляли этотъ обычай съ возложеніемъ на греческаго императора, съ наступленіемъ херувимской пѣсни, въ алтарѣ, священной фелони [2]). Но фелонь явно замѣнила въ поздней Византіи *оплечье* или *маніакій*, а шитое оплечье, въ свою очередь, заступило мѣсто древняго металлическаго *маніака*, или гривны (torques), которую варварскія дружины возлагали на своего «императора» случаемъ даже въ циркѣ, подымая его надъ войсками, на щитѣ [3]). Самое любопытное соотвѣтствіе церковной пѣсни и древняго народнаго акта выражено было именно воинскими эмблемами—гривною, цѣпью, оплечьемъ и фелонью или пенулою, колоколообразною одеждою съ капюшономъ. И потому сдѣланныя прежде догадки, что возложеніе цѣпи въ древней Руси составляетъ будто бы «подражаніе западному обычаю, по которому императоры и короли возлагали на себя орденскія цѣпи» [4]), плодъ недоразумѣнія: и русскій, и западный обрядъ ведутъ свое начало отъ той же Византіи.

Церемоніальныя или почетныя шейныя цѣпи древней Руси ведутъ свое начало отъ тѣхъ ожерелій (*monilia* въ собственномъ смыслѣ), которыя были нѣкогда неизмѣннымъ уборомъ воинственнаго варвара и составлялись не изъ бусъ или зеренъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, какъ ожерелья женскія, но изъ разнообразныхъ по величинѣ и формѣ бляхъ, медальоновъ, подвѣсокъ и талисмановъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода бляшки и подвѣски носились на матерчатомъ шнурѣ, который безслѣдно истлѣваетъ въ могилѣ и оставляетъ зачастую подъ вопросомъ, какимъ образомъ устраивались иные уборы и предметы украшенія. Очевидно, также, что подобнаго рода украшенія часто могли имѣть временный характеръ, т. е. надѣваться на случай, тогда какъ другія, какъ напр. кресты у христіанъ и талисманы у мусульманъ, устраивались въ старину на металлическихъ цѣпочкахъ. Цѣпи, браслеты и ожерелья были обычными подарками варварамъ отъ византійскаго правительства въ V—VI вѣкахъ. Длинныя

---

[1]) Въ статьѣ «Суздальское оплечье», «Древности», томъ V, стр. 13.

[2]) Савваитова, П. И. 1-е приложеніе къ «Описанію старинныхъ царскихъ утварей», въ «Зап. Имп. Арх. Общ.» т. XI, стр. 592, см. также «цѣпь», стр, 564—5.

[3]) Константина Порфиророднаго «О церемоніяхъ», кн. I, гл. 91 и 92.

[4]) Прозоровскаго, «Объ утваряхъ, припис. Владиміру Мономаху», *Зап. Рус. Арх. Общ.* III, 1882, стр. 32, прим. 4.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

гремящія цѣпи (ὅρμοι, κάθορμα, ἔνορμα, ὁρμίσκοι) были, вообще, главнымъ украшеніемъ варварскихъ костюмовъ, вырабатывавшихся въ періодъ отъ III по V столѣтіе послѣ Р. Х. и перенимавшихся пестрымъ составомъ византійскихъ армій. Но собственно цѣпи и цѣпочки были только деталью общихъ аттрибутовъ одежды—фибулъ, аграфовъ, діадемъ, портупей, поясовъ и пр., тогда какъ весьма рано принадлежностью воинскихъ костюмовъ стали цѣпи или, вѣрнѣе, шнуры, составлявшіеся прежде изъ раковинъ, кружковъ, зубовъ вепря, шариковъ горнаго хрусталя, наконецъ, монетъ, а со времени знакомства варваровъ съ греко-романскимъ міромъ, украшавшіеся такого же рода причудливыми наборами, но уже изъ дорогихъ металловъ. Такимъ образомъ, когда Менандръ [1]) (отрывокъ 5 и 14) говоритъ о «шнурахъ, украшенныхъ золотомъ», посланныхъ въ даръ Аварамъ въ VI вѣкѣ, то разумѣетъ излюбленныя Аварскими вождями составныя ожерелья изъ монетъ, брактэатовъ или иныхъ медальоновъ, камней драгоцѣнныхъ въ оправѣ, всякаго рода талисмановъ и амулетовъ, бляхъ и подвѣсокъ.

Переходя отсюда на почву варварскаго запада, мы встрѣтили бы тамъ болѣе обильныя археологическія данныя, правда, исключительно въ области вещественныхъ памятниковъ, древностей могильниковъ, начиная съ Венгріи, для освѣщенія темной исторіи цѣпи, какъ орденскаго знака, но все это было бы уже отголоскомъ восточныхъ обычаевъ, хотя и въ раннее время. Таковы напр. извѣстные брактэаты, о которыхъ существуетъ уже обширная литература и которыя мы, по тому самому, можемъ оставить въ сторонѣ, чтобы перейти къ непосредственнымъ восточнымъ образцамъ.

Три шейныхъ цѣпи—одна изъ бляшекъ, двѣ съ подвѣсками—чрезвычайно типичныхъ, оказались въ *кладѣ изъ Тарса* (таб. XVIII и XIX), (Киликія), найденномъ въ 1889 году собственно въ Мерсинѣ, которая въ древности была особымъ пригородомъ, по имени Зефиріономъ, и занимаетъ мѣсто по близости гавани Тарса, но въ 22 верстахъ отъ древняго торговаго города. Раскопки, производившіяся здѣсь издавна искателями счастья, обнаружили почву, богатую древностями, по всей вѣроятности, некрополь, а въ окружности, кромѣ развалинъ самаго Тарса, въ 18 верстахъ отъ Мерсины, есть еще развалины города Соли, и потому наше первое впечатлѣніе, отъ подбора и характера вещей, въ пользу догадки, что эти древности не принадлежатъ даже къ дѣйствительному кладу, но прямо извлечены изъ гробницы или даже, вѣрнѣе, фамильнаго склепа. О Тарсѣ въ византійскомъ періодѣ мы слышимъ, такъ сказать, постоянно отъ историковъ: это былъ и торговый городъ, и стратегическій важнѣйшій пунктъ, и мѣсто укрѣпленнаго лагеря, и сборный пунктъ на время войны съ Востокомъ, а впослѣдствіи имя Тарса стало какъ бы общимъ выраженіемъ для города пограничнаго съ мусульманскимъ міромъ или даже прямо подъ именемъ «Тарситовъ» стали разумѣть злыхъ Сарацинъ. Съ другой стороны, этихъ свѣдѣній далеко недостаточно, чтобы разсуждать о роли Тарса въ Византіи въ эпоху IV—VII

[1]) Bonn. ed. *Corpus*, I, Menandri *Historia* cap. 5 pag. 287:.. ἦσαν δὲ καλώδιά τε χρυσῷ διαπεποικιλμένα, ἐπὶ τὸ εἴργειν τὰ τῶν ἀποδιδρασκόντων ἐπινενοημένα... Καλώδια=шнуры, на которые были нацѣплены разнообразныя золотыя подвѣски, а значеніе подвѣсокъ хотя указано въ темныхъ словахъ: «на то, чтобы отвратить злоумышленія убѣгающихъ», но, по нашему мнѣнію, скорѣе можетъ быть отнесено именно къ роли амулетовъ, чѣмъ къ политическимъ цѣлямъ Византіи.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

столѣтій, и роль эта столь велика и сложна, что заслуживаетъ особаго изслѣдованія, для нашей же задачи разсмотрѣнія вещей Тарсійскаго клада требуется утвердить одно обстоятельство, что Тарсъ въ V—VI вѣкахъ (къ которымъ мы должны отнести древности клада) былъ весьма многолюднымъ, сборнымъ и разноплеменнымъ городомъ, а также стоянкою войскъ Имперіи и, между прочимъ, ея наемныхъ, варварскихъ отрядовъ.

Дѣйствительно, настоящая находка производитъ характерное впечатлѣніе варварскаго убора и по составу, и по характеру издѣлій, по цѣльному излюбленному вкусу, принятому нѣкогда у Готѳовъ, усвоенному Варягами и перешедшему впослѣдствіи къ русскимъ дружинамъ. Если мы не можемъ еще, съ перваго взгляда, сказать, какой именно изъ этихъ крупнѣйшихъ варварскихъ дружинъ, нанимавшихся у Грековъ, принадлежатъ эти вещи, то единственно потому, что число подобныхъ находокъ еще крайне рѣдко и что онѣ объясняются пока почти исключительно находками южной Россіи, Румыніи, Венгріи, изрѣдка Италіи (въ Кьюзи, Равеннѣ), Испаніи (клады Визиготскихъ королей) и пр. Тѣмъ болѣе, должно считать счастіемъ для науки, что подобная находка попала въ Россію и поступила въ Императорскій Эрмитажъ [1]), гдѣ она могла быть помѣщена рядомъ съ родственными предметами.

Варварскій характеръ находки доказывается, на первый же взглядъ, золотыми браслетами: они исполнены (XVIII, 7—10) въ извѣстномъ уже родѣ гладкихъ трубочекъ, утолщающихся къ концу почти втрое, словомъ, чтобы не ходить далеко за сравненіями, тождественны съ браслетами клада, найденнаго при рѣкѣ Чулекѣ; разница лишь та, что въ этомъ послѣднемъ кладѣ, болѣе богатомъ, эти браслеты массивны [2]), тогда какъ здѣсь трубочки внутри полы, спаяны довольно грубо изъ тонкаго листа, который сильно помятъ. Что также любопытно, и въ томъ и въ другомъ кладѣ мы не находимъ на концахъ никакихъ ясныхъ признаковъ скрѣпленія, и въ Чулецкой находкѣ концы эти вовсе гладкіе, т. е. браслетъ держался прямо своею тяжестью на рукѣ, будучи разъ согнутъ, тогда какъ здѣсь на концахъ есть грани, что заставляетъ думать, что браслеты по концамъ скрѣплялись золотою проволокою [3]), въ такомъ напр. родѣ, какъ браслеты, найденные въ кладѣ изъ Петросы. Наши браслеты помяты, поломаны на куски, даже оборваны на концахъ, и число ихъ (три) также необычно, а если мы сопоставимъ это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство бляшекъ клада также оказываются поврежденными, и притомъ на мѣстахъ прикрѣпленія къ ремнямъ, что, затѣмъ, изъ шести подвѣсокъ къ малой цѣпи три сорваны, на большой цѣпи также недостаетъ конца и

---

[1]) Кладъ поднесенъ былъ въ томъ же году агентомъ Мерсины Ингримани Его Имп. Величеству Александру Александровичу, и нынѣ поступилъ въ собранія Эрмитажа.

[2]) Чулецкіе браслеты имѣютъ извѣстный, опредѣленный по отношенію къ шейной гривнѣ, вѣсъ, который даже и обозначенъ на внутренности дрота, изъ котораго они согнуты; массивностью и подобнымъ вѣсомъ отличаются варварскіе браслеты Венгріи, Румыніи и отчасти Германіи. А потому наши браслеты можно, пожалуй считать легкимъ погребальнымъ уборомъ. Гладкіе массивные браслеты изъ кладовъ Венгріи: Ioseph Hampel *A Regibb Középkor (IV—X szaszad) Emlekei Magyarhornban, Budapest*, 1894, таб. 35, 38.

[3]) Формы украшенія и скрѣпленій такихъ же браслетовъ у варваровъ Германіи, см. въ образцахъ, представленныхъ находками Баваріи, Виртемберга и береговъ Рейна, въ изданіи Линденшмита сына, *Das Römisch-Germanische Central-Museum in bildlichen Darstellungen,* Mainz, 1889, Taf. IX.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

пр., то становится возможным думать, что мы имѣемъ здѣсь не могильную находку, которая не могла бы представлять подобнаго разрушенія, а, дѣйствительно, кладъ, притомъ, зарытый въ землю при подобныхъ же условіяхъ спѣха и страха, когда срываютъ драгоцѣнности и прячутъ, какъ было во время татарскаго нашествія въ Кіевѣ или Суздали. А что въ Тарсѣ такихъ моментовъ всеобщаго смятенія было много съ V по VII вѣкъ включительно, о томъ едва ли есть нужда говорить.

Золотыя, штампованныя изъ листа и орнаментированныя пряжки, застежки и ременные язычки (всѣхъ 18), оказавшіеся (XIX, 2—17) въ кладѣ, дополняютъ туже характеристику клада со стороны его варварскаго происхожденія. Какъ разъ мы знаемъ цѣлый рядъ кладовъ и находокъ могильнаго характера изъ Венгріи [1]), въ которыхъ совершенно подобныя по размѣрамъ (около 2 сантим.) и по числу (12, 18, 20) бляшки изъ выбитыхъ золотыхъ листковъ служили украшеніемъ пояса или, скорѣе, разнообразныхъ ременныхъ застежекъ, для которыхъ золотая накладочка служила язычкомъ или концомъ. Уже по размѣрамъ наши бляшки представляютъ какъ разъ переходный пунктъ отъ ременныхъ наборовъ, намъ извѣстныхъ на Кавказѣ, и большихъ пряжекъ, такъ наз. меровингскаго стиля, безчисленныхъ находокъ Венгріи, Франціи и Германіи. Напротивъ того, русскія древности, какъ увидимъ ниже, и древности восточныхъ инородцевъ (Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи) удерживаютъ старинный типъ и даже раннюю орнаментику. Въ этомъ отношеніи замѣчательное дополненіе къ Тарсійскому кладу образуетъ неизвѣстная (или малоизвѣстная) находка изъ древняго Клузіума (Chiusi) въ Тосканѣ, нынѣ находящаяся въ средневѣковомъ отдѣленіи С. Жерменскаго Музея близъ Парижа (St. Germain-en-Laye) за № 27, 0,37 подъ именемъ «древностей Лангонардовъ» («bijoux lombards»). Во первыхъ, этихъ бляшекъ тоже *семнадцать* числомъ, онѣ имѣютъ отъ 2 до $2^1/_2$ сантим. въ длину, онѣ всѣ украшены ажурнымъ рѣшетчатымъ рисункомъ, наиболѣе близко подходящимъ къ нашимъ вещамъ, и между бляшками есть одна большая длиною въ 6 сант., какъ у насъ въ $5^1/_2$ (назначенія этой большой бляшки-язычка не знаемъ, но, вѣроятно, она служила на поясѣ или перевязи), и также есть язычекъ гладкій, двѣ обивки ремешка снизу, какъ у насъ два подобныхъ; словомъ, сродство и даже почти тождество не можетъ идти дальше. Правда, что фактура и техника въ вещахъ Кьюзи гораздо грубѣе, гораздо болѣе варварская: вмѣсто тонкой профилевки, широкія полосы, нѣтъ бисерныхъ коймъ, рѣшетки грубо выполнены, разница оказывается въ парахъ бляшекъ,

---

[1]) Тоже изданіе Академіи Будапешта подъ ред. проф. Іос. Гампеля, таблицы XXXVII, 1, 2, бляшки малаго размѣра, слегка орнаментированныя аканѳовыми разводами, насѣчкою вглубь. Таблица XXXIX, 7 бляшка, совершенно тождественнаго характера съ нашими, но уцѣлѣвшая въ одномъ экземплярѣ и уже порванная, при чемъ подвѣска на рис. 8 съ халцедономъ тождественна съ главною подвѣскою на малой цѣпочкѣ изъ Тарса; тутъ же обрывки листиковъ съ выбитыми греко-римскими сценами охоты, гладіаторскихъ игръ и пр. Таблица L съ нѣсколькими поясными бляшками того же рисунка и размѣра и съ монетою Юстиніана, и наконецъ таблицы LV—LVI—LVII съ монетою Константина Погоната (668—9 г.), подобными бляшками, также пуговками, напоминающими южнорусскіе клады эпохи переселенія народовъ, витою-шейною гривною, и крестикомъ, котораго замѣчательная близость къ тѣльнику клада изъ Тарса представляетъ не маловажный пунктъ для нашего пониманія древнехристіанскаго стиля.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

какъ бы составленныхъ изъ разнаго размѣра язычковъ, очевидно на мѣстахъ предполагаемыхъ застежекъ и т. п., уже условной формы, своего рода моды.

Возвращаясь къ нашему кладу, замѣтимъ, что именно сравненіе позволяетъ намъ легко усмотрѣть художественныя преимущества восточныхъ издѣлій того времени передъ западными: гораздо совершеннѣе вся техника, съ видимою увѣренностью и ясностью выполнена орнаментальная ажурная рѣшеточка, о чемъ можно судить не только по оригиналамъ, но отчасти по фотографіямъ, и взглядъ на нихъ ясно доказываетъ намъ, что оригиналы находились на Востокѣ.

Далѣе, въ кладѣ Тарсійскомъ имѣемъ пару (XVIII, 1, 2) сережекъ въ видѣ лунницъ, выбитыхъ ажурно изъ листика и снабженныхъ проволочною дужкою, съ рисункомъ двухъ птичекъ, клюющихъ цвѣтокъ. О серьгахъ этого типа мы уже говорили въ сочиненіи о византійскихъ эмаляхъ и еще надѣемся говорить дополнительно ниже. Два перстня клада (XVIII, 3, 4, 5 и рис. 99 и 100) съ камнемъ въ гнѣздѣ, одинъ широкій, обручальный, украшенный по ободу жгутиками, а въ срединѣ печаткою съ вырѣзанною на ней схемою обрученіяХристомъ мужа и жены и неразборчивою надписью внизу. Наконецъ, въ кладѣ имѣется трубчатый золотой (XIX, 18) тѣльный крестикъ, съ гнѣздомъ въ перекрестьѣ (камня недостаетъ), гладкій браслетъ изъ золотой трубочки съ ушкомъ и обломки, быть можетъ, другаго браслета изъ трехъ гнѣздъ съ камнями, связанныхъ шарнирами [1]) и украшенныхъ полосками зерни; въ одномъ гнѣздѣ сохранился еще камень.

Рис. 99. Перстень въ кладѣ изъ Тарса.

Рис. 100. Печатка перстня изъ Тарса.

Между ожерельями или шейными цѣпями клада наиболѣе крупное по размѣрамъ—по всѣмъ признакамъ, это было мужское колье—и самое любопытное ожерелье (XIX, 19) состоитъ изъ 20 тонкихъ и мелкихъ (0,015 м.), штампованныхъ круглыхъ бляшекъ, соединенныхъ между собою колечками, съ среднею связующею бляшкою побольше на спинѣ и большимъ подвѣснымъ брактэатомъ (0,08 м.). Бляшки штампованы однимъ штемпелемъ съ лицевой стороны монеты (золотой), съ изображеніемъ императора и императрицы по грудь и большаго процессіональнаго креста между ними. Брактэатъ представляетъ, въ срединѣ, большой медальонъ, съ лицевой стороны, императора въ воинскихъ доспѣхахъ, т. е. короткой туникѣ, кирасѣ, длинныхъ сапогахъ (кампагіяхъ) и длинномъ плащѣ (сагіи), откинутомъ назадъ; въ лѣвой рукѣ царь держитъ сферу, а въ правой большой тріумфаторскій (или что тоже—процессіональный) крестъ; надъ головою царя Десница опускаетъ вѣнецъ, а по бокамъ эмблематически изображены солнце и луна—въ соотвѣтствіи аллегорическимъ фигурамъ Востока и Запада. Эти двѣ фигуры, женскія, въ дорическихъ двойныхъ хитонахъ, высоко подпоясанныхъ, обозначены одна короною изъ лучей, другая—луннымъ серпомъ на головѣ; въ лѣвой рукѣ каждая держитъ факелъ, а правою подаютъ

[1]) Подобные же обломки, безъ камней, найдены были вмѣстѣ съ извѣстной золотою кирасою (скорѣе маніакомъ особаго рода), въ Равеннѣ и сохраняются въ тамошнемъ музеѣ, см. фот. Риччи.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

императору вѣнецъ и неизвѣстный предметъ; внизу ваза съ расходящимися по землѣ разводами аканѳа представляетъ sacrae largitiones тріумфатора. Что мы, затѣмъ, можемъ видѣть здѣсь вѣнчаніе царя въ тріумфѣ, доказательствомъ служатъ во-1-хъ, различные подобные медальоны, а во-2-хъ, любопытное описаніе тріумфальнаго ежегоднаго парада на Константинопольскомъ форумѣ въ память побѣдъ надъ Сарацинами, описаніе, сохраненное намъ Придворнымъ Церемоніаломъ Константина Порфиророднаго. А именно въ 19-й главѣ 2-й книги этого Церемоніала разсказывается о тріумфѣ, устраиваемомъ на форумѣ Константинополя съ литіею: тамъ, къ ногамъ императора клали «эмира», и на шею его тотъ ставилъ, съ помощью протостратора, свое копье; такого рода копье съ небольшимъ крестикомъ на концѣ изображено и на нашемъ медальонѣ. Вокругъ медальона въ двухъ бордюрахъ выбиты аканѳовые разводы и бѣгущіе одинъ за другимъ, большею частью, фантастическіе звѣри, еще довольно ранняго (IV вѣка) римско-византійскаго пошиба [1]).

Къ сожалѣнію, ближайшее разсмотрѣніе монетныхъ штемпелей употребленныхъ въ бляшкахъ цѣпи, не даетъ тонкаго опредѣленія; на глазъ знатока византійскихъ монетъ—извѣстнаго нумизмата Х. Х. Гиля, и брактэатъ и бляшки совершенно варварской работы и не составляютъ даже штемпеля опредѣленной монеты, или медальона. Мелкія бляшки, въ 20 экземплярахъ, представляютъ погрудныя изображенія (рис. 101) императора и императрицы (?), раздѣленныхъ большимъ крестомъ, и внизу надпись VITA, которая напоминаетъ мѣдную монету Юстина II и Софіи (565 — 578), только тамъ полныя фигуры и надпись латинская vita. Первая византійская монета, на которой имѣются два погрудныя изображенія, малаго размѣра и серебряная, относится къ Ѳеодосію III (716), при чемъ на оборотѣ ея находятся погрудныя изображенія жены и сына императора и надпись ACTI.

Рис. 101. Бляшка изъ цѣпи въ Тарск. кладѣ.

Вторая шейная цѣпь клада (XVII, 12) относится уже къ отдѣлу служебныхъ цѣпочекъ съ тѣльными крестами и талисманами; цѣпь тонкая, связанная изъ тонкихъ, проволочныхъ, на двое перегнутыхъ, золотыхъ колечекъ съ застежною, ажурною бляшкою со вписаннымъ въ нее крестомъ; подвѣски на цѣпи раздѣлялись промежуточными золотыми цилиндрами, рѣзными ажурно, съ рѣшеткою и волною; сохранился одинъ цилиндрикъ. Подвѣсокъ было пять, изъ нихъ осталось четыре, такъ какъ изъ пары рѣпій одного недостаетъ. Изъ числа этихъ подвѣсокъ главная, конечно, есть тѣльный крестикъ, грубо отлитый изъ золота, явно варварской работы, украшенный по рукавамъ (на мѣсто фигурныхъ медальоновъ) пальметками, а въ перекрестьи выдолбленнымъ въ глубь крестикомъ для вложенія частицы Животворящаго Древа. Пара круглыхъ щитковъ, украшенныхъ ажурно пальметками, и каемкою изъ волны, заступаютъ мѣсто амулетовъ

[1]) Съ этимъ характеромъ орнаментовъ согласно и изображеніе средняго медальона: по имѣющимся у меня, впрочемъ, весьма скуднымъ свѣдѣніямъ, оно появляется уже при императорѣ Константинѣ II (323—361), но тамъ мы видимъ еще двухъ Викторій, тогда какъ Западъ и Востокъ представлены на медальонѣ Валента (364—378). См. Fröhner, *Les médaillons de l'Empire Romain,* Paris. 1878, p. 310, 328. Ср. также медальонъ Валента, въ брактэатѣ изъ клада Шиляги Сёмліо, въ Венгріи, изданный въ упом. соч. Гампеля, таб. XVI—XVIII.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

съ символами или надписями. Репій, уцѣлѣвшій отъ пары и также украшенный прорѣзною пальметкою и волною, заступилъ, судя по его формѣ въ видѣ запятой или индоперсидской пальмы, мѣсто тигроваго зуба или подобнаго ему амулета. Всѣ эти подвѣски грубо выбиты штамповыми формами и затѣмъ не вычищены и не докончены: грубость варварскаго издѣлія обращаетъ на себя вниманіе, какъ въ древностяхъ сѣвернаго Кавказа и береговъ Дона.

Наконецъ, третья (XVIII, 6) цѣпочка, очевидно, дѣтская, изъ легкихъ золотыхъ тисненыхъ и спаяныхъ скобочекъ, была снабжена прежде шестью тѣльниками, изъ которыхъ сохранилось теперь только три: крестикъ изъ дутыхъ трубчатыхъ рукавовъ, прежде, повидимому, украшенный жемчужинами по концамъ, амулетъ въ видѣ гнѣзда съ свѣтлымъ халцедономъ и бляшка съ вытисненнымъ изображеніемъ Архангела Михаила, стоящаго съ копьемъ и сферою, чрезвычайно варварской передачи. Застежки (рис. 102) бляшки [1]), маленькіе и круглые щитки, биты съ реверса какой то монеты VI в. съ надписью внизу CONOB.

Рис. 102. Застежная бляшка изъ Тарса.

Въ заключеніе, для окончательнаго подтвержденія нашей характеристики клада со стороны стиля, укажемъ на двѣ, обойденныя нами, застежныя пряжки, украшенныя одна зернью и жгутами, другая рѣшетчатымъ прорѣзнымъ узоромъ, тождественнымъ съ орнаментомъ готѳскихъ вѣнцовъ изъ знаменитой находки Гварразара и другихъ готѳскихъ древностей, сохранившихся въ Италіи и Испаніи. На одной изъ бляшекъ рѣзцомъ выпукло (на шероховатомъ фонѣ, который, быть можетъ, былъ наведенъ восковою мастикою или же вообще затертъ и сдѣланъ цвѣтнымъ, именно темнокраснымъ) исполнена монограмма, представляющая сокращеніе формулы: κυριε βοηθει.

Рис. 103. Золотая цѣпь изъ Бейрута.

[1]) Тождественныя по фактурѣ и типу, но не по рисунку, застежныя бляшки цѣпи принадлежатъ венгерской находкѣ, въ которой оказались также серьги лунницею съ птичками, клюющими лилію, двѣ подвѣски съ птичьими формами и пр., см. Hampel, *A. Regibb. Közepkor* (IV—X század) Emlekei Magyarhonban. I, 1894, таб. 35.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Ближайшій къ Тарсійскому кладу памятникъ представляется—что наиболѣе замѣчательно—цѣпью или, точнѣе, церемоніальнымъ колье (рис. 103), изъ золотыхъ бляшекъ, штампованныхъ съ древнихъ монетъ Сидона или Арада, съ среднимъ большимъ медальономъ (0,04 м. по рисунку), происходящимъ изъ Бейрута (вѣроятно, отъ тамошняго торговца, явно, сирійскаго происхожденія) [1]). Цѣпь составлена изъ 16 бляшекъ, связанныхъ еще колечками, и, стало быть, была настолько длинна, что не только охватывала грудь, но и нѣсколько спускалась или свѣшивалась на груди, словомъ, была въ размѣрѣ цѣпей клада Михайловскаго и Житомірской улицы (послѣдняя цѣпь больше всѣхъ размѣромъ и представляетъ, какъ сказано, варварское преувеличеніе) и гораздо больше цѣпи Тарсійской, такъ какъ и самыя бляшки вдвое больше размѣромъ. Затѣмъ, при сравненіи ясно выступаетъ и то обстоятельство, что цѣпь Тарса была только погребальнымъ уборомъ, сдѣлана небрежно и наскоро, изъ тонкихъ золотыхъ кружковъ, безъ всякой орнаментаціи, тогда какъ Бейрутское колье сравнительно отдѣлано, и каждая бляшка украшена бисернымъ пояскомъ (Perlenstab), а, главное, средній медальонъ содержаніемъ своего сюжета указываетъ на свадебное назначеніе цѣпи. Въ полѣ этого медальона изображена чета молодыхъ супруговъ, воина и патриціанки, благословляемая Спасителемъ, посреди нихъ стоящимъ, по сторонамъ сюжета надпись: ὑγιαίνουσα φόρει—«носи на здоровье», а внизу Θεοῦ χάρις—«благодать Божія». Всѣ черты стиля фигуръ, одеждъ и самая техника указываютъ ясно на VI—VII стол.—конечный пунктъ происхожденія этого медальона, а съ нимъ, вѣроятно, и цѣпи, если только бляшки не были взяты отъ другой разобранной цѣпи.

Рис. 104. Цѣпь изъ Михаельсфельда близь Анапы.

Цѣпь, найденная въ колоніи Михаельсфельдъ (рис. 104) близь Анапы [2]), Кубанской области, тождественна съ предъидущими, напр. Чулецкаго клада, по техникѣ

[1]) Издано первоначально въ 1855 г. барономъ де Виттомъ, затѣмъ переиздано въ изв. соч. Garrucci, *Storia della arte cristiana dei primi 8 secoli*, vol. VI, tav. 479, № 3, отнесено къ VIII—IX вѣку, по совершенно излишней осторожности, и безъ вниманія къ яснымъ признакамъ древне-византійскаго стиля V—VI стол.

[2]) Вещи, найденныя въ колоніи Михаельсфельдъ, Джигинской тожь, Темрюцкаго отдѣла, Кубанской области, состояли изъ: 1) пары серегъ, съ частями въ видѣ отбитаго ушка и выпавшихъ инкрустацій, 2) цѣпи, 3) двухъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и фактурѣ самихъ цѣпочекъ или плетеныхъ золотыхъ шнуровъ: цѣпь свита и скована изъ тонкихъ золотыхъ проволокъ, сплетенныхъ въ четверо, на четыре грани, и скорѣе можетъ быть названа именно плетенымъ шнуромъ, чѣмъ собственно цѣпью, состоящею изъ свободно двигающихся звеньевъ или колецъ; точно такіе шнуры мы встрѣчаемъ, вмѣсто цѣпей, вообще въ римско-византійскихъ древностяхъ IV—VI вѣка, а въ частности находимъ въ кладахъ: съ береговъ Чулека, венгерскомъ изъ Пушты-Бакода, а затѣмъ уже въ грубыхъ, сильно увеличенныхъ (серебряныхъ) цѣпяхъ Черниговскихъ и Кіевскихъ кладовъ, съ змѣиными наглавниками, о которыхъ будемъ говорить въ свое время. Тождество цѣпей Чулецкаго клада и Анапской простирается даже до подвѣсокъ, а именно: анапская цѣпь имѣетъ три подвѣсные медальона,

Рис. 105. Медальоны той же анапской цѣпи въ нат. велич.

бляшекъ къ цѣпи, 4) обломковъ металлическаго зеркала и кусковъ ножа. Все это найдено по спуску обрыва, цѣпь въ 1892 г., а прочія вещи въ 1893 г., и все это было разбросано такъ, что одна серьга лежала въ 3 саженяхъ отъ другой. Фибула серебряная и пряжка, найденная съ костями, были потомъ затеряны. Предполагаютъ, что могильникъ обвалился съ высоты обрыва, однако, слѣды его не были обнаружены пробными развѣдками.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

вѣрнѣе, три декоративныя бляшки (рис. 105), плоскія и съ лицевой стороны украшенныя выпуклыми ониксами (или двуслойною яшмою), имѣющими видъ глаза и, какъ извѣстно, весьма любимыми въ варварскихъ древностяхъ Кавказа, Южн. Россіи и Венгріи (именно, въ послѣдней встрѣчены особенно крупные экземпляры); на среднемъ медальонѣ имѣется подвѣсочка въ видѣ листика съ такимъ же ониксомъ. Ониксы плоскіе, оправлены въ тонкое гнѣздо изъ листоваго золота, окаймленное двумя поясками зеренъ или бисеру (золотаго) и промежуточнымъ жгутикомъ. Работа грубая, ремесленная, устарѣлаго или отяжелѣлаго пошиба, вполнѣ отвѣчаетъ варварской фактурѣ другихъ вещей (въ Чулецкомъ кладѣ), вырѣзанныхъ въ золотѣ примитивно, небрежно и шероховато. Цѣпь изъ Анапы оканчивается застежною (рис. 106) бляшкою, роль которой играетъ оправленная въ бисерную кайму золотая монета имп. Юстина и Юстиніана (526—527 гг.). Обратная сторона бляшекъ представляетъ три выпуклыхъ медальона (0,04 и 0,35 м.), особенно важныхъ для насъ, какъ несомнѣнные оригиналы нашихъ серебряныхъ бармицъ, или медальоновъ, съ награвированными на нихъ крестами, изъ кладовъ: Владимірскаго, Старо-рязанскаго Казанскаго (Спасскаго уѣзда), Суздальскаго (изд. графомъ А. С. Уваровымъ) и Новгородскаго (дер. С. Ельцы). О сѣверно-русскихъ шейныхъ цѣпяхъ (т. наз. бармахъ) мы будемъ разсуждать въ слѣдующемъ выпускѣ этого труда и тамъ же разсмотримъ формы награвированныхъ крестовъ и изображеній, теперь же замѣтимъ только, что Анапскій образецъ даетъ намъ весьма ясное понятіе о томъ, какого именно типа придержалась русская старина въ этого рода украшеніяхъ, вѣрнѣе, орденскихъ, а не просто декоративныхъ. Медальоны сдѣланы выпуклыми, овальными щитками, подвѣшены на скобочныхъ колечкахъ, на низу припаяно колечко и къ нему поталъ въ видѣ листка съ сердоликомъ въ оправѣ (двухъ подвѣсокъ нѣтъ). На среднемъ медальонѣ награвирована и вытѣснена штампомъ монограмма IX, а на боковыхъ кресты, съ расширенными концами и завиточками по угламъ каждаго рукава, т. е. кресты процвѣтшіе. Формы крестовъ, насѣчка на фонѣ и весь типъ украшеній позволяетъ думать, что если здѣсь, въ видѣ цѣпи, давался орденскій знакъ, то не выше знака щитоносцевъ, меченосцевъ, спаѳаріевъ или под., съ большими щитами которыхъ эти украшенія наиболѣе имѣютъ близости. Чрезвычайно характерно также и это сочетаніе христіанскаго символа съ языческимъ амулетомъ, и то, что средній оникъ, повидимому, фальшивый, т. е. состоитъ изъ наложенныхъ цвѣтныхъ стеколъ. Все въ этой цѣпи, кромѣ монеты, выдѣляющейся по тонкости работы, грубо, тяжело и массивно, исполнено наскоро изъ нарубленнаго и скованнаго золота, заклепано молотами, и только зернь медальоновъ и бордюра на монетѣ, вѣроятно, запасенная мастеромъ изъ городской мастерской, отличается сравнительно чистою работою.

Рис. 106. Застежка отъ Анапской цѣпи.

Замѣчательный типъ русскихъ золотыхъ серегъ въ видѣ колодочекъ [1]), съ эмалевыми украшеніями

Серьги.

[1]) Ранѣе мы называли эти серьги *колтами*, по основаніямъ въ «Исторіи византійской эмали» указаннымъ, но, въ виду

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 107—108. Пара серегъ изъ Кіевскихъ находокъ близъ Десятинной церкви.

и фигурными изображеніями, употреблявшихся почти исключительно на югѣ и въ періодъ XI—XIII вѣковъ, но затѣмъ вызвавшихъ подражанія въ серебрѣ въ южной и сѣверной Россіи въ XIV—XV вѣкахъ, уже былъ предметомъ нашихъ подробныхъ разсужденій въ другомъ мѣстѣ [1]), и потому, повторяя кратко результаты нашего предъидущаго изслѣдованія, мы дадимъ здѣсь только новыя къ нему дополненія, не излишнія, въ виду безусловной важности этихъ оригинальныхъ, чисто русскихъ бытовыхъ и художественныхъ памятниковъ, столько же замѣчательныхъ и вложеннымъ въ нихъ внутреннимъ смысломъ.

Серьги колодочки составляются изъ двухъ выпуклыхъ, спаянныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; широкая каемка на мѣстѣ спайки снабжалась скобочками, черезъ которыя продѣвалась проволока съ жемчужною нитью; подъ верхнею дужкою всегда дѣлается въ обоихъ щиткахъ желобчатая выемка, а въ ней узкая щель, формою похожая на чечевицу, позволяющая вкладывать внутрь что либо мягкое, напр. кусокъ хлопка; щель всегда была открытая и никогда надъ нею не было крышки, ни въ золотыхъ оригиналахъ, ни въ серебряныхъ подражаніяхъ; внутрь серегъ запихивался кусокъ хлопка, напитаннаго душистымъ масломъ, и такъ какъ серьга не продѣвалась въ ухо, но носилась около уха, подъ волосами, то и душила постоянно волосы.

Наглядным и фактическимъ доказательствомъ такого назначенія серегъ колодочкою является ихъ византійскій варіантъ изъ собранія И. П. Балашева въ С.-Петербургѣ, пріобрѣтенный имъ въ Константинополѣ и издаваемый нами въ краскахъ на таблицѣ XIV въ 6 снимкахъ въ натуральномъ размѣрѣ и трехъ въ увеличенномъ. Сущность предмета и формы таже, что въ русскихъ серьгахъ, но византійскій оригиналъ идетъ отъ образцовъ, такъ сказать,

---

смѣшенія въ самомъ *русскомъ* языкѣ словъ: *колтъ* и *колодка*, хотя совершенно разнаго происхожденія, считаемъ нужнымъ сказать: первое слово *колтъ* означаетъ вещь, колыхающуюся, качающуюся, но обыкновенно *колтками* называли серьги, въ которыхъ на кольцѣ бывалъ укрѣпленъ длинный болтающійся язычекъ, или палочка съ насаженными внизу камнями, тогда какъ *колодка* отъ *клада* болѣе точно отвѣчаетъ данной полой формѣ калачика, которую имѣютъ наши серьги.

[1]) Въ соч. *Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго.* Глава IV, стр. 310—352.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

культурныхъ, а русскій—отъ варварскихъ, что отразилось на всемъ видѣ предмета: въ византійскомъ назначеніе полой внутренности яснѣе и форма ея характернѣе. А именно: здѣсь имѣется внутренняя колодочка или мѣшочекъ, похожій на выдолбленную жемчужину въ оправѣ изъ широкаго золотаго ободка; въ колодочкѣ 0,025 м. дл. и 0,02 м. толщины полой выпуклости. Съ лицевой стороны колодочка представляетъ выпуклый эмалевый лоточекъ или щитокъ, съ эмальированными орнаментами, заслуживающими вниманія, главнымъ образомъ, по тому, что въ нихъ вспоминается древнѣйшій способъ украшенія подобныхъ серегъ гранатовыми инкрустаціями; дѣйствительно, внутренній щитокъ имѣетъ видѣ лунницы, представляетъ темносиній фонъ, по которому исполнены бѣлые акантовые разводы съ красными ягодками или темнокрасными вѣтками; коймы же или орнаментированы бѣлыми и красными камушками по синему фону—древнѣйшій типъ эмали, или подобіемъ штучныхъ инкрустацій синихъ, голубыхъ и кирпичныхъ, стало быть въ стилѣ VII—VIII столѣтій. Съ оборотной же стороны мы находимъ здѣсь *ажурную имбрикацію* или особую прорѣзную рѣшеточку въ видѣ чешуекъ, сдѣланную изъ плетенія филигранью, совершенно гладкую, съ золотымъ зерномъ въ каждой петелькѣ. Именно эта рѣшеточка, прикрывающая душистый хлопокъ, и назначена была душить волосы и голову. Ободокъ серьги имѣетъ также много для насъ интереса тѣмъ, что весь выполненъ тончайшею сканью, въ простѣйшемъ рисункѣ разводовъ съ внутренними мелкими завитками, изъ ссученной пары нитей, расплющенной въ ленту и уложенной на поверхности крохотными вѣточками; но боковыя каемки изъ кружковъ и восьмерокъ выложены изъ *ленточной скани, той же фактуры, какъ и скань на Мономаховой шапкѣ*, для насъ еще доказательство южно-русскаго или византійскаго происхожденія послѣдней. По ободку сажены въ гнѣздахъ сирійскіе гранаты, въ формѣ овала, ромба, листа, сердечка—также вкусъ Византіи XI вѣка, указанный намъ историками. По наружному ободку расположены семь скобочекъ, витыхъ изъ скани и ажурныхъ, для продѣванія крупной жемчужной низки. Дужка имѣетъ то же самое устройство, что у русскихъ серегъ: а именно шарниръ сдѣланъ на одной сторонѣ, въ которомъ дужка свободно движется, притомъ движется по направленію къ головѣ, или внутрь, и далѣе: дужка эта также приподнята оваломъ, очевидно для того, чтобы серьга свободно качалась подъ тѣмъ предметомъ, къ которому она привѣшена (какою? или кокошникомъ?), и затѣмъ на другомъ концѣ она застегивалась, входя внутрь колечекъ, проволокою; къ этому служили свободно висящія у дужки два колечка, по одному на каждой серьгѣ, не знаемъ: можетъ быть, отъ нихъ шла тонкая цѣпочка по груди, соединявшая обѣ серьги, что сначала имѣло особое практическое назначеніе, а затѣмъ стало дѣломъ обычая или моды.

Византійскій и русскій типы даютъ намъ указанія, гдѣ искать его источниковъ. Ихъ общій прототипъ принадлежитъ Сиріи и представляетъ серьгу въ видѣ калачика, или колечка, съ утолщенною нижнею частью: мы уже говорили, что эта форма сережнаго кольца натуральна въ издѣліяхъ изъ стекла, если не прямо отъ нихъ получила свое бытіе, но разъ напавъ на эту столь простую и осмысленную форму, мастера ее всячески стали разнообразить, усугубляя,

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 109. Золотая серьга изъ Керчи.

Рис. 110. Серьги изъ Тарса.

спеціализируя тотъ же смыслъ. Серьга приняла видъ полулунія, или лунницы, мѣха виннаго, мѣшочка, съ разными имитированными способами закупориванія его отверстій по концамъ и пр., и какъ ни распространенъ этотъ типъ въ античныхъ древностяхъ, въ частности между древностями Босфора Киммерійскаго, всякая новая находка имѣетъ свой интересъ, почему мы и считаемъ нужнымъ издать новую находку этого рода въ Керчи, принадлежащую коллекціи А. Л. Бертье-Делагарда въ Одессѣ (рис. 109).

Далѣе мы уже говорили о томъ, какъ со временемъ выдѣлилась декоративная форма плоской лунницы, въ видѣ *мениска*, какъ говорили Греки, или нашей подвѣсной *цаты* («мѣсячной») къ иконамъ; для насъ важно въ особенности рѣзное украшеніе такихъ лунницъ двумя птичками, или двумя павлинами по сторонамъ чаши, креста, дерева и т. д., такъ какъ наши серьги переняли эту орнаментацію. Мы увидимъ, въ своемъ мѣстѣ, что эта орнаментальная форма принадлежитъ также Сиріи, перешла оттуда къ Коптамъ въ Египетъ и въ Малую Азію, а затѣмъ черезъ Византію была передана всему варварскому міру южнѣе Европы и встрѣчается разомъ въ Коптскихъ могилахъ, въ Тарсѣ (рис. 110), древностяхъ южной Россіи и Венгріи [1]), притомъ въ издѣліяхъ, почти не различающихся со сторонъ художественной и технической: а именно эти лунницы, видимо, выбивали насквозь и разомъ, помощью особаго штампа, изъ золотаго листа, и даже не шлифуя краевъ, пускали въ продажу. И мы, путемъ всякихъ косвенныхъ доказательствъ, приходимъ теперь къ окончательному выводу, что эти серьги идутъ изъ Сиріи. Именно тамъ серьги были издревле въ особой модѣ, и между тѣмъ, какъ въ Европѣ въ періодъ съ VI по XII вѣкъ ихъ употребленіе почти прекратилось,— въ Сиріи и на Востокѣ, и въ ближайшихъ къ Востоку странахъ Сѣвера, въ частности на Кавказѣ, въ Крыму и въ южной Россіи, продолжали существовать весьма разнообразныя формы этого украшенія [2]).

Вотъ почему должно съ особымъ вниманіемъ остановиться на прекрасной парѣ крохотныхъ золотыхъ сережекъ (рис. 111 и 112), происходящихъ изъ Майкопскаго отдѣла Кубанской области и поступившихъ въ 1895 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ хищническихъ раскопокъ кургана, среди другихъ любопытныхъ предметовъ золотаго погребальнаго убора, доставленныхъ, къ сожалѣнію, въ обрывкахъ; интересны одна пластинка отъ

---

[1]) Кромѣ указанныхъ вещей въ моемъ соч. объ *эмали*, см. изъ Моравіи и Зальцбурга, въ *Kunsthistorischer Atlas d. K. K. Central-Commission*. I, 1889, Taf. 98.

[2]) См. между прочимъ статью словаря Gay, *Glossaire archéologique*, v. *Boucles d'oreille*.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

золотой діадемы (дл. 0,63 м. и выш. 0,03 м.), съ вытиснутыми розетками и львами, и три розетки отъ одежды, обсаженныя по краямъ на проволокѣ бирюзою, маленькими кусками яшмы и оникса. Сережки имѣютъ только 0,02 м. въ поперечникѣ и 0,13 м. длины въ цѣпочкѣ, сдѣланы въ видѣ мѣшочка, закупореннаго по краямъ, и снабженнаго на верху иглою, которая дѣлаетъ изъ этихъ серегъ подобіе застежки или фибулы, прикалывавшей какое либо тонкое покрывало, на плечѣ или подъ ухомъ; къ чему служила игла, неизвѣстно, скорѣе всего она удерживала приколотую ею косынку, стало быть, цѣпочка была прикрѣплена на верху, или обходя ухо, или будучи зацѣплена въ головномъ уборѣ. Серьга была усажена бирюзою, а по низу розетками изъ янтаря, въ золотой оправѣ.

Рис. 111. Серьга изъ Майкопа.

Любопытно и то, что ранѣе, не зная еще этого оригинала [1]), мы издали видѣнную нами въ Вѣнскомъ Восточномъ Музеѣ плечевую фибулу (?) *сирійскаго* происхожденія, которая имѣетъ точно ту же форму, окаймлена подобіемъ саженаго жемчуга, снабжена подвѣсками, иглою на томъ же мѣстѣ и цѣпочкою и отлично выполнена изъ серебра. Важность этого тождества простирается и на характеристику древностей сѣвернаго предгорья Кавказа, которыя имѣли гораздо болѣе зависимости отъ Сиріи, чѣмъ можно было ранѣе думать.

Переходя, затѣмъ, къ русскому типу, мы также можемъ привести еще не одно добавочное доказательство къ прежней нашей догадкѣ о томъ, что этотъ типъ происходитъ не отъ указаннаго античнаго (= византійскаго тожь) образца, но уже отъ восточно-варварскаго его варіанта: прежде мы имѣли для этого одну пару серегъ изъ Кайбалы, а въ послѣдніе годы число это утроилось. Такъ, изъ извѣстныхъ раскопокъ на Кубани происходитъ золотая

Рис. 112. Тоже (снизу).

Рис. 113. Серьги изъ Кубанской обл.

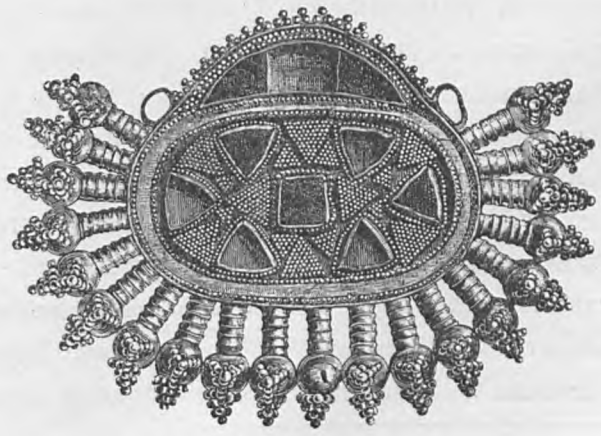

Рис. 114. Серьги изъ Ставропольской губ.

[1]) Исторія и пам. виз. эмали, стр. 319, рис. 95.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

варварская серьга въ собраніи А. Л. Бертье-Делагарда (рис. 113, въ натуральную величину); при всей ея грубости, мы имѣемъ въ ней всѣ черты серьги колодкою «готѳскаго» типа, т. е. внутренняя выпуклая раковина покрыта съ лица щиткомъ, на которомъ въ лоточкахъ вставлены куски пиленаго граната, затѣмъ кайма щита и ободъ покрыты зернью городками. Серьги должны относиться къ IV—VI стол. по Р. Х.

Нѣсколько позднѣе, хотя немного, но по мѣсту происхожденія ближайшій памятникъ — пара серегъ изъ расхищеннаго кургана въ окрестностяхъ села Воздвиженскаго (рис. 114), Новогригорьевскаго уѣзда, Ставропольской губерніи (нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ, Срв. отд.). Однако, интересъ этой пары (подобная въ собраніи графа С. Г. Строганова) въ ея отличительныхъ признакахъ: какъ и прочія вещи кургана, эти серьги были сдѣланы для похоронъ, грубо и наскоро выбиты, снабжены наколами, жгутиками, гнѣздами для гранатовъ, и притомъ составляютъ только орнаментальное подобіе серегъ — колтовъ, т. е. здѣсь вовсе нѣтъ полой внутренности, вся серьга выбита изъ плоскаго листа, и только имитируетъ мѣшочекъ, при чемъ, однако, даже наборы зернью сохранены, также жемчужины на спняхъ, проволоки которыхъ прикрыты трубочками и т. д. Словомъ, мы находимъ здѣсь всѣ детали, напр. серьги изъ сел. Кайбалы, но не находимъ самой сущности—самыхъ колодочекъ, и это обстоятельство могло бы служить для насъ наиболѣе наглядным урокомъ того, какъ осторожно должно относиться къ погребальнымъ уборамъ, особенно изъ золота, чтобы не принимать имитацій за реальную обстановку и потому, каждый разъ, аналитически сообразовать форму вещи съ ея практическимъ назначеніемъ.

Пара подвѣсокъ изъ бѣловатаго золота и особенно крупнаго размѣра, происходящихъ изъ колоніи Михаельсфельдъ (рис. 115—6), близь Анапы, Кубанской области, должны быть названы теперь на первомъ мѣстѣ, то есть ранѣе экземпляра изъ сел. Кайбалы, Самарской губерніи [1]), бывшаго немного ранѣе единственнымъ образцомъ прототипа нашихъ позднѣйшихъ серегъ—колтовъ. Первое мѣсто принадлежитъ Кубанской парѣ, потому что она всѣхъ ближе къ поздне-египетской подвѣскѣ изъ Лувра [2]), принятой нами, уже по древнему типу изображеннаго на ней тонкою филигранью копчика, за наиболѣе ранній образецъ. Въ дѣйствительности, и здѣсь уже не находимъ въ формахъ вещи ея назначенія служить мѣшечкомъ для душистаго клочка хлопчатой бумаги, долженствующаго душить косу: на это назначеніе указываетъ, но его явно не выполняетъ средняя выемка, или углубленный лоточекъ, украшенный, какъ будто застежною пуговкою, гнѣздомъ камня (или цвѣтнаго стекла), окаймленнымъ филигранью. Въ экземплярѣ изъ Кайбалы, на мѣстѣ такого углубленія, сдѣлана узкая прорѣзь, видимо, едва вспоминающая основную форму, открываемую въ византійскихъ серьгахъ И. П. Балашова. Впрочемъ, обѣ пары болѣе сходны по типу, чѣмъ различны по орнаменту. Именно, лунный щитокъ, основа всего украшенія, потомъ назна-

[1]) Изданнаго нами въ соч. «Исторія и памятники византійской эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго», рис. 96—7.

[2]) Тамъ же, рис. 98, изъ Fontenay, *Les bijoux anciens et modernes*, 1887, стр. 138. Вещица сдѣлана изъ листоваго золота, должна быть предметомъ погребальнаго убора и относится къ эпохѣ послѣ Р. Х.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

чаемый для эмали, и здѣсь исполненъ гранатовою накладкою (или ея подобіемъ), отъ которой уцѣлѣли только рѣзанныя изъ золота перегородочки: внутри ихъ была, быть можетъ, красная мастика, а не гранаты, такъ какъ перегородочки мѣстами окаймлены филигранью, при которой было бы неудобно дѣлать накладку пилеными гранатами или стеклами. Подобныя же накладки, по рисунку обычной волны, шли по бокамъ подвѣсокъ. Вокругъ лунницы идутъ въ два пояса лучистыя коймы, состоящія изъ ряда золотыхъ жемчужинъ и лучей отъ каждой изъ нихъ, набранныхъ зернами филиграни.

Рис. 115. Серьга изъ Михаэльсфельда.

Рис. 116. Та же серьга съ боку.

Серьги изъ колоніи Михаэльсфельдъ представляютъ пока лучшій типъ дѣйствительной серьги, при всемъ томъ, что обѣ найдены помятыми, а отчасти и порванными (особенно одна, съ лицевой стороны), неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ. При томъ еще должно замѣтить, что обѣ серьги значительно между собою разнятся размѣрами въ толщину: а именно, обѣ имѣютъ въ діаметрѣ 0,06 м., а въ толщину одна 0,35 м., другая только 0,03 м. и ободокъ ея на два миллиметра уже чѣмъ у первой (0,012). Затѣмъ, вся техника и фактура обѣихъ серегъ тождественны.

Эта техника такъ превосходна, при всей своей простотѣ, зернь шариковъ и бисера такъ отлично отлита, чисто усажена, что во 1-хъ напоминаетъ лучшія филигранныя издѣлія антика, и во 2-хъ позволяетъ намъ укрѣпиться въ мысли, что большинство грубыхъ издѣлій изъ золота, въ родѣ Чулецкаго клада, вовсе не свидѣтельствуютъ намъ о примитивной грубости варварскихъ издѣлій изъ драгоцѣнныхъ металловъ, а, по просту, представляютъ предметы погребальнаго убора, наскоро выполненнаго ad hoc, и потому не передающаго вполнѣ господствующихъ типовъ, а только ихъ подобія.

Въ серьгѣ Михаэльсфельда мы находимъ прекрасный контуръ основнаго колта, отличное окаймленіе его, и обѣ эти части ясно отдѣляются тѣмъ, что кайма эта, дѣйствительно, кайма, т. е. что и внутри она такъ же глубока, какъ и съ лица, и вся эта глубина одного сантиметра наполнена гипсомъ, а поверхъ его поблѣднѣвшей мастикою. Лицевой лунный щитокъ одной серьги еще сохранилъ полностью инкрустаціи, сдѣланныя изъ поблекшаго голубаго и краснаго стекла, а въ срединѣ голубаго, съ бѣлымъ глазкомъ посреди. Въ разводахъ еще имѣемъ золотой

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

фонъ, и по немъ тончайшій филигранный ободокъ. На ободѣ нигдѣ инкрустацій нѣтъ. Далѣе, съ лица одной серьги имѣются четыре (изъ 5) крохотныхъ гнѣздъ съ зернами цвѣтнаго стекла, а въ выемкѣ одно стекло въ кругломъ гнѣздѣ, и стеклышки въ репьяхъ, съ филигранными ободками, украшающими бока этой выемки. Наконецъ, подвѣсная дужка серьги состоитъ въ двухъ ручкахъ съ отверстіями на верху, черезъ которыя проходившая проволока укрѣпляла серьгу въ ея подвѣскѣ. Любопытно, что внутренняя сторона ручекъ у одной серьги сдѣлана полою для того, чтобы принять тоже цвѣтную накладку.

Большая (рис. 117) серьга-колтъ, 0,05 м. въ поперечникѣ, изъ Симбирской губ., пріобрѣтенная отъ частнаго лица, представляетъ дружку для извѣстной ранѣе (въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ) серьги изъ Кайбалы, не только по типу и деталямъ формы, но и по самой фактурѣ. Ея оригинальный видъ нѣкогда усложнялся жемчужинами, сидѣвшими внутри поддужной выемки, какъ видно изъ дырочки, чрезъ которую пропущенъ былъ шпенекъ, на которомъ онѣ сидѣли. Но вставныхъ пиленыхъ гранатъ не было и не только въ рѣшетчатомъ ободкѣ, но и въ лунницѣ, гдѣ обычные разводы сдѣланы такъ небрежно, такъ условно подражаютъ прежнимъ ячейкамъ для гранатъ, а теперешнія ячейки настолько глубоки и совершенно чисты отъ всякой мастики, укрѣплявшей накладку или служившей для нея фономъ, дномъ, что мы полагаемъ необходимымъ думать, что здѣсь имитація формъ почему то совсѣмъ не знала самихъ инкрустацій. И наконецъ, припаянная зернь, въ своемъ обычномъ видѣ жемчужныхъ пронизокъ и бисерныхъ треугольничковъ, носитъ такой ясный характеръ погребальнаго убора, исполненнаго ad hoc, на случай, безъ всякихъ слѣдовъ ношенія, съ фабричными тонами свѣже-отлитой зерни и нарѣзанныхъ золотыхъ листовъ, что и эту серьгу мы считаемъ погребальною имитаціею дѣйствительнаго типа. Мы упоминаемъ здѣсь эту серьгу только ради близости ея находки къ серьгѣ изъ Кайбалы, ранѣе другихъ ставшей извѣстной.

Такимъ образомъ, эта послѣдняя серьга (рис. 118—9) изъ упомянутой находки въ Кайбалахъ, безслѣдно пропавшей, становится уже позади всѣхъ въ серіи памятниковъ этого

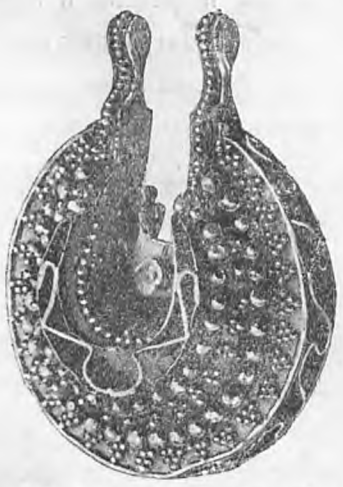

Рис. 117. Серьга изъ Симбирской губ.

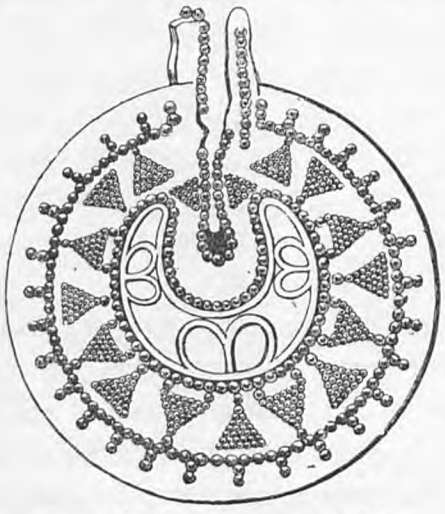

Рис. 118. Серьга изъ сел. Кайбалы.

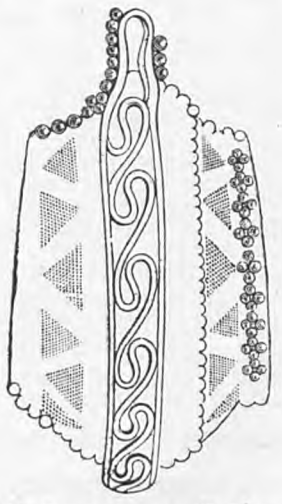

Рис. 119. Серьга изъ сел. Кайбалы.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

рода, что достаточно оправдывается и самымъ ея убором, явно, позднѣйшаго характера: впрочемъ, и ту и другую мы еще считаемъ возможнымъ относить къ VII—VIII стол., не позднѣе начала IX вѣка.

Пара серегъ-подвѣсокъ, повидимому, происходящая изъ Кіевскаго клада, открытаго въ усадьбѣ Августиновича, изображенная на табл. X, несомнѣнно, самаго оригинальнаго типа и наиболѣе близкаго къ византійскому оригиналу, намъ извѣстному по драгоцѣннымъ серьгамъ И. П. Балашева. Наши серьги имѣютъ въ поперечникѣ по горизонтали 0,05 метр. и тотъ же размѣръ до дужки, что придаетъ особенное изящество столь пропорціональной вещицѣ. Внутренній мѣшечекъ имѣетъ только 0,025 м. и въ вышину 0,02; онъ закрытъ особо вырѣзанными щитиками съ эмалью съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ вокругъ мѣшочка пять скобочекъ назначались для жемчужной нити. Широкій золотой ободъ украшенъ по пояску золотыми шариками, подражающими нити жемчуга, и вокругъ, на плетеныхъ изъ скани зубчатыхъ шпенькахъ, сидятъ золотые полушарики, вновь заступающіе хрупкій жемчугъ. Орнаментація весьма не затѣйливая, но стильная и отличной фактуры, особенно тщательной выдѣлки скани. Равно и эмали отличаются прекрасною работою, почти какъ бы византійскихъ мастеровъ, что наблюдается въ краскахъ и отчасти въ самомъ рисункѣ. Птичка отличается легкими формами и яркими красками оперенія преимущественно бирюзоваго. На оборотѣ среди синяго поля съ городчатыми звѣздочками, голубой съ бирюзовымъ оттѣнкомъ кружокъ содержитъ внутри бѣлую лилію съ краснымъ полемъ внутри.

Обломокъ кіевской серьги-подвѣски (табл. X, 1), въ видѣ оборотной ея дощечки, хотя сильно разрушенъ, но любопытенъ по ея орнаментаціи. Въ срединѣ эмалевый кружокъ весь выщербился. Кругомъ обычный вѣнчикъ является въ видѣ четырехъ вырѣзокъ, эмаль которыхъ представляетъ синее поле съ бѣлыми крещатыми звѣздочками, вѣроятно, подобіе матерчатой повязки, облегающей вѣнцомъ или вѣнчикомъ священное изображеніе. Промежъ нихъ три кружочка, замѣняющіе опять-таки драгоцѣнные камни, имѣютъ соотвѣтственные цвѣта (въ одномъ кружочкѣ, прочіе разрушены): бѣлый фонъ съ красною каймою и четырехлепестковою красною розою. На мѣсто выпавшей эмали чаще виднѣется дно лоточковъ столь сильнаго алльяжа, что кажется почти серебрянымъ. Къ этому типу золотыхъ серегъ близокъ серебряный экземпляръ изъ находокъ 1893 года (рис. 120).

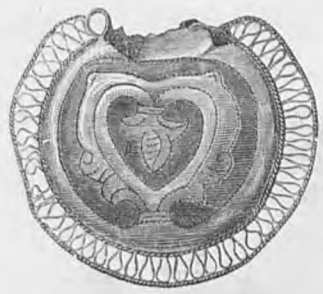

Рис. 120. Серьга Кіевская изъ находокъ 1893 г.

Въ Британскомъ музеѣ, въ отдѣлѣ «золотыхъ украшеній», древнихъ, средневѣковыхъ и византійскихъ, мы встрѣтили также одну золотую кіевскую серьгу-колтъ, съ эмалевыми украшеніями. Серьга эта особенно малаго размѣра, не болѣе трехъ сантиметровъ въ поперечникѣ, сдѣлана изъ очень тонкихъ листовъ, лишена дужки, но сохранила четыре скобочки для жемчужной обнизи. Эмаль позднѣйшей русской работы XII вѣка, исполнена на блѣдномъ золотѣ, дурной фактуры, представляетъ двухъ птичекъ, стоящихъ по сторонамъ кружка съ лилейнымъ

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

бутономъ въ срединѣ; на оборотѣ кружокъ съ крестообразною эмалевою орнаментикою и два сегмента или отрѣзки вѣнчика съ обычными аканѳовыми разводами.

Мы посвятили выше достаточно времени на разсмотрѣніе всѣхъ золотыхъ эмальированныхъ серегъ колодочекъ кіевскаго, рязанскаго и владимірскаго происхожденія и намъ остается лишь дополнить эти свѣдѣнія впослѣдствіи исторіею дальнѣйшаго развитія того же типа въ серебряныхъ серьгахъ XII—XIV столѣтій, оказавшихся въ различныхъ кладахъ.

Перстни встрѣчены во многихъ кіевскихъ кладахъ, какъ то: въ находкахъ сороковыхъ годовъ (рис. 69—73); въ кладѣ Лѣскова 1876 г. замѣчательный перстень со львомъ; въ кладѣ Есикорскаго разомъ шесть серебряныхъ перстней съ штампованными рѣзными крестиками, одинъ также со львомъ, и одно кольцо съ камнемъ; въ усадьбѣ Гребеновскаго при діадемѣ оказался золотой перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ архангела и пр. Напротивъ того, на русскомъ Сѣверѣ перстни встрѣчаются или встрѣчались доселѣ *очень рѣдко*, а именно мы можемъ указать только въ Рязанскомъ кладѣ 1822 года перстень, имѣющій особенную форму и особое значеніе. На инородческомъ Востокѣ вообще, въ частности же, на Волгѣ и Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ и пр., весьма обильны кольца съ камнями, по преимуществу съ кораллами (обыкновенно выцвѣтшими), но совершенно отсутствуютъ перстни съ печатками. Если же мы всмотримся въ рядъ кіевскихъ перстней, то ихъ значительное большинство относится къ разряду византійскихъ серебряныхъ перстней съ печатками, т. е. тѣхъ служебныхъ перстней или, скорѣе, печатей, которые должны были появиться въ древней Руси, вмѣстѣ съ грамотою, торговыми договорами и юридическими документами, словомъ съ греческою культурою, и притомъ въ Кіевской Руси, по преимуществу.

Сообразно съ этимъ, большинство перстней представляетъ простое гладкое кольцо, съ напаянной сверху широкою, плоскою печаткою, овальной, круглой, шестиугольной, квадратной, крестобразной и ромбоидальной формы; внутри щитка печати, въ орнаментальной каймѣ, обыкновенно углубленной, сдѣланъ рѣзьбою крестъ, простой, монограмматическій, орнаментальный, или даже прямо оставлено поле для того, чтобы вырѣзать на немъ инициалы именной печати (но этого часто не сдѣлано) въ лавровомъ вѣнкѣ, или подобномъ бордюрѣ. Очевидно, печать Кіевскаго клада 1889 г. въ усадьбѣ Гребеновскаго (табл. IX, 13, рис. 86—7), съ изображеніемъ архангела, принадлежала духовной особѣ, и печать эта не только золотая, но и художественно украшена по цвѣточной чашечкѣ чернью, съ разводами византійскаго орнамента. Одинъ изъ перстней Кіевскаго университетскаго Минцъ-Кабинета № 1235 (рис. 71) и оба перстня находки 1889 года въ усадьбѣ Раковскаго содержатъ сложную монограмму, другіе перстни представляются тоже «именными», тогда какъ перстни въ собраніяхъ князя Трубецкого относятся къ разряду базарныхъ подражаній подобнымъ именнымъ печатямъ, потому что на ихъ печаткахъ чернью сдѣланъ просто орнаментальный разводъ, пальметка и т. под.

Наряду съ такими служебными перстнями кладовъ, преимущественно кіевскіе представили и образцы колецъ съ камнями: оба золотыя кольца изъ клада Есикорскаго (табл. V, 3)

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

и Гребеновскаго (табл. IX, 12) представляютъ хорошо знакомую форму гладкаго колечка съ напаяннымъ сверху гнѣздомъ круглаго камня, чуть повышеннаго (cabochon), въ гладкой оправѣ, по грекоримскому позднѣйшему типу. Встрѣчаются также (Кіев. унив. М. К., № 150) перстни съ высокимъ гнѣздомъ, въ которомъ посаженъ небольшой плоскій камень, съ зерневымъ или филиграннымъ украшеніемъ всего гнѣзда. Великолѣпные образцы подобныхъ византійскихъ перстней, съ драгоцѣнными камнями, геммами и пр. находятся въ указ. собраніи барона Гейля въ Вормсѣ, изъ находки близь Майнца. Наконецъ, богатый экземпляръ золотаго перстня съ приподнятымъ гнѣздомѣ, украшеннымъ еще мелкими гнѣздами, тоже приподнятыми въ видѣ трубочекъ, изъ Рязанскаго клада 1822 года (рис. 51), относится, вѣроятно, къ числу епископскихъ перстней, судя по аналогіи западныхъ перстней того же типа [1]).

Золотые перстни очень рѣдки и въ могильникахъ Россіи. Золотой перстень изъ Черниговскаго уѣзда, села Сѣднева (Историч. Музей, собраніе г. Самоквасова, № 3561), выбитый изъ полоски, интересенъ только, какъ образецъ базарныхъ декоративныхъ подражаній дорогаго перстня: полоска разбита по концамъ въ видѣ лиліи, ея листья охватываютъ цвѣтокъ какъ бы овальное гнѣздо, и на выпукломъ его щиткѣ сдѣлано подобіе камня, очевидно, яхонта, — такъ какъ цвѣтокъ лиліи красный (въ византійской орнаментикѣ). Соотвѣтственно малой грамотности древней Руси, чѣмъ выше на сѣверъ отъ Кіева, мы находимъ и серебряныя перстни все съ орнаментальными печатками, исполненными уже не рѣзьбою, вглубь, а чернью, на дутыхъ щиткахъ: одинъ перстень изъ с. Шмарова, Лихвинскаго уѣзда, Калужской губ. (Истор. Музей № 831), представляетъ обычную птицу, другой (№ 830)—фантастическаго звѣря. Чаще печатка представляетъ совершенно гладкій щитокъ, разбитый въ той же полоскѣ.

И потому находимыя въ могильникахъ сѣверной Руси бронзовыя кольца изъ проволоки или полоски съ насѣчкою относятся къ иному времени, иному типу ручныхъ колецъ, какъ равно кольца изъ витой проволоки, перстни съ подвѣсками (Тверской губ.), мерянскія кольца изъ плетеныхъ бронзовыхъ проволокъ, также съ подвѣсками, литыя бронзовыя кольца съ гнѣздами въ Рязанскихъ и Владимірскихъ могильникахъ и пр.

Изъ Болгаръ въ разное время добыто много перстней (шесть экземпляровъ въ М. Оружейной Палатѣ, № 3551 и др.), чаще всего изъ бронзы, нерѣдко же изъ золота; эти перстни легко отличить и узнать по ихъ орнаментаціи или арабскими молитвенными надписями, или же разводами арабскаго характера, но всегда выполненными посредствомъ золотыхъ перегородочекъ или ленточекъ, положенныхъ на ребро и припаянныхъ ко дну; къ сожалѣнію, та мастика (можетъ быть, чернь), которою затиралось гнѣздо, оставляя на свободѣ рисунокъ, всегда оказывается выкрошившеюся. Такого же пошиба перстни были находимы и въ Саратовской губерніи. Наиболѣе характерны для всего приволжскаго края серебряные перстни со сканными выпуклыми гнѣздами на верху, сидящими нерѣдко по нѣскольку, въ какой-либо

[1]) Fontenay, *Les bijoux anciens et modernes,* 1887, p. 45, ср. рисунки на стр. 44, 49, 50: кресты епископскіе, духовныхъ лицъ и пр.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

группировкѣ; при обычной грубости скани, уродливости выцвѣтшихъ коралловъ, мутныхъ кусковъ бирюзы, лишь съ трудомъ можно угадать, что первоначальный типъ этихъ колецъ не восточный, а западно-русскій, но до крайности утрированный, или же кавказскій.

Одною изъ любопытнѣйшихъ формъ древнерусскаго головнаго и отчасти шейнаго убора являются низки изъ серебряныхъ золоченыхъ подвѣсныхъ рясенъ въ формѣ лиліи; эти бляшки нанизываются на шнуръ, раздѣляются серебряными бусами (см. таб. XV, 3 и 7, 8) и образуютъ своего рода монисто или повязку, налагаемую на лобъ. Форма происходитъ отъ византійскихъ вѣнцовъ и повязокъ, набиравшихся изъ лилій и носившихъ названіе — κρινωνία.

Изъ растительныхъ формъ, принятыхъ отъ восточнаго и византійскаго искусства, издревле обращаетъ на себя вниманіе полевая лилія (*кринъ*, дикая огненнаго цвѣта или халкидонская красная лилія, въ отличіе отъ бѣлой, садовой лиліи, носившей у грековъ названіе *лиріонъ*), въ которой извѣстный евангельскій текстъ (Мат. VI, 28—9) запечатлѣлъ однажды навсегда образъ простой, естественной красоты, стоящей выше всякихъ прикрасъ: «и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». [1]) Кринъ покрываетъ пустыри, придорожья, руины въ Сиріи и Палестинѣ наряду съ сорною травою и цвѣтетъ послѣ періода дождей, разомъ покрывая яркою зеленью и красными пятнами самыя безплодныя мѣста, если только въ нихъ простояла влага, и развертывая быстро два крупные отвислые листа, а затѣмъ двѣ пары листьевъ по сторонамъ краснаго бутона, подымающагося изъ средины. Согласно съ этими чертами натуры, кринъ въ искусствѣ началъ играть роль на древнемъ востокѣ, а въ римскую эпоху въ памятникахъ восточнаго происхожденія, почти исключительно въ пластическомъ изображеніи поля, пустыря, тогда какъ бѣлая лилія являлась, напримѣръ, даже эмблемою чистой Аѳины (на аттическихъ монетахъ) [2]) и получила, затѣмъ, весьма важное значеніе въ христіанскомъ западномъ искусствѣ позднѣйшаго времени по своимъ отношеніямъ символическаго характера къ Дѣвѣ Маріи и Благовѣщенію. Однако, и тамъ лилію долгое время, до XIV вѣка, продолжали изображать въ видѣ полеваго крина, очевидно, ради его простоты въ рисункѣ, разработанной до схематическаго цвѣтка, какъ извѣстно, послужившаго и для эмблемы королевской власти во Франціи, возстановленной Іоанною д'Аркъ. Таже орнаментальная схема была причиною, что кринъ сталъ украшать собою верхъ императорской шапки: въ Византіи, какъ свидѣтельствуетъ Кодинъ, императоры носили свои стеммы въ опредѣленные праздники, торжественные дни, при особыхъ облаченіяхъ, а въ обычные дни, уже по своему выбору или разнымъ мотивамъ, надѣвали шапки (φορέματα), разнаго убора [3]), и вотъ одна изъ нихъ носила названіе κρινωνία, которое Дюканжъ полагаетъ въ орнаментальномъ верхѣ изъ ряда вѣнчавшихъ обручъ лилій. Какъ бы то ни было, но для насъ важно, что кринъ появляется въ своей орнаментальной роли вновь въ періодъ V—VIII стол., и

[1]) Виктора Гена, *Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ въ Европу*. Спб. 1872, стр. 131 слѣд.

[2]) Imhoof-Blumer u. O. Keller, *Thier-und Pflanzenbilder auf Münzen*, 1889, Taf. X; 33—34.

[3]) Codinus, *De Offic. Palat.*, ed. Bonn., p. 47, 51. Ср. вѣнцы на ангелахъ Св. Троицы въ издаваемомъ выше снимкѣ иконы изъ Троицкой Лавры, также на сицилійской коронѣ Констанціи, въ изд. Фр. Бока.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

притомъ въ греко-восточномъ искусствѣ, переходитъ вмѣстѣ съ его формами въ достояніе варварскихъ уборовъ. Такъ, въ Люцинѣ [1]) мы встрѣчаемъ кринъ, въ схематической формѣ высокаго стебля съ пятью развивающимися завязями, въ поясномъ (?) уборѣ; изъ той же схемы составленъ вѣнечный поясъ цоколя въ Палатинской капеллѣ и изданныя нами ранѣе пластинки отъ вѣнечнаго головнаго убора (рис. 35), а наконецъ и многочисленныя вещи, подвѣски народныхъ уборовъ востока. Спеціально у арабовъ [2]) находимъ, напримѣръ, въ современныхъ уборахъ цѣпи, съ всевозможными подвѣсками, характера профилактическаго: здѣсь и амулеты, гребни крохотные (см. это обычное украшеніе на цѣпочкахъ въ томъ же Люцинѣ), и рыбы, и рога изобилія, двуглавыя птицы, птицы въ кругахъ, и бляшки въ видѣ крина съ тремя завязями, или съ почкою и двумя листами.

Въ русскихъ кладахъ мы встрѣчаемъ кринъ: въ орнаментаціи крестовъ и крестиковъ, притомъ какъ тѣльныхъ, такъ и набивныхъ, басменныхъ и пр. (клады Владимірской 1865 г., Старой Рязани, 1868 г.), въ украшеніяхъ эмалевыхъ бляшекъ: изъ Кіева на цѣпи, см. таб. I, II, 13, изъ Кіева же на подвѣсномъ колтѣ, см. таб. XI, 3, тоже на таб. XV, 18—19, и наконецъ въ видѣ цѣлаго ряда низокъ изъ позолоченаго серебра, составлявшихъ ожерелье и найденныхъ въ Кіевѣ (7 экз.), въ усадьбѣ Лѣскова (таб. XV, 3), Курской губ. (8 экз.) въ Историческомъ музеѣ [3]), въ 1 экз. изъ Смоленской губ., Юхновскаго уѣзда, села Городище, также въ собраніи Д. Я. Самоквасова съ Княжьей горы и обломкахъ изъ Кіевской губ. [4]).

Не безъ причины, затѣмъ, эта форма сельнаго крина замѣнила обыкновенную вѣточку съ плодами, ягодками и цвѣтками, которую теребятъ пара птицъ: въ коптскихъ рукописяхъ V—VIII вѣковъ [5]) это еще реальная вѣточка, а въ X—XI столѣтіяхъ это уже или пальма, вѣтка пальмы, иногда подымающаяся изъ сосуда, на которомъ сидятъ птицы, или вообще эмблематическое растеніе, и всего чаще именно лилія, по своей схематичной опредѣленности. Любопытно, что въ этомъ столь обычномъ декоративномъ сюжетѣ западное и восточное искусство, точнѣе греческое и римское, все же нашли нужнымъ подѣлиться и разработать свой частный типъ: при всей трудности перебрать сотни и тысячи повтореній этой декоративной формы, кажется, на востокѣ болѣе держится изображеніе птицъ по сторонамъ древа, вѣтки съ плодами, а на западѣ—по сторонамъ чаши или сосуда [6]). Насколько лилія стала здѣсь обычною замѣною, можно видѣть изъ того, что въ XII и XIII вѣкахъ сталъ обычнымъ декоративный узелъ изъ двухъ птицъ, львовъ, драконовъ и иныхъ фантастическихъ животныхъ, сплетшихся хвостами, и это сплетеніе стало оканчиваться лилейнымъ (копейнымъ) верхомъ, который, очевидно, заступилъ мѣсто прежней лиліи посреди птицъ, а этой детали не понималъ и не хотѣлъ пропустить рисовальщикъ.

---

[1]) *Люцинскій могильникъ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм.*, № 14. 1893, таб. X, 12.

[2]) Стасовъ, В. В., *Слав.-вост. орн. Арабскій орнаментъ*, таб. 155, 7, заставки рукописей и рисунокъ крестика тождественнаго съ нашими.

[3]) *Указатель*, 1893, стр. 156, № 1127—1134.

[4]) Въ Историч. музеѣ, собраніе Д. Я. Самоквасова, № 4231, 4187, 1181.

[5]) Стасовъ, В. В., *Слав.-вост. орнам.*, таб. 126, 132.

[6]) Въ мозаикахъ Равенны, Garrucci, *Storia d. arte cristiana*, IV, 238, 262, 231.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Но, конечно, важнѣйшее для насъ декоративное употребленіе крина представляется такого рода вѣнцами, головными повязками, которыя, подобно кіевскимъ, легли въ основу всякаго рода *вѣнечныхъ* украшеній, даже просто верховъ, верхнихъ фризовъ и пр., что напр. ясно доказывается наборами металлическихъ бляшекъ въ арабскихъ издѣліяхъ (см. нашъ рисунокъ 35 и 37), множествомъ уборовъ на вѣнцахъ русскихъ иконъ и пр.

Мы уже столько разъ упоминали о загадочности употребленія золотыхъ скобочекъ, встрѣченныхъ доселѣ въ четырехъ, исключительно кіевскихъ, кладахъ, что здѣсь, въ обзорѣ бытовыхъ и художественныхъ формъ русской домонгольской древности, объ этомъ характерномъ уборѣ остается сказать немногое. Прежде всего, слѣдуетъ повторить надежду на счастливый случай, который можетъ представиться въ будущемъ, въ видѣ ли полнаго клада, или же могильной находки, гдѣ этотъ уборъ явится на мѣстѣ или съ ясными деталями его назначенія: къ тому времени, конечно, и сознаніе дѣйствительнаго интереса подобныхъ историко-этнографическихъ вопросовъ настолько выростетъ въ русской археологіи, что всѣ эти детали будутъ замѣчены и станутъ извѣстны. Пока же остается предполагать, что Минцъ-Кабинетъ Кіевскаго университета владѣетъ полнымъ экземпляромъ этого убора, состоящимъ изъ 27 простыхъ скобочекъ и 4 эмалевыхъ: мы, однако, не ручаемся, что этотъ экземпляръ (хранящійся за № 2322) принадлежитъ одной находкѣ (1840-хъ годовъ), а не составленъ уже въ музеѣ изъ нѣсколькихъ. Далѣе, въ кладѣ Михайловскаго монастыря 1887 г. имѣемъ 22 простыхъ скобочекъ и двѣ эмалевыхъ, въ кладѣ Лѣскова 30 простыхъ и четыре эмалевыхъ, и наконецъ въ кладѣ, найденномъ на Б. Житомірской улицѣ, только двѣ простыхъ и одна эмалевая. Мы уже говорили, что видимое назначеніе скобочекъ было сжимать, охватывать толстый жгутъ, свертокъ, напр. косу, положенную на головѣ, притомъ такъ, что одна сторона скобочекъ, снабженная шарниромъ, черезъ который проходила, стало быть, проволока, продѣвавшаяся внутрь свертка, косы или подобнаго предмета, была какъ будто укрѣпляема неподвижно, тогда какъ другой конецъ скобочки имѣетъ форму язычка, прикрѣплявшагося на каждый разъ нитками черезъ три сдѣланныя у края его дырочки, и оставленъ какъ бы намѣренно свободнымъ. Если мы представимъ себѣ, какъ уже было выше говорено—косу, облегающую передъ головы, въ видѣ натуральной коронки, діадемы, *прилбицы*, согласно византійской модѣ, явившейся уже въ V стол. и долго державшейся, а волосы, затѣмъ, у замужнихъ женщинъ покрытыми тонкою, часто шелковою матеріею, то роль подобныхъ скобочекъ была бы укрѣплять на этой передней косѣ чадру или чепецъ, образуя поперечныя полоски, подобныя цвѣтнымъ полоскамъ, какія видимъ на матеріяхъ, служащихъ именно для прикрыванія подобныхъ косъ и чепцовъ [1]). При нашемъ предположеніи легко было бы понять и роль особыхъ скобочекъ,

[1]) Что можно видѣть на всякой иконѣ Божіей Матери византійскаго письма, также на изображеніяхъ святыхъ женъ вообще и пр. Наиболѣе ясный образцикъ см. въ женской головѣ на пиксидѣ изъ Градо (близь Аквилеи) въ изд. Garrucci, Storia dell'arte cristiana nei primi 8 secoli, ate. VI, tav. 436, 1. Чолки—прилбицы, коймы изъ волосъ вокругъ всей головы, обычныя на равеннскихъ мозаикахъ, ibid. vol. IV, tav. 259. *Vecellio*, l. c. tav. 38 — beretta quartata d'un freggio d'oro. Головацкій въ своей статьѣ: *О костюмѣ Русиновъ*, 1868 г., стр. 21, указываетъ, что ихъ замужнія женщины прячутъ волосы въ *химевку* или *кибалку* (родъ обруча), подъ сѣтку (чепецъ), которая окру-

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

снабженныхъ эмалевымъ щиткомъ, прикрывающимъ внутренность скобочки: это были бы крайнія скобочки на вискахъ. Кстати, и рисунокъ эмалеваго щитка, съ аканѳовыми разводами, настолько близокъ къ оборотной сторонѣ подвѣсныхъ колтовъ, что, предполагая эти послѣдніе украшеніями косъ, лежащихъ на плечахъ, мы легко поймемъ и тождество ихъ рисунковъ. Въ концѣ концовъ, должно, однако, сказать, что внѣ Кіева не удалось пока открыть ни оригиналовъ, ни подражаній нашихъ скобочекъ, за исключеніемъ непонятнаго куска скобочки, орнаментированной въ видѣ завитой пряди волосъ въ кладѣ 1868 г. изъ Старой Рязани, притомъ изъ серебра, тогда какъ наши украшенія всегда изъ хорошаго золота, что гораздо болѣе идетъ къ головнымъ украшеніямъ. Въ современныхъ индѣйскихъ уборахъ, собранныхъ въ лондонскомъ музеѣ — отдѣлѣ Кенсингтона, мы встрѣчаемъ ожерелья, какъ изъ полуцилиндровъ, такъ и изъ скобочекъ, по 20 штукъ, изъ серебра.

Во многихъ кіевскихъ кладахъ, двухъ черниговскихъ, одномъ рязанскомъ и орловскомъ мы встрѣтили наборы, болѣе или менѣе полные, серебряныхъ низокъ въ видѣ *полуцилиндриковъ*, штампованныхъ въ листѣ серебра, на подобіе плоской палочки, или полувалика, и снабженныхъ снизу подпайкою изъ такого же листика; каждая палочка сверху была позолочена и чеканомъ орнаментирована и представляетъ какъ бы нарубки или, точнѣе, перевязки, перетяжки поперечныя и продольныя; затѣмъ въ каждой палочкѣ, съ обѣихъ ея сторонъ просверлено по три дырочки, для низанія всѣхъ на нити, при чемъ получается (въ полныхъ экземплярахъ) низка, достаточная для ожерелья; двѣ крайнія палочки снабжены, по этому, скобочкою, и въ нее, на замыкающихся колечкахъ, продѣты соединительныя цѣпочки. Такіе полные наборы имѣются въ кладѣ усадьбы Есикорскаго (47 палочекъ и цѣпочка, см. табл. III, 5), Льгова, Черниговской губ. (52 палочки и цѣпочка), въ находкѣ (59 низокъ) Каневскаго уѣзда Кіевской губ., с. Мартыновки [1]). Менѣе полные экземпляры находятся въ Черниговскомъ кладѣ 1887 года (13 экз.), на табл. XI, 10—22, но этотъ экземпляръ изъ золота; далѣе въ Минцъ-Кабинетѣ Кіевскаго университета (34 штуки), усадьбы Гребеновскаго (табл. IX)—11 кусковъ, Старой Рязани 1868 г., 2 пронизки, и Орловской губ. с. Терехова, гдѣ въ кладѣ найдено только 5 палочекъ, но двѣ еще соединены цѣпочкою [2]). Назначеніе этихъ пронизокъ составлять ожерелье окончательно подтверждается аналогичными ожерельями Востока, эпохи переселенія народовъ и сѣверными находками: укажемъ современныя египетскія народныя ожерелья между уборами, собранными въ Вѣнскомъ Музеѣ Художественной промышленности,

---

жена шалью (*рубкомъ, рантухомъ*). Длинные концы рубка (діадемы), сложенные втрое и завязанные въ петли (*цыбы*), опускаются по спинѣ. На стр. 59, что мелкія бляшки кругомъ чела называются *лептки* (рясны?), украшенья въ косахъ *костки* (*мушли*), повязки—силянки, серьги—*ковтки* и пр.

[1]) Соч. графа А. А. Бобринскаго, табл. XVIII.

[2]) Въ коллекціи Д. Я. Самоквасова въ Историческомъ Музеѣ 1 экз. полуцилиндра за № 4235. Въ кладѣ Тульской губ., Ефремов. у., съ берега р. Красивая Мечъ, найдено шесть серебряныхъ полуцилиндриковъ, вмѣстѣ съ парою такъ наз. звѣздъ, коническихъ подвѣсокъ съ цѣпями, сер. колтомъ и пр., въ Оружейной Палатѣ, № 9484,—9493. Изъ кургановъ у озера въ Порѣцкомъ у. Смоленской губ. ожерелье (не головной уборъ) изъ 38 сер. пластинокъ съ штампованными желобками, въ Историческомъ Музеѣ—см. *Указатель*, стр. 122, № 672, съ монетами начала X вѣка.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

съ подвѣсками въ видѣ буллъ, лунницъ, орнаментальныхъ бляшекъ; одна низка составлена изъ 51 полуцилиндра, съ такою же точно подпайкою, съ подобными перехватцами, но съ тою существенною разницею, что полуцилиндрическія палочки подвѣшены всѣ на шарнирахъ, чтобы служить уже головною повязкою. Существенное свойство подобныхъ ожерелій—издавать легкій звонъ при движеніяхъ головы, шеи и груди (ожерелья эти болѣе лежатъ на груди). Между различными коллье, носимыми на турецкомъ Востокѣ [1]), встрѣчаемъ подобные наборы гремящихъ низокъ очень нерѣдко, и даже форма полуцилиндра и его орнаментаціи болѣе или менѣе сохраняется. Однако, всѣ эти и имъ подобныя формы отличаются, очевидно, тѣмъ отъ нашихъ низокъ, что все это головныя повязки, на колечкахъ, шарнирахъ и пр., тогда какъ наши ожерелья составляются изъ низокъ, соединенныхъ нитями, значитъ, представляютъ скорѣе плотную повязку, какъ будто укрѣпленную на лентѣ, тесьмѣ, или даже ремнѣ, а не свободно движущуюся низку обыкновеннаго типа. Такая оригинальная форма металлической повязки изъ низокъ, очевидно, должна быть объяснена подражаніемъ женскаго убора ременнымъ мужскимъ пояснымъ наборамъ и даже конскимъ. Дѣйствительно, точь въ точь такіе наборы на широкихъ тесьмахъ конской упряжи видимъ въ Ассиріи [2]). Въ находкахъ Симбирской губ., Сызранскаго у., села Губина, встрѣчаемъ ремень съ подобнымъ наборомъ, укрѣпленнымъ при помощи штифтовъ и петлей: поразительно тождество орнаментаціи этихъ полуцилиндровъ, найденныхъ съ поздними (XIII—XIV в.) перстнями, пряжками. Въ Музеѣ Гельсингфорса изъ Кальмисто мы видѣли много ремней съ бронзовыми наборами того же типа. Повидимому, наши низки ведутъ свое происхожденіе отъ женскихъ уборовъ южныхъ кочевниковъ, Половцевъ или Печенѣговъ, если судить также потому, что ожерелья эти встрѣчаются почти исключительно на Югѣ и притомъ спускаются замѣтно южнѣе Кіева. Грубость этого украшенія, напоминающаго восточныя погремушки, навѣшенныя вокругъ головы, шеи, рукъ, видна и въ манерѣ его орнаментаціи, которая воспроизводитъ въ металлическомъ чеканѣ самыя простыя нарубки на деревянныхъ палочкахъ: имитація доведена до рабскаго воспроизведенія всѣхъ подробностей рѣзьбы въ деревѣ.

Какъ уже было замѣчено, мы имѣемъ въ виду продолжать начатое здѣсь описаніе кладовъ и связанное съ нимъ изслѣдованіе художественныхъ, бытовыхъ и культурно-общественныхъ формъ въ русскихъ древностяхъ, какъ случайно сохраненныхъ кладами, такъ и намѣренно курганами и могильниками, и предполагаемъ разсмотрѣть въ слѣдующемъ выпускѣ этого труда клады Гнѣздовскій и Невельскій, Курско-Орловскіе, Владиміро-Суздальскіе, приволжскіе, пермскіе и др. Мы попытаемся тамъ войти въ разсмотрѣніе разнообразныхъ формъ и предметовъ, связанныхъ съ господствомъ ранняго грековосточнаго стиля и распространеніемъ новаго стиля арабскаго, а также ознакомимся съ позднѣйшимъ сліяніемъ слоевъ восточно-азіатской культуры съ формами, шедшими съ культурнаго юга въ періодѣ великокня-

---

[1]) Racinet *Le costume historique*, pl. 140, fig. 12, 22, 23: double cordonnet изъ двухъ рядовъ желудеобразныхъ низокъ, которыя сверху представляются, по словамъ издателя, rondes bosses, тогда какъ leur revers est en plaquette.

[2]) Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art, Chaldée* p. 562, 767, fig. 440.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

жескій; туда же войдетъ разсмотрѣніе и многихъ формъ, здѣсь частію затронутыхъ въ текстѣ или даже изображенныхъ на приложенныхъ таблицахъ, какъ напр. серебряныхъ витыхъ и пластинчатыхъ браслетовъ съ фигурными фризами, звѣздчатыхъ серегъ и гривенъ, которыя должны быть изслѣдованы среди другихъ варіантовъ и въ связи съ группою родственныхъ древностей.

Рис. 121. Крестъ-складень изъ Херсонеса (об. рис. 25).

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Рис. 122. Миніатюра изъ греч. рукописи I. Куропалата въ Мадридской Нац. Библ. Чудо съ книгою Евангелія, брошенною въ огонь передъ архонтомъ Руссовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рукопись, изъ которой фотографическимъ способомъ были сняты *четыре миніатюры*, здѣсь изображенныя во фронтисписахъ главъ, находится въ Національной Библіотекѣ Мадрида за № 5 s 22, носитъ латинское заглавіе, одинаковое съ греческимъ заголовкомъ въ началѣ текста: «Синопсисъ Исторіи отъ восшествія на престолъ Никифора до царствованія Исаака Комнена, составленный Іоанномъ Скилицею, Куропалатомъ и Великимъ Друнгаріемъ Виглы», и состоитъ изъ 234 листовъ in fol перг., съ началомъ на девятомъ листѣ. Текстъ, какъ извѣстно, составляетъ въ значительнѣйшей части простой списокъ съ хроники Кедрина, ходившій подъ именемъ Іоанна Куропалата и, повидимому, рано украшенный иллюстраціями; подъ тѣмъ же именемъ изданъ былъ въ Венеціи въ 1570 г. Габіемъ и рецензированъ Фабриціемъ въ 6 томѣ, на стр. 387. Мы не знаемъ, былъ ли данный списокъ пересматриваемъ въ послѣднее время и не заключаетъ ли онъ въ себѣ какого либо интереса со стороны хотя нѣкоторыхъ длинныхъ приписей киноварью съ миніатюрами, хотя онѣ, повидимому, повторяютъ только текстъ, ради удобства разсматриванія, окружающій рисунки.

Рукопись написана вразъ одною рукою въ XIV вѣкѣ, но миніатюры исполнены нѣсколькими руками и съ разныхъ оригиналовъ, болѣе раннихъ и позднѣйшихъ, а какая либо часть, конечно, худшая, и была здѣсь исполнена вновь для даннаго списка. Миніатюры отъ 1 по 87 листъ представляютъ отличную живопись строгаго византійскаго рисунка, XII вѣка, безъ фоновъ, въ видѣ виньетокъ. Съ 87 по 96 листъ вовсе нѣтъ иллюстрацій. Съ 96 листа миніатюры пишутся крупнѣе, темнѣе и грязнѣе въ краскахъ, но за то и

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

характернѣе, съ чертами натурализма. Съ листа 157 по 187 идутъ миніатюры третьей руки, рѣзко разнящіяся отъ предъидущихъ: архитектурныя композиціи здѣсь очень сложны, отличаются прекраснымъ исполненіемъ, но въ то же время чисто византійскій утонченный характеръ миніатюръ уступаетъ мѣсто иному, народному типу, замѣтному въ господствѣ красной краски, легкихъ тонахъ моделлировки тѣла, румянцѣ щекъ, господствѣ рыжихъ и каштановыхъ волосъ, отсутствіи оливковыхъ тоновъ въ изображеніи тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюжеты и сцены отличаются смѣлостью, живыми позами, и очень близко напоминаютъ раннюю итальянскую живопись XIII—XIV вѣка. Въ рисовкѣ вовсе исчезаютъ прежнія схемы, появляются игрушечныя, дѣтскія фигуры, одежды передаются общими чертами, безъ всякой шраффировки, бликовъ и ломанныхъ складокъ. Можно думать, что рукопись въ этой части иллюстрирована была по какому либо древнему оригиналу. Съ листа 194 по 219 идутъ дурные рисунки, мало имѣющіе интереса, но того же характера, что на листахъ 96—155. Съ листа 219 до конца повторяется манера миніатюриста листовъ 155—187, но худшаго исполненія. Почему рукопись иллюстрировалась по частямъ и безъ послѣдовательности, мы не можемъ догадаться, хотя можемъ указать, что съ 155 листа начинается исторія царствованія I. Цимисхія, а съ 196 листа—Константина.

Въ числѣ иллюстрацій множество интересныхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: л. 10—об. царя Михаила поднимаютъ на щитѣ; на л. 14 представленъ хрисотриклиній съ коническимъ верхомъ; на 17—дворецъ Буколеонъ со статуями льва и быка по сторонамъ зданія, согласно тексту; на 43—Θеофилъ подъѣзжаетъ къ Влахернскому храму; л. 44-5—исторія Θеодоры, почитательницы иконъ; л. 65—бронзовая статуя о трехъ головахъ; л. 83 об.—Церковь Діомида; л. 103 об.—чудо съ Евангеліемъ передъ архонтомъ Руссовъ (здѣсь воспроизведено въ рис. 122); л. 130—флотъ Руссовъ; л. 135—пріемъ Ольги (см. рис. къ I гл.), сбоку дворца надпись, называющая «жену архонта Россовъ» Ε῎λγα; л. 145—въѣздъ Никифора Θоки; л. 157—царскій дворецъ; л. 161 об.—Печенѣги; л. 167—Ромеи гонятся за Россами; л. 170—Святославъ внутри дома совѣтуется со своими; л. 171—Переговоры Цимисхія со Святославомъ (см. рис.); л. 172—Свиданіе Цимисхія со Святославомъ; л. 173—Печенѣги убиваютъ Святослава и дружину; нал. 225—6 въ рядѣ миніатюръ представлена исторія нападенія Россовъ на Византію при Константинѣ Мономахѣ, переговоры съ княземъ Владиміромъ и пр.

Если выдѣлить свойственную византійскимъ миніатюрамъ условность, воспроизводимыя нами сцены изъ древнѣйшей русской исторіи не могутъ не представить своеобразнаго интереса, но входить въ разборъ разнообразныхъ особенностей представленія сѣверныхъ варваровъ, съ точки зрѣнія исторіи византійской миніатюры, было бы здѣсь излишне.

По случаю высказаннаго мною на стр. 163 мнѣнія, что слово *бахрома* означало кайму изъ *пурпуровыхъ* прядей, В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ мнѣ слѣдующее. «Не зашло ли къ намъ это слово съ Востока? на арабскомъ языкѣ глаголъ *бахрама* значитъ: *окрашивать въ темнокрасный цвѣтъ*, а имя существительное *бахрам* цвѣтокъ хенны (lawsonia inermis), употребляемый для такой окраски. Ярко-красный яхонтъ, т. е. рубинъ, арабы называли *бахрамнымъ яхонтомъ* (эльякут эльбахрамани). См. Clément-Mullet, Essai sur la minéralogie arabe (Journ. Asiat. 1868, I), стр. 32—33. *Dozy*, Supplément aux dictionnaires arabes (Leyde, 1884), I, 122. Въ такомъ-же значеніи слово это является и въ персидскомъ языкѣ. См. Vullers, Lex. Pers.-Lat. I, 285, подъ словомъ *бахраман*: lapis quidem pretiosus rubri coloris, rubinus.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Оглавленіе.

стр.

Глава I. Предметные клады русскихъ древностей домонгольскаго періода и ихъ значеніе для русской археологіи.—Необходимость изслѣдованія древностей этого періода на основаніи господствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи художественныхъ стилей. — «Арабскій стиль». — Орнаментика турьихъ роговъ Черниговскаго кургана. — Вопросъ объ источникахъ «звѣринаго стиля». — Связи древней Руси съ культурою передне-азіатскаго Востока.—Арабскій стиль въ древностяхъ скандинавскихъ и отношеніе ихъ къ русскимъ. — Греко-восточный стиль IX — X стол., извѣстный издревле подъ именемъ Корсунскаго.—Памятники Корсунскаго дѣла въ южной Россіи.—Русско-византійскія древности XI—XII столѣтія.—Техника древне-русской перегородчатой эмали.—Сканное дѣло въ XI и XII вѣкахъ. — Сканное мастерство Мономаховой шапки и вопросъ о ея древности и происхожденіи.—Необходимость изученія русско-византійскихъ древностей на основѣ древностей Византіи, какъ источника важнѣйшихъ формъ личнаго церемоніальнаго убора и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній 1

Глава II. Описаніе кладовъ: Рязанскаго 1822 г., Кіевскаго 1824 г., Кіевскихъ кладовъ: 1838 г., 1846 г., Чернигова 1850 г., Кіева: 1872 г., 1876 г. въ усадьбѣ Лѣскова, 1876 г. въ усадьбѣ Чайковскаго, 1880 г., съ Б. Житомірской улицы, 1882 г., Чернигова 1883 и 1887 гг., Кіева 1885 г. въ усадьбѣ Есикорскаго, Переяславля 1885 г., Кіевской губ. Каневскаго у. 1886 г. и 1888—9 гг., Кіева: въ усадьбѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря 1887 г., 1889 г. изъ усадьбы Раковскаго, 1889 изъ усадьбы Гребеновскаго, 1890 г. изъ окрестностей Черкасъ, 1892 г. и 1893 года 83

Глава III. Художественно-историческій разборъ отдѣльныхъ бытовыхъ и церемоніальныхъ предметовъ, формъ украшенія и уборовъ мужскихъ и женскихъ въ русскихъ древностяхъ домонгольскаго періода. — Княжеская женская діадема.—Гривны (бармы) и вообще нагрудныя украшенія въ ихъ отношеніи къ византійскимъ. — Цѣпи церемоніальныя и служебныя. — Серьги въ формѣ колодочки или колты, украшенныя эмалью и чернью.—Перстни.—Браслеты.—Прочія украшенія.—Приложеніе 145

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, открытый въ 1880 г. въ Кіевѣ, на Б. Житомірской улицѣ. Императ. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1

2

3

4

6

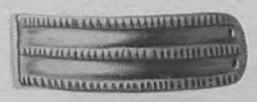
5

7

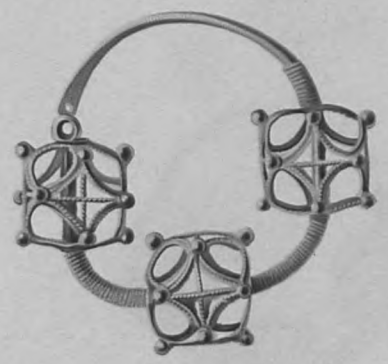

8

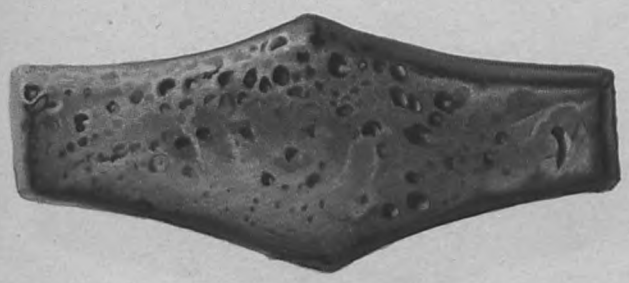
9

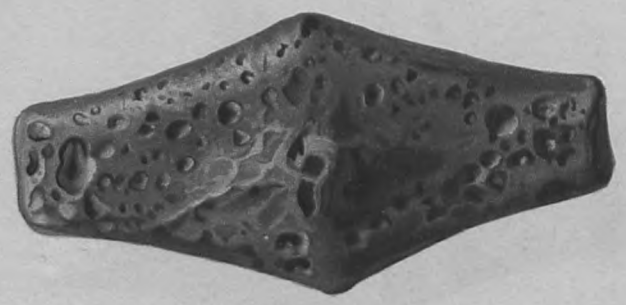
10

12

11

13

14

15

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, открытый въ 1880 г. въ Кіевѣ, на Б. Житомірской улицѣ. Императ. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

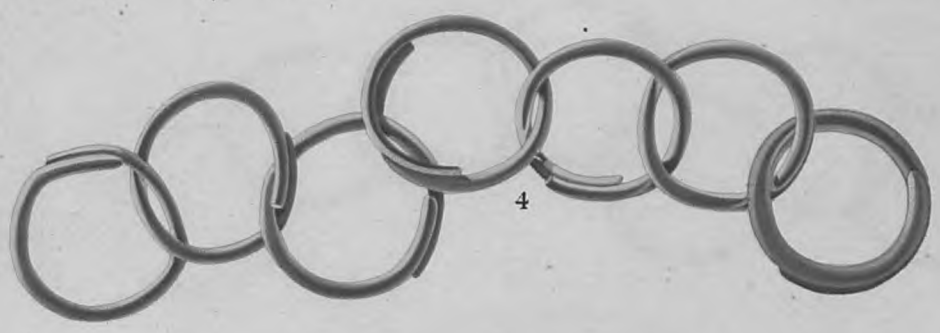

1

2

3

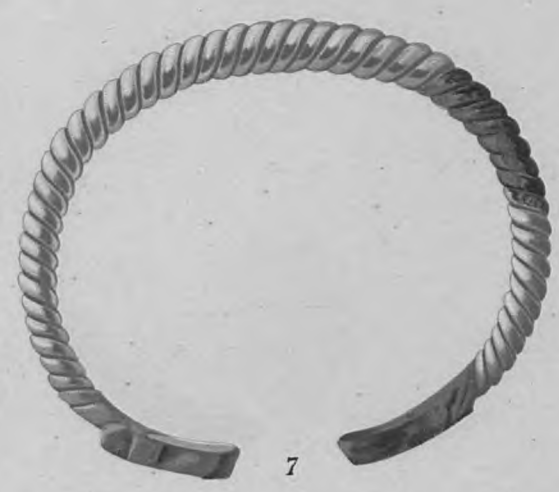

4

5

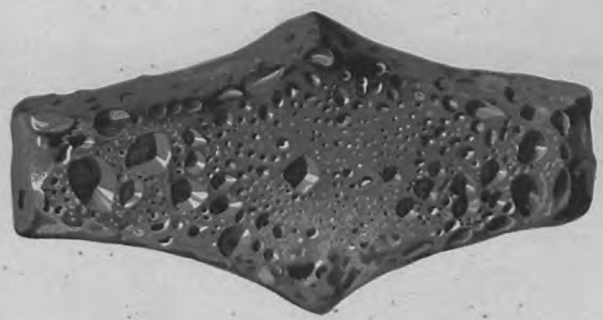
7

6

8

10.

9

Кладъ, найденный въ 1885 году въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есиковскаго, близъ Софійскаго собора. Императ. Эрмитажъ.

Αρμόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

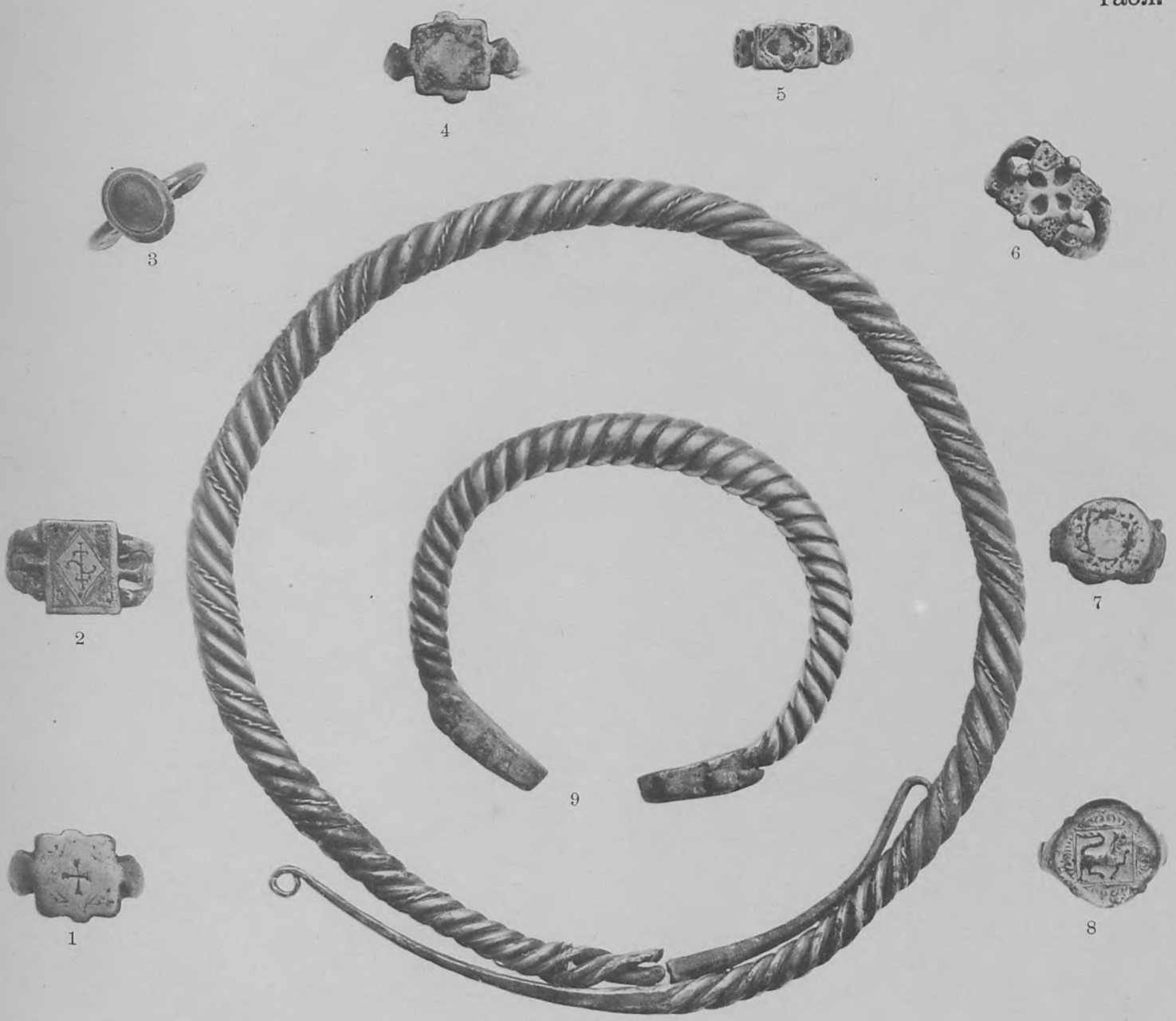

22

23

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, найденный въ 1885 г. въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Софійскаго собора. Импер. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1

2

3

4

5

6

7

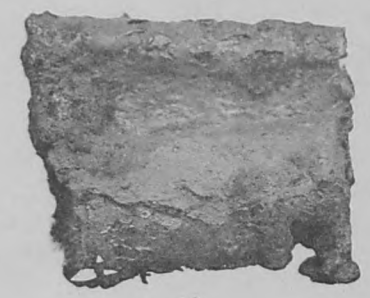
8

9

10

11

13

12

14

15

16

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, найденный въ 1885 г. въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Софійскаго собора. Импер. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1.

3.

2.

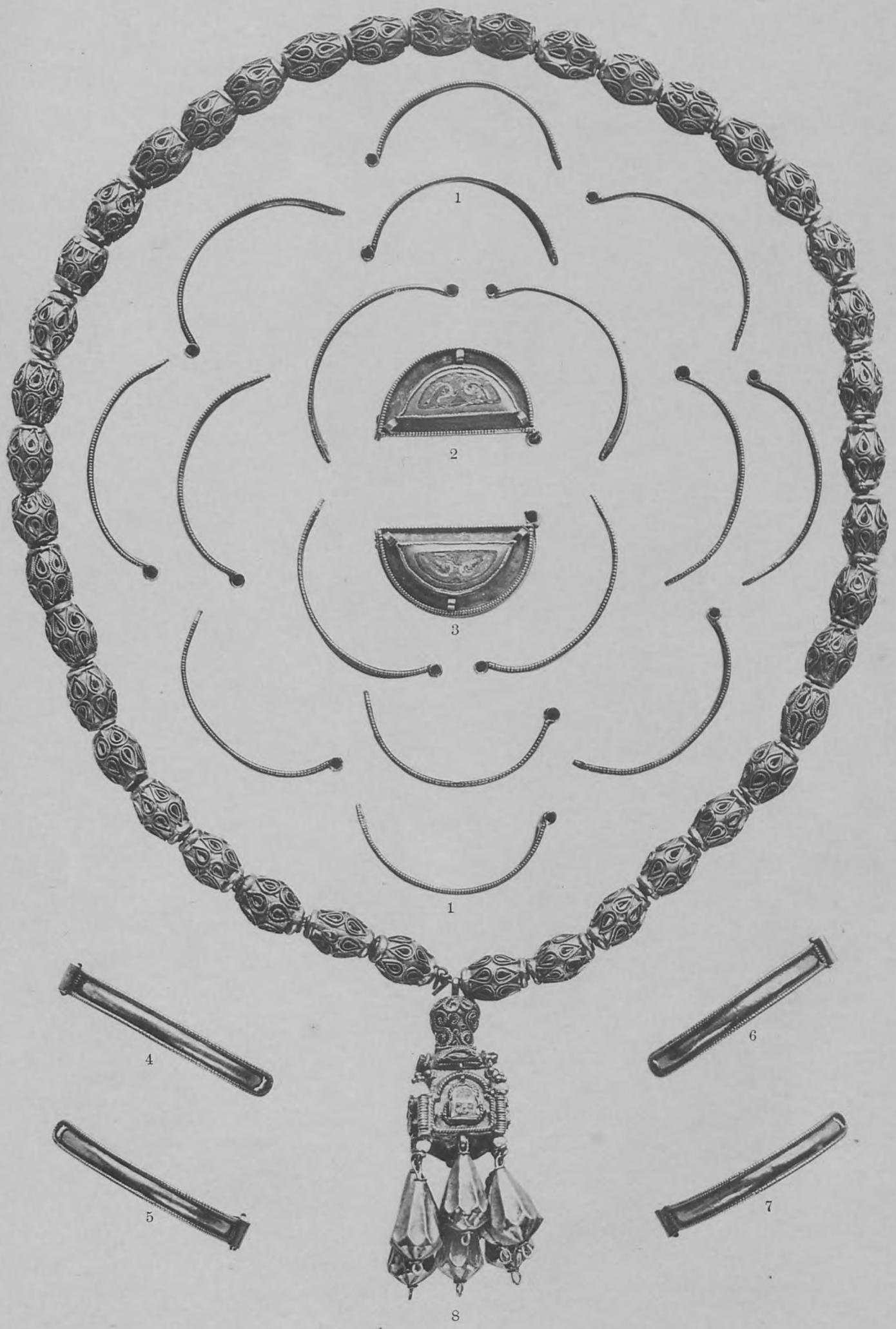
4.

Кладъ, найденный въ Кіевѣ, въ оградѣ Михайловскаго монастыря, въ 1887 г. Императ. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, открытый въ Кіевѣ въ оградѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, въ 1887 году. Импер. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Діадема, открытая въ 1889 году въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ г. Гребеновскаго. Императ. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1

8

9

2

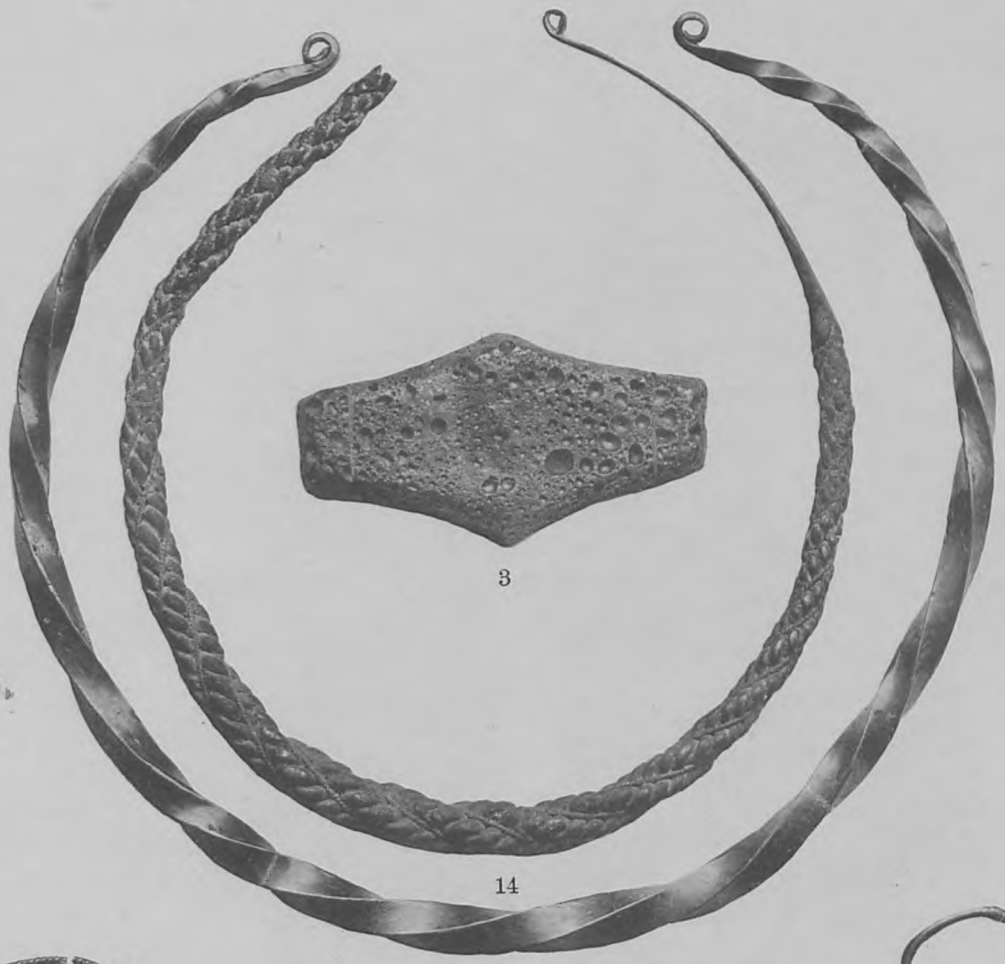
10

11

12

14

3

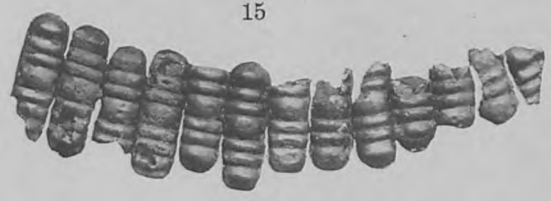
13

4

16

17

18

5

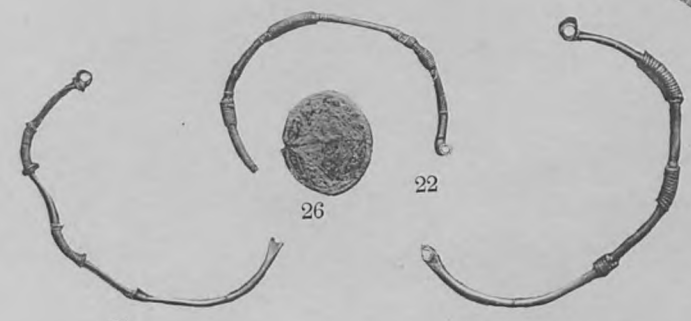
24

19

20

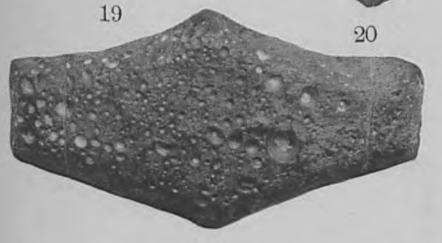
21

26

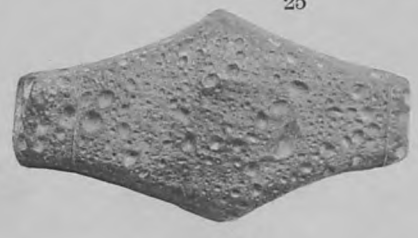
23

25

6

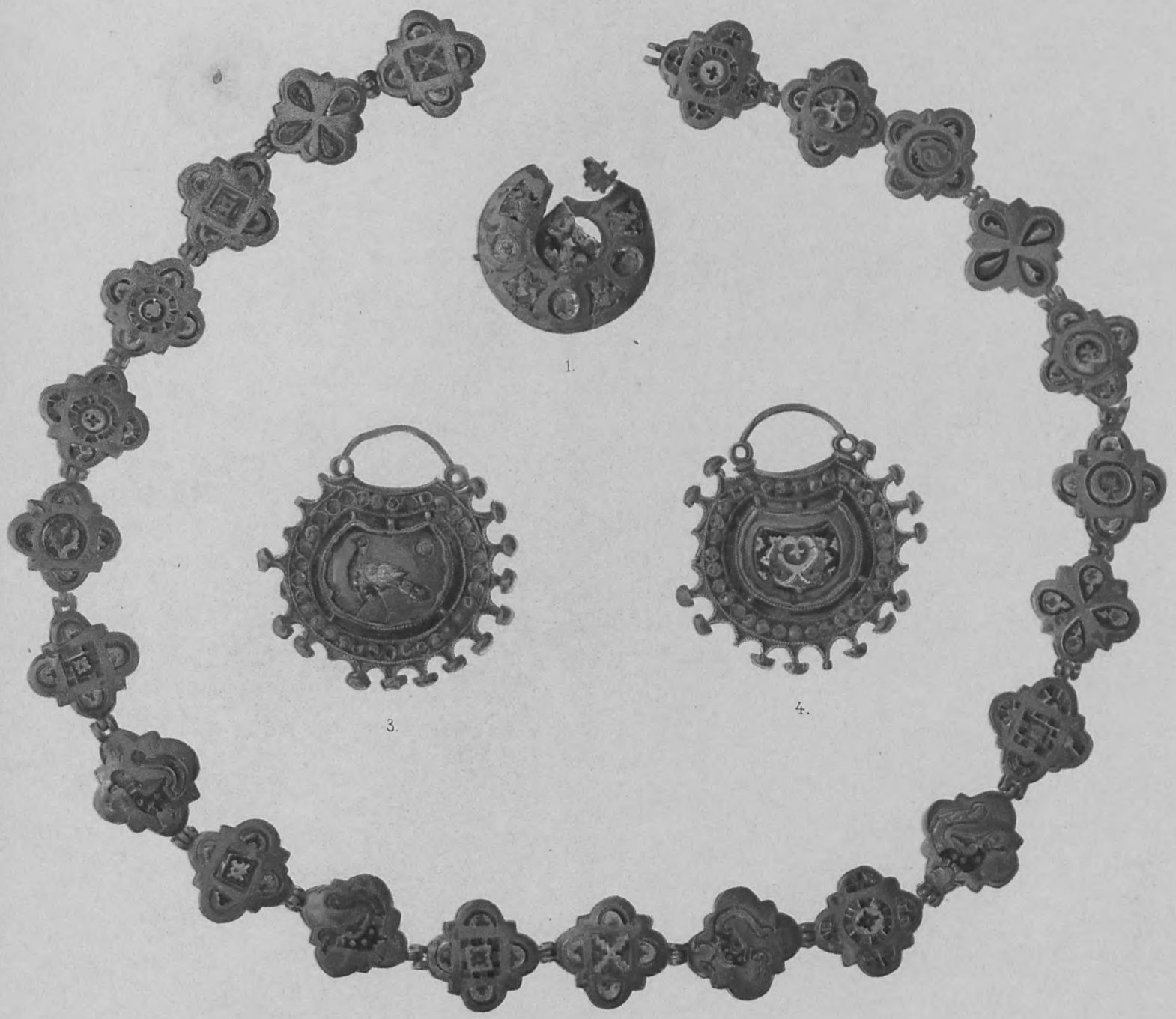
7

Предметы изъ клада, найденнаго въ 1889 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Гребенковскаго.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 19.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1.

3.

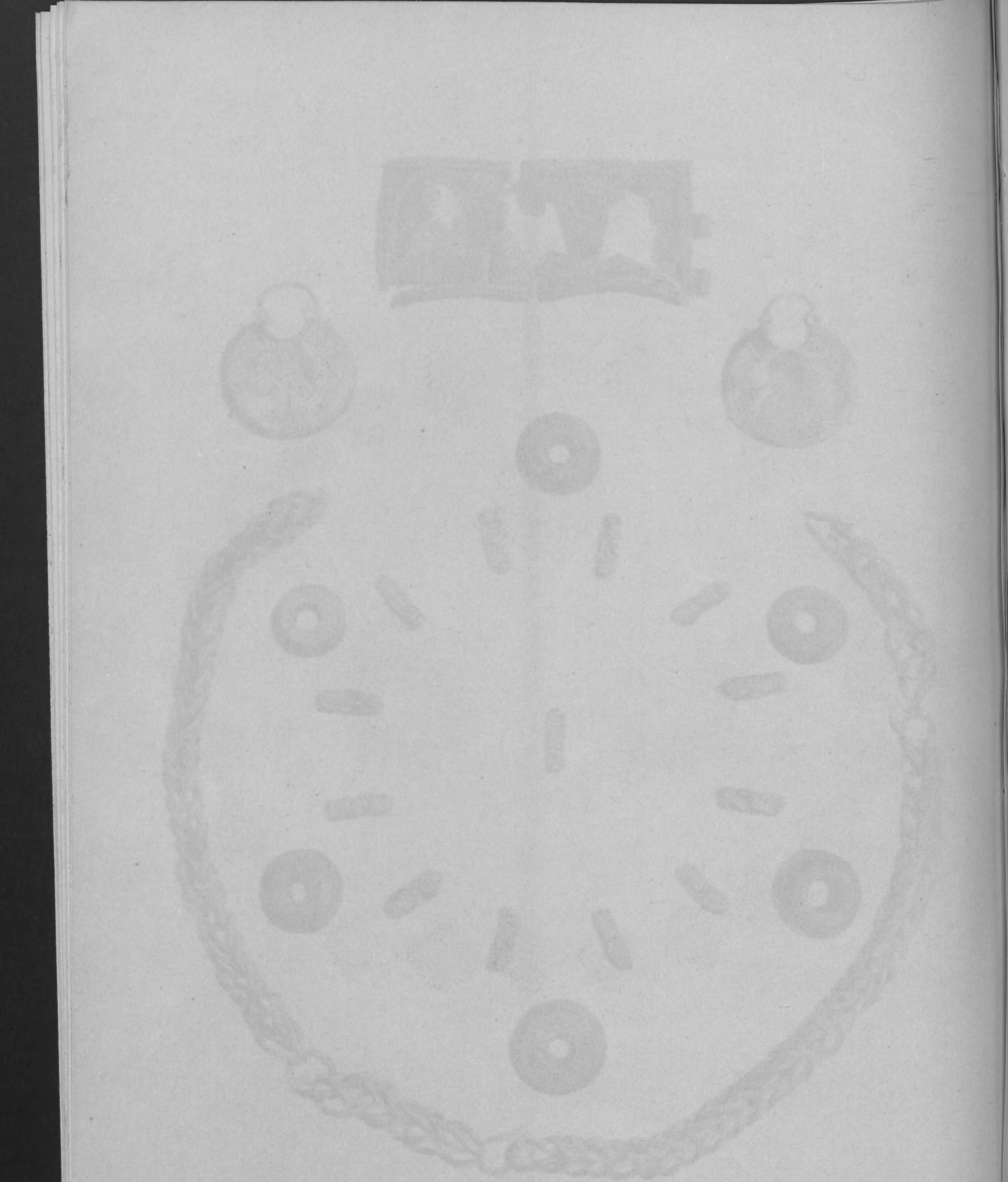
4.

2.

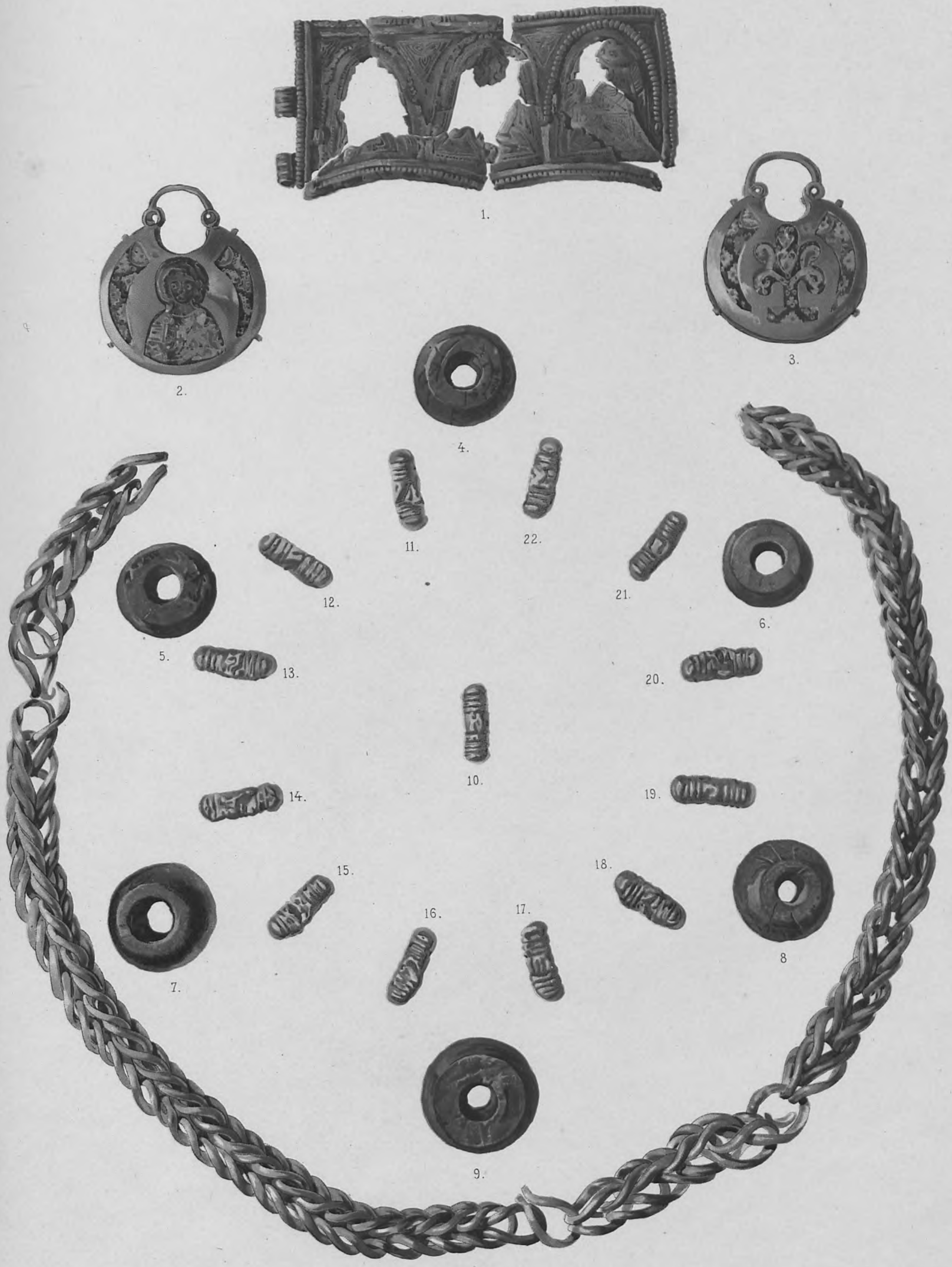
Цѣпь и серьги изъ клада, открытаго въ 1827 г. въ Кіевѣ, въ домѣ Августиновича на Львовской ул. Импер. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, найденный 1887 г. въ г. Черниговѣ, на Александровской площади.

Импер. Эрмитажъ.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

2

1

3

4

5

6

7

13

8

9

14

10

11

15

12

Кладъ древностей, открытый въ 1885 г. въ г. Переяславѣ Полтавской губ. Импер. Эрмитажъ.

Αρμόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 19.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1

3

2

6

7

5

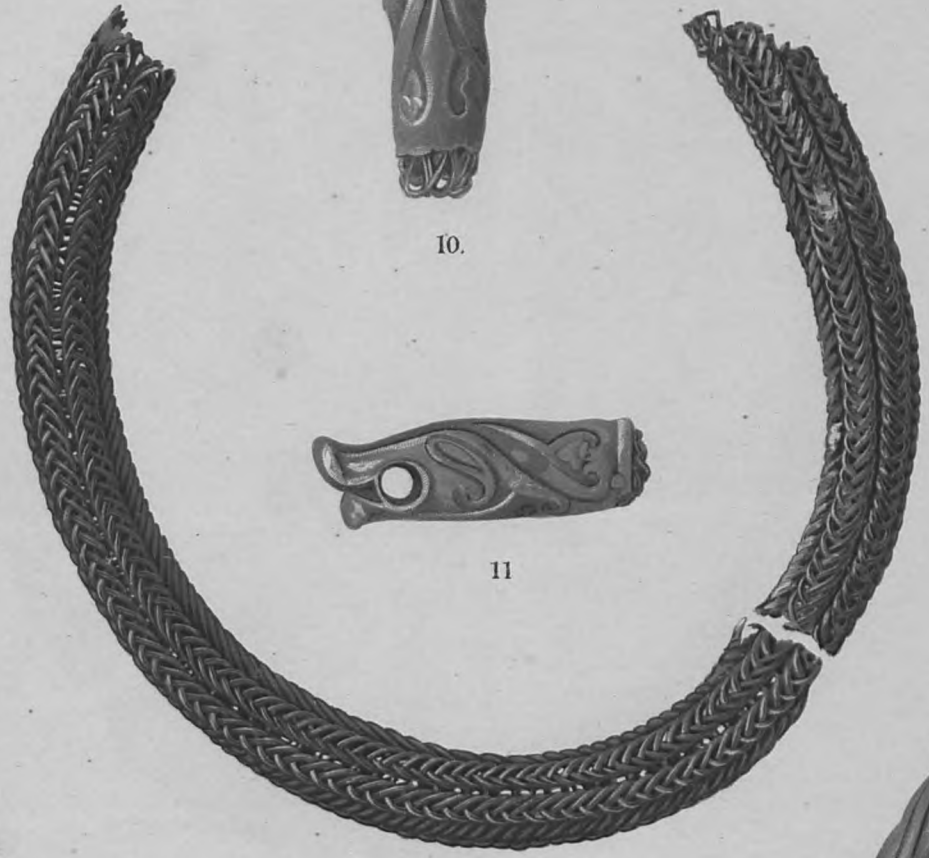
10.

8

4

11

9

13

14

15

12

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Кладъ, открытый въ 1883 году въ Черниговѣ, на погостѣ каѳедральнаго собора. Императ. Эрмитажъ.

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22. С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1.

3.

2.

4.

5.

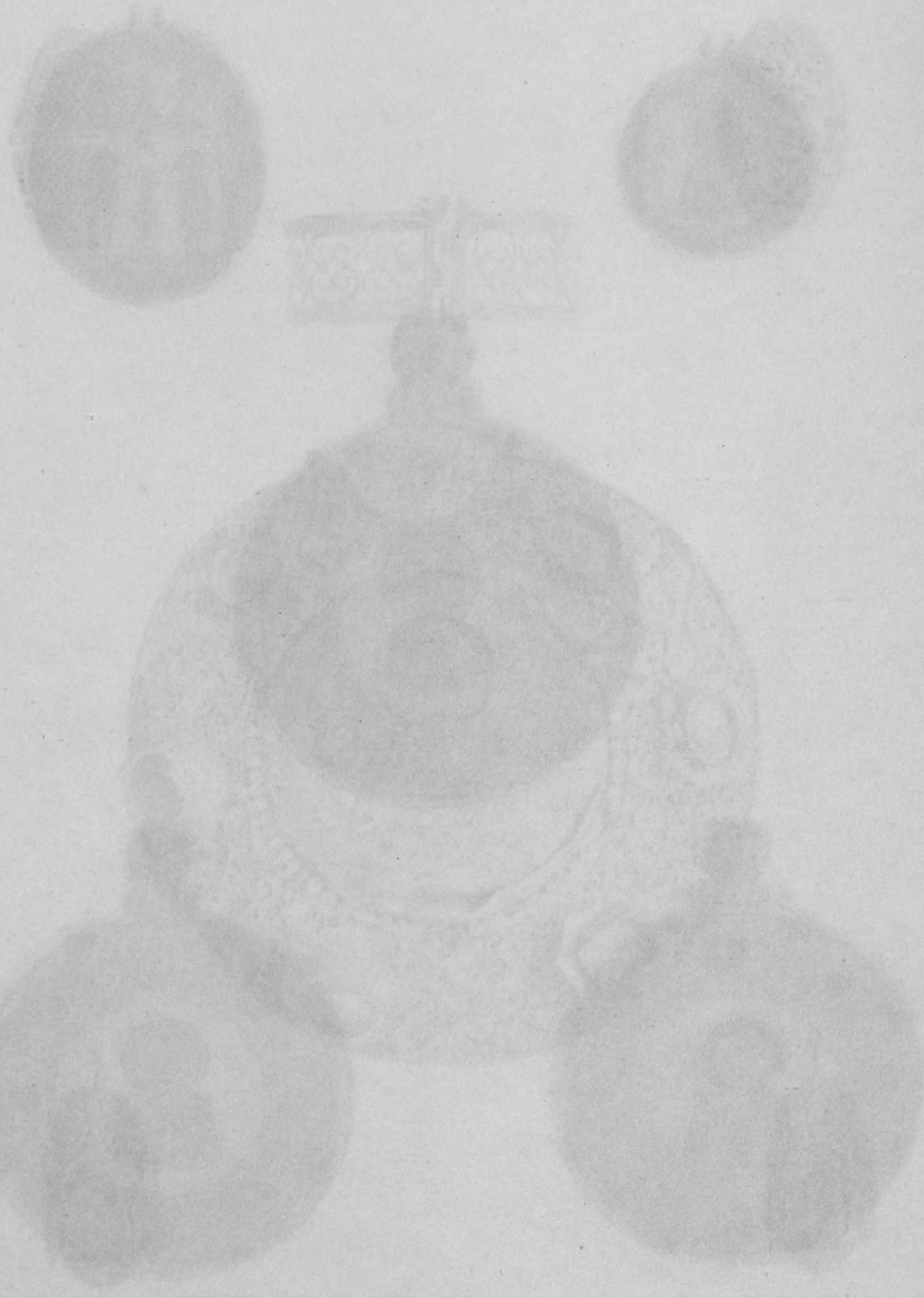

6.

Кладъ, найденный въ 1822 г. въ Старой Рязани и извѣстный подъ именемъ древнихъ „Рязанскихъ бармъ“.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лит. К. де Кастелли В.О. 11 д. № 22 С.П.Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

1.

2.

3.

4.

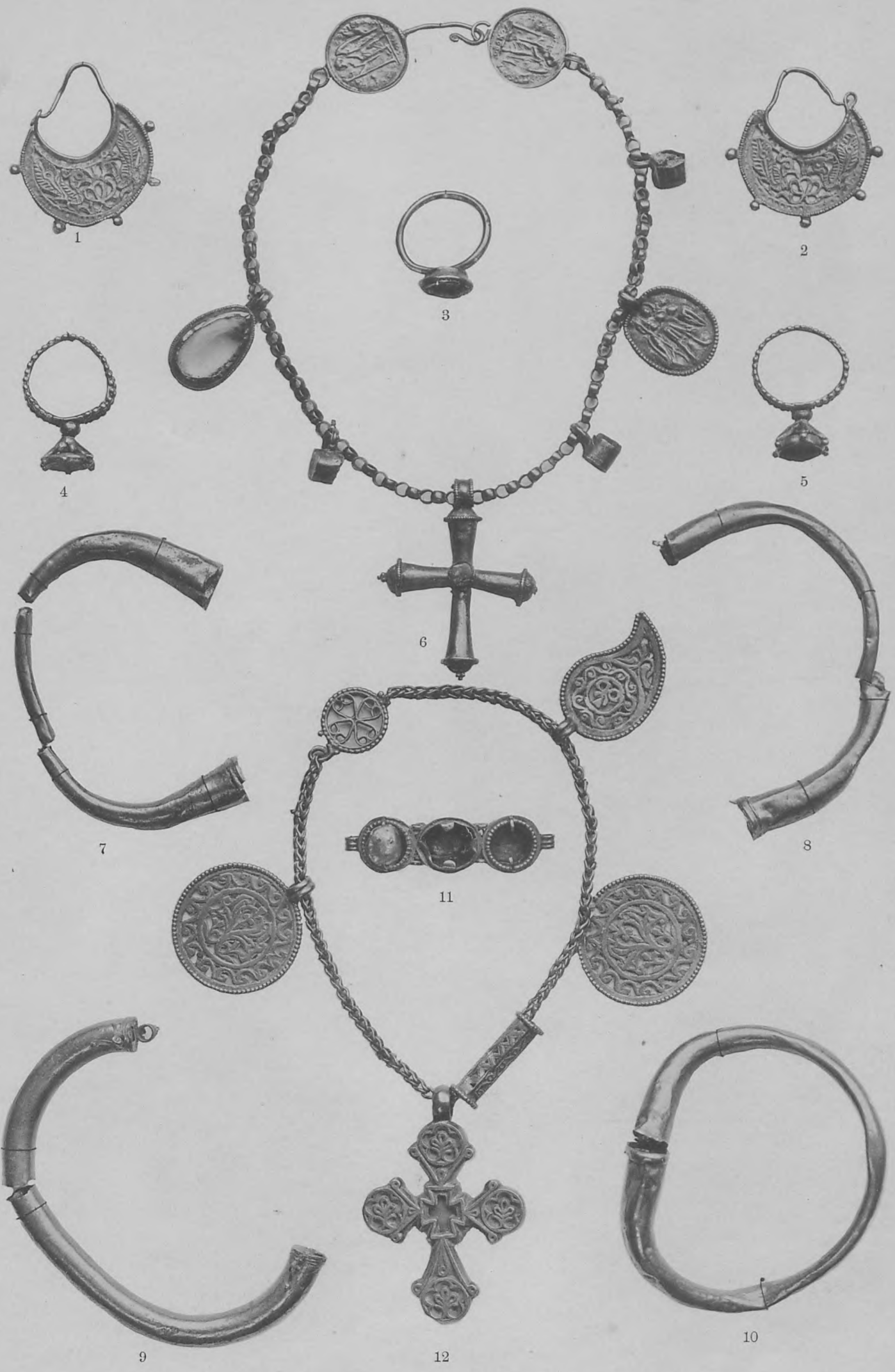
5.

Кладъ, найденный въ 1822 г. въ Старой Рязани и извѣстный подъ именемъ древнихъ „Рязанскихъ бармъ".

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 д № 22. С. П. Б.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Предметы золотаго варварскаго убора VII вѣка изъ Мерсины (близъ развалинъ Тарса), поднесенные Государю Императору Александру III.
Императорскій Эрмитажъ.

Αρμόστια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. №№ 13

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

7

8

6

9

5

10

4

11

3

12

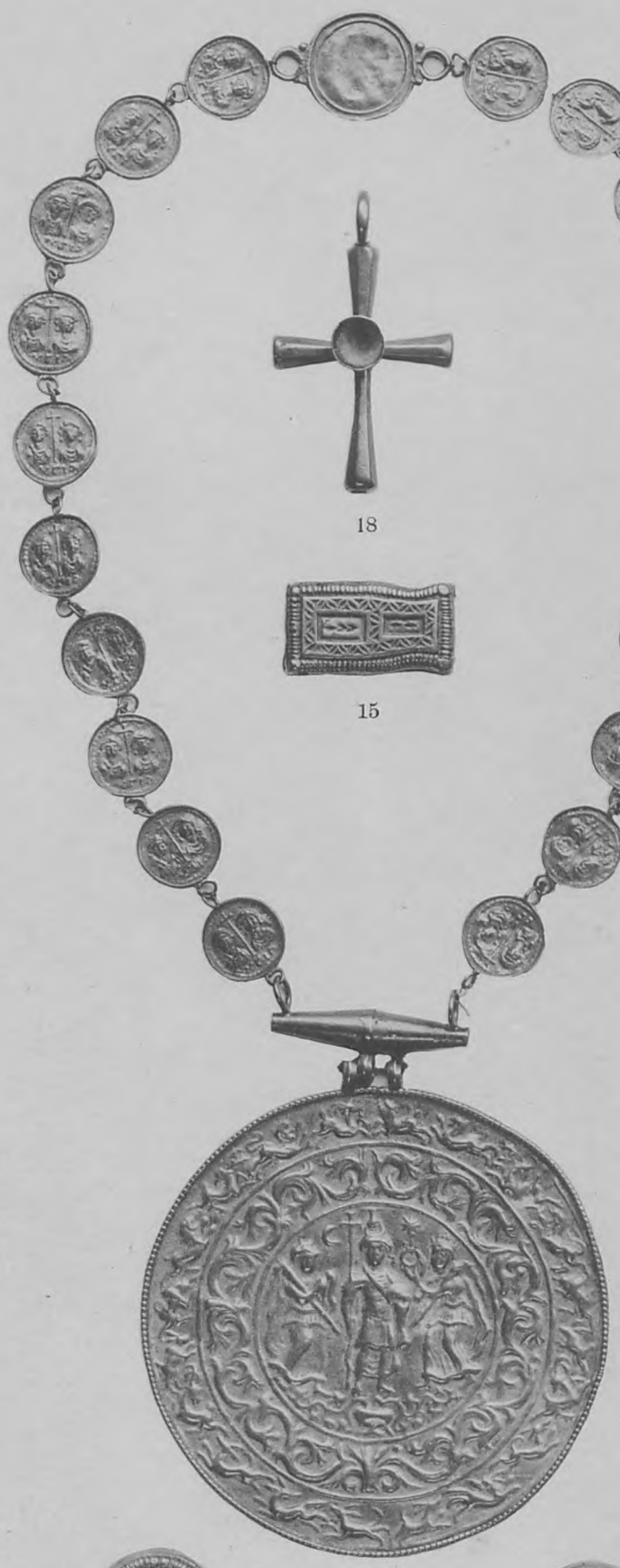

2

13

17

19

18

15

1

14

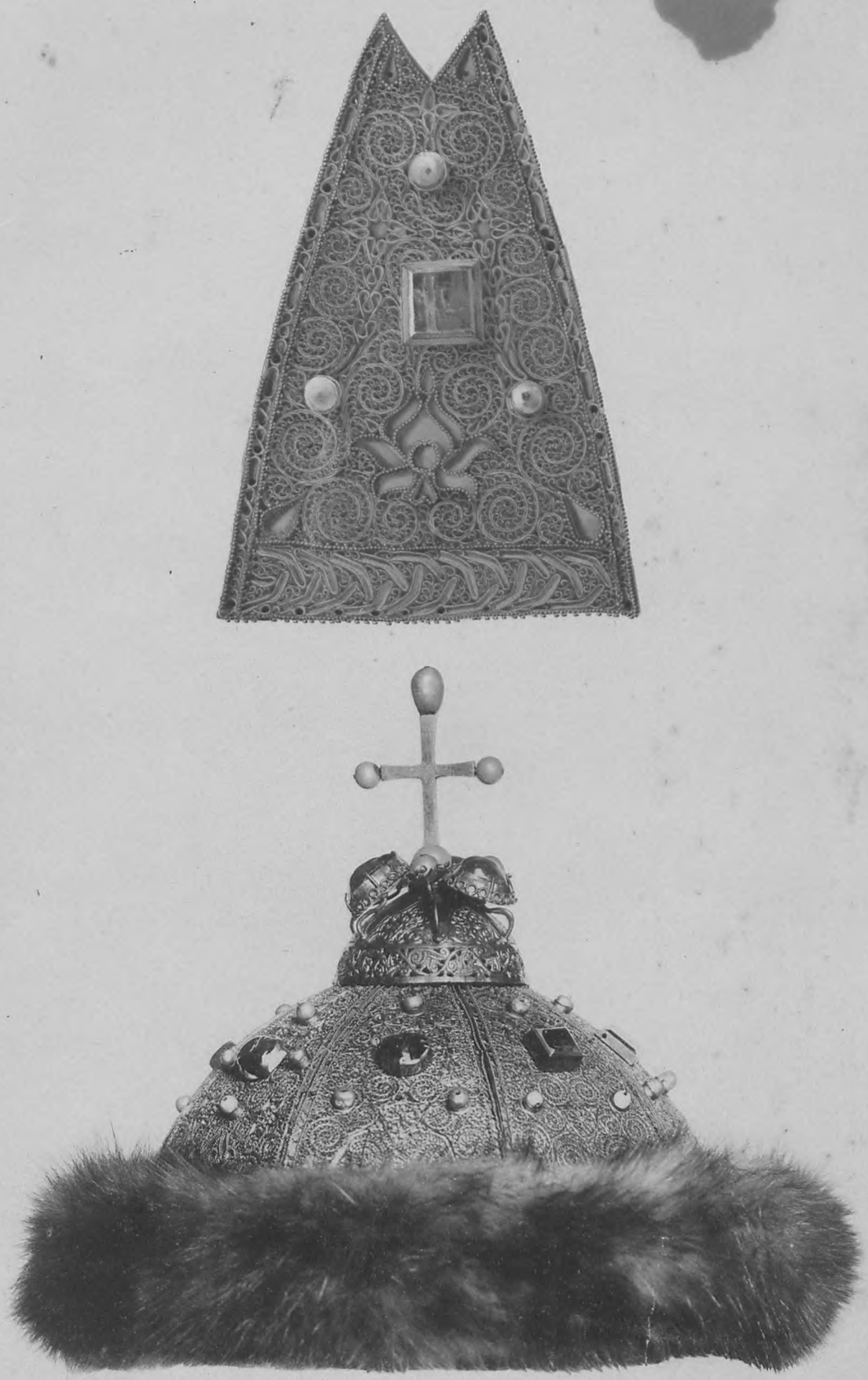

16

Предметы золотаго варварскаго убора VII вѣка изъ Мерсины (близъ развалинъ Тарса), поднесенные Государю Императору Александру III.
Императорскій Эрмитажъ.

Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Шапка Мономахова: общій видъ и снимокъ одной пластинки въ натур. вел.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 19.

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας

Δημόσια Κεντρική Βιβλιοθήκη Βέροιας